Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет»

На правах рукописи

Стась Игорь Николаевич

УРБАНИЗАЦИЯ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА В ПЕРИОД НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ (1960-е – НАЧАЛО 1990-х гг.)

07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Г. Ю. Колева

Тюмень – 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 3
ГЛАВА 1. УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ УРБАНИЗАЦИИ ХМАО ... 51
1.1. Исторические предпосылки урбанизации и городское развитие в ХМАО до периода нефтегазового освоения ... 51
1.2. Природно-географические условия урбанизации ... 59
1.3. Нефтегазовое освоение и индустриальное развитие ХМАО как основной градообразующий фактор ... 70
ГЛАВА 2. ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ РАЙОНАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ... 86
2.1. Формирование политики градостроительного освоения нефтяного края (1960 – 1969 гг.) ... 86
2.2. Роль конференций 1960-х гг. в г. Тюмени в разработке концепции градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов ... 102
2.3. Реализация градостроительной политики «базовый город – вахтовый поселок» (1969 – 1970-е гг.) ... 115
2.4. Новая концепция градостроительного освоения и ее кризис (1980-е – начало 1990-х гг.) ... 131
ГЛАВА 3. ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В ПРОЦЕССЕ УРБАНИЗАЦИИ ХМАО ... 146
3.1. Архитектурно-планировочное пространство и застройка городов ... 146
3.2. Социокультурное развитие и благоустройство городов ... 164
3.3. Жилищные условия горожан ... 182
ГЛАВА 4. ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХМАО ... 201
4.1. Урбанизационный переход и рост городов ... 201
4.2. Миграция и естественное движение населения в городах ... 217
4.3. Трансформация состава городского населения ... 235
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 253
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ... 260
ПРИЛОЖЕНИЯ ... 314

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и научная значимость исследования. Особое место в отечественной истории XX в. занимает Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район, который сосредоточил существенную часть энергетического и экономического потенциала государства в советский и постсоветский периоды. Первостепенным значением в нефтегазовом комплексе обладает Ханты-Мансийский округ, на территории которого добывается свыше 50% отечественной нефти и 6% газа. Становление нефтегазодобывающих отраслей и индустриальное развитие в нефтяном крае обусловили формирование системы расселения, базировавшейся на городских поселениях. Это привело к тому, что в Ханты-Мансийском округе во всем многообразии проявились урбанизационные процессы. Поскольку нефтегазовый комплекс Западной Сибири продолжает обладать значимостью для экономики и политики страны, не ослабевает актуальность истории его развития, частью которого являлась урбанизация Ханты-Мансийского округа.

Урбанизация как процесс повышения роли городов в развитии общества занимает исключительное место в мировой и российской истории. Во всемирном историческом процессе город обозначил переход к цивилизационной стадии общественного развития, был центральным звеном в трансформации общества от традиционного типа к индустриальному и постиндустриальному. По существу, период конца XIX–XX в. стал временем перехода от сельской к городской России, – стране, где большинство населения концентрировалось в крупных урбанизированных центрах. И сегодня урбанизация определяет путь исторического развития нашего государства.

Присоединение Сибири и ее развитие в составе Российского государства в значительной мере было связано с судьбами городов, поскольку они становились опорными пунктами освоения огромных территорий. По этой причине широкое распространение в исторической науке Сибири получила

историческая урбанистика (историческое городоведение). Вместе с тем на обочине сибирской историографии продолжает находиться целый ряд городов, в том числе и тех, которые создавались в период промышленного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Без анализа урбанизационных процессов Ханты-Мансийского округа и изучения сибирских городов нефтяников и газовиков невозможно увидеть полную ретроспективную картину городской истории Сибири и России, так как эти города, являясь центрами нефтедобычи, значительно влияли и продолжают влиять на социально-экономическую действительность страны.

Как подчеркивал Б. Г. Могильницкий, «актуальность выступает как свойство, которое, не будучи атрибутом данного явления, придается ему современностью»[1]. Именно поэтому повышенную политическую актуальность приобретает урбанистическая проблематика. Ее актуализация связана с обострением интереса в современном мире к угрозам развития городов, а значит, и всего общества. В нынешних городах, ставших главными очагами расселения человечества, усиливаются демографические, экологические, транспортные, градостроительные, этические и этнические проблемы. Все это заставляет общество обратить внимание на историю становления городов, их архитектурной и социокультурной среды, движение городского населения и его структуру, предшествующую градостроительную политику. Историческое городоведение вносит вклад в решение этих современных проблем.

Сегодняшний интерес к урбанизационным процессам в Ханты-Мансийском округе в период нефтегазового освоения обусловлен необходимостью получения знаний о недавнем прошлом городов региона, поскольку одни из них вновь находятся в стадии активного развития, а другие – пребывают в стагнации. Вызовы, которые стоят перед городами ХМАО, не могут быть решены без учета исторических реалий. Изучение урбанизации в конкретных исторических условиях, а именно в период становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири, дает возможность понять

[1] Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. – М. : Высш. шк., 1989. – С. 130.

сегодняшнюю городскую культуру и образ жизни горожан округа. Урбанистическая тематика исторического исследования помогает спрогнозировать городское развитие ХМАО в долгосрочной перспективе, особенно в обстановке реализации сценария перехода России от сырьевой к инновационной экономике.

Объектом исследования выступают урбанизационные процессы в Ханты-Мансийском автономном округе в период промышленного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1960-е – начало 1990-х гг.).

Предметом исследования, т.е. свойствами объекта, которые подлежат изучению, являются сущностные элементы урбанизационных процессов Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения, выражавшиеся в условиях и факторах городского развития, государственной политике градостроительного освоения, повышении роли городов в системе расселения, становлении архитектурной и социокультурной городской среды, росте и изменениях состава городского населения.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1960-х гг. по начало 1990-х гг., отмеченный бурным промышленным освоением, главным содержанием которого явилось развитие нефтегазодобывающей промышленности и связанных с ней отраслей: строительной индустрии, транспорта, нефтегазопереработки, электроэнергетики и др. Нижняя граница исследования обусловлена началом формирования стратегии промышленного освоения нефтегазоносных районов Западной Сибири, получившей отражение в постановлениях Совета Министров СССР от 19 мая 1962 г. и от 4 декабря 1963 г., и подступом к решению задач по созданию нового добывающего района.

Верхняя хронологическая линия исследования приходится на начало 1990-х гг., когда промышленное освоение региона завершилось: определились все основные центры нефтегазодобычи, была создана разветвленная транспортная система, сформировалась энергетическая база региона, а также база нефтехимии и нефтепереработки. В этот период начался кризис

нефтедобывающей отрасли, расширение территорий нефтедобычи прекратилось. В силу этого завершился процесс градообразования. Для лучшего понимания научной проблемы и выявления причинно-следственных связей изучаемого явления временные рамки исследования расширены при рассмотрении предпосылок урбанизации, имевших место до 1960-х гг., и при анализе динамики урбанизации и ее результатов в 1990–2000-х гг.

Территориальные рамки научной работы определены административными границами Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО), который в 1930–1940 гг. именовался Остяко-Вогульским, а в 1940–1977 гг. – Ханты-Мансийском национальным округом (ХМНО). На протяжении изучаемого периода округ оставался в одних и тех же административных границах. Площадь округа охватывала огромные территории – 534801 кв. км. На севере ХМАО граничил с Ямало-Ненецким автономным округом, на востоке – с Красноярском краем и Томской областью, на юге – с южной частью Тюменской области, на западе – со Свердловской областью и Республикой Коми. В начальный период урбанизация округа охватывала незначительную часть Среднего Приобья – Сургутский и Нижневартовский район, и бассейн реки Конды – Кондинский район. В 1980-х гг. рост городов произошел на новых территориях вдоль рек Аган и Ингу-Ягун, удаленных на сотни километров от первых урбанизированных центров, а также в центрально-западной части округа – Октябрьском, на севере – Белоярском, на западе – Советском районах. В фокусе исследования сосредоточены 16 городов ХМАО в их административных границах: Ханты-Мансийск, Сургут, Урай, Нефтеюганск, Нижневартовск, Мегион, Нягань, Когалым, Радужный, Лангепас, Пыть-Ях, Лянтор, Покачи, Белоярский и Югорск, Советский.

Степень изученности проблемы. В научных исследованиях понятие «урбанизация», которое происходит от латинских слов urbanus (городской) и urbs (город), стало использоваться относительно недавно. Первые исследования города появились во второй половине XIX – начале XX в., а непосредственно процессы урбанизации стали изучаться в рамках социологических и

географических знаний в 1920–1930-х гг. Отечественная наука обратилась к исследованию урбанизации только в 1960-х гг., тогда же и начала складываться российская урбанистика.

Учитывая относительную молодость российских урбанистических исследований, анализ научной литературы, посвященной изучению урбанизационных процессов на территории России, должен включать весь пласт отечественной истории городов как в дискурсе самой исторической науки, так и других наук. По степени локализации историография диссертационного исследования делится на три большие группы: 1) работы по истории города и урбанизации России в целом; 2) научные труды по урбанизационным процессам Сибири и Урала; 3) исследования по городской истории ХМАО и ЗСНГК. По хронологическому принципу историография делится на два периода: 1) 1960–1980-е гг. – советская урбанистика; 2) с начала 1990-х гг. – постсоветская урбанистика.

Как справедливо указывает А. С. Сенявский, изучение «отечественной урбанизации в отдельных ее аспектах началось задолго до революции»[2]. Особо следует отметить научную гуманитарную школу городоведения И. М. Гревса и Н. П. Анциферова, действовавшую в 1910–1920-х гг. Именно Н. П. Анциферов заложил теоретико-методологические основы изучения города, которые актуальны и сегодня[3]. Идеологизация науки в 1930–1950-х гг. привела к тому, что отечественные ученые редко обращались к городской тематике, и до 1960-х гг. проблемы города оставались на периферии внимания научного сообщества. А сам термин «урбанизация» применялся с отрицательной коннотацией только для обозначения роста городов в капиталистических странах.

В 1960-х гг. исследование отечественной урбанизации началось с географической науки. К середине 1970-х гг. географы выпустили несколько

---

[2] Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. – М. : Наука, 2003. – С. 5.

[3] Анциферов Н. П. Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода. 2-е изд. – Л. : Книгоиздательство «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1926. – 151 с.; и др.

обобщающих работ по урбанизации СССР[4]. В 1974 г. вышел сборник «Урбанизация мира», который объединил ведущих геоурбанистов страны: В. Г. Давидович, О. А. Константинов, Г. М. Лаппо, Ф. М. Листенгурт, О. П. Литовка, И. М. Маергойз, М. Н. Межевич, Е. Н. Перцик, Ю. Л. Пивоваров, И. И. Сигов, Б. С. Хорев. В середине 1980-х – начале 1990-х гг. был опубликован ряд крупных работ по урбанизации страны[5]. В работах анализировались процессы урбанизации СССР на современном этапе, не уделялось внимания их эволюции в истории России. Урбанизация рассматривалась через создание систем размещения производства, расселения и организации материально-производственной среды обитания человека.

В то же время город и урбанизация стали объектами исследования многих советских экономистов[6]. Опираясь на системный и математический анализ, экономисты, продолжая следовать подходам, заложенным в

---

[4] Лаппо Г. М. География городов с основами градостроительства. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 184 с.; Литовка О. П. Проблемы пространственного развития урбанизации. – Л. : Наука, 1976. – 99 с.; Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация. Основные тенденции расселения. – М. : Статистика, 1976. – 191 с.; Солофненко Н. А. Некоторые вопросы урбанизации и развития расселения // Градостроительство и районная планировка. – Киев : Будівельник, 1967. – С. 17–23; Урбанизация мира // Вопросы географии. Сб. № 96. – М. : Мысль, 1974; Хорев Б. С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). – М. : Мысль, 1975. – 428 с.

[5] Лаппо Г. М. Города на пути в будущее. – М.: Мысль, 1987. – 236 с.; Перцик Е. Н. География городов (геоурбанистика). – М. : Высш. шк., 1991. – 319 с. Пространственное развитие урбанизации: общие закономерности и региональные особенности / под ред. Ю. Л. Пивоварова. – М. : АН СССР Институт географии, 1991. – 208 с.; Урбанизация и развитие городов в СССР / Отв. ред. И. И. Сигов. – Л. : Наука, 1985. – 256 с.; Урбанизация и развитие регионов областного уровня / Под ред. М. Н. Межевича, И. И. Сигова. – Л. : Наука, 1990. – 212 с.; Хорев Б. С., Безденежных В. А., Быкова Н. В. Мировой урбанизм на переломе. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – 111 с.

[6] Бочаров Ю. П., Фильваров Г. И. Производство и пространственная организация городов. – М. : Стройиздат, 1987. – 256 с.; Герасимова В. В. Экономические закономерности развития социалистической урбанизации. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1990. – 136 с.; Город и отрасль: концепция эффективности производства / под ред. В. А. Воротилова. – Л. : Наука, 1986. – 185 с.; Канцебовская И. В. Хозяйственная освоенность и урбанизация в СССР (региональные различия). – М. : Знание, 1979. – 48 с. Попков Ю. С., Посохин М. В., Гутнов А. Э., Шмульян Б. Л. Системный анализ и проблемы развития городов. – М. : Наука, 1983. – 512 с.; Проблемы перестройки управления урбанизацией и развитием крупных городов (препринт научного доклада). – Л. : АН СССР, 1987. – 43 с.; Удальцова М. В. Городская агломерация как социально-экономическая система. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. – 200 с.; Управление развитием новых городов : совм. исследования по соглашению между СССР и США о сотрудничестве в обл. жил. и др. видов стр-ва. – М. : Стройиздат, 1987. – 200 с.

исследованиях географов, изучали урбанизацию СССР как пространственную организацию производственного комплекса городов страны. Также они обращались к социальному развитию в городах и механизмам управления крупными и малыми агломерациями.

Большой вклад в отечественную урбанистику внесли труды демографов[7], в которых анализировалась динамика городского и сельского населения СССР, выявлялись основные особенности миграции жителей страны из сел в города и влияние урбанизации на естественное движение населения.

Социокультурные аспекты урбанизации СССР также стали рассматриваться социологами и философами[8]. Ими был сделан акцент на изучении социально-психологических характеристик населения, образа жизни, жилищных проблем, социальной инфраструктуры и экологии, т.е. всего того, что формировало городскую среду.

Проблемы урбанизации длительное время были вне поля зрения исторической науки. Исключения составляли лишь работы краеведческого характера, посвященные отдельным городам, а также исследования по истории

---

[7] Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. – М.: Наука, 1991. – 132 с.; Корель Л. В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. – Новосибирск : Наука, 1982. – 192 с.; Москвин Д. Д. Население СССР: Вопросы миграции (экономическо-статистический обзор тенденций 60-х – 80-х годов). – М. : Наука, 1991. – 160 с.; Урбанизация и демографические процессы / под ред. Б. С. Хорева и Г. П. Киселевой. – М. : Финансы и статистика, 1982. – 231 с.; и др.

[8] Баранов А. В. Социально-демографическое развитие крупного города. – М. : Финансы и статистика, 1981. – 191 с.; Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. – М. : Наука, 1984. – 180 с.; Город: проблемы социального развития / под ред. А. В. Дмитриева, М. Н. Межевича. – Л. : Наука, 1982. – 173 с.; Долгий В. М., Левада Ю. А., Левинсон А. Г. Урбанизация как социокультурный процесс // Урбанизация мира. Вопросы географии. Сб. № 96. – М. : Мысль, 1974. – С. 19–31; Социологические исследования проблем города и жилища (1970–1980 гг.). – Новосибирск : Наука, 1986. – 176 с.; Файзуллин Ф. С. Социологические проблемы города. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. – 207 с.; Яницкий О. Н. Урбанизация, город, человек (критика буржуазной социологии). – М. : Знание, 1974. – 64 с.; Яницкий О. Н. Экология города. Зарубежные междисциплинарные концепции. – М. : Наука, 1984. – 240 с.; Галлямов Р. Р. Социалистическая урбанизация как объект управления : автореф. дис. … канд. филос. наук. – Уфа, 1990. – 19 с.; Девятков А. П. Город как культурно-исторический феномен : автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.01. – Тюмень, 1986. – 16 с.; Пароль В. И. Социалистическая урбанизация и образ жизни горожан: дис. … док. филос. наук: 09.00.02. – Таллин, 1984. – 403 с.; Якименко В. А. Социальный прогресс и урбанизация : автореф. дис. … канд. филос. наук. – М., 1988. – 20 с.

городов эпохи Средневековья и Нового времени. Город России XX в. был обделен вниманием историков-городоведов. Отчасти урбанизация XX в. была представлена анализом социальной структуры городов в трудах В. Б. Жиромской и С. Л. Сенявского[9].

Складывавшаяся советская урбанистика оказалась под влиянием идеологических догматов, урбанизация СССР противопоставлялась городскому развитию в капиталистических странах, замалчивались или поверхностно анализировались социальные противоречия, проявлявшиеся в городах СССР. Работы в основном строились на экономической детерминизме, в силу чего абсолютизировалась зависимость урбанизации и систем расселения от размещения производственных отраслей. Советская урбанистика по большому счету, кроме некоторых трудов, игнорировала человека как основного субъекта урбанизации.

В постсоветский период в отечественной урбанистике сформировалась новая парадигма, в центре которой лежал культурный и гуманитарный подход к урбанизационным процессам. Ю. Л. Пивоваров назвал этот подход антропокультурным, суть которого заключалась в связывании урбанистического развития «с человеком во всем его разнообразии, обусловленном развитием культуры, интеллекта и цивилизации»[10]. В этом контексте географы начали пересматривать и перерабатывать свои работы советского времени, появилось много интересных исследований[11].

---

[9] Жиромская В. Б. Советский город в 1921 – 1925 гг.: Проблемы социальной структуры. – М. : Наука, 1988. – 175 с.; Сенявский С. Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961–1980 гг.). – М. : Мысль, 1982. – 351 с.

[10] Пивоваров Ю. Л. Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – С. 24.

[11] Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен : монограф. сб. / ред. и сост. Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. – М. : ОГИ, 2001. – 560 с.; Лаппо Г. М. География городов. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 480 с.; Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. – М. : Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. – 358 с.; Перцик Е. Н. Геоурбанистика. – М. : Изд. центр «Академия», 2009. – 432 с.; Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация : курс лекций. – М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1994. – 130 с.; Попов Р. А. Динамика и региональные различия урбанизированности России во второй половине XX века : дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24. – М., 2002. – 175 с.; Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер, П. Поляна. – М. : ОГИ, 2005. – 816 с.

Привлекались новые методы анализа количественных показателей урбанизации. Географы все чаще стали прибегать к ретроспективному анализу, рассматривали генезис урбанизации. Главным объектом исследований выступили агломерации и городские системы разного уровня, а не как раньше – города как автономные образования. Географ Ю. Л. Пивоваров выделил основные особенности советской модели урбанизации: 1) переходный, ущербный, незавершенный характер развития как следствие форсированной индустриализации; 2) жесткое централизованное регулирование городского развития с минимизацией затрат на человека; 3) сельские корни; 4) маргинализация городского населения; 5) поселковая сущность городов; 6) завышенные представления об уровне урбанизации страны[12]. В целом эти выводы в том или ином виде разделяют большинство российских географов. Проведенный автором анализ урбанизации ХМАО подтвердил значительную часть этих выводов.

В 1990 – 2000-х гг. в работах известных урбанистов гуманитарной направленности обозначилось и стало преобладать критическое отношение к советской урбанизации[13]. Так, самый известный урбанист В. Л. Глазычев, опираясь на определение урбанизации как «процесс перемещения в города населения, занятого сельским хозяйством и сопутствующими ремеслами, ранее разбросанного по хуторам, деревням и селам, когда формируется зрелое, самоуправляющееся местное сообщество»[14], указывал, что в России, по причине отсутствия городов как социальных организованностей граждан, происходила не урбанизация, а «слободизация» поселений[15]. По мнению В. Л. Глазычева, подлинная урбанизация началась только в 1990-х гг. Ученые,

---

[12] Пивоваров Ю. Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 104–109.

[13] Ахиезер А. С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М. : Наука, 1995. – С. 21–28; Глазычев В. Л. Урбанистика. – М. : Европа, 2008. – 220 с.; Меерович М. Г., Конышева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). – М. : РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 270 с.

[14] Глазычев В. Л. Политическая экономия города. – М. : Изд-во «Дело» АНХ, 2009. – С. 25.

[15] Глазычев В. Л. Город России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М. : Наука, 1995. – С. 138.

разделявшие эту точку зрения, делали упор на то, что советская урбанизация развивалась искусственно, под тотальным контролем и регулированием государства, а города создавались как поселения при производстве. Они делали вывод, что в СССР происходила квази-, псевдо- или ложная урбанизация. Отчасти с этой дефиницией можно согласиться, но надо учитывать, что рост городов в условиях интенсивной индустриализации всегда имеет цивилизационные особенности, которые нельзя сводить только к негативным оценкам.

Оригинальная концепция советской урбанизации была представлена в работах демографа А. Г. Вишневского[16]. Согласно выводам ученого, советская урбанизация была двусмысленной, «означала одновременно и шаг вперед, и шаг назад, движение и в сторону Запада, и в противоположную». Стихийность урбанизации сделало ее деревенской: «страна урбанизировалась, но сами города «рурализовались», одеревенщивались». А. Г. Вишневский выделил основные черты советской урбанизации: 1) «бурги без буржуа» – отсутствие среднего класса, когда однородная масса крестьян превратилась в не менее однородную массу государственных рабочих и служащих, и повышенная маргинализация горожан; 2) отсутствие какой бы то ни было городской автономии; 3) «сельскость» городской среды – наличие полугородских-полусельских окраин и обширные безлюдные пространства в самих городах; 4) отставание жилищного строительства от темпов роста городского населения. Как показали результаты данного диссертационного исследования, эти черты были обоснованы и характерны для Севера Западной Сибири.

В постсоветское время в социологии и философии появилось большое количество работ и диссертационных исследований, посвященных различным аспектам города и урбанизации. Опираясь на широкий спектр теоретико-методологических подходов, на передний план в трудах выдвигались проблемы социокультурного развития городов.

---

[16] Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М. : ОГИ, 1998. – 432 с. и др.

В постсоветский период в отечественной историографии резко возрос интерес к исследованиям города и урбанизации. Основополагающими были работы по российскому городу и урбанизации XX в. историка А. С. Сенявского, которые задали основной тон современной отечественной урбан-истории[17]. По мнению А. С. Сенявского, отечественная урбанизация так или иначе была связана с циклами модернизационного развития. Опираясь на этот тезис, ученый выделил основные вехи городского развития в России: 1) Петровские преобразования; 2) Административная реформа Екатерины II (1775–1785 гг.); 3) начавшийся в 1830–1840 гг. промышленный переворот; 4) реформы 1860–1870 гг., отмена крепостного права, промышленная революция, которые привели к «урбанизационному переходу» – к новому большому периоду российской урбанизации, затрагивавшему хронологию конца XIX–XX вв. С революции 1917 г. произошел этап дезурбанизации, но в 1920-е гг. городское население постепенно увеличивалось и возвращалось к довоенным цифрам. Мощный же толчок урбанизации пришелся на рубеж 1920–1930-х гг., когда в стране начались «социалистическое строительство» и индустриализация. «С тех пор “социалистическая индустриализация” и урбанизация оказались неразрывны в истории советского общества». К 1960-м гг. масштабная урбанизация подготовила социальную почву для трансформации советской системы и, в последующем, уничтожения тоталитаризма. Согласно выводам А. С. Сенявского, урбанизация СССР в целом вписывалась в общемировые модернизационный и урбанизационный процессы, но при этом имела свои особенности. Поскольку в области российской урбанизации исследования А. С. Сенявского продолжают оставаться наиболее полными и аргументированными, методологические подходы и концептуальные выводы историка послужили основой для изучения урбанизации ХМАО.

В российской урбан-истории XX в. сформировались два основных подхода. Первый был связан с изучением особенностей урбанизации различных

[17] Сенявский А. С. Российский город в 1960-е – 80-е годы. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1995. – 264 с. Он же. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. – М. : Наука, 2003. – 286 с.

регионов России и базировался, главным образом, на модернизационной теории и макроисторическом анализе. Второй подход характеризовался исследованиями российского города с социокультурных и антропологических теоретико-методологических позиций. Получили популярность микроисторические исследования городских событий, история городской повседневности, культурных пространств и городской среды. Однако обобщающие работы, рассматривающие разные стороны урбанизации России XX в., продолжали оставаться редкостью[18].

Особое место в отечественной историографии заняли исследования по истории городов Сибири. Историк Д. Я. Резун указывал, что сибирская историческая урбанистика зарождалась в начале XVIII в.[19] Полноценные работы по истории сибирских городов стали появляться во второй половине XX в., однако они затрагивали главным образом дореволюционный город[20]. Значительными были исследования С. Н. Баландина, В. И. Кочедамова, Д. Я. Резуна, Р. С. Васильевского и др. Историки обращались к вопросам появления и расположения городов, их застройки и архитектуры, экономической, военной и административной функциональности, культурной жизни. Однако большинство работ по этому периоду имели локальный характер, посвящались определенным городам.

Дореволюционный город Сибири и сегодня продолжает активно изучаться. Особый интерес у историков приобрел период раннего капитализма рубежа XIX – XX вв., когда сибирские города, благодаря индустриализации и строительству транссибирской магистрали, получили толчок к обновлению

---

[18] Лебина Н. Г. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 гг. – СПб. : Летний сад, 1999. – 314 с.; Население России в XX веке: Исторические очерки : в 3 т. Т. 1. 1900–1939 гг., Т. 2. 1940–1959 гг., Т. 3, кн. 1. 1960–1979 гг., кн. 2. 1980 – 1990 гг., кн. 2. 1991–2000 гг. – М.: РОССПЭН, 2000, 2001, 2005, 2011, 2012; Патрушев В. Д. Жизнь горожанина (1965–1998). – М. : Academia, 2001. – 160 с.; и др.

[19] Резун Д. Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII – XX вв. // Городская культура Сибири: история и современность. – Омск, 1997. – С. 16–32.

[20] Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). – Новосибирск : Наука, 1974. – 299 с.; Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. – М.: Стройиздат, 1977. – 190 с.; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1989. – 304 с.; Сибирские города XVII – начала XX века. – Новосибирск : Наука, 1981. – 222 с.; и др.

своей жизни[21]. На примере городов Барнаула, Тобольска, Омска, Томска, Тюмени, Новониколаевска, Змеиногорска исследователи убедительно показали городскую повседневность, быт горожан, проблемы промышленного развития, торговли, демографического и социального потенциала, культуры сибирских городов.

Важнейшим событием сибирской исторической урбанистики стал выход в свет сборника «Урбанизация советской Сибири» в 1987 г., который объединил историков, изучающих город Сибири XX в.[22] Публикация сборника означала, что в сибирскую историографию полноправно вошел новый исследовательский объект – «урбанизация». Авторы труда исследовали теоретические проблемы изучения урбанизации, динамику численности городского населения, формирование городского образа жизни, развитие социально-бытовой инфраструктуры и строительство городов как Сибири в целом, так и ее регионов. Таким образом, сибирская урбан-история XX в. была заложена этим сборником.

Однако в 1990–2000-х гг. обобщенные работы по урбанизации Сибири XX в. редко радовали исследователей и читателей. Можно выделить лишь немногие труды сибирских ученых, а также коллективные работы новосибирских и томских историков[23]. В последнее время Новосибирск стал центром притяжения сибирских историков-урбанистов[24].

---

[21] Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население / науч. ред. В. П. Зиновьев, Э. И. Черняк. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 284 с.; Скубневский В. А. Урбанизационные процессы в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: избр. статьи. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 296 с.; Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири : сб. статей / под ред. В.А. Скубневского. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2005. – 321 с.; Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Сибири во второй половине XIX – начала XX в. Ч. I: Население, экономика. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2003. – 360 с.; Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 384 с.; Алисов Д. А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1790–1914 гг.). – Омск: ОмГУ, 2006. – 337 с.; и др.

[22] Урбанизация советской Сибири / отв. ред. В. В. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 1987. – 224 с.

[23] Андреев В. П. Урбанизация Сибири в контексте индустриального развития в XX веке // Социология в Сибири: состояние и перспективы развития. – Новосибирск, 2003. – С. 226–237; Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Формирование

Представляет особый интерес исследование С. С. Букина и В. И. Исаева «Урбанизация в Сибири в XX веке: закономерности и особенности». Охарактеризуем основные выводы историков. Во-первых, согласно выводам ученых, урбанизация и переход к индустриально-урбанистическому обществу в Сибири XX в. имели черты незавершенности: 1) рурализировались города; 2) навязывались искусственная ориентация среди сельской молодежи в пользу города и негативное отношение к крестьянству; 3) урбанизация инициировалась «сверху»; 4) не была решена жилищная проблема, но, тем не менее, города Сибири становились очагами индустриальной цивилизации, «в которых были воплощены современные достижения городского образа жизни, с сохранением старых отсталых городских районов».

Ученые также справедливо выделили особенности, характерные для процессов урбанизации Сибири: 1) быстрые темпы урбанизации; 2) резкий переход от деревенского к городскому образу жизни; 3) более низкий уровень жизни в сибирских городах в сравнении с центральной Россией; 4) тяжелые материальные и природно-климатические условия городского развития. Как нам кажется, нельзя до конца согласиться с тем, что незавершенность урбанизации все-таки привела к «современным достижениям городского образа жизни».

В целом в постсоветской историографии Сибири сложилось несколько проблемных направлений в изучении сибирской урбанизации XX в.: 1) динамика и структура городского населения; 2) жилищная проблема; 3) социокультурная и повседневно-бытовая сфера; 4) урбанизация в регионах.

индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. – Новосибирск : Наука, 2011. – 336 с.; Букин С. С., Исаев В. И. Урбанизация в Сибири в XX веке: закономерности и особенности // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории : сб. науч. трудов. – Новосибирск : Сиб. отд. РАН, 2005. – С. 140–167; Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. / под. общ. ред. Ю. В. Куперта, К. В. Фадеева. – Томск : Изд-во ТГАСУ, 2007. – 210 с.; и др.

[24] Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации // Материалы Межрегион. науч. конф. 6–7 июня 2013 года. – Новосибирск : Параллель, 2013. – 378 с.; Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты // Материалы межрегион. науч. конф. – Новосибирск : Параллель, 2010. – 306 с.

Тематика демографии сибирских городов получила развитие в трудах В. А. Исупова, Н. Я. Гущина, А. С. Московского[25]. Исследователи изучили численность, состав, занятость, смертность, рождаемость и миграцию населения. Однако ученые в основном сделали акцент на период 1920–1950-х гг., в меньшей степени было уделено внимания 1960–1990-м гг.

Рост жилищного фонда и жилищные условия в городах рассматривались историками как важнейший компонент урбанизации[26]. Особенно преуспели в этой проблематике С. С. Букин и В. И. Исаев. Высокая оценка давалась массовому жилищному строительству в 1950–1960-х гг., которое характеризовалось как «социальный перелом». Индивидуальное жилье изучалось А. А. Долголюком, а реализация жилищных программ во второй половине XX в. – в работах А. И. Тимошенко.

Наибольший пласт в сибирской урбан-истории XX в. посвящался вопросам социокультурного развития, повседневности и быта городов[27]. Эта

---

[25] Гущин Н. Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. – Новосибирск: СО РАН, 1995. – 82 с.; Демографическое развитие Сибири. 30–80-е гг. (Исторический опыт и современные проблемы) : сб. науч. ст. – Новосибирск, 1991. – 181 с.; Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. II: Социально-демографическое развитие Советской Сибири // Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (12–14 декабря 1989 г.). – Новосибирск, 1989. – 126 с.; Исупов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). – Новосибирск : Наука, Сиб. отдел., 1991. – 291 с.; Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926 – 1939 гг.). – Новосибирск : Наука, 1984. – 167 с.; Население Западной Сибири в XX веке / отв. ред. Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997. – 171 с.

[26] Букин С. С., Исаев В. И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920 – 60-е годы). – Новосибирск : Параллель, 2009. – 198 с.; Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. – Новосибирск : Параллель, 2008. – 215 с.; и др.

[27] Алексеев В. В., Букин С. С. Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. – Новосибирск : Наука, 1980. – 216 с.; Благосостояние городского населения Сибири: Проблемы дифференциации (опыт социологического изучения). – Новосибирск : Наука, Сиб. отдел., 1990. – 350 с.; Букин С. С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.). – Новосибирск : Наука, 1984. – 271 с.; Букин С. С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). – Новосибирск : Наука, Сиб. отдел., 1991. – 240 с.; Ефимкин М. М. Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980 гг. – Новосибирск : Наука, Сиб. отдел., 1989. – 273 с.; Куксанова Н. В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960 – 1970 гг. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1994. – 100 с.; Молодой город в районах нового освоения Севера: социально-культурные проблемы : сб. науч. трудов. – Свердловск : УрО АН СССР, 1989. – 102 с.; Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX – начало XXI вв.).

тематика была центральной в исследованиях В. В. Алексеева, С. С. Букина, М. М. Ефимкина, В. И. Исаева, Н. В. Куксановой, А. И. Тимошенко и др. Историки убедительно реконструировали социокультурные механизмы адаптации рабочих и горожан в условиях урбанизации и индустриализации.

В последнее время появилось большое количество работ, изучающих урбанизационные процессы на региональном уровне Сибири[28]. Эта тенденция связана с тем, что существовал «вакуум» в историографии городской истории сибирских регионов, которые в XX в. получили бурное индустриальное развитие – Урал, Кузбасс, Томская, Новосибирская, Иркутская области, Красноярский край, Бурятия, Якутия и Дальний Восток. Историки изучали градостроительную и жилищную политику, промышленное, социально-демографическое, культурно-бытовое развитие городов, формирование городского населения.

Поскольку историки в меньшей степени затрагивали проблемы архитектурно-планировочного развития сибирских городов, особое значение в историографическом анализе литературы по теме исследования занимают работы архитекторов и градостроителей Сибири[29]. Архитекторы раскрывали генезис и особенности городской застройки и планировки.

– Новосибирск : Параллель, 2007. – 184 с.; Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2001. – 251 с.; и др.

[28] Балдано М. Н. Город в Байкальской Азии: индустриализация и урбанизация // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории. – Новосибирск, 2005. – С. 167–179; Власов С. А. Становление и развитие городов на Дальнем Востоке России во второй половине XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2013. – № 2. – С. 103–111; Головань Н. С. Государственная жилищная политика в городах Кемеровской области (1943 – конец 1950-х гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Томск, 2006. – 23 с.; Дашинамжилов О.Б. Урбанизация в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 67–71; История Северска / под ред. В. П. Зиновьева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. – 257 с.; Оруджиева А. Г. Формирование системы городов Урала в двадцатом столетии. – Екатеринбург : УрО РАН, 2005. – 33 с.; и др.

[29] Алексеева Т. И. Региональные особенности градостроительства в Сибири и на Севере. – Л. : Стройиздат, 1987. – 208 с.; Болдырев В. Ф. Основы градостроительства в условиях Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – 160 с.; Градостроительство Сибири / отв. ред. В. И. Царев. – СПб. : Коло, 2011. – 784 с.; Клевакин А. Н. Сибирский город в эпоху перемен. – Новосибирск : Наука, 2008. – 116 с.; Колпакова М. Р. Стратегия градостроительного развития сибирского города. – Новосибирск : НИПКиПРО, 2000. – 208 с.; Оглы Б. И. Строительство городов Сибири. – Л. : Стройиздат, 1980. – 272 с; и др.

Эволюция городских систем расселения в Сибири прослеживается в трудах эконом-географов[30]. Наиболее интересна работа Е. Н. Перцика, в которой он рассмотрел особенности, региональные аспекты развития, формирование систем расселения и территориальной структуры, экологическое состояние сибирских городов. Географ считал, что в ЗСНГК было необходимо формировать структуру расселения, гибко сочетающую стабильные, мобильные, опорные, базовые и вахтенные поселки.

Несмотря на то что урбанизация ХМАО, проявлявшаяся достаточно ярко, являясь многогранным объектом исследования, захватывающим различные аспекты жизни, она не получила репрезентацию в сибирской историографии вплоть до конца 1980-х гг. Работы советского периода, в которых изучались города нефтяного края, в основном принадлежали градостроителям. Архитекторы, участвующие в разработке генеральных планов городов нефтяников, коллективно публиковали свои результаты: выходили сборники научных статей, посвященные градостроительству в нефтедобывающих районах Западной Сибири[31]. Эти работы обладали во многом источниковым потенциалом, поскольку публикации архитекторов были апробацией градостроительных проектов развития округа. Значительный вклад внесли архитекторы В. В. Кадников, Э. А. Миленина, В. М. Фурен, Э. Я. Фейгина, М. Р. Колпакова, В. Г. Терехин, А. А. Зюзин-Зинченко, В. И. Смирнов и др. В начале XXI в. градостроители выпустили обобщающий труд научно-публицистического плана, в котором раскрыли свое видение городского

[30] Оценка современных факторов развития городов и урбанизационных изменений в Сибири. – Новосибирск: Академ. изд-во «Гео», 2011. – 213 с.; Перцик Е. Н. Город в Сибири: проблемы, опыт, поиск решений. – М. : Мысль, 1980. – 286 с.; и др.

[31] Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири : сб. науч. тр. – Л. : ЛенЗНИИЭП, 1988. – 108 с.; Кадников В. В. Особенности градостроительства в нефтегазоносных районах Западной Сибири (расселение и структура городов) : автореф. дис. … канд. арх. – Л., 1973. – 32 с.; Колпакова М. Р. Планировка и застройка базовых городов на севере Сибири : автореф. дис. … канд. арх. – М., 1973. – 31 с.; Планировка и застройка Нижневартовска : Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП. – № 7. – Новосибирск, 1974. – 128 с.; Проблемы проектирования и строительства в регионе ЗСНГК : науч. тр. ЗапСибЗНИИЭП. – Сургут, 1989. – 186 с.; Особенности градостроительства в нефтедобывающих районах Тюменской области. – Л. : Стройиздат, Ленингр. отдел., 1972. – 127 с.; Особенности расселения в северных районах Западной Сибири (обзор). – М. : ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре, 1973. – 46 с.; и др.

развития нефтяного края[32]. Сильной стороной этих работ был анализ структуры городского расселения и планирования, а минусом – отсутствие историзма и ретроспективного подхода.

Социология стала второй наукой, которая обратила пристальное внимание на проблемы городского развития в нефтяном регионе. Первостепенное значение имели работы Г. Ф. Куцева[33]. Социолог сделал вывод, что условия жизни на Севере выступали фильтром, отсеивающим неприспособленных людей, в силу чего в городах формировалось население, отклонившее психологию «временщиков», с адаптированными к Северу социальными качествами, из которых создавался кадровый потенциал региона.

С философо-социологических позиций изучал нефтяные города и пытался раскрыть присутствующий в них образ жизни В. В. Трушков[34]. Ученый считал, что города нефтяников выполняли «привязку» существующих технологий к условиям Среднего Приобья, выступали аккумулятором культуры геологии, нефтегазодобычи, транспортировки топлива и строительства в экстремальных условиях, а также осуществляли связь духовной жизни примыкающего к ним региона с другими территориями. Региональные аспекты демографического развития в ЗСНГК были рассмотрены экономистом А. Н. Зайцевой, которая отмечала, что промышленное освоение открыло «новую эпоху в урбанизации региона»[35]. В последующем проблемы городов ХМАО неоднократно привлекали социологов, а также экономистов и философов, однако они главным образом сосредотачивались на постсоветской жизни

---

[32] История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс / гл. ред. В. А. Бешкильцев. – М. : МЦА «Суханово», 2004. – 512 с.

[33] Куцев Г. Ф. Молодежь и молодые города. – М. : Молодая гвардия, 1977. – 192 с.; Куцев Г. Ф. Новые города: (социол. очерк на материалах Сибири). – М. : Мысль, 1982. – 269 с.; Куцев Г. Ф. Человек в северном городе. – Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1987. – 224 с.; и др.

[34] Трушков В. В. Город и культура. – Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1976. – 112 с.; Трушков В. В. Значение города как регионообразующего фактора (социологический аспект) // Социально-экономические закономерности становления социалистического образа жизни у малых народов СССР. – Тюмень : ТГУ, 1980. – С. 75–85; Трушков В. В. Урбанизация и динамизм социалистического образа жизни // Социально-экономическое развитие народов Крайнего Севера. – Тюмень : ТГУ, 1979. – С. 33–50; и др.

[35] Зайцева А. Н. Социалистический закон народонаселения: региональный аспект. – Томск, 1989. – 192 с.

городов[36]. Отметим работы географа А. М. Выходцева, который выделил в ХМАО 11 внутриокружных групп расселения, в том числе две формирующиеся агломерации – Сургутскую и Нижневартовскую[37].

В работах философа М. Г. Ганопольского и его последователей система городского расселения ХМАО и ЯНАО выступала важнейшим критерием формирования «Тюменской нефтедобывающей цивилизации»[38]. Исследователи отмечали, что, в отличие от староосвоенных районов, картина урбанизации Тюменского Севера была иной: вначале городское расселение оформлялось эскизно, затем проектным образом наносилось на якобы чистое пространство, согласуясь с геологической разметкой территории, нежели с уже сложившейся схемой расселения, и лишь потом усложнялось и росло на собственной основе.

Одним из главных предметов исследований для тюменских историков является развитие и становление нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири. В значительной степени можно говорить о том, что в Тюмени была создана научная школа по изучению истории ЗСНГК. Анализ обширной

---

[36] Аверин А. Н., Антропов Е. П. Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. – М.: Сов. Россия, 1988. – 112 с.; Величко Ю. В. Феномен культурной среды малых городов Западной Сибири: автореф. дис. … канд. филос. наук. – Тамбов, 2005. – 23 с.; Гапонова Т. Г. Жилищные условия на Тюменском Севере // Социологические исследования проблем города и жилища (1970–1980 гг.). – Новосибирск : Наука, 1986. – С. 142–147; Волосникова Е. А. Северный город: жизнедеятельность социальных общностей. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2010. – 244 с.; Молодой город в районах нового освоения Севера: социально-культурные проблемы : сб. науч. трудов. – Свердловск : УрО АН СССР, 1989. – С. 91–101; Корепанов Г. С. Территориальное поведение социального объекта (Тюменская область). – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2007. – 140 с.; Крючина Л. И. Монофункциональный северный город как элемент системы расселения и производства региона (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) : автореф. дис. … канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2006. – 26 с.; Орлов Б. П., Харитонова В. И. Формирование пространственной структуры Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. – 1983. – Вып. 3. – № 11. – С. 30–39; Скульмовская Л. Г. Человек в пространстве городской культуры // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. – Тюмень: Мандр и Ка, 2004. – Вып. 6. С. 226–232; и др.

[37] Выходцев А. М. Некоторые аспекты развития урбанизации на территории Югры // География и природные ресурсы. – 2008. – № 3. – С. 111–114.

[38] Ганопольский М. Г., Федоров Р. Ю. На пути к нефтегазодобывающей цивилизации (опыт историко-географической реконструкции) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1. – С. 203–211; Ганопольский М. Г., Цибульский В. Р., Литенкова С. П., Федоров Р. Ю. Социокультурное пространство Тюменской области: опыт структурно-коммуникативного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 1. – С. 202–208; и др.

научной литературы по истории нефтегазодобычи Западной Сибири в 1960–1980-х гг. важен для выявления градообразующих индустриальных факторов в процессе создания городов ХМАО, а также раскрытия значимости городов для нефтегазового комплекса, влияния как на него, так и на все общество ХМАО. Исключительно ценны обобщающие работы, которые вышли из-под пера В. В. Алексеева, Н. Ю. Гавриловой, В. П. Карпова, Г. Ю. Колевой, М. В. Комгорт, В. А. Ламина, Н. М. Пашкова, С. М. Панарина[39]. Историки изучали проблемы разработки стратегии развития ЗСНГК, функционирования основных отраслей комплекса, формирования материально-технической и производственной базы, кадровой политики. В целом исследователи высоко оценивали развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири, создание которого стало «спасением для страны», придало новый импульс экономике СССР. Также значимы работы по истории железнодорожного транспорта, строительства, лесной промышленности в регионе, поскольку эти отрасли обладали важным градообразующим фактором[40].

---

[39] Алексеев В. В., Ламин В. А. Прометеи сибирской нефти. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. – 272 с.; Карпов В. П., Колева Г. Ю., Гаврилова Н. Ю., Комгорт М. В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. – 392 с.; Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). – Тюмень : ТюмГНГУ, 2005. – 316 с.; Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – 172 с.; Колева Г. Ю. Добывающие отрасли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1977–1989 гг.). – Тюмень : ТюмГНГУ, 2006. – 184 с.; Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2005. – Ч. 1, 2.; Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). – Тюмень : Вектор Бук, 2010.– 258 с.; Колева Г. Ю. История отраслей специализации Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1960–1980-е гг.). – Тюмень : Вектор Бук, 2007. – 292 с.; Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. – Тюмень : Вектор Бук, 2008. – 190 с.; От Березово до Ямбурга: 45 лет газовой промышленности Западной Сибири / под ред. В. П. Карпова, Г. Ю. Колевой. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. – 180 с.; Панарин С. М. Создание минеральной базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1961–1975 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1995. – 23 с.; Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. – 240 с.

[40] Авимская М. А. Строительство железнодорожной магистрали Тюмень – Сургут – Нижневартовск – Уренгой и его социокультурное обеспечение (сер. 1960-х – сер. 1980-х гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Сургут, 2006. – 23 с.; Курамин В. П. Прогрессивные методы строительства в Западной Сибири. – М. : Недра, 1987. – 112 с.; Тюменская стройка. – М. : Недра, 1981. – 175 с.; Судаков А. В. Развитие лесной промышленности Ханты-

Урбанизация неразрывно связана с социокультурным и демографическим развитием ХМАО, которому посвящен значительный блок литературы по истории нефтедобывающих районов Западной Сибири. Большинство историков, занимающихся проблематикой промышленного освоения, в своих работах обращались к вопросам социокультурной сферы и демографии комплекса[41]. Всесторонний характер имел труд Н. Ю. Гавриловой, в котором на богатом статистическом материале были изучены демографические процессы, социокультурная и бытовая инфраструктура, социальная программа освоения ЗСНГК в 1964–1985 гг. В последнее время историки обратились к исследованию микроисторического уровня социокультурного пространства ЗСНГК[42].

Дореволюционные процессы урбанизации на территории ХМАО в историографии изучались преимущественно через аспекты колонизации и заселения Сибири. Городская эволюция на территории округа до начала XX в. подробно была рассмотрена В. И. Кочедамовым, Н. А. Миненко, Н. Н. Поповым и др[43]. Тематика городского расселения в ХМАО до нефтегазового

Мансийского автономного округа в кон. 1950-х – сер. 1980-х гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Сургут, 2005. – 25 с.; и др.

[41] Помимо вышеперечисленных работ: Алексеев В. В., Логунов Е. В., Шабанов П. П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири (на материалах Главсибтрубопроводстроя). – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 176 с.; Букин С. С. Условия быта населения в нефтегазовых районах Среднего Приобья // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы) : сб. науч. тр. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 1992. – С. 126–139; Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). – Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. – 283 с.; Куксанова Н. В. Торговое обслуживание трудящихся в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980 гг.) // Урбанизация советской Сибири. Отв. ред. В. В. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 176–184; Ташлыкова М. И. Развитие учреждений культуры и искусства Севера Западной Сибири (1965 – 1991 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Сургут, 2006. – 23 с.; Штубова Е. В. Формирование и развитие системы культурного обслуживания трудящихся в районах нового промышленного освоения Западной Сибири (1964–1985 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Свердловск, 1991. – 22 с.; и др.

[42] Карпов В. П., Н. Ю. Гаврилова. От макро- к микроистории: смещение приоритетов в изучении процесса индустриализации Тюменского Севера // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера : материалы Всерос. науч. конф. – Тюмень, ТюмГНГУ, 2010. – С. 14–25; и др.

[43] Миненко Н. А. Березов и Сургут в XVIII – первой половине XIX в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). – Новосибирск :

освоения в 1920–1950-х гг. удостаивалась лишь краткого упоминания при характеристике социально-экономического развития округа[44].

Начало историографии урбанизационных процессов ХМАО в период нефтегазового освоения было положено статьей Н. М. Пашкова в сборнике «Урбанизация советской Сибири»[45]. Историк впервые попытался проследить основные тенденции и проблемы городского строительства в ХМАО за период 1960 – 1980-х гг. Ученый очертил три этапа в развитии городов: 1) 1964–1970-х гг. – развертывание массового строительства, поиск и отработка принципов градостроительства в экстремальных условиях, слабая база строительной индустрии, ведомственная разобщенность; 2) 1971–1979 гг. – увеличение капвложений в строительство жилья и соцкультбыта, интенсивное развитие собственных баз стройиндустрии, улучшение качества жилья; 3) 1980-е гг. – существенное расширение программы гражданского строительства, привлечение в регион строительных организаций из других областей страны. Предложенная в данной диссертации периодизация урбанизации в значительной степени основывалась на этапах, выделенных историком. Н. М. Пашков обоснованно считал, что проблема жилищно-гражданского строительства оставалась чрезвычайно острой из-за исключительно высоких темпов роста населения в городах, слабой стройиндустрии, недостатка опыта, неэкономного расходования материальных ресурсов, плохого руководства. Однако слабой стороной работ Н. М. Пашкова был идеологизированный подход, в силу чего урбанизация региона рассматривалось редуцированно.

Наука, 1974. – С. 86–109; Миненко Н. А. Сургут в системе российских городов XVI – XIX вв. // Сургут, Сибирь, Россия : Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута. – Екатеринбург, 1995. – С. 88–99; Попов Н. Н. Обский Север в конце XIX – начале XX в. (социально-экономическое положение) // Сургут, Сибирь, Россия : Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута. – Екатеринбург, 1995. – С. 228–234; и др.

[44] Алексеева Л. В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (дек. 1930 г. – июнь 1941 г.). – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – 193 с.; и др.

[45] Пашков Н. М. Городское строительство в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири // Урбанизация советской Сибири. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 162–176.

В 1990-х гг. стали выходить обобщающие работы по истории городов Югры[46]. Но в этих трудах не рассматривались многие проблемы городского развития. Текст работ имел преимущественно научно-популярное содержание.

В 1990-х гг. урбанизация ХМАО нашла отражение в работах историка Н. Ю. Гавриловой[47]. В рамках исторического подхода она первая определила концепцию градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Н. Ю. Гаврилова отмечала, что процесс освоения в регионе проходил в «урбанизированной форме». По мнению историка, первоначально за основу градостроительства в регионе был взят традиционный принцип освоения – создание стационарных поселений вблизи месторождений, а создание вахтовых поселков рассматривалось как межрайонное перераспределение трудовых ресурсов. Во второй половине 1970 – начале 1980-х гг. последовали изменения в градостроительной модели, которые связывались с большим привлечением межрегиональной вахтовой организации труда. Н. Ю. Гаврилова указывала на то, что в регионе отсутствовала достаточно обоснованная градостроительная концепция с учетом перспектив развития региона, а серьезным препятствием в градостроительстве была ведомственность.

В 2000-х гг. вышли в свет новые работы Н. Ю. Гавриловой, в которых были рассмотрены не только особенности градостроительного освоения, но и проанализированы количественные показатели урбанизации в ЗСНГК, такие как рост численности горожан и его удельного веса в структуре населения,

---

[46] Белобородов А. С. Столица Северного края. Очерки истории Самарова – Остяко-Вогульска – Ханты-Мансийска. – М. : УНИСЕРВ, 1996. – 158 с.; Древний город на Оби: История Сургута. – Екатеринбург : Тезис, 1994. – 336 с.; Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. – Екатеринбург : НПМП «Волот», 1995. – 146 с.; Показаньев Ф. Я. Город древний. Город славный. – Сургут : АИИК «Северный дом», 1994. – 160 с.; и др.

[47] Гаврилова Н. Ю. Формирование и функционирование социально-бытовой инфраструктуры нефтегазового комплекса Западной Сибири (1964–1985 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1991. – 23 с.; Гаврилова Н. Ю. Градостроительная концепция освоения севера Тюменской области и ее реализация (60–80-е годы) // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1964–1994) : сб. науч. трудов. – Тюмень, 1994. – С. 52–62; и др.

динамика жилищного строительства[48]. Указывалось, что урбанизационные процессы имели «взрывной характер», о чем свидетельствовали высокие темпы роста городского населения, которые не знал ни один регион страны. Эти изменения были обусловлены «интенсивным процессом градообразования». Большинство выводов Н. Ю. Гавриловой подтвердились в диссертационном исследовании. Однако позиция историка, что в регионе отсутствовала обоснованная градостроительная концепция, не соответствовала действительности.

Н. Ю. Гавриловой совместно с В. П. Карповым были обоснованно выделены три этапа в социальном освоении, которое включало и урбанизацию Севера Западной Сибири: 1) «пионерный» (середина 1960 – начало 1970-х гг.) – определялись опорные города и поселки, принципы и характер застройки, район освоения охватывал Среднее Приобье; 2) 1970-е гг. – расширение зоны освоения региона, обострение диспропорций между темпами промышленного и социального развития; 3) с начала 1980-х гг. – интенсивный процесс градообразования, изменения в системе расселения[49].

Градостроительному развитию города Сургута во второй половине XX в. посвящены работы историка А. И. Прищепы[50]. Исследователь справедливо отмечал, что отсутствие четкой экономической стратегии освоения ЗСНГК обусловило хаотичность, спонтанность и неуправляемость застройки города, игнорирование проблем развития его социальной сферы на пионерном этапе освоения. Нельзя не согласиться с выделением исследователем этапов в

---

[48] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). – Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. – 283 с.; Гаврилова Н. Ю. Градостроительная модель освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002. – № 1–2. – С. 230–237; и др.

[49] Гаврилова Н. Ю., Карпов В. П. Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1960–1980-е годы) // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 111–118; и др.

[50] Прищепа А. И. Градостроение в Сургуте во второй половине XX века // Отечественная история. – 2007. – № 2. – С. 95–100. Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. – Сургут : Диорит, 2005. – 256 с. Прищепа А. И. Природно-географические и социальные факторы возрождения Сургута во второй половине XX века // Северные рубежи истории : мат-лы межвуз. научн. конф. с междунар. участием. – Екатеринбург ; Сургут : Изд-во АМБ, 2012. – С. 133–136; и др.

новейшей истории Сургута: 1) 1957 г.– конец 1970-х гг. Этап начался с высадки геологоразведочной экспедиции Ф. К. Салманова в Сургут и характеризовался бурными темпами «ведомственного строительства»; 2) с конца 1970-х гг. – создание целостной застройки города в соответствии с генеральным планом 1979 г. и интенсивное становление городской инфраструктуры.

В середине 2000-х гг. вышли в свет работы архитекторов С. В. Литвинова и А. Д. Шундрина, а в 2007 г. – диссертационное исследование С. В. Литвинова[51]. Архитектор С. В. Литвинов привел новую периодизацию градостроительства Среднего Приобья. Первый период охватывал 1960 – 1975 гг. В свою очередь он делился на этапы «возникновения» (1964–1968 гг.) и «становления» новых градостроительных структур (1969–1975 гг.). Граница между этапами характеризовалась переходом от очаговых форм расселения к развитию локальных групп поселений. Следующий период пришелся на 1976–1990 гг. (этап «зрелого развития»), когда возникли устойчивые связи между локальными группами населенных мест и включением их в структуру расселения более высокого ранга. Последний этап – 1990–2000-е гг. В первой половине 1990-х гг. произошло полное прекращение городского строительства. В конце 1990-х гг. последовало новое развитие, включавшее строительство жилья в пределах освоенных территорий микрорайонов и насыщение городских центров общественными зданиями. Представляется, что критерии и границы этапов выделяемой С. В. Литвиновым периодизации имели расплывчатую формулировку и были недостаточно обоснованными, а сам ретроспективный подход архитектора не учитывал принцип историзма и требовал большего набора источников.

Урбанизация ХМАО была предметом анализа в трудах Г. Ю. Колевой. Историком убедительно было показано, что основной тенденцией в развитии центров нефтегазодобычи было то, что «поселки становились рабочими

---

[51] Литвинов С. В. Архитектурно-планировочное развитие городов Среднего Приобья (исторический анализ и оценка) : автореф. дис. … канд. арх. – Новосибирск, 2007. – 25 с.; Литвинов С. В., Шундрин А. Д. Становление и развитие «нефтегазовых» городов Западной Сибири (ретроспекция и перспектива) // Известия вузов. Строительство. – 2003. – № 10. – С. 96–102; и др.

поселками, рабочие поселки – городами, но не все, а те, которые оказывались в районах интенсивно разрабатываемых месторождений». Поселки, мыслившиеся временными, превращались в постоянные, а некоторые становились крупными городами. Общими недостатками в развитии городов нефтегазового региона, как справедливо указывала Г. Ю. Колева, были отставание в строительстве учреждений культуры, объектов инженерного обеспечения, низкий уровень градостроительства, архитектурного и строительного качества[52]. Вместе с тем в работе Г. Ю. Колевой городское развитие рассматривалось лишь общих чертах.

Таким образом, в последнее время исследователи сосредоточили свой пристальный взгляд на особенностях градостроительства и тенденциях роста городского населения, жилищного фонда и социокультурных объектов в городах ХМАО. Однако развитие городов рассматривалось только как часть процесса градообразования или градостроительства, при этом многие проблемы которого так не были изучены. Отсутствовали системный и междисциплинарный подходы, что проявилось в узком толковании термина «урбанизация» или вообще его неиспользовании. В силу этого остались без внимания проблемы формирования городской среды и архитектурно-планировочных пространств, культурной идентичности горожан, механизмы принятия и реализации градостроительной политики, предпосылки и факторы эволюции городов, агломераций и схем городского расселения, а также многие количественные аспекты урбанизационного развития ХМАО.

Целью данной работы является выявление основных тенденций, этапов и особенностей урбанизационных процессов и роли городов в общественном развитии Ханты-Мансийского округа в период становления и эволюции Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи:**

---

[52] Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). – Тюмень : Вектор Бук, 2010. – 258 с.; Колева Г. Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960–1980-е годы // Вестник Тюменского государственного университета. – 2007. – № 1. – С. 237–244.

– дать характеристику основным историческим предпосылкам и ретроспективной панораме городского развития на территории Ханты-Мансийского округа до начала нефтегазового освоения Западной Сибири;

– выявить природно-географические условия, которые определяли естественные возможности и ограничения урбанизации, и показать градообразующие факторы, возникшие в процессе индустриализации нефтеносного региона;

– исследовать государственную политику градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири и представить концептуальные подходы этого освоения, обусловившие основные трансформации в системе городского расселения;

– изучить процессы формирования городской среды ХМАО через раскрытие ее основных компонентов – архитектурно-планировочного пространства и застройки, социокультурного развития, благоустройства и жилищных условий в городах;

– показать динамику количественных показателей урбанизации, проявлявшихся через рост числа поселков городского типа, городов и агломераций и превышения доли горожан над сельскими жителями;

– проанализировать динамику базисных изменений в городском населении округа – его рост, формирование посредством естественного и механического движения, состав.

Урбанизация является широким историческим процессом, охватывающим все сферы общества, которые невозможно рассмотреть в рамках диссертационного исследования, поэтому автор сознательно ограничил круг задач, способствующих достижению цели исследования. В исследовании не рассматриваются следующие проблемы урбанизации: формирование городского сознания и образа жизни, экология городов, экономическое развитие городов, экистическая структура расселения, управление и самоуправление в городах.

Теоретико-методологические принципы. Исследовательское пространство исторической урбанистики, в том числе и данной работы, формируется на основе междисциплинарного подхода. В его ракурсе урбанизационные процессы и город, «представляющий собой идеальный объект комплексного междисциплинарного исследования»[53], рассматриваются через категории и методы различных наук: истории, социологии, географии, демографии, экономики, экологии, культурной антропологии, архитектурно-градостроительных дисциплин. Это связано с тем, что город является многогранным объектом, затрагивающим все стороны человеческой жизни.

Зарождение урбанистики происходило в социологической науке, в которой город определялся главным образом как общественный организм. Социолог Л. Вирт выделил понятие «урбанизм», которое означало городской образ жизни, главными критериями которого выступали высокая численность и плотность населения, а также его гетерогенность. В последующем термин «образ жизни» стал доминировать в социологических дефинициях города и урбанизации.

Географический подход предусматривает изучение города и урбанизации с точки зрения пространственной организации, эволюции и функционирования систем расселения. Во главе угла стоит понимание города как поселения, места человеческого обитания и концентрации хозяйства. В последнее время геоурбанистика при расширении влияния гуманитарной географии все больше внимания уделяет антропокультурной составляющей урбанизации и города. Для историков удачным представляется определение урбанизации, данное Ю. Л. Пивоваровым: «Это исторический процесс повышения роли городов, городского образа жизни и городской культуры в развитии общества, связанный с пространственной концентрацией деятельности в сравнительно

[53] Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. – М. : Издательство ЛКИ, 2009. – С. 23.

немногочисленных центрах и ареалах преимущественного социально-экономического развития»[54].

Экономическая наука изучает урбанизацию преимущественно через процессы концентрации и развития производства, промышленности, сферы услуг и товарно-денежных отношений в городских системах. Экономические отрасли, являющиеся основными градообразующими факторами, определяют урбанизационные процессы. Известный неомарксист Д. Харви отмечал, что «урбанизация всегда сопутствовала мобилизации, производству, присвоению и поглощению экономического прибавочного продукта»[55].

В градостроительной науке город и урбанизация анализируются через призму развития архитектурно-планировочного пространства города и расширения городской застройки. Такой подход отвечает на вопросы: каким образом велось строительство городов, какова была в этом роль архитекторов, каким был эстетический образ городской архитектуры, как генпланы влияли на городскую застройку и ландшафт и в какой мере реализовывалась градостроительная документация в процессе эволюции городских систем.

Демография рассматривала город с позиций социально-демографического развития его населения. Советские демографы отмечали, что демографические процессы «служат своего рода ограничением, регулятором экономического развития города», «выступают, с одной стороны, как следствие народнохозяйственной структуры города, с другой – как предпосылка его развития»[56]. В современной демографии особое значение придается теории демографического перехода – «это переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и

---

[54] Пивоваров Ю. Л. Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – С. 16.

[55] Харви Д. Городской опыт [Электронный ресурс] / пер. с англ. В. В. Вагина. – Режим доступа: http://www.urban-club.ru/?p=105.

[56] Урбанизация и демографические процессы / под ред. Б. С. Хорева и Г. П. Киселевой. – М. : Финансы и статистика, 1982. – С. 19.

низкой рождаемости»[57]. Демографический переход является важной составляющей частью урбанизации.

Экологи изучают урбанизацию «как процесс ступенчатого, стадиального обмена веществ и ресурсов между городом, деревней и природой»[58]. В рамках экологического подхода экосоциологи разработали новую категорию – «городская среда», через которую стали изучаться процессы развития городских систем. Для исследования урбанизации наиболее актуально следующее толкование городской среды: конкретная предметная и социальная обстановка, которая окружает человека на городских улицах, в общественных местах, на работе, дома, – все то, что составляет общий фон, на котором протекает жизнь людей в городе, а также совершаются все городские процессы[59]. Процессы урбанизации связываются с формированием городской среды. Средовой подход обусловил применение в исследовании понятия «социокультурное пространство». Социокультурное пространство города включает изучение следующих проблем: историко-культурное наследие, научно-образовательный потенциал, материальная и духовная культура, общественный и домашний быт горожан, религиозные взгляды и конфессии, менталитет населения, девиантное поведение, демография и этнокультурная составляющая городского общества[60].

Однако все эти подходы достаточно поверхностно используют исторические методы. Исторический подход в первую очередь подразумевает глубокий ретроспективный анализ урбанизационных процессов. Историк анализирует генезис городского развития, беря в расчет взаимодействие всех компонентов урбанизации в конкретном историческом контексте, в котором она происходила. Продолжают оставаться актуальными слова академика В. В. Алексеева, что «перед обществоведами стоит задача не только дальнейшего

[57] Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. – М. : Новое изд-во, 2006. – С. 9.
[58] Яницкий О. Н. Экология города. Зарубежные междисциплинарные концепции. – М. : Наука, 1984. – С. 174.
[59] Рудницкий А. М. Управление городской средой. – Львов : Вища шк., 1985. – С. 25.
[60] Постников С. П. Социокультурное пространство города в историческом измерении // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 1 (18). – С. 7.

изучения истории отдельных городов, но и обобщения исторического опыта урбанизации страны в целом», что «такой подход позволит глубже уяснить проблемы урбанизации и откроет перспективы для более широкого понимания многих социально-экономических процессов советского общества»[61]. В исторической науке урбанизация понимается, прежде всего, как исторический и всемирно-исторический процесс, его порождение и одновременно составная часть, особенно это касается современной истории, которая есть «переход человечества от сельского к городскому обществу»[62].

Академик В. В. Алексеев, отмечая, что большинство ученых сходятся в определении урбанизации, дефинцировал ее как исторический процесс, характеризующийся «не только ростом численности городов, их масштабов, увеличением удельного веса горожан, но и глубокими социально-экономическими преобразованиями на основе развития индустрии, жилищного строительства, массовых коммуникаций, обслуживания, а также распространением городского образа жизни и соответствующих ему форм общения и ценностных ориентаций на самые широкие слои населения»[63]. Значимым для исследования является определение урбанизации, представленное историком А. С. Сенявским: «Это территориальная концентрация человеческой жизнедеятельности, ведущая к ее интенсификации и дифференциации вплоть до выделения новых ее видов, обусловливающая формирование городских форм и пространственных структур расселения и распространения городского образа жизни»[64]. Данное исследование опирается на не противоречащие друг другу определения урбанизации, разработанные В. В. Алексеевым, С. А. Сенявским и Ю. Л. Пивоваровым.

---

[61] Алексеев В. В. Итоги и задачи изучения урбанизации Советской Сибири // Урбанизация советской Сибири / отв. ред. В. В. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 11.
[62] Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. – М. : Наука, 2003. – С. 41.
[63] Алексеев В. В. Итоги и задачи изучения урбанизации Советской Сибири // Урбанизация советской Сибири / отв. ред. В. В. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 7.
[64] Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. – М. : Наука, 2003. – С. 35.

В основе исследования урбанизации ХМАО лежит теория модернизации. Модернизационная парадигма в исследованиях урбанизационных процессов начала формироваться в середине XX в. Одним из первых историков, кто обратил внимание на неразрывную связь модернизации и урбанизации, индустриализации и урбанизации, был Фернан Бродель. Французский ученый утверждал, что урбанизация – это предвестие появления нового человека, что она и ее последствия неизбежны для стран, вступивших на путь индустриализации[65]. Сегодня для многих историков урбанизация и развитие города являются частью модернизации, определяются как важнейшие элементы перехода от традиционного общества к индустриальному.

Российские исследователи трактуют модернизацию в духе западной историографической традиции и также включают урбанизацию в структуру процесса модернизации. Следует обратить внимание на уральскую школу историков, которая сложилась вокруг академика В. В. Алексеева и является уникальным институтом по изучению модернизационной парадигмы в российской истории. Историками этой школы урбанизация понимается как процесс передвижения сельского населения в города и концентрация экономической активности, административных и политических институтов, коммуникативных сетей на урбанизированных территориях[66]. Они отмечали, что урбанизация и индустриализация – это не тождественные процессы, которые могут протекать независимо друг от друга.

Согласно историку А. С. Сенявскому, переход от сельского к городскому обществу дополнял технологическую доминанту модернизации социальной и экистической (поселенческой) доминантами, потому что они являлись важными содержательными и интегрирующими характеристиками современного общества. Исследователь опирался на понятие «урбанизационный переход», который дефинцировался как «качественно выделяющаяся, «высшая» стадия урбанизационного процесса, ведущая к радикальному преобразованию всего

---

[65] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1.: Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М. : Весь Мир, 2007. – С. 512–514.
[66] Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. – М. : Наука, 2000. – С. 15.

общества на «городские начала»», характеризующаяся как универсальными признаками (ростом числа городов, численностью городских жителей, влиянием на ближайшую сельскую округу), так и дополнительными или качественными (возрастанием удельного веса городского населения за счет сельского, распространением городского образа жизни, радикальным изменением места и роли города в обществе)[67]. Следует отметить, что в данной работе категория «урбанизационный переход» имеет другое содержание, а именно – превышение доли городского населения над сельским.

Другой известный социолог и историк А. Г. Вишневский также считал, что урбанизация стала центральным звеном модернизации советского общества. По мнению исследователя, именно город «рождал и воспитывал все новых и новых агентов модернизации»[68].

Новосибирские историки С. С. Букин и В. И. Исаев охарактеризовали модернизацию и урбанизацию как явления трансформации общества в процессе перехода от традиционно-аграрного к индустриально-урбанистическому обществу. В рамках теории модернизации сибирское население XX в. стало изучаться ими как общество индустриально-урбанистического типа. Авторы утверждали, что индустриализация Сибири повлекла за собой урбанизацию, в то время как та «стала следствием и составной частью всеобъемлющей модернизации общества, проводимой по инициативе государства»[69]. Историки отмечали, что урбанизацию Сибири следует рассматривать как часть общемирового процесса становления индустриальной цивилизации.

Теоретической основой исследования также является цивилизационный подход. Именно с появлением первых городов родились первые цивилизации. В концепции О. Шпенглера город отождествлялся с цивилизацией и проходил параллельную с ним эволюцию: «Раннее время означает рождение города из

---

[67] Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. – М. : Наука, 2003. – С. 35.

[68] Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М. : ОГИ, 1998. – С. 78.

[69] Букин С. С. Урбанизация в Сибири в XX веке: закономерности и особенности / С. С. Букин, В. И. Исаев // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории : сб. науч. трудов. – Новосибирск : Сиб. отд-ние РАН, 2005. – С. 163.

земли, позднее время – борьбу между городом и селом, цивилизация – победу города, с которой она отделяется от почвы и от которой погибает сама»[70]. Город являлся главнейшим пространственным элементом цивилизационного развития, а урбанизация выступала его системообразующим процессом. В рамках этого подхода города ХМАО играли одну из ключевых ролей в развитии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, который был важнейшей составной частью и источником энергетического развития советской и российской цивилизации. Цивилизационная теория дополняет модернизационный и междисциплинарный подходы к изучению урбанизации.

В исследовании использовались общелогические методы научного познания: абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция. Особое значение в исследовательской работе имели традиционные специально-исторические методы: историко-генетический, историко-динамический и историко-системный анализы.

Историко-генетический анализ применялся для выявления условий и факторов урбанизации Ханты-Мансийского округа. Генезис городского развития в округе анализировался посредством раскрытия причинно-следственных связей. Историко-генетический метод в полной мере реализовал принцип историзма, на котором основывалось исследование.

Изучение и оценка количественных и качественных изменений и стадиальность урбанизации осуществлялись в рамках историко-динамического анализа. Этот метод позволил показать демографические, социально-экономические и политические проявления урбанизации. Были составлены периодизации градостроительной политики и развития городской системы расселения, динамики количественных состояний урбанизации. Академик В. В. Алексеев подчеркивал, что в научных кругах принято выделять два этапа в процессе урбанизации. Первый этап характеризуется экстенсивными факторами городского развития: увеличение доли горожан, расширение сети

[70] Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. : Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и прим. И. И. Маханькова. – М. : Мысль, 1998. – С. 111.

городов, усиление роли больших городов. Второй этап – это период интенсификации урбанизационных процессов, которые распространяются на сельскую местность и охватывают общество в целом, формируется городской образ жизни. Вместе с тем четкой границы между этими этапами нет, но рубеж падает на современную научно-техническую революцию[71]. Данное исследование также в значительной степени опирается на эту периодизацию.

Историко-системный анализ был применен для решения задач, связанных с исследованием структурно-функциональных параметров урбанизации как целостного объекта. Именно принцип системности лежал в основе построения исторической модели урбанизации ХМАО. Системный анализ осуществлялся посредством использования методов синергетики, в понятийных координатах которой урбанизация рассматривается как сложная самоорганизующая система. Синергетика позволила охарактеризовать урбанизацию ХМАО через пространственно-временную модель, обладающую сменяющимися стадиями хаотичного (бифуркация) и эволюционного (аттрактор) поведения системы[72].

Значимыми для исследования были компаративный, классификационный и статистический методы. Компаративный анализ обеспечил выделение общих и особенных черт урбанизации ХМАО, показал уникальность этого явления в сравнении с городским развитием Западной Сибири и России в целом. Классификация использовалась при определении основных типов городов, расположенных в ХМАО, с учетом градообразующих и количественных признаков, что дало возможность выявить неоднородность урбанизации округа. Статистический метод составлял основу анализа динамики и закономерностей количественных изменений урбанизации. Абсолютные и относительные величины статистики позволили показать динамические ряды численности, доли и состава городского населения и городских поселений, уровня урбанизации.

---

[71] Алексеев В. В. Итоги и задачи изучения урбанизации Советской Сибири // Урбанизация советской Сибири / отв. ред. В. В. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 7–8.

[72] Стась И. Н. Урбанизация Ханты-Мансийского округа во второй половине XX века: историко-синергетическая модель // Культурологические исследования в Сибири. – Омск : ООО Издательский дом «Наука», 2012. – №.4 (39). – С. 22–27.

Источниковая база. Урбанизационные процессы ХМАО нашли глубокое отражение в окружающей действительности, в силу чего их полная репрезентативность осуществлялась за счет привлечения и анализа огромного комплекса разнообразных источников. Автором были рассмотрены и исследованы дела из 27 фондов 7 государственных и ведомственных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Тюменской области (ГАТО), Государственного архива социально-политической истории (ГАСПИТО), Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО), архивного отдела Администрации города Сургута (АОАГС), текущего архива Департамента архитектуры и градостроительства Администрации города Сургута, текущего архива (библиотеки) Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. По способу кодирования информации основную совокупность источников в исследовании составили письменные, которые классифицируются по видам, обладающим общими признаками формы, содержания и назначения. Также в работе были задействованы вещественные, изобразительные, электронные и цифровые типы источников. В целом можно выделить несколько групп исторических источников, проанализированных в исследовании.

Первую группу источников составили законодательные и нормативные акты центральных государственных органов власти. К ним относятся постановления и указы Президиума Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета РСФСР, постановления Совета министров СССР, Совета министров РСФСР, Госплана СССР и Госплана РСФСР. Учитывая руководящую и направляющую роль КПСС в советском обществе, особое значение придавалось анализу постановлений и решений высших органов партии – съездов, конференций, пленумов Центрального комитета. Важнейшими документами выступали совместные постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР. Среди документов руководства страны

постсоветского периода в работе анализировались указы Президента России, посвященные Тюменской области и ХМАО.

В этих документах отразилась государственная политика в области решения проблем градостроительного, социально-бытового, жилищного, культурного развития городов СССР и России. В них устанавливался порядок отнесения населенных пунктов к категории городов и утверждения проектов планировки и застройки. Часть законодательно-нормативных актов относилась непосредственно к развитию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В первую очередь выделяются постановления Совета Министров СССР от 1962, 1963, 1966, 1971, 1986 гг. и совместные партийно-правительственные постановления 1969, 1977, 1978, 1980, 1985 гг., которые определяли стратегию как вообще хозяйственного, так и, в частности, градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Постановления изучались также в проектах и предложениях к ним, что дало возможность выявить основные подходы к градостроительству и социальному развитию в регионе.

Ценными источниками были директивные документы местных органов власти – постановления и решения Тюменского облисполкома и обкома партии, Ханты-Мансийского окрисполкома и окружкома партии. Они содержали богатый фактологический материал, критику и политические позиции местного руководства в сфере городского развития.

Принципы возведения городов основывались на Строительных нормах и правилах (СНиП) планировки и застройки городов и населенных мест, утвержденные Госстроем СССР. Автор обращался к следующим документам: СН 41-58 (1958 г.), СНиП II-К. 2-62 (1966 г.), СНиП II-60-75 (1975 г.), ВСН-38-82 (1982 г.), СНиП 2.07.01-89 (1989 г.). К работе были привлечены разработанные СОПСом при Госплане СССР Генеральные схемы развития и размещения производительных сил, а также Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации, принятая в 1994 г. Эти документы имели существенное стратегическое и прогнозное значение, выступали основой для государственной градостроительной политики.

Большая часть документов этой группы была исследована в фондах ГАРФ (А259 Совет министров РСФСР), ГАТО (814 Тюменский областной Совет депутатов трудящихся), ГАСПИТО (П124 Тюменский областной комитет КПСС, 107 Ханты-Мансийский окружной комитет КПСС) и в трехтомном сборнике «Нефть и газ Тюмени в документах». Акты, относящиеся к градостроительству, были изучены в приложениях к монографии А. Г. Вайтенса и Ю. Л. Косенковой «Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – начала XXI веков»[73].

Вторую группу источников составляет делопроизводственная документация, которая выступила самой объемной и основной источниковой базой исследования, поскольку в ней находился богатый содержательный и фактологический материал. Эта группа источников делится на следующие виды: распорядительные документы (решения, приказы, резолюции, распоряжения и т.д.), нормативные или организационные (положения, уставы, инструкции, правила, договоры, соглашения и т.д.), протокольная документация (протоколы, стенограммы), деловая переписка (письма, телеграммы, обращения), информационные и отчетные документы (отчеты, доклады, пояснительные записки, сводки, сообщения), плановая документация. Следует отметить, что распорядительная документация региональных советских и партийных органов скорее относится к законодательно-нормативным источникам.

Наиболее важным блоком делопроизводственной документации являлись материалы местных партийных органов – Тюменского обкома и Ханты-Мансийского окружкома (ГАСПИТО. Ф. П124, П2010, П107). Были просмотрены протоколы заседаний бюро и секретариата обкома партии за 1960–1988 гг. и окружкома за 1960–1980 гг. Взаимоотношение руководящих и ведомственных элит по вопросам градостроительства получило широкую репрезентацию благодаря переписке обкома с ЦК КПСС, Советом Министров

[73] Вайтенс А. Г. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – начала XXI веков. Опыт исторического исследования. – Обнинск : Ин-т муниципал. упр., 2006. – 528 с.

СССР и РСФСР, союзными и республиканскими министерствами, Госпланом СССР и РСФСР, ведомствами, институтами, организациями и предприятиями. Особую ценность представляют письма секретарей А. К. Протозанова, Б. Е. Щербины, Е. А. Огороднова, Г. П. Богомякова. Большая часть фактических данных работы была получена из дел, содержащих отчеты, справки, записки, доклады и другие материалы по вопросам промышленности, строительства, транспорта, социально-бытового развития, предоставляемые различными отделами, а также ведомствами и организациями.

Еще одним крупным блоком письменных источников являются документы Тюменского областного, Ханты-Мансийского окружного, Сургутского городского Советов депутатов трудящихся и их исполнительных комитетов (Совета народных депутатов с 1977 г.), представленные в фондах Р814 ГАТО, 1 ГАХМАО, 3 АОАГС. Чтобы выявить основные направления градостроительной политики региональных властей, автор исследовал все протоколы заседаний облисполкома и принятые по их итогам решения за 1960 – 1993 гг. На основе документов Сургутского горисполкома исследовался ход выполнения градостроительной политики на городском уровне. Было уделено внимание деловой переписке облисполкома. Изучались дела облисполкома и окрисполкома по строительству и промышленности, а также административно-территориальному делению, в которых содержались прошения и пояснительные записки о преобразовании населенных пунктов ХМАО в города, выписки из генпланов и схем расселения. Особо продуктивным источником оказались документы органов, подчиненных местным Советам. Экономическое и социальное развитие городов отразилось в материалах Тюменского областного комитета по экономике и прогнозированию (ГАТО. Ф. Р1726), а жилищные условия – в документах Управления жилищно-коммунального хозяйства окрисполкома (ГАХМАО. Ф. 387). Преобразование лесопромышленного рабочего поселка Советский в город в 1996 г. анализировалось через изучение материалов Думы Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО. Ф. 491).

Реконструировать градостроительное освоение ХМАО во многом удалось благодаря анализу материалов отдела по делам строительства и архитектуры Тюменского облисполкома (ГАТО. Ф. 1933), отдела главного архитектора Ханты-Мансийского окрисполкома (ГАХМАО. Ф. 403), Управления архитектуры и градостроительства Сургутского горисполкома (АОАГС. Ф. 80). Документы главных архитекторов области, округа и Сургута были представлены отчетами, докладами, сообщениями о реализации генпланов и планов детальных планировок городов и перепиской с градостроительными институтами и Госстроем СССР и РСФСР. Впервые в научный оборот были введены материалы (доклады, рекомендации и стенограмма) конференции по проблемам градостроительства в нефтеносных районах Тюменской области, прошедшей в Тюмени в 1966 г (ГАТО. Ф. 1933). Эти документы позволили показать дискуссию о строительстве городов нефтяников.

Комплекс документов различных министерств, ведомств, производственных предприятий и организаций, осуществлявших нефтегазовое освоение Западной Сибири, были продуктивны для раскрытия социально-экономических аспектов урбанизации. Наибольшей важностью обладали делопроизводственные материалы Миннефтепрома СССР и управления Главтюменнефтегаз (ГАТО. Ф. 2146), деятельность которых во многом определяла изменения в городской системе расселения ХМАО.

Репрезентация процесса урбанизации ХМАО в 1980-х гг. была в значительной мере осуществлена посредством анализа документов Межведомственной территориально-производственной комиссии по вопросам развития ЗСНГК Госплана СССР (ЗапСибМВТК), которая была организована в 1980 г. (ГАТО. Ф. 2240). Протоколы заседаний комиссии зафиксировали обсуждение социально-бытового и культурного развития, благоустройства и строительства городов, согласования генпланов и детальных планировок. В делах комиссии представлен богатый отчетный материал по развитию молодых городов ХМАО.

Особый корпус делопроизводственных источников представлен градостроительной документацией и пояснительными записками к ней – генеральными планами, проектами детальных планировок, технико-экономическими основами, планами регулирования и упорядочения застройки, схемами территориального развития городов, жилых и промышленных районов. Эта документация относилась к институтам – «Гипрогор», «Ленгипрогор», «ЛенНИИПградостроительства», «ЛенЗНИИЭП», «ЗапСибЗНИИЭП», «СибЗНИИЭП», «Тюменгражданпроект», «Гипротюменнефтегаз», «Башнефтепроект» и др. Полученные из разных фондов и архивов, большинство этих документов были разрозненными, отрывочными, представлены выписками и отчетами о реализации. Полноценные и массивные тома генпланов и проектов детальных планировок 1960–1990-х гг. были изучены по г. Сургуту. Они были найдены в архиве отдела генерального плана департамента архитектуры и градостроительства администрации г. Сургута. Наибольшей ценностью обладали генпланы Сургута 1968 г. («Гипрогор»), 1979 и 1990 гг. («ЛенНИИПградостроительства»). Градостроительные документы использовались в ходе реконструкции процесса эволюции городской среды и застройки.

Исследование социально-культурного развития городов округа опиралось на изучение документов Тюменских областных отделений профессиональных союзов – Союза архитекторов и Союза журналистов, а также областного Совета профессиональных союзов (ГАСПИТО. Ф. 4006, 4002, 3911). Значимость представляют материалы архитекторов, которые обсуждали и анализировали градостроительные изменения, происходившие в нефтяных районах области.

Статистические материалы входят в *третью группу* источников. В первую очередь следует выделить солидный массив использованных в работе опубликованных сборников статистической документации, изданных ЦСУ СССР и РСФСР, Госкомстатом РСФСР, статистическими управлениями Тюменской области и Ханты-Мансийского округа. Большинство статистических сборников находились в текущем архиве (библиотеке)

Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Сборники содержали информацию по численности и составу населения, естественному и механическому движению населения, жилищному, культурному и социально-бытовому строительству, экономическому развитию ХМАО.

Неопубликованные количественные источники были обнаружены и изучены в фондах Статистического управления Тюменской области (ГАТО. Ф. 1112), Ханты-Мансийского окрстатуправления (ГАХМАО. Ф. 6), Сургутской городской информационно-вычислительной станции (АОАГС. Ф. 10). Годовые отчеты, аналитические записки, сборники из этих фондов в первую очередь ценны данными о численности, этническом, социально-демографическом состоянии и занятости населения, жилищном и коммунальном хозяйстве. Динамика и структура городского населения показана в работе за счет сведений всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Одной из серьезных проблем в период сбора и аналитики информации было нередкое отсутствие данных по ХМАО, поскольку статистика преимущественно приводилась по Тюменской области в целом. Следующая проблема была связана с частыми изменениями формы статистической отчетности. Многие данные по некоторым годам сохранялись фрагментарно. Статистика из разных источников часто не сходилась, но цифры были приближенными друг к другу. Все это затрудняло составление сводных таблиц. Тем не менее статистические сведения в целом адекватно отражали реалии жизни городов округа.

Периодика образует *четвертую группу* источников. Городское строительство в ХМАО нашло отражение в центральной периодической печати – газете «Правда», а также в областной, окружной и городской печати – «Тюменская правда» (г. Тюмень), «Ленинская правда» (г. Ханты-Мансийск), «К победе коммунизма» (г. Сургут), «Нефтеюганский рабочий» (г. Нефтеюганск). Тексты из газет отличались яркостью изложения, сопереживанием, остротой и разнообразием, что дополняло фактологический материал исследования.

Значительная доля градостроительной информации была почерпнута из журнала «Архитектура СССР». К этой группе источников необходимо отнести опубликованные материалы различных конференций и сборники научных трудов, которые посвящались обсуждению проблем ЗСНГК. Для исследования были важны доклады архитекторов и социологов. На конференциях архитекторы представляли генпланы, схемы расселения и другую градостроительную документацию. Особо значимы опубликованные материалы конференции по проблемам градостроительства в газоносных районах области, которая прошла в Тюмени в 1968 г.[74] Социологами же апробировались результаты социологических исследований в городах ХМАО в 1960–1980-х гг., которые необходимы для изучения урбанизации через призму непосредственных участников событий, детализации и конкретизации явления.

В *пятую группу* входят источники личного происхождения, основная доля которых представлена опубликованными воспоминаниями участников и очевидцев промышленного освоения и городского строительства в ХМАО. Можно выделить четыре вида опубликованных мемуаров, использованных в работе. Во-первых, это воспоминания и публицистика партийных и советских руководителей области, округа, городов: Б. Е. Щербины, Г. П. Богомякова, П. А. Мунарева, В. В. Бахилова, С. Д. Великопольский, А. Л. Сидоров. Во-вторых, для исследования были очень важны воспоминания архитекторов: В. А. Бешкильцева, А. Н. Отраднова. О проблемах градостроительства много писали в своих мемуарах руководители министерств, ведомств и организаций: Н. К. Байбаков, В. Г. Чирсков, Ю. П. Баталин, Ш. С. Донгарян, Ю. Г. Эрвье, Ф. К. Салманов, В. И. Муравленко. Мемуары этих деятелей способствовали воссозданию событий на уровне непосредственного принятия решений. Во многом при помощи воспоминаний в работе удалось охарактеризовать подходы к градостроительному освоению и конфликт элит в этой области. Четвертый вид источников личного происхождения составили опубликованные

[74] Научно-техническая конференция по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области. 26–28 июня 1968 г. : тез. докл. – Тюмень, 1968. – 180 с.

воспоминания обыкновенных людей, горожан округа, которые рассуждали о своей жизни в период бурного промышленного развития. Эти рассуждения помогают выявить то, как градостроительные решения политиков напрямую влияли на простого человека и его образ жизни. Из неопубликованных воспоминаний диссертант обращался к материалам первого секретаря Ханты-Мансийского окружкома партии В. В. Бахилова (ГАТО. Ф. 2045).

Шестую группу источников составляют произведения художественной литературы и публицистики, в которых персонажами являются участники нефтегазового освоения Западной Сибири и действия происходят в городах ХМАО в период 1960 – начала 1990-х гг. Здесь следует выделить произведения М. К. Юрасовой и Г. М. Юрасовой «Нефтяник», Е. С. Каплинской «Город у дивного озера», И. П. Захарова «Моя земля», «Свидетельство о рождении» и др. Источники этой группы отражали городские образы и символы и их воспроизводство в сознании современников.

Источники изобразительного или визуального характера объединяют *седьмую группу*. Раскрытие зон жилой и промышленной застройки и линий городского ландшафта в конкретный исторический период осуществлялось за счет привлечения картографических материалов – карт городов, эскизов, проектных планов и решений, схем зонального планирования и расселения, – которые содержались в генпланах городов. Реконструировать многоплановость и разнообразие городской среды и повседневной жизни горожан помогли фотоматериалы из фотофондов ГАТО, ГАСПИТО, АОАГС, ГАХМАО. Редкими источниками являлись видеоматериалы. Визуальное знакомство с городами ХМАО во всех ритмах их жизни было осуществлено посредством просмотра и анализа документальных фильмов «Города Югры» (производство телеканала «Югра»), в которых была представлена обширная кинохроника городской истории 1960–1990-х гг. На основе фотографий и видеохроники удалось воссоздать внешний облик городов, познакомиться с представлениями о реалиях городского ландшафта и образах изменяющегося городского пространства, которые воспринимались современниками.

Учитывая, что в современной историографии происходит цифровой поворот (digital turn), историку продуктивно обращаться к цифровым и электронным источникам. Они и составили *восьмую группу* источников. Для историков-урбанистов важнейшим источником становятся Географические информационные системы (ГИС), чему свидетельствует программа XXII Международного конгресса историков (город Цзинань, Китай, 2015 г.), одна из секций (JS2 Cities and their spaces) которого посвящена картам ГИС как историческим источникам. В исследовании автор обращался к системам OpenStreetMap, 2gis, 4geo, Вектор, Google Maps и др. ГИС-картография поспособствовала определению пространственных координат городской застройки, а в сопоставлении с другими источниками – и их эволюции в разные исторические периоды. Существенная информация была извлечена из сайтов Администраций городов ХМАО, на которых располагались фотографии, исторические справки, хронологические и фактологические данные о городах.

В *девятую группу* входят вещественные источники, которые представлены материалами полевых исследований городов Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска и Ханты-Мансийска. Натурное обследование проводилось с целью анализа исторической трансформации городской среды и застройки прошлых лет, выявлению границ пространственно-планировочных зон и районов и закономерностей в локализации значимых социокультурных объектов в физическом пространстве городов.

Критический анализ, обобщение, сравнение и интерпретация широкого круга источников позволили решить поставленные в исследовании задачи, точно и полноценно репрезентировать процесс урбанизации ХМАО в период 1960 – начала 1990-х гг. с учетом раскрытия основных компонентов явления – политического, архитектурного, социокультурного, жилищно-бытового, демографического, количественного.

Научная новизна. В диссертационной работе впервые в отечественной историографии осуществлено комплексное исследование урбанизационных процессов, происходивших на территории Западно-Сибирского нефтегазового

комплекса и, в частности, Ханты-Мансийского округа. Научная новизна исследования заключается в выявлении условий и факторов урбанизации региона, детализации политики реализации концепции градостроительного освоения, изучении застройки и развития социокультурной сферы городов с позиций повседневности и формирования городской среды, анализе неисследованных количественных показателей урбанизации региона («урбанизационный переход», плотность городского населения, уровень урбанизации, динамика численности населения по городам), раскрытии динамики миграции, естественного движения, трансформации состава городского населения как важнейших показателей экстенсификации и интенсификации урбанизации. В научный оборот был введен целый ряд неисследованных архивных материалов и сведений градостроительной документации.

Практическая значимость. Фактологический материал, выводы и результаты исследования могут быть использованы при разработке аналитических и стратегических программ развития городов Ханты-Мансийского автономного округа и Тюменской области. Прикладное значение определяется также возможностью применения исследования при написании научных и научно-популярных работ по истории ХМАО, Сибири и истории урбанизационных процессов в России. Диссертационная работа обладает богатым познавательным потенциалом, который применим при подготовке учебных пособий и курсов лекций по истории городов Сибири и России, урбанистическим дисциплинам и региональной истории.

Основные положения, выносимые на защиту. Основные положения были выделены по результатам диссертационного исследования:

1. Выявлены наличие слабой урбанизированной структуры на территории ХМАО и отсутствие выраженных исторических предпосылок и условий урбанизации к началу 1960-х гг.;

2. Определены природно-климатические условия урбанизации ХМАО, одни из которых лимитировали городское развитие (значительные размеры

территории, суровый климат, заболоченность и слабый грунт, ограниченные сырьевые ресурсы стройиндустрии), а другие, наоборот, способствовали освоению региона в урбанизированной форме (разветвленная речная система, обширные леса и огромные запасы углеводородного сырья);

3. Доказано, что основными факторами урбанизации округа были индустриализация и промышленное освоение (наибольшим градообразующим потенциалом обладали отрасли: нефтегазодобыча и нефтегазопереработка, геология, строительство, транспорт, энергетика, лесная промышленность);

4. Выявлено, что градостроительная политика в ХМАО осуществлялась в борьбе интересов региональных и ведомственных элит: централизованное расселение в крупных городах поддерживалось руководством Тюменской области, а вариант группового расселения – Министерством нефтедобывающей промышленности СССР;

5. Обоснована периодизация развития городского расселения и градостроительной политики в ХМАО: на первом этапе (1960-е гг.) происходил выбор градостроительной концепции и хаотичное возведение поселений ведомствами у месторождений; на втором этапе (1969–1970-е гг.) реализовывалось централизованное расселение; на третьем этапе (1980 – начало 1990-х гг.) функционировала система группового расселения;

6. Установлено, что в процессе урбанизации ХМАО так и не сформировалась полноценная городская среда, которая характеризовалась разобщенной ведомственной структурой архитектурно-планировочного пространства, нарастанием жилищной проблемы, противоречивым развитием социокультурной сферы, бытового обслуживания и благоустройства;

7. Показана динамика количественных аспектов урбанизации ХМАО: урбанизационный переход – увеличение городского населения в 35 раз и доли горожан в структуре населения в 3,4 раза, рост числа городов – с 1 до 16, рост числа поселков городского типа – с 3 до 28, появление 2 крупных агломераций;

8. Определено, что в процессе урбанизации ХМАО рост городов осуществлялся главным образом посредством масштабной миграции населения,

совершился демографический переход, ярко проявилась дифференциация структуры городского населения, а формирование постоянного населения и увеличение доли естественного прироста привело к переходу от экстенсивной стадии урбанизации к интенсивной.

Апробация результатов исследования. Ключевые положения диссертационной работы были отражены в 33 научных публикациях (общий объем 15,1 п. л.), в том числе в 5 ведущих периодических изданиях, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций. Значительная часть содержания исследования была опубликована в монографии «Становление индустриально-урбанистического общества на территории Тюменской области» (в соавторстве с Г. Ю. Колевой и И. И. Шороховой). Результаты исследования были представлены автором в виде докладов и сообщений на 4 международных, 5 с международным участием, 8 всероссийских, 1 межрегиональной и 1 региональной научных конференциях, семинарах, симпозиумах, конгрессах.

Структура диссертации. Работа состоит из 4 глав, которые в свою очередь делятся на 13 параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложений. Исследование построено по проблемно-хронологическому принципу.

ГЛАВА 1. УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ УРБАНИЗАЦИИ ХМАО

1.1. Исторические предпосылки урбанизации и городское развитие в ХМАО до периода нефтегазового освоения

Исторические предпосылки урбанизации Ханты-Мансийского округа, проявлявшиеся в формировании сети населенных пунктов и модернизации социально-экономических отношений, складывались постепенно на протяжении веков. Схема расселения в Обь-Иртышском бассейне, которая закладывалась с конца XVI вв. в период русской колонизации Сибири, впоследствии послужила фундаментом градостроительного освоения ХМАО в 1960–1990-х гг.

Освоение Сибири русскими началось еще в XI–XV вв. и связано оно было с проникновением за Урал торгово-промысловых отрядов из Великого Новгорода. Переломным этапом в освоении Сибири стал поход Ермака 1581 – 1585 гг., повлекший колонизацию восточных территорий русским населением и активное возведение крепостей и острогов. Первой русской крепостью в Сибири являлся Обский городок, который был заложен в 1585 г. на правом берегу Оби напротив среднего устья Иртыша. Однако острог просуществовал недолго. В 1593 – 1594 гг. гарнизон Обского городка был переведен в Сургут. В 1586 г. был поставлен первый русский город в Сибири – Тюмень. Затем последовала череда строительства новых городов-крепостей: Тобольск (1587 г.), Лозвинский острог (1589 г.), Пелым (1593 г.), Березов (1593 г.), Тара (1594 г.), Сургут (1594 г.), Нарым (1596 г.), Кетский острог (1596 г.), Верхотурье (1597 г.), Туринск (1600 г.), Мангазея (1601 г.), Томск (1604 г.).

На территории Нижнего и Среднего Приобья в конце XVI в. были построены четыре города-крепости или острога (Березов, Сургут, Нарым, Кетск), но только Березов и Сургут находились на территории будущего Ханты-Мансийского округа, городское развитие которого на протяжении трех с

половиной веков определялось этими населенными пунктами, ставшими опорными пунктами освоения территории и ее управления.

Основание Березова исследователи относят к 1593 г. и связывают с воеводами Никифором Траханиотовым и князем Михаилом Волконским. Березов был не только военной крепостью, но и опорным пунктом на торговых путях промышленных и служилых людей, он выступал северными воротами на восток[75].

Сургутский острог был основан воеводами князем Федором Барятинским и Владимиром Аничковым в 1594 г. на берегу р. Сургутки или Бардаковки, неподалеку от ее слияния с Обью. В конце XVI в. словом «Сургут» обозначалась целая местность, название которой и воспринял построенный город[76]. На рубеже XVI–XVII вв. город стал основной русской военной базой в борьбе с Пегой Ордой – союзом селькупов, знать которой поддерживала связи с Кучумом.

Городское развитие на территории ХМАО в XVI – начале XX в. осуществлялось под влиянием нескольких градообразующих факторов: 1) военный – города создавались как опорные пункты для расширения влияния на территорию Сибири; 2) административно-фискальный (промысловый) – города контролировали сбор дани (ясака) с местного населения; 3) транспортный – города являлись перевалочными базами на путях движения на север и восток; 4) административный – города исполняли управленческие функции на огромных сибирских территориях.

Однако, несмотря на наличие градообразующих факторов на Севере Западной Сибири, в регионе не происходили урбанизационные процессы. Эволюция Сургута и Березова на протяжении конца XVI – конца XIX в. осуществлялась от города-крепости до торгово-промыслового центра. К началу XX в. в малых городах Севера Тобольской губернии отсутствовала

---

[75] Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). – СПб. : Алетейя, 2010. – С. 193.

[76] Солодкин Я. Г. О некоторых дискуссионных вопросах основания Сургута // В. И. Муравленко в истории становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири : мат-лы науч.-практ. конф., 18–19 мая 2007 г. – Сургут : Изд-во СурГУ, 2007. – С. 63.

промышленность мануфактурного и тем более фабричного типа, а среди населения преобладали сельские жители. Как отмечал Н. А. Абрамов, к 1850 г. отношение городских жителей к общему итогу обитателей Березовского округа составляло 1:21,48[77] (т.е. доля горожан была примерно 4,5%). В целом же население Березовского округа составляло 25209 чел. По мнению Н. А. Миненко, Сургут и Березов по своему характеру «напоминали торгово-промысловые слободы (с административными функциями), чем города в собственном смысле этого слова»[78]. Таким образом, урбанизированность территории будущего ХМАО была на очень низком уровне. Сургут и Березов в конце XIX в. входили в число угасающих городов Западной Сибири. По сравнению с другими городами Западной Сибири их численность населения была невелика. В Сургуте и Березово в 1858 г. проживали 1134 чел. и 1420 чел., в конце 1870-х гг. – 1308 и 1888 чел., в 1897 г. – 1120 и 1070 чел. соответственно[79]. Такая участь постигла все города, расположенные в таежной и тундровой зоне Сибири. Они не превращались в сколько-нибудь устойчивые торгово-промышленные центры и в большей степени зависели от административных мероприятий[80].

В начале XX в. распространяющаяся индустриализация Сибири не затронула северные города Тобольской губернии, так как они располагались на значительной удаленности от транссибирской магистрали, ставшей важнейшим градообразующим фактором. Численность населения Березова практически не увеличивалась, а Сургута – росла небольшими темпами. В Сургуте и Березово в

---

[77] Абрамов Н. А. Описание Березовского края. – Шадринск : ПО «Исеть», 1993. – С. 37–38.
[78] Миненко Н. А. Березов и Сургут в XVIII – первой половине XIX в // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). – Новосибирск : Наука», 1974. – С. 109.
[79] Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Часть I: Население. Экономика. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 295.
[80] Курилов В. Н. О некоторых закономерностях развития сибирского города XVII в. // Сибирские города XVII – начала XX века. – Новосибирск : Наука, 1981. – С. 114.

1904 г. проживало – 1244 чел. и 1168 чел., в 1910 г. – 1309 чел. и 1242 чел., в 1913 г. – 1449 чел. и 1087 чел. соответственно[81].

В период революций и гражданской войны Березов и Сургут стали центрами революционных событий на Севере Западной Сибири. Из-за военных действий сократилось городское население на территории будущего ХМАО. В 1924 г. в Сургуте проживало 1052 чел., в 1925 г. – 1026[82]. По сравнению с царским периодом население города сократилось больше чем на 400 чел.

Экономическая характеристика городов оставалась аналогичной, что и в XIX в. Преобладающими занятиями были рыболовство и охота. В 1920-х гг. в Сургуте занимались рыболовством 170 хозяйств, охотой – 95, извозом – 68, заготовкой дров на продажу – 61, кедровым промыслом – 32, переменной поденной работой – 44, сельским хозяйством – 16, сдачей в наем квартир – 72, службой в различных учреждениях – 49[83].

На начальном этапе советского строительства последовали процессы дезурбанизации. 15 сентября 1924 г. ВЦИК утвердил «Общее Положение о городских и сельских поселениях и поселках». Признаком городского поселения признавался характер занятий его жителей. Занятия сельским хозяйством среди горожан должны были составлять не более 25%[84]. Решение правительства привело к тому, что по всей стране значительно сократилось количество населенных пунктов, имеющих статус города. Под это сокращение попали уездные приобские города: 5 апреля 1926 г. Сургут и Березов были

---

[81] Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Часть I: Население. Экономика. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 295.

[82] Гололобов Е. И. Природно-географический фактор в социально-экономическом развитии Сургута и Сургутского района в 20-е гг. XX века // Очерки истории Сургута. – Сургут : Диорит, 2002. – С. 106.

[83] Гололобов Е. И. Природно-географический фактор в социально-экономическом развитии Сургута и Сургутского района в 20-е гг. XX века // Очерки истории Сургута. – Сургут : Диорит, 2002. – С. 113–114.

[84] Вайтенс А. Г., Косенкова Ю. Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – начала XXI веков. Опыт исторического исследования. – Обнинск : Ин-т муниципального управления, 2006. – С. 104.

преобразованы в села[85]. Основными причинами, почему Сургут и Березов стали селами, были: отсутствие промышленных предприятий, малочисленность населения городов, преобладание рыболовных и охотничьих хозяйств над торговлей и административно-служебными функциями.

В 1920-х гг. последовали изменения в административно-территориальном делении региона, которые сформировали современный облик ХМАО. В 1923 г. постановлениями ВЦИК были образованы Березовский, Сургутский, Самаровский и Кондинский районы в составе Тобольского округа Уральской области. Сургутский уезд был разделен на два района – Сургутский и Александровский. Сургут и Березов стали районными центрами. 10 декабря 1930 г. постановлением ВЦИК в составе Уральской области был образован Остяко-Вогульский национальный округ. В его состав вошли 6 районов: Березовский, Кондинский, Ларьякский, Самаровский, Сургутский, Шурышкарский. Центром округа было определено село Самаровское, располагавшееся в центре округа в районе развитой речной системы, которая при отсутствии железных и автомобильных дорог обладала наибольшими транспортными функциями. История Самарово берет начало в 1637 г., когда на правом берегу Иртыша, неподалеку от впадения его в Обь, был основан Самаровский ям. На протяжении веков село развивалось как небольшой транспортный и торговый центр.

С образованием Остяко-Вогульского национального округа началось новое градостроительное освоение края. Было принято решение о строительстве неподалеку от села Самарово нового города, поскольку само Самарово, в силу географических причин, не имело перспектив пространственного расширения. Летом 1930 г. была создана специальная комиссия, которая должна была определить удобное место для строительства столицы округа. Ею рассматривалось несколько проектов расположения окружного центра. Некоторые проекты предлагали в качестве такой столицы

[85] Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / под ред. В. П. Петровой. – Тюмень : ООО ТНЦ «ТюменНИИГипрогаз», ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. – С. 215, 222.

Сургут. Но в конечном итоге был выбран участок земли в урочище Большой Черемушник возле Самарова. К концу 1930 г. был составлен проект и генплан застройки окружного центра, получившей имя Остяко-Вогульск.

Первоначальная застройка Остяко-Вогульска была полностью деревянной. Центр населенного пункта размещался возле трехэтажного здания Дома Советов, перед которым на площади был разбит сквер. Вокруг центральной площади располагались также кинотеатр, клуб, Дом народов Севера. К 1936 г. в поселке имелось 98 построек, из которых 44 были заняты под жилые дома. Население Остяко-Вогульска насчитывалось 3 тыс. жителей[86]. Окружной центр развивался, и 10 апреля 1935 г. Президиумом Омского облисполкома было принято постановление считать Остяко-Вогульск поселком городского типа с подчинением его окрисполкому. В 1940 г. поселок Остяко-Вогульск был переименован в Ханты-Мансийск, а округ в – Ханты-Мансийский (ХМНО).

Одновременно с градостроительным освоением в 1930-х гг. формировался и новый промышленный облик региона. В 1928 г. в Сургуте было открыто первое промышленное предприятие – рыбоконсервная фабрика. В 1931 г. в селе Черный Мыс недалеко от Сургута был построен рыбзавод, в этом же году был образован Сургутский леспромхоз. В 1929–1930 гг. в Самарове был открыт рыбоконсервный комбинат. Начали действовать Березовский стеклозавод, Сургутская консервная фабрика, Самаровский консервный комбинат. В Кондинском районе создавалась лесозаготовительная промышленность. В 1934 г. в столице округа был организован кирпичный завод и столярно-слесарная мастерская. В середине 1930-х гг. был заложен Белогородский лесокомбинат. В 1939 г. в Сургуте появилась моторно-рыболовная станция, а в 1941 г. – машинно-тракторная станция.

Промышленный потенциал Ханты-Мансийского округа в основном сосредоточивался в лесозаготовительной (ее удельный вес в объеме

---

[86] Белобородов А. С. Столица Северного края. Очерки истории Самарова – Остяко-Вогульска – Ханты-Мансийска. – М. : УНИСЕРВ, 1996. – С. 121–123.

промышленного производства составлял 64%) и рыбоконсервной (удельный вес – 26%) отрасли. Вместе с тем в 1930 – 1940-е гг. в ХМНО отсутствовал рост вывозки древесины (она сохранялась на уровне 399,7 – 376,8 тыс. куб. м.) и снижался улов рыбы (с 16,5 до 13,6 тыс. т). Однако производство рыбных консервов увеличилось в 2,6 раза[87]. Накануне нефтегазового освоения на территории ХМНО заготавливалось 64,5% всей деловой древесины Тюменской области, добывалось 49,6% рыбы, производилось 42,9% рыбных консервов областного производства. В округе насчитывались промышленные предприятия: 2 рыбозавода, 3 рыбокомбината, 3 леспромхоза, 1 лесокомбинат, 2 маслозавода, 1 деревообрабатывающий комбинат[88].

Однако формирование промышленного производства практически не повлияло на урбанизационное развитие округа. По переписи населения 1926 г. на территории ХМНО проживали 3 тыс. горожан, в то время как сельского населения насчитывалось – 36 тыс. чел. (в процентном соотношении – 7,7 и 92,3%). По переписи населения 1939 г. городское население ХМНО составляло 8 тыс. чел. (это население одного Остяко-Вогульска), а сельское – 85 тыс. чел. (8,6 и 91,4%)[89].

В первой половине XX в., как и в предшествующий период, городское пространство в Ханты-Мансийском округе расширялось не за счет процесса индустриализации, а с учетом административного фактора. 27 января 1950 г. Ханты-Мансийск получил статус города окружного значения с включением в его черту села Самарово. Этим событием прервался двадцатичетырехлетний период фактического и юридического отсутствия городского населения в ХМНО, когда в округе не было образовано ни одного города и рабочего

---

[87] Колева Г. Ю. Индустриальное развитие территорий будущей Тюменской области в первой половине XX в. (1900–1944 гг.) // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 65-лет. Тюмен. обл. (21–23 мая 2009 г.). – Тюмень : ТюмГНГУ, 2009. – С. 41.

[88] Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2005. – В 2 ч. : ч. 1. – С. 50.

[89] Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993 / Государственный комитет Российской Федерации по статистике. – М., 1994. – С. 18, 21.

поселка (кроме Остяко-Вогульска). Городская среда региона оставалась на низком уровне и не имела развития.

Расширение поисково-разведочных работ на нефть и газ в Западно-Сибирском районе в 1950-х гг. привело к формированию новых городских поселений: в поселки городского типа были преобразованы Березово (1954 г.) и Сургут (1958 г.). С развитием лесозаготовительной промышленности в 1959 г. поселком городского типа стал Октябрьский. В конце 1950-х гг. доля городского населения в ХМНО увеличилась и стала составлять 27%, а сельского – 73%: 33 тыс. горожан против 91 тыс. сельчан.

Итак, к началу нефтегазового освоения, которое последовало в начале 1960-х гг., в регионе существовало только три локальных поселения, которым были присущи городские элементы: Ханты-Мансийск, Березово и Сургут. В 1960–1990-х гг. большинство городов ХМНО создавались либо на базе сельских поселений, либо же не имели никакого основания.

На базе сельского поселения получил развитие город Нижневартовск. В начале XX в. на месте будущего города была основана небольшая пристань на левом берегу Оби, где жители занимались заготовкой дров для сибирских пароходов. Вокруг этой пристани в 1909–1912 гг. возникло поселение из нескольких домов, которое в 1920 г. образовало село Вартовск. В 1924 г. село было переименовано в Нижневартовское. К началу нефтегазового освоения в селе насчитывалось около полутысячи человек.

Город Лянтор строился на месте поселка Пим, который был образован при насильственном переводе с кочевого на оседлый образ жизни народа ханты в 1930-е гг. Город Нефтеюганск был сформирован вблизи села Усть-Балык. От поселения спецпереселенцев 1930-х гг. и лесопункта 1950-х гг. берет начало город Нягань. Деревня Урай, которая впоследствии стала городом нефтяников, была основана в 1920-х гг., когда активно заселялся бассейн реки Конды. В 1924 г. она вошла в Шаимский сельсовет.

Таким образом, на базе поселений были основаны Сургут, Урай, Нефтеюганск, Нижневартовск, Нягань, Лянтор. Формировались на абсолютно

необжитом пространстве города Когалым, Комсомольский (Югорск), Мегион, Радужный, Белоярский, Лангепас, Покачи, Пыть-Ях, Советский. Некоторые города, например Мегион, строились на местах нахождения хантыйских юрт. Однако населенные пункты коренного населения не играли никакой роли в организации поселков нефтяников.

На территории ХМНО преемственность при смене схем расселения наблюдалась только в Сургуте. При возведении других городов предшествующие им поселения не имели большого значения ни при выборе места строительства нового города, ни при последующем его развитии. В то же время историческая преемственность при становлении нового Сургута скорее имела форму подавления и разрушения предшествующего поселения, его традиций и культуры. Исторический центр Сургута был разрушен и застроен в 1980-х гг. Но непосредственная локализация древнего и современного Сургута практически не изменилась.

Таким образом, в первой половине XX в. урбанизационные процессы в Ханты-Мансийском округе имели «консервированный» характер, развивались за счет административных преобразований – строительства окружной столицы Ханты-Мансийска. К началу открытия первых нефтяных и газовых месторождений в регионе была сформирована схема городского расселения с центрами в городе Ханты-Мансийске и «бывших городах» Сургуте и Березове. Только часть этой схемы послужила каркасом для градостроительного освоения региона в период развития нефтегазодобывающей промышленности.

1.2. Природно-географические условия урбанизации

К идее о том, что географический детерминизм является одним из факторов, определяющих развитие общества, прибегали многие известные зарубежные философы и историки: Ж. Боден, Ж.-Б. Дюбо, Ш. Монтескье, Г. Т. Бокль, К. Риттер, И. Г. Гердер, Г. В. Ф. Гегель. В отечественной историографии роль природно-географических факторов в историческом процессе учитывали

С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, евразийцы, Л. Н. Гумилев. В конце XX в. нашла признание концепция академика Л. В. Милова, согласно которой «природно-климатический фактор имел важнейшее влияние на характер и темпы развития человеческого общества вообще и на характер и темпы развития тех или иных его социальных формирований»[90]. Сегодня в исторической науке общепризнано, что существует причинно-следственная связь между природно-климатическими изменениями и социальными процессами.

Природно-географический детерминизм особенно важен при исследовании процессов урбанизации. Во-первых, географические факторы связаны с урбанизацией в той мере, насколько они определяют исторический процесс и процесс модернизации, поскольку урбанизация есть часть этих процессов. Во-вторых, географическая среда и территориально-пространственное измерение априори есть квинтэссенции урбанизации. Процессы урбанизации – это во многом географические процессы, распространяющиеся и функционирующие в пространстве, тесно связанные с определенной территорией, и поэтому, естественно, урбанизация обусловлена природой. Тогда природно-географические, территориальные условия для урбанизации являются нечто большим, чем просто условиями, это их базис, естественный фундамент, который присутствует у всех урбанизационных процессов, в каком регионе они бы ни происходили. Территория и физическое окружение очерчивают социально-экономическую и политическую эволюцию, намечают своеобразие региональных процессов модернизации и урбанизации. Природа влияет на формирование городской среды. В зависимости от территории разрабатываются планировка и застройка города, создаются инженерная и транспортная системы, устанавливаются архитектурные формы зданий и улиц, применяются специальные устойчивые материалы и конструкции.

---

[90] Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2001. – С. 554.

Не являлась исключением урбанизация Ханты-Мансийского округа. Роль природно-географических факторов в урбанизации ХМАО можно оценить как положительно, так и отрицательно. Поэтому при разработке классификации природно-географических факторов за основной критерий берется степень оценки их причастности к городскому развитию. Положительные факторы – это те, которые устанавливали возможности урбанизации, а отрицательные, наоборот, обусловливали их ограничения.

В начале нефтегазового освоения проектными институтами и организациями большое внимание уделялось природным условиям в районах нефтедобычи. Они ставили задачу установить наличие территорий, пригодных для размещения и строительства населенных пунктов и промышленных объектов. Данной проблемой занимались Сибирский зональный научно-исследовательский и проектный институт (СибЗНИИЭП), Совет по изучению производственных сил при Госплане СССР, Институт географии Академии наук СССР, институт «Гипротюменнефтегаз» Миннефтепрома СССР, «Гипрогор».

Основополагающим ограничителем урбанизации в ХМАО была его территория. Округ располагался в центре Западно-Сибирской равнины и охватывал Средне-Обскую и Кондинскую низменности и часть Сибирских увалов. Территория ХМАО обладала огромными размерами – 534,8 тыс. кв. км, с севера на юг она простиралась на 900 км, а с запада на восток – на 1400 км. Такие размеры региона усложняли процессы заселения и расселения, что уменьшало коэффициент плотности населения, а также коммуникативное взаимодействие между поселениями округа. Географически округ находился далеко от урбанизированных центров, что также отрицательно сказывалось на городском развитии.

Территория ХМАО не только имела неудачное месторасположение для урбанизации, но и сама территория обладала характеристиками, которые существенно препятствовали городскому строительству и освоению. СибЗНИИЭП сетовал на то, что значительные площади округа заболочены,

особенно в Сургутском, Нижневартовском и других районах Приобья, где они превышали 50%[91]. Начальник технического отдела «Гипротюменнефтегаза» С. Н. Вассерман критически оценивал в топографическом отношении территорию округа. Он утверждал, что за неимением выраженного рельефа у большинства пригодных для строительства площадок нередко совершенно отсутствовали необходимые уклоны менее 0,5%, что затрудняло решение стоков с площадок, вертикальной планировки и прокладку сетей инженерного оборудования территории. На большинстве выбранных площадок для городского строительства грунты не полностью соответствовали всем критериям. Они были слабыми, водонасыщенными наносными пойменными грунтами, во многом заторфованными, с уровнем грунтовых вод, доходящим до –0,5 м, а нередко и до поверхности земли[92].

Летом 1965 г. Обский отряд Западно-Сибирской экспедиции Института географии АН СССР провел исследование природно-географической среды среднеобского района. Согласно экспедиции, в районе выделялись три основных типа природных комплексов: 1) лесной; 2) болотно-озерный (междуречные); 3) кустарниково-луговой (пойменный)[93]. Результаты исследования показали, что возможности освоения территории лимитировались наличием достаточно обширных незаболоченных или легко мелиорируемых территорий и их размещением вблизи путей сообщения, а также существованием в их пределах надежных источников водоснабжения. Этим требованиям в большей степени отвечали территории лесных комплексов, расположенных на приречных полосах с дренированной почвой. Поймы рек и придолинные территории Средней Оби также были пригодны для организации сельского хозяйства пригородного типа, в первую очередь это касалось мясомолочного животноводства и огородничества. Институт географии допускал создание на пойменных угодьях мясного (откормочного) пастбищного животноводства и мясного табунного коневодства. Однако

[91] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 183.
[92] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.
[93] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 161–162.

относительно благоприятные пойменные зоны на длительное время затапливались паводковыми водами.

Еще одним фактором, сдерживающим промышленное развитие и урбанизацию в регионе, был суровый климат. Климат в округе резко континентальный. На тюменской конференции по градостроительству 1966 г. руководитель отдела жилых и общественных зданий СибЗНИИЭП Г. Ф. Кравцов охарактеризовал климат Западно-Сибирской низменности следующим образом: «Здесь длительные и холодные зимы с температурой, снижающейся до –55°С. В средней и особенно в южных частях зоны лето короткое, но теплое, а иногда и жаркое с наружной температурой, доходящей до 37°С. Амплитуда колебаний между минимальной зимней и максимальной летней достигает 80 – 85°С. Значительны также изменения температур в течение года, месяца и даже суток»[94]. Например, на начало 1960-х гг. в Сургуте количество дней в году с температурой ноль и ниже колебалось в районе 205. Средняя температура в январе составляла –21,3°С, а в июле 19,8°С, абсолютный минимум наружной температуры был равен –55°С, а максимум 32°С[95]. Длительные низкие температуры отрицательно воздействовали на здоровье прибывающего населения, непривыкшего к суровым условиям. Холодный климат значительно увеличивал глубину промерзания грунтов, создавал предпосылки возникновения «островной» вечной мерзлоты при освоении площадки и вызывал необходимость в особых методах ведения строительно-монтажных работ[96].

Влияние низких температур усиливалось ветром, поэтому важным становилось формирование ветрозащитных сооружений. На основании розы ветров принимались решения по планировке улиц и расположению жилых домов и предприятий. Как отмечала архитектор Т. И. Алексеева, в условиях застройки городов Западной Сибири повышение этажности даже до девяти

[94] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 127.
[95] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 129.
[96] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

этажей стало проблемой[97]. По мнению архитектора, высокоэтажное строительство следовало осуществлять только в исключительных случаях, потому что в регионе слишком велик ветровой напор, перепады давлений в здании, вследствие чего происходили немалые теплопотери.

На характер строительства новых городов нефтяников и газовиков влияли осадки в виде снега. Вьюги, бураны, метели и снегозаносы препятствовали нормальному строительству. Снег создавал угрозу для обрушений кровли зданий, засыпал двухэтажные дома под крышу и погребал под собой технику. В то же время благодаря снежной зиме организовывалась транспортная система в виде снежных дорог – зимников, которые на начальном этапе градостроительства служили важнейшим средством коммуникации.

Районы нового промышленного освоения были бедны полезными ископаемыми для производства строительных материалов. В 1960-х гг. местные ресурсы были разведаны плохо. Строителей и ученых не устраивали запасы инертных заполнителей и природных каменных материалов – песка, гравия, щебня, гальки. Не было обнаружено сырья для цементной промышленности[98]. Однако на протяжении 1965 г. Тюменское геологическое управление, проводя интенсивные работы по разведке месторождений строительных материалов, открыло 63 месторождения, в том числе 49 месторождений кирпичных и керамзитовых глин, 13 – строительного песка и песчано-гравийной смеси, 1 месторождение бутового камня. К наиболее крупным относились Каменовореченское в 15 км от Сургута, имевшее значительные запасы песка и гравия, Чернореченское в 8 км от Сургута с запасами строительных песков, Локосовское месторождение глин в 100 км от Сургута, Урайское и Сухоборское месторождения керамзитовых глин в 4–7 км от Урая[99].

Таким образом, выделяются пять природно-географических факторов, которые определяли ограничения урбанизации ХМАО: 1) размер и

---

[97] Алексеева Т. И. Региональные особенности градостроительства в Сибири и на Севере. – Л. : Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1987. – С. 35.
[98] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 186.
[99] Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2005. В 2 ч. : ч. 2. – С. 15.

месторасположение региона; 2) заболоченность территорий и слабый грунт; 3) Неудобный для строительства рельеф; 4) неблагоприятный холодный климат; 5) недостаточные запасы местного природного сырья, нужного для производства стройматериалов.

В августе 1963 г. Государственная экспертная комиссия Госплана СССР обнародовала заключение «О комплексном использовании природно-сырьевых и водно-энергетических ресурсов Тюменской области»[100]. В заключении давалась систематизация природных ресурсов области, комплексная эксплуатация которых была необходима для промышленного развития региона и страны. По сути, под систематизацией скрывалась классификация природно-географических факторов, положительно влияющих на формирование и развитие не только промышленной базы, но и урбанизации. Положительные условия городского роста в ХМАО определялись изобилием природных ресурсов.

Главными природными ресурсами региона являлись нефть и газ. Согласно заключению комиссии Госплана, запасы нефти составляли 45 млрд т (30% прогнозных запасов СССР), а запасы газа – 5000 млрд куб. м (10% прогнозных запасов СССР). Нефти и газа было не просто много, они еще обладали высоким качеством: удельный вес 0,81–0,83, содержание серы 0,1–0,5%, высокий выход светлых фракций 49–62%[101].

Месторождения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции характеризовались в горно-геологическом отношении благоприятными условиями: простое строение нефтегазосодержащих локальных поднятий, подходящий сейсмогеологический разрез, хорошая проницаемость, большие пластовые давления, углеводороды залегали на сравнительно небольшой глубине (до 2500 м)[102]. Данные условия способствовали снижению капиталовложений на бурение и промысловое обустройство. Высокий

[100] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 537. Л. 28–42.
[101] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 537. Л. 30–31.
[102] Ботвинников В. И., Робинсон Б. В. Проблемы освоения и использования нефтегазовых ресурсов Сибири // Географические проблемы освоения ресурсов Сибири. – Новосибирск : Наука, 1983. – С. 5.

коэффициент рентабельности от использования нефти и газа делал приемлемым и оправдывал масштабное промышленное освоение.

За счет водных ресурсов Тюменской области формировались транспортные и энергетические возможности урбанизации. Содействовало этому наличие в регионе одной из крупнейших в мире реки Обь с притоками – реками Иртыш, Тобол и Томь, бассейн которых охватывал 3 млн кв. км, а общая протяженность судоходных рек Тюменской области составляла примерно 15 тыс. км[103]. Особенно густо была развита речная сеть в Среднем Приобье, где река принимала крупные притоки: Кульеган, Большой Юган, Большой Салым – с левобережной части, а Вах, Тромъеган, Пим, Лямин, Назым – с правобережной.

Обь не только тянулась вдоль округов – ХМАО и ЯНАО, – но и находилась вблизи от месторождений. Это и определило территорию первоочередной колонизации. Практически все районы месторождений, открытых к 1963 г., находились на территории ХМАО и вблизи русла реки Оби: Березовский, Шаимско-Красноленинский и Средне-Обский. Поселения, образованные рядом с местами добычи, с помощью речной сети соединялись с крупными сибирскими городами Тюменью, Томском, Новосибирском. С другой стороны, сезонность действия речного транспорта ограничивала развитие городов. Однако положительным моментом стало также то, что здесь уже существовало несколько поселений. Поэтому города нефтяников было решено строить вдоль русла реки Оби. При относительно более благоприятных природных условиях Среднего Приобья, в отличие от остальных районов ХМАО, здесь намечалось строительство базовых городов, откуда рабочие направлялись на вахту. Вахтовый метод расселения становился главным инструментом для борьбы с экстремальными природными условиями.

Реки ХМАО определяли гидроэнергоресурсы нефтегазовых районов Западной Сибири, которые, по данным Госплана, составляли 83 млрд. кВт-ч в год. Водные артерии позволяли создать 10 гидроэлектростанций, из которых

[103] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 185.

важнейшей могла бы стать Нижнеобская ГЭС, позволяющая получить до 30 млрд кВт-ч электроэнергии в год[104]. Однако Нижнеобскую ГЭС так и не построили. Негативной особенностью ГЭС была чрезвычайно большая площадь затопления территории, на которой имелись крупные запасы нефти и газа, что, в свою очередь, делало немыслимым городское строительство в регионе. В целом водные ресурсы округа обеспечивали нужды промышленных предприятий и хозяйственно-питьевые потребности населения. Страдала экологическая составляющая – урбанизация и промышленность вели к загрязнению водной среды.

Реки и озера ХМАО были богаты рыбой. В начале 1960-х гг. величина среднегодового улова в Обь-Иртышском бассейне насчитывала 650–700 тыс. ц[105] – достаточный объем, чтобы поставить на поток рыбный промысел. Однако нефтегазовое освоение вело к загрязнению рек. Рыба вымирала, а ее уловы сокращались. В первую половину 1960-х гг. вылов сиговых рыб (нельмы, стерляди и др.) сократился на четверть. Если в среднем здесь вылавливалось по 40 тыс. т рыбы, то в 1968 г. эти уловы упали до 29 тыс. т, а в 1969 г. – до 16 тыс. т[106]. К 1970 г. общий ежедневный улов рыбы уменьшился еще вдвое. К середине 1980-х гг. он стал восстанавливаться, но так и не достиг прежнего уровня. Однако местная рыба отличалась не лучшим качеством. Впоследствии оказалось, что обитатели Оби и Иртыша заражены описторхозом, который передавался людям через пищу и очень тяжело лечился. Население ХМАО неоднократно сталкивалось с этим заболеванием, иногда принимавшим в городах характер эпидемии.

Большая часть территории округа находилась в таежной зоне. Югорский лес, который был богат ценной древесиной, расширял возможности урбанизации. Пригодность лесосырьевых ресурсов в период нефтегазового освоения позволяла создать вспомогательное к нефтегазовой промышленности

---

[104] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 537. Л. 30.
[105] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 537. Л. 31.
[106] Ваняев Н. А. Перспективы развития рыбного хозяйства Обь-Иртышского бассейна // Материалы конференции по проблемам развития и размещения производительных сил Тюменской области. – Тюмень, 1970. – Т. 1. – С. 132.

лесозаготовительное и лесоперерабатывающее производство. Между тем урбанизация вела к вымиранию лесов. Развитие лесной промышленности вдоль железных дорог Ивдель – Обь и Тавда – Сотник способствовало образованию 15 поселков городского типа и одного города Советский. Инстиут ЛенНИИПградостроительства не рекомендовал при строительстве городов застраивать лесные массивы, так как это приводило к их уничтожению[107]. Однако ведомства не следовали этим рекомендациям. В Ханты-Мансийском округе при прокладке трубопроводов, линий электропередач, обустройстве нефтяных и газовых месторождений ежегодно вырубалось до 2 млн кубометров леса. Дерево использовалось абсолютно не рационально. В 1984–1985 гг. промышленники оставили гнить в тайге 400 тыс. кубометров леса, в то время как у предприятий лесной промышленности области ежегодно закупалось около 500 тыс. кубометров древесины для устройства лежневых дорог и оснований буровых вышек[108].

Еще одним важным природным ресурсом, который благоприятствовал индустриальному и урбанизационному развитию, являлся торф. Залежи торфа в Тюменской области распространялись на площади 214 тыс. кв. км, а общие его запасы оценивались в размере около 74 млрд т[109]. Местный торф был различных типов – верховой, переходный и низинный. Он мог использоваться как топливо, удобрение, подстилка и теплоизоляционный материал. Основные надежды Госплан связывал с использованием местного торфа в виде топлива. Однако торф сильно затруднял строительство и прокладку инженерных коммуникаций, и требовалось время, чтобы заменить торфяные почвы песком.

Итак, возможности промышленного развития и урбанизации ХМАО определялись природными ресурсами: 1) залежами нефти и газа; 2) богатой водной системой; 3) лесным богатством и огромными запасами торфа.

---

[107] Крушлинский В. И. Город и природа Сибири: Архитектурно-планировочные аспекты. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – С. 138.
[108] Алексеев В. В., Ламин. В. А. Прометеи сибирской нефти. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. – С. 243.
[109] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 537. Л. 32.

В целом природные ресурсы заложили естественный фундамент под урбанизацию ХМАО. Отличительную черту этого фундамента точно сформулировал И. Д. Карягин: «Критерии статистической аналогичности, характеризующие потенциальные природные ресурсы в расчете на 1 млн потребителей в пределах экономически эффективных районов потребления для Тюменской области выше, чем для Донбасса, Урало-Поволжья, в среднем для наиболее развитых в экономическом отношении районов СССР»[110]. Критерии были настолько высокими, что рано или поздно промышленное и градостроительное освоение было неизбежным.

Тем не менее И. Д. Карягин указывал, что «по обеспеченности потенциальных природных ресурсов трудовыми ресурсами в расчете на условную приведенную единицу запасов, по транспортному освоению территории и развитию инфраструктуры, по уровню научно-технического освоения природных богатств и реализации социально-экономических возможностей Тюменская область в среднем имеет показатели на порядок ниже, чем в других районах страны»[111]. Такая тенденция наделяла урбанизацию некоторыми свойствами, в число которых входили: высокая миграция в города, отсталость транспортной системы и социально-бытовой инфраструктуры, преобладание экстенсивных схем развития над интенсивными и количественных методов над качественными.

В то же время природные ресурсы создавали определенную форму урбанизации. Формировалась модель такой урбанизации, которая опиралась на нефтегазовую индустрию и лесную промышленность. Природно-географические условия фиксировали за городами монофункциональную структуру. Близость месторождений к Оби обусловливала пространственное расположение создаваемых городов и поселков вдоль реки, что также определяло значимость развития речного транспорта для городов и

---

[110] Карягин И. Д. Оптимальное планирование комплексного развития народного хозяйства Тюменской области // Социально-экономические проблемы освоения Севера Тюменской области. – Тюмень : Тюменский индустриальный институт, 1973. – С. 5.
[111] Там же.

промышленности. Кроме того, на приречном пространстве больше всего располагалось селитебной территории, которая не требовала специальных санитарно-защитных мер.

Таким образом, большинство природно-географических факторов не способствовало развитию городских поселений в Югре на протяжении многих веков. Однако открытие огромных запасов нефти и газа в регионе делало будущее освоение не только необходимым, но и неизбежным. Вопреки сложным климатическим условиям государство взялось за промышленное и городское развитие округа.

1.3. Нефтегазовое освоение и индустриальное развитие ХМАО как основной градообразующий фактор

Процессы урбанизации неразрывно связаны с индустриальным развитием. История показывает, что рост городов и городского населения наблюдался в периоды перехода от традиционного к индустриальному обществу. Историк А. С. Сенявский справедливо указывает, что жесткая связь и корреляция урбанизации со стадией индустриализации характерна для всех стран и независима от специфики локальной цивилизации[112].

Российская урбанизация также подчинялась данным законам. Городское развитие в России в конце XIX – начале XX в. было детерминировано бурным промышленным ростом. В большей степени эта взаимосвязь проявилась в советский период, когда, как отмечают многие российские историки и географы, урбанизация выступила «побочным продуктом индустриализации». Таким образом, переход от традиционного и аграрного хозяйства к промышленному и замещение ручной рабочей силы технологиями лежат в основе урбанизационных процессов.

---

[112] Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. – М. : Наука, 2003. – С. 44.

Под факторами градообразования понимаются важнейшие внешние по отношению к ним проявления, обусловливающие рамки и лимитирующие ход их развития. По мнению урбаниста Б. С. Хорева[113], главнейшими из них являются: 1) производство; 2) транспорт; 3) естественные ресурсы; 4) пространство (географическое и космическое); 5) общественные отношения. Вместе с тем, как указывает Т. И. Алексеева, из многочисленных градообразующих факторов, как правило, «работают» два-три: наличие природных ресурсов и необходимость их разработки, расширение имеющихся промышленных предприятий в основном добывающего характера, реже перерабатывающего, или развитие транспортного или энергетического узла[114]. Именно эти «рабочие» факторы стали катализатором урбанизации ХМАО в 1960–1990-х гг.

Однако разные отрасли промышленности обладают различной способностью поглощать рабочую силу и, таким образом, в разной степени закреплять, поощрять и сдерживать тенденции города к росту. Исследователи выделяют следующие группы отраслей по потенциалу градообразующей «силы» (в порядке убывания): 1) черная металлургия; 2) машиностроение, текстильная, химическая отрасли; 3) добыча рудных и нерудных ископаемых, пищевая, стекольная, фарфорово-фаянсовая отрасли, транспорт; 4) лесозаготовительная, торфоразрабатывающая, газодобывающая[115]. Несмотря на то что градообразующие отрасли ХМАО попали по этой классификации в третью и четвертую группы, они все же способствовали масштабному росту городов в регионе.

Развитие градообразующих отраслей в Сибири осуществлялось за счет грандиозных проектов социально-экономического развития, которые в советское время получили название территориально-промышленных

---

[113] Хорев Б. С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). – М. : Мысль, 1975. – С. 19.
[114] Алексеева Т. И. Региональные особенности градостроительства в Сибири и на Севере. – Л. : Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1987. – С. 91.
[115] Бочаров Ю. П., Фильваров Г. И. Производство и пространственная организация городов. – М. : Стройиздат, 1987. – С. 26.

комплексов (ТПК): Урало-Кузбасс, Байкало-Амурская магистраль, Ангаро-Енисейский и Канско-Ачинский комплексы. Промышленное освоение ХМАО, богатого запасами нефти, было ключевым элементом развития Западно-Сибирского ТПК, который в конце 1970-х гг. стал именоваться Западно-Сибирским нефтегазовым комплексом (ЗСНГК).

Становление и развитие ЗСНГК определялось целым рядом промышленно-производственных отраслей, которые служили градообразующими факторами на территории комплекса: 1) нефтегазодобыча и нефтегазопереработка; 2) геология; 3) строительное производство и строительная индустрия; 4) энергетика; 5) транспортная система; 6) система нефтегазопроводов; 7) лесная промышленность. В ХМАО выделились три локальных территориально-промышленных комплекса: 1) Среднеобский – специализировавшийся на нефтедобывающих отраслях; 2) Северо-Сосьвинский – профилирующими отраслями были лесная и газовая промышленность; 3) Кондинский – база нефтяной, лесной и рыбной промышленности[116].

Зарождение урбанизации в северных районах Тюменской области связывается с развитием геологоразведочных работ и появлением организаций геологов. Именно экспедиции геологов в конце 1940–1950-х гг. заложили фундамент под городское расселение ХМАО. Геологи не только задали региону первоначальный палаточный стандарт, окрашенный романтикой неустроенности, но и на старте процесса освоения предопределили субординацию организационных структур – подчинили структуру расселения задачам производства[117]. Села, которые становились базовыми пунктами геологоразведочных экспедиций, получали статус поселков городского типа. Например, благодаря этому фактору в 1958 г. село Сургут, куда высадилась геологоразведочная экспедиция под руководством Ф. К. Салманова, было

[116] Будьков С. Т. Тюменский меридиан: ресурсы, проблемы, перспективы. – Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1982. – С. 105–111.
[117] Ганопольский М. Г., Федоров Р. Ю. На пути к нефтегазодобывающей цивилизации (опыт историко-географической реконструкции) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1. – С. 208.

преобразовано в поселок городского типа. Еще раньше, после открытия Березовского газового месторождения в сентябре 1953 г., статус поселка городского типа получило село Березово. Организация в 1961–1962 гг. Мегионской и Усть-Балыкской нефтеразведочных экспедиций послужили отправной точкой для создания поселков Мегион и Нефтеюганск, а в 1978 г. поселком городского типа стал поселок геологов Новоаганск. 22 августа 1966 г. на базе Тюменского территориального геологического управления Мингео РСФСР было создано Главное Тюменское производственное геологическое управление (Главтюменгеология), которому подчинялись все геологические организации в Тюменской области. Предприятия управления обладали градообразующими функциями («Обьнефтегазгеология» в г. Сургуте и «Мегионнефтегазгеология» в Мегионе).

Вместе с тем в конце 1950-х гг. в городском развитии региона не наблюдались коренные изменения. Во-первых, это было связано с тем, что геологические разведки и экспедиции не обладали таким потенциалом, который способствовал бы появлению новых городов, а во-вторых, было обнаружено несколько небольших месторождений, что являлось явно не достаточным для широкомасштабного промышленного освоения и урбанизации.

Если развитие геологоразведочных работ на территории округов Тюменской области лишь заложило фундамент под городским расселением, то развитие нефтяной и газовой промышленности стало определяющим фактором урбанизации региона. В июне 1960 г. в Шаимском районе было открыто первое нефтяное месторождение. В 1961 г. забили мощные фонтаны нефти в районе Среднего Приобья – в Мегионе и Усть-Балыке. В 1962 г. найдено Западно-Сургутское нефтяное месторождение, а в 1964 г. – Правдинское. К 1965 г. было обнаружено уже 27 нефтяных и 24 газовых месторождения. С открытием месторождений постепенно началась подготовка их к промышленной эксплуатации. Пробная эксплуатация последовала в 1964 г., в результате которой было добыто 209 тыс. т. нефти.

Почти все нефтяные запасы находились в ХМАО, где выделилось четыре нефтедобывающих района: Нижневартовский, Сургутский, Южно-Балыкский (Юганский) и Шаимский (Урайский). В Шаимском районе разрабатывались Трехозерное, Тетерево-Мортымьинское, Убинское и Толумское месторождения. В Сургутском и Южно-Балыкском – многопластовые Усть-Балыкское, Западно-Сургутское, Правдинское, Мамонтовское, Федоровское, Быстринское. В Нижневартовском районе шла эксплуатация Самотлорского, Советского, Мегионского, Ватинского, Аганского, Мыхпайского и других месторождений[118]. Наибольшая добыча приходилась на Нижневартовский район, в котором в 1980 г. добывалось 64,8% нефти Западной Сибири, в то время как в Сургутском – 15,5%, в Юганском – 14,6%, в Шаимском – 2,0%, а в Томском области – 3,1%[119].

В июне 1965 г. на базе объединения «Тюменнефтегаз» в системе Миннефтепрома СССР было создано Главное тюменское производственное управление по нефтяной и газовой промышленности (Главтюменнефтегаз), которое в 1965–1977 гг. возглавлял крупный организатор-нефтяник Виктор Иванович Муравленко. В 1965 г. Главтюменнефтегаз начал промышленную добычу нефти. Заработали градообразующие предприятия городов Урая, Нижневартовска, Нефтеюганска и Сургута – нефтепромысловые управления (НПУ) «Шаимнефть», «Мегионнефть», «Юганскнефть» и «Сургутнефть». В 1977 г. вместо нефтепромысловых управлений были образованы четыре мощных производственных градообразующих объединения: «Урайнефтегаз», «Нижневартовскнефтегаз», «Юганскнефтегаз» и «Сургутнефтегаз».

В 1973 г. ХМНО вышел на первое место в стране добыче нефти в сутки, а в 1974 г. по ежегодной добыче, составившей почти 110 млн т. В 1978 г. на промыслах ХМНО был добыта миллиардная тонна нефти, из них

---

[118] Будьков С. Т. Тюменский меридиан: ресурсы, проблемы, перспективы. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – С. 37–38.

[119] Ефремов Е. П., Михалев М. К., Чурилов Л. И., Чудновский Г. Л. Состояние и направления дальнейшей реализации программы комплексного развития нефтедобывающей промышленности Западной Сибири // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Новосибирск : Наука, 1983. – С. 69.

Самотлорлоское месторождение дало 524 млн т. К середине 1980-х гг. Тюменская область, считай ХМАО, обеспечивала более 60% добычи всей отечественной нефти[120].

Промышленная добыча нефти привела к крупной миграции рабочей силы в ХМАО. Рост населения округа коррелировался с объемами разработок углеводородов (приложение 6). Особенно быстрыми темпами население стало расти после 1970 г., когда объемы добычи нефти вышли на всесоюзный уровень. Наибольший прирост населения в округе (почти 400 тыс. чел.) случился в 1980–1985 гг., т.е. именно в ту пятилетку, когда нефтяниками было добыто больше всего нефти – около 1760 млн т. В 1990–2000 гг. в период кризиса нефтедобывающих отраслей, когда прирост добычи нефти показал самый низкий результат за 40 лет, а годовая добыча нефти упала более чем в два раза по сравнению с 1980-ми гг., рост населения в ХМАО практически прекратился. Таким образом, зависимость численности населения и объемов добываемой нефти являлась линейной, что подтверждает значение нефтедобычи как ключевого градообразующего фактора.

Развитие нефтяной промышленности влияло не только на рост населения, но и непосредственно на схему расселения в ХМАО. В соответствии с особенностями нефтяного производства К. Н. Мисевич и В. И. Чуднова классифицировали производственные объекты нефтяной отрасли, влияющие на схему расселения: 1) объекты бурения; 2) объекты добычи; 3) устройства по сбору и транспортировке нефти; 4) базы и предприятия подсобного значения, обслуживающие нефтедобывающую промышленность. Объекты первой группы не могли служить основой для градостроительства ни по продолжительности срока своего действия, ни по числу занятых трудящихся, ни по характеру расселения. На основе объектов второй и третьей групп возникали самостоятельные поселки по функциональным признакам (поселки для дежурного персонала, пожарников и т.д.). Только предприятия четвертой

[120] Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). – Тюмень : ТюмГНГУ, 2005. – С. 71.

группы становились градообразующей основой, так как обладали постоянным местонахождением и значительным числом рабочих[121]. На основе таких предприятий в середине 1960-х гг. получили развитие Сургут, Урай, Нижневартовск и Нефтеюганск. Они стали подчинятся выбранной схеме расселения «базовый город – вахтовый поселок». Согласно этой схеме, в ХМАО развивались только базовые города (развитию других поселений воспрепятствовалось), где рабочие жили со своими семьями и откуда доставлялись вахтовым способом на месторождения.

Такая схема действовала до конца 1970-х гг., когда огромные запасы нефти с высокими дебитами сосредотачивались на сравнительно ограниченной территории Среднего Приобья. Эксплуатация таких месторождений легко осуществлялась за счет небольшого числа базовых городов. Она также не требовала технологического развития, поскольку в 1960–1970-е гг. преобладал фонтанный способ добычи нефти, на который в рамках рассматриваемого периода приходилось от 99,9 (1965 г.) до 87,7% (1977 г.)[122]. Однако падение добычи нефти на основных месторождениях в конце 1970-х гг. привело к необходимости внедрения в разработку небольших по объему и запасам месторождений. Если в 1964–1975 гг. в разработку было введено только 20 месторождений, то в конце 1970-х гг. осваивалось по 8–9 месторождений ежегодно[123]. Введение огромных необжитых территорий в промышленное освоение и значительный территориальный разброс месторождений привели к пересмотру схемы расселения – было принято решение строить множество городов и рабочих поселков в качестве баз для эксплуатации новых месторождений.

---

[121] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. – Новосибирск : Наука . Сиб. отд-ние, 1973. – С. 124.

[122] Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). – Тюмень : Вектор Бук, 2010. – С. 129.

[123] Голубничий А. М., Гурьев В.П., Пермяков В. Т., Сесин Н. А. Вопросы совершенствования планирования на новом этапе развития нефтяной промышленности Западной Сибири // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Новосибирск : Наука, 1983. – С. 92–93.

Значительный вклад в формирование городской схемы расселения в округе был внесен газовой промышленностью. История газовой промышленности в Тюменской области и ХМАО берет начало в 1966 г., когда управление «Тюменгазпром» взялось за осуществление опытно-промышленной эксплуатации месторождений Березово-Игримской группы. Развитие получили газовые месторождения: Пунгинское, Северо-Игримское, Южно-Игримское и Березовское. Промышленная добыча газа велась только с Пунгинского месторождения, дававшее в 1970 г. 82,45% газа области[124]. В 1971 г. было введено в разработку Похромское газовое месторождение, которое располагалось также в Березовском районе. К 1975 г. добыча газа в ХМНО составила 150 млн. кубометров в сутки, или пятую часть всего газа, добываемого в стране. Однако газовая промышленность в ХМАО так и не получила широкого развития: к 1977 г. Игримское, Пунгинское и Похромское месторождения вступили в стадию заключительной разработки[125]. Благодаря газовой отрасли Березово и Игрим стали поселками городского типа. В 1970-х гг. газодобывающая отрасль дислоцировалась в Ямало-Ненецкий округ, где были открыты колоссальные по объемам месторождения газа: Медвежье, Уренгойское, Вынгапуровское, Ямбургское. В конце 1970-х гг. базовые города Среднего Приобья стали опорными пунктами освоения Ямала, что способствовало их росту.

Для переработки попутного нефтяного газа в Среднем Приобье были построены мощные газоперерабатывающие заводы (ГПЗ). В 1975 г. был сдан в эксплуатацию первый из пяти запроектированных газоперерабатывающих заводов – Нижневартовский. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. к нему добавились другие ГПЗ – Сургутский, Локосовский в Лангепасе, Южно-Балыкский в Пыть-Яхе, Правдинский, Белозерный. Главными потребителями их продукции стали мощные электростанции, работающие на газе.

---

[124] От Березово до Ямбурга: 45 лет газовой промышленности Западной Сибири. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. – С. 67.

[125] Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). – Тюмень : Вектор Бук, 2010. – С. 132.

Определяющим компонентом создания и расширения городов в ХМАО стала организация строительства и строительной индустрии в регионе. В 1965 г. в Тюмени в структуре Мингазпрома СССР было образовано Главное управление по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири (Главтюменнефтегазстрой), руководителем которого был назначен Алексей Сергеевич Барсуков (1906–1976 гг.). В состав Главтюменнефтегазстроя вошли крупные предприятия в городах Тюменской области, которые для них становились градообразующими. В конце 1960-х гг. вместо строительных управлений в главке были созданы тресты «Тюменнефтегазстрой» (Тюмень), «Шаимгазстрой» (Урай), «Сургутгазстрой» (Сургут), «Мегионгазстрой» (Нижневартовск), «Нефтеюганскгазстрой» (Нефтеюганск), «Спецгазстрой» (Сургут). Большую роль в строительстве городов сыграл «Главсибжилстрой» и объединение «Нижневартовскстрой». Строительные предприятия концентрировали наибольшую часть занятого населения ХМАО (треть работающих округа в первой половине 1980-х гг.).

Капитальное строительство новых городов нефтяников в 1960–1970-х гг. находилось под влиянием местной строительной базы, которая организовывалась очень медленно и с недостаточными мощностями. В 1970 г. была пущена в эксплуатацию первая очередь Сургутского домостроительного комбината. В его составе работали заводы строительных материалов и крупноблочного домостроения. В 1974 г. был создан Урайский домостроительный комбинат объединения «Сибжилстрой», а затем комбинат в Нижневартовске. В поселках Пионерский и Локосово были возведены кирпичные заводы мощностью 20 млн и 50 млн шт. кирпича в год соответственно. За счет ввода в строй новых домостроительных комбинатов мощности крупнопанельного домостроения в Тюменской области возросли до 1 млн кв. м в год, выпуск железобетонных изделий достиг в 1980 г. 232 млн куб. м против 15 млн в 1975 г. Однако, несмотря на развитие местной

стройиндустрии, она по-прежнему оставалась слабой и удовлетворяла потребности только на 2/3[126].

Строительство крупного промышленного комплекса требовало создания источников электрической энергии. Суммарная мощность всех электростанций в Тюменской области в 1965 г. составляла менее 200 тыс. кВт[127]. В 1967 г. тресту «Уралэнергострой» было поручено начать строительство Сургутской ГРЭС мощностью 2,5 млн кВт и работающей на попутном газе. Первая турбина пускорезервной ТЭЦ Сургутской ГРЭС мощностью 12 тыс. кВт была запущена 22 декабря 1971 г. Окончательно завершилось строительство Сургутской ГРЭС в 1983 г., когда заработал шестнадцатый энергоблок. Благодаря этой электростанции с 1966 по 1980 г. на Севере Тюменской области было протянуто около 20 тыс. км линий электропередач[128]. Тем не менее регион продолжал испытывать энергодефицит. В начале 1980-х гг. началось строительство Сургутской ГРЭС-2, шесть энергоблоков которой, мощностью 4,8 млн. кВт, были введены в строй в 1985–1988 гг. Электростанции Сургута стали крупнейшими в мире. Одновременно с Сургутской ГРЭС-2 началось строительство Нижневартовской и Няганской ГРЭС. Первый энергоблок электростанции в Нижневартовске был введен в эксплуатацию в 1993 г., в Нягане в 1990-х гг. строительство станции было заброшено. Возведение крупных электростанций в Сургуте и Нижневартовске способствовало росту городов. Территория Сургута увеличилась за счет поселков энергетиков Кедровый и энергостроителей. Рядом с Нижневартовском для энергетиков был построен поселок городского типа Излучинск. В Нягане также поселок энергетиков вошел в черту города.

---

[126] Пашков Н. М. Городское строительство в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири // Урбанизация советской Сибири. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 170, 172.

[127] Шелест Л. Н. Некоторые вопросы развития электроэнергетики в северных районах Тюменской области // Проблемы Севера. Вопросы промышленного развития районов Севера. – М. : Наука, 1967. Вып. 12. – С. 137.

[128] Булага Э. П. Состояние и проблемы развития энергетики нефтегазового комплекса Западной Сибири // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Новосибирск : Наука, 1983. – С. 179.

В начале нефтегазового освоения транспортная система в Тюменской области была крайне неразвитой – на 10 тыс. кв. км в среднем приходилось: 24 км железных дорог (в целом по СССР – 58 км), 33 км автомобильных дорог с твердым покрытием (по СССР – 169), 42 км речных путей (по СССР – 64)[129]. Это сильно сдерживало не только индустриализацию региона, но и урбанизационные процессы. Постепенно транспортная система на Севере Западной Сибири расширялась, ее развитие осуществлялось посредством использования речной сети, строительства новых железнодорожных путей, сооружения сети нефтегазопроводов, аэродромов и аэропортов, автодорог.

Архитектор С. В. Литвинов считал, что основным фактором в становлении территориально-пространственной организации нового расселения в Среднем Приобье выступала речная транспортная сеть. Это обусловливалось тем, что, во-первых, рисунок исторической сети населенных мест в регионе подчинялся судоходной орографической сети и, во-вторых, пространственная организация нефтедобывающей промышленности на начальном этапе во многом определялась транспортной доступностью месторождений, т.е. также зависела от наличия судоходных рек[130]. Отчасти с этим можно согласиться. Однако стоит иметь в виду, что очень повезло с открытыми в начале 1960-х гг. нефтяными месторождениями, так как они находились вблизи от уже существующих поселений, располагающихся на берегу рек Сургута, Нижневартовска, Усть-Балыка. Если бы месторождения находились намного дальше от речной сети, вероятнее всего, пионерные города нефтяников возникли не там, где проходили реки, а у самих месторождений. Поэтому производство было решающим фактором пространственной организации расселения.

Вместе с тем водный транспорт играл существенную роль в нефтегазодобывающих районах. Протяженность речных путей сообщения

---

[129] Карягин И. Д. Экономические проблемы развития нефтяной промышленности Западной Сибири. – М. : Недра, 1975. – С. 98.

[130] Литвинов С. В. Архитектурно-планировочное развитие городов Среднего Приобья (исторический анализ и оценка) : дис. … канд. Арх. – Новосибирск, 2007. – С. 40.

Среднеобской нефтегазоносной провинции (272,6 тыс. кв. км) была равна 1990 км, или немногим более 7,1 на 1000 кв. км. Единственным магистральным путем сообщения служила река Обь, которая дополнялась малосудоходными притоками Вах, Большой Салым, Юганская Обь, Лямин, Большой Юган. Вплоть до ввода в эксплуатацию железной дороги Тюмень – Сургут – Нижневартовск на долю речного транспорта в перевозке грузов приходилось свыше 90% грузооборота[131]. Были построены крупные речные порты в Нижневартовске, Сургуте, Ханты-Мансийске. Но у речной системы ХМАО был значительный недостаток – короткий навигационный период. В Сургуте он был равен 158 дням, в Урае – 109. Ледостав в Ханты-Мансийске в среднем длился 176 дней, в Сургуте – 185, на Северной Сосьве – 199 дней[132].

Строительство первой железнодорожной линии Ивдель – Обь в ХМАО, протяженность которой была 372 км, началось еще в конце 1950-х гг. В эксплуатацию дорога была принята в 1969 г. В 1963 г. началось строительство линии Тавда – Сотник длиной 186 км. Новые магистрали строились для лесозаготовителей, их основной функцией была транспортировка древесины.

Основной градообразующей железнодорожной веткой стала линия Тюмень – Тобольск – Сургут, прокладка которой началась в декабре 1965 г. В 1969 г. было открыто движение поездов до Тобольска. Первые поезда прибыли из Тюмени в Сургут в августе 1975 г., а в 1978 г. участок Тюмень – Тобольск – Сургут протяженностью более 700 км был введен в постоянную эксплуатацию. Следующий этап в строительстве железнодорожной сети на Севере Тюменской области был связан с возведением линий Сургут – Нижневартовск (длиной 216 км; в постоянную эксплуатацию дорога была введена в 1979 г.) и Сургут – Новый Уренгой (565 км; для пассажирских поездов линия была открыта в 1985 г.).

---

[131] Карягин И. Д. Экономические проблемы развития нефтяной промышленности Западной Сибири. – М. : Недра, 1975. – С. 101, 103.

[132] Будьков С. Т. Тюменский меридиан: ресурсы, проблемы, перспективы. – Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1982. – С. 93.

Из всех видов коммуникаций именно магистральные линии железных дорог обладали наибольшей градообразующей способностью на Севере Западной Сибири. Коэффициент плотности размещения населенных пунктов вдоль реки Оби составлял 14, по Иртышу – 19, по Конде – 7,5, а вдоль железных дорог Ивдель – Обь – 27, Тавда – Сотник – 29. В среднем по Западной Сибири этот показатель по железным дорогам был 23[133]. Из 16 городов ХМАО 9 располагались на линии железных дорог: Пять-Ях, Сургут, Лангепас, Мегион, Нижневартовск, Когалым, Югорск, Советский, Нягань.

Особенно неудовлетворительно на Севере Тюменской области был развит автомобильный транспорт. Здесь имелись лишь отдельные небольшие по протяженности и зачастую неасфальтированные внутрипромысловые дороги. В середине 1960-х гг. был проложен автозимник Тюмень – Сургут. Впоследствии трассу покрыли бетонными плитами, но вплоть до 2000 г., когда вблизи Сургута через Обь был построен автомобильный вантовый мост, дорога оставалась неустойчивой. Тем не менее за период с 1970 по 1977 г. было построено 800 км автомобильных дорог. К числу наиболее важных трасс в районе Средней Оби в середине 1970-х гг. относились: Демьянское – Сургут с подъездами к Ханты-Мансийску, Южному Балыку, Салыму и Нефтеюганску; Сургут – Александровское, Нижневартовск – Мегион и Александровское – Средний Васюган[134].

В условиях отсталости наземных видов коммуникаций широкое применение получил авиационный транспорт. За 1965–1969 гг. были построены аэропорт в Урае и взлетно-посадочные полосы и вертолетные площадки в Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске, Ханты-Мансийске, Игриме. Окончательное строительство аэропортов в Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске, Ханты-Мансийске, Березово было завершено к 1975 г.

---

[133] Белинский А. Ю., Фурен В. М. Пассажирский транспорт в градостроительстве Севера. – Л. : Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1980. – С. 60.

[134] Карягин И. Д. Экономические проблемы развития нефтяной промышленности Западной Сибири. – М. : Недра, 1975. – С. 104.

Таким образом, к 1980-м гг. в ХМАО сложилась полигональная структура межрегиональной системы транспортной коммуникации, которая образовалась за счет широтных (Салехард – Уренгой, Ханты-Мансийск – Сургут – Нижневартовск) и меридиональных (Тобольск – Сургут, Сургут – Уренгой, Сургут – Надым, Ханты-Мансийск – Салехард) направлений развития железнодорожного, воздушного, автомобильного и речного транспорта[135]. Но остававшаяся слаборазвитой на большей части территории округа система коммуникаций между поселками приводила к перерождению ряда вахтовых поселков в постоянные городские с населением до 20 тыс. чел. (города Лянтор, Покачи, Радужный). Поэтому появление новых городов в ХМАО связывалось как с развитием транспортных сетей, так и с их отсталостью.

Несомненное влияние на развитие городской сети ХМАО оказало формирование разветвленной системы нефтегазопроводов. В декабре 1965 г. вошел в строй первый в Западной Сибири нефтепровод Шаим – Тюмень, его протяженность составила 410 км. В последующем в эксплуатацию были приняты нефтепроводы: Усть-Балык – Омск, Нижневартовск – Усть-Балык, Нижневартовск – Александровское, Александровское – Томск – Анжеро-Судженск и крупнейшие в мире Самотлор – Усть-Балык – Курган – Уфа – Альметьевск (2119 км), Нижневартовск – Куйбышев (2150 км), Сургут – Пермь – Горький – Полоцк (3250 км).

На территории ХМАО получила развитие сеть газопроводов. В 1966 г. вступил в эксплуатацию первый в Западной Сибири газопровод Игрим – Пунга – Серов – Нижний Тагил протяжённостью около 700 км., который соединил сетку газопроводов Бухара – Урал и Игрим – Серов. Позднее от него было построено ответвление в западном направлении Нижняя Тура – Пермь – Ижевск – Набережные Челны – Горький – Москва. В 1972 г. вступил в строй газопровод Медвежье – Надым – Пунга, который связал ямальские и югорские месторождения газа с европейской частью страны. В 1977 г. был принят в

[135] Белинский А. Ю., Фурен В. М. Пассажирский транспорт в градостроительстве Севера. – Л. : Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1980. – С. 114.

эксплуатацию газопровод Нижневартовск – Томск – Кузбасс, по которому передавался попутный нефтяной газ.

Сургут и Нижневартовск стали важнейшими транспортными узлами в магистральной сети нефтегазопроводов России. Фактор обслуживания этих транспортных магистралей стал преобладающим, а порой и единственным образующим поселенческим фактором для многих сел и поселков, в том числе пригородных. Многие наземные объекты транспортных артерий нефти и газа – прежде всего нефтеперекачивающие и газокомпрессорные станции – организовывали региональную систему расселения[136]. Например, строительство компрессорных станций газопровода и магистральная транспортировка ямальского газа привели к формированию городов Белоярский и Югорск.

В конце 1950-х гг. в ХМНО началось интенсивное развитие лесной промышленности. Лесная и нефтегазодобывающая промышленности в какой-то степени взаимообусловливали друг друга, а развитие лесхозов и леспромхозов, их оптимальное размещение словно готовило территорию к активной геологической разметке и последующему возведению нефтегазового комплекса[137]. Возведение железных дорог Ивдель – Обь, где было сосредоточено свыше 350 млн куб. м качественной древесины, и Тавда – Сотник с насчитывающими запасами в 120 млн куб. м, привело к созданию множества леспромхозов, на базе которых формировались рабочие поселки.

Крупнейшим районом лесной промышленности являлся Советский. За первые 10 лет существования района (1968–1978 гг.) здесь было заготовлено 42,4 млн куб. м древесины. В Советском леспромхозе была достигнута наивысшая по стране выработка на человека – 1000 куб. м. Именно в этом районе дальнейшее развитие лесной промышленности способствовало трансформации поселков городского типа в города (Советский и отчасти

[136] Ганопольский М. Г., Маркова Л. М. Особенности структуры расселения Тюменской области в районах пролегания магистральных нефтегазопроводов // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 178.

[137] Ганопольский М. Г., Маркова Л. М., Федоров Р. Ю. Тюменская нефтегазодобывающая цивилизация: историко-географический конспект становления // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – № 3. – С. 122.

Югорск). Развитие лесной промышленности вдоль железных дорог обусловило образование 16 поселков городского типа – Октябрьское (1959 г.), Луговой (1960 г.), Пионерский (1962 г.), Советский (1963 г.), Комсомольский (1963 г.), Кондинское (1963 г.), Междуреченский или Устье-Аха (1964 г.), Куминский (1964 г.), Зеленоборск (1968 г.), Мортка (1972 г.), Таежный (1976 г.), Агириш (1982 г.), Коммунистический (1982 г.), Андра (1984 г.), Малиновский (1986 г.), Приобье (1988 г.)[138].

Таким образом, индустриальное развитие, основной движущей силой которого была нефтегазодобывающая промышленность, стало катализирующим фактором урбанизации ХМАО. Городское расселение в регионе подчинялось задачам производства, рост городского населения и самих городов был зависим от градообразующих отраслей. Большинство городов ХМАО были обязаны своим появлением нефтегазодобывающим отраслям, но некоторые города и поселки городского типа росли как нефтегазотранспортные, лесопромышленные, геологические и энергетические центры.

[138] Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). – Тюмень : ООО ТНЦ «ТюменНИИГипрогаз», ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. – С. 226–227.

ГЛАВА 2. ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ РАЙОНАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

2.1. Формирование политики градостроительного освоения нефтяного края (1960 – 1969 гг.)

Градостроительная политика в отношении нефтегазодобывающих районов Тюменской области начала складываться после открытия нефтяных месторождений в 1960–1961 гг. Разработка управленческой модели градостроительного развития на полностью «негородской» территории представляла трудность в силу отсутствия мирового опыта решения подобных задач в столь специфических условиях северных районов. Главный архитектор Тюменской области А. Н. Отраднов вспоминал в начале XXI в.: «В стране тогда не было градостроительной стратегии при освоении новых территорий в таких масштабах и в таких сложных природно-климатических условиях»[139].

Вместе с тем к 1960-х гг. в СССР был накоплен опыт градостроительного освоения новых районов, который предусматривал подчинение городского расселения и развития процессам размещения территориально-производственных комплексов и крупных промышленных предприятий. По мнению историка А. С. Сенявского, такая градостроительная практика установилась в 1930-е гг., в эпоху первых пятилеток индустриализации, продолжалась до конца 1980-х гг. и особенно была характерна для новых городских поселений в районах размещения добывающих отраслей[140].

Опыт расселения рабочих, обслуживающих предприятия нефтегазодобывающей промышленности, однако не в таких сложных природно-климатических условиях, как в Западной Сибири, был получен в

---

[139] Отраднов А. Н. Города, как люди // Нефтегазостроители Западной Сибири : в 2 кн. Кн. 2 : Антология. – М. : Рос. союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 213.

[140] Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. – М. : Наука, 2003. – С. 79.

1930–1950-х гг. в Урало-Поволжском регионе, где был создан нефтяной комплекс, становление которого послужило толчком для развития урбанизационных процессов. Благодаря освоению нефтяных ресурсов появились новые города: Ишимбай, Бугуруслан, Октябрьский, Салават, Лениногорск, Альметьевск, Жигулевск, Похвистнево, Отрадный. Городское расселение в нефтяных районах Урало-Поволжья базировалось на следующих принципах: «размещение небольших жилых поселков вблизи производственных объектов; «выбор месторасположения рабочего поселка или города» с учетом «природной дислокации нефтяных месторождений»[141]. В регионе было возведено множество небольших поселков, становившихся позднее городами, но не соответствовавших никаким градостроительным нормам.

В начале 1960-х гг. такая же градостроительная политика, основавшаяся на практике расселения рабочих в поселках при месторождениях, проводилась ведомствами в нефтегазодобывающих районах Тюменской области. Ведомствами был просто скопирован опыт, приобретенный ими при градостроительстве на территории Урало-Поволжья. Это было не удивительно, потому как первые руководители нефтяных организаций Западной Сибири преимущественно были выходцами с предприятий нефтяного комплекса Урало-Поволжья. У министерств и ведомств отсутствовала ясная концепция градостроительного освоения Севера Тюменской области, которая бы учитывала реалии региона: сложные природно-климатические условия, огромные неосвоенные пространства, неразвитость транспортной системы, малую плотность населения. Порядок ведомственных действий в процессе освоения происходил интуитивно и стихийно. Из-за малолюдности и отсутствия достаточной рабочей силы на Севере Западной Сибири в первой половине 1960-х гг. ведомства принялись быстрыми темпами заселять нефтегазоносные районы рабочими из других регионов страны. Так

[141] Курятников В. Н. Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30 – 50-е гг. XX века).– Самара : Самар. гос. техн. ун-т, 2008. Ч. II. – С. 204.

создавались пункты расселения рабочих кадров – около месторождений массово возводились поселки нефтяников, газовиков и геологов с низким уровнем благоустройства и некомплексной застройкой. Как и в нефтяном Урало-Поволжье, эти поселения быстро получали статус рабочих поселков, а потом и городов. В 1962 г. рабочим поселком стал Урай, в 1964 г. – Нефтеюганск, Нижневартовский, Игрим, Мегион, Тазовское. Таким образом, «в концепцию системы расселения ЗСНГК изначально было заложено ведомственное решение проблем»[142].

Градостроительная политика ведомств была во многом определена директивами Советского правительства, которые не уделяли достаточного внимания проблемам расселения при промышленном освоении нефтяного края Западной Сибири. В 1962 г. вышло постановление Совета Министров СССР от 19 мая № 471 «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири»[143]. Организацию промышленной добычи нефти и газа планировалось осуществить с 1966 г. По этой причине Совету Министров РСФСР было разрешено в виде исключения осуществлять до 1 января 1966 г. «проектно-изыскательные работы по основным объектам нефтепромыслового и культурно-бытового строительства в нефтегазоносных районах Западно-Сибирской низменности при наличии утвержденных ГКЗ запасов нефти и газа только по категории C_1» («оцененный»). Эта статья на практике давала право ведомствам возводить поселения рабочих при месторождениях, изученных геологическими экспедициями, данные которых указывали на промышленную продуктивность вскрытого пласта.

Основополагающее значение для появления новых городов в ХМАО имело Постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. № 1208 «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии

---

[142] Гаврилова Н. Ю. Градостроительная модель освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002. – № 1, 2. – С. 236.

[143] Нефть и газ Тюмени в документах (1901–1965 гг.).– Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971. – Т. I. – С. 238–241.

геологоразведочных работ в Тюменской области»[144]. В третьей статье разрешалось «проектирование и строительство промысловых объектов, рабочих поселков и внутрипромысловых дорог, необходимых для обеспечения разработки открытых нефтяных и газовых месторождений в районе среднего течения реки Оби». Статья также предусматривала «проектирование и строительство городов… осуществлять при уровне расположения строительных площадок с отметкой не ниже 30 метров». До этой отметки мог подняться уровень реки Оби при возможном подпоре ее плотиной Нижне-Обской ГЭС, целесообразность строительства которой активно обсуждалось в то время. Также республиканскому правительству и Государственному производственному комитету по газовой промышленности СССР разрешалось комплексно планировать, начиная с 1964 г., строительство не только промышленных объектов в Тюменской области, но и жилищных, коммунальных, культурно-бытовых объектов здравоохранения, торговли и общественного питания.

Заложив фундамент для системы расселения на Тюменском Севере, основанной на возведении городов и поселков вблизи месторождений, в то же время постановления 1962–1963 гг. не говорили о системном, долгосрочном и благоустроенном городском строительстве. В документах имелось в виду скорее временное строительство. Не упоминалась застройка городов в кирпиче, бетоне, по блочному принципу. Упор делался на застройку городов и поселков стандартными сборными брусковыми домами. Например, для создаваемых поселков нефтяников, геологов и газовиков на Совет Министров РСФСР возлагалось обеспечение изготовления на Белогорском лесопильном заводе таких домов общей площадью 10 тыс. кв. м в 1964 г., а в 1965 г. – 24 тыс. кв. м[145].

---

[144] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Сборник документов за 50 лет. В 5 т. : т. 5. 1962–1965 гг. – М., 1968. – С. 427–433; ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1280. Л. 11об–14об.

[145] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1280. Л. 13.

Одновременно с ведомственным строительством поселков в руководстве Тюменской области начался поиск оптимальной концепции градостроительного освоения нефтедобывающих районов. Перед областным и окружным руководством стояла проблема формирования такой системы расселения, которая способствовала бы интенсивному развитию нефтегазодобывающей промышленности и предоставляла хорошие условия жизни для рабочих, уменьшала текучесть кадров и закрепляла их на производстве.

Несмотря на недостаточную ясность перспектив как нефтяной, так и газовой отраслей, руководство области, опираясь на правительственное постановление от 4 декабря 1963 г., приступило к разработке стратегии образования крупных благоустроенных городов и поселков вместо строительства небольших городов у месторождений. Уже в июле 1963 г. первый секретарь промышленного обкома КПСС А. К. Протозанов писал заместителю председателя Совета Министров СССР и председателю Госплана СССР П. Ф. Ломако: «Развитие нефтедобывающей промышленности в Сургутском районе повлечет за собой строительство двух-трех городов со стотысячным населением, рабочих поселков»[146]. По мнению А. К. Протозанова, города должны были возводиться в капитальном исполнении. В статье главного архитектора области В. А. Бешкильцева «Расти Тюменским городам», посланной в октябре 1964 г. в редакцию газеты «Тюменская правда», генеральная линия в градостроительстве районов нефтедобычи очерчивалась следующими аспектами: «…компактность и эффективность в использовании территории, повышение этажности в застройке, строительство более крупных городов»[147].

Линию возведения крупных базовых городов в нефтяных районах поддержал Госплан СССР. В 1965 г. председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков писал по этому поводу: «Видимо, целесообразно строить для

[146] ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 88. Л. 15.
[147] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

нефтяников крупные города и поселки, рассчитанные на группу нефтяных месторождений, связав их хорошими дорогами. Это даст возможность не создавать на каждом месторождении небольшие поселки, где условия быта хуже, чем в крупных городах и поселках»[148]. Одобрительная позиция Госплана СССР содействовала принятию курса формирования крупных городов в градостроительной политике Тюменского руководства, которое принялось предпринимать меры по упорядочению массового строительства, развитию новых городов на длительную перспективу[149].

Начало было положено совместным Постановлением Тюменского промышленного обкома КПСС и Тюменского промышленного облисполкома от 16 мая 1964 г. «О проектировании и строительстве жилых и гражданских зданий в городах, рабочих поселках и населенных пунктах среднего течения реки Оби»[150]. Первая статья постановления, так же, как и третья статья Постановления Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г., обязывала осуществлять проектирование и строительство городов и крупных рабочих поселков при уровне расположения строительных площадок с отметкой не ниже 30 метров, до которой мог подняться уровень воды реки Оби при возможном возведении Нижне-Обской ГЭС. Во второй статье этого документа разрешалось проектирование и строительство новых рабочих поселков, необходимых для обеспечения разработки нефтегазовых месторождений в районе Средней Оби, исходя из уровней расположения строительных площадок, соответствующих отметкам естественного режима реки Оби. Обком партии признавал «целесообразным до окончательного решения вопросов о строительстве ГЭС проектирование и строительство жилых и гражданских зданий… осуществлять, как правило, в деревянном исполнении». Этим решением руководство области во многом предопределило проблемы новых

---

[148] Байбаков Н. К. Большая нефть Тюмени. – Свердловск : Ср.-Урал. кн.. изд-во, 1965. – С. 58.
[149] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. – С. 131.
[150] ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 156. Л. 122–123.

городов: выступая за капитальное строительство, власть все-таки разрешила ведомствам осуществлять деревянную застройку, которая в будущем лишь отсрочивала решение жилищного вопроса и создание единого архитектурно-планировочного пространства.

Важнейшим условием формирования концепции градостроительного освоения стала разработка проектной документации, которая осуществлялась по линии Тюменского обкома партии и облисполкома. Вместе с тем окружные руководители также были инициаторами создания градостроительных проектов. 15 мая 1964 г. секретарь Сургутского районного парткома В. В. Бахилов писал в Тюменский промышленный обком КПСС, что «до сих пор никто не приступал к проектированию… базового города» и указывал на необходимость «ускорить отвод и проектирование площадки под строительство поселков и города»[151]. Первый секретарь обкома А. К. Протозанов поддержал эту позицию, и руководство области выступило главным заказчиком проектной документации. В целом, следует отметить, что формирование градостроительной политики в нефтегазодобывающих районах Тюменской области и ХМАО в 1960-х гг. происходило в Тюменском обкоме и облисполкоме, а окружные органы власти в меньшей степени были задействованы в этом вопросе. В январе 1964 г. председатель Ханты-Мансийского окрисполкома С. А. Комиссаров говорил на сессии областного Совета: «Нам, руководителям округа, особенно стали понятны и близки перспективы развития нашего округа во время приезда к нам т. А. К. Протозанова, Н. К. Байбакова…»[152].

В июне 1964 г. обком КПСС принял совместное с облисполкомом постановление «О схемах планировки городов Урая, Нижневартовска и Нефтеюганска»[153], а затем 19 октября 1964 г. облисполком утвердил проект генеральных планов развития этих городов, разработанные Башкирским государственным институтом по проектированию предприятий и сооружений

[151] ГАСПИТО. Ф. П107. Оп. 1. Д. 2112. Л. 18.
[152] ГАСПИТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3943. Л. 92–93.
[153] ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 159. Л. 12–13.

нефтегазодобывающей промышленности (Башнефтепроект)[154]. В чрезвычайно сжатые сроки (3 месяца), при полном отсутствии топографических материалов и геологических исследований, институтом было разработано 3 генплана. Поспешное формирование данных городов отвечало целям эксплуатации Шаимского, Мегионского и Усть-Балыкского нефтяных месторождений.

21 июля 1965 г. на заседании Тюменского облисполкома был рассмотрен вопрос «О состоянии и перспективах развития градостроительства, связанного с народнохозяйственным освоением нефтегазоносных районов области»[155] и были одобрены разработки планировок Сургут – Ханты-Мансийского, Игрим – Березовского, Шаим – Кондинского промышленных районов и генплан развития города Сургута, выполняемые Государственным институтом проектирования городов («Гипрогор»). Сургут должен был стать крупным промышленным центром с населением до 250 тыс. чел. и базой для эксплуатации Сургутского нефтеносного района, как наиболее крупного из числа открытых в Тюменской области. Также подтверждалась расчетная численность населения городов Урая (33 тыс.), Нижневартовска (теперь 45 вместо 44 тыс.) и Нефтеюганска (18 тыс.). В то же время подчеркивалось, что следует предусмотреть резервы территории для возможного дальнейшего развития Нижневартовска и Урая, а вот развитие Нефтеюганска было «целесообразно ограничить объемами генплана в связи с размещением города на острове в пойме реки Оби на нефтеносных площадях при недостатке площадей, пригодных для застройки»[156].

Тюменский облисполком обратил внимание и на отрицательные факторы, проявившиеся в подступе к вопросам градостроительства: проектированием городов и жилищно-гражданских объектов занимался ряд технологических институтов, которые не обладали нужными навыками и знаниями, что могло негативно сказаться на правильности градостроительных решений; общий уровень застройки не отвечал современным требованиям, что проявлялось в

[154] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3977. Л. 24–25.
[155] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4153. Л. 6–9.
[156] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4153. Л. 7.

резком отставании строительства социальных и культурно-бытовых объектов, инженерных сетей и благоустройства. Широкие масштабы приняла произвольная застройка «малоценными деревянными жилыми и промышленными зданиями территорий, предназначенных для капитальной застройки», а также самовольное и индивидуальное строительство. Причину этого явления связывали с несвоевременным представлением «Гипрогором» и «Башнефтепроектом» проектной документации. Для разрешения данной проблемы облисполком постановил осуществлять жилищно-гражданское строительство в Сургуте, Урае, Нефтеюганске и Нижневартовске начиная с 1966 г. лишь в капитальном исполнении.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июня 1965 г. первыми рабочими поселками нефтяников в Ханты-Мансийском округе, которые получили статус городов, стали Сургут и Урай. Процесс перехода поселений в города инициировался «снизу». Поселковые советы вместе с райисполкомами и райкомами партии направляли прошение преобразовать рабочий поселок в город и докладную записку с обоснованием преобразования в Ханты-Мансийский окрисполком. Тот направлял материалы в Тюменский обком и Тюменский облисполком, а те в свою очередь просили Совет Министров РСФСР утвердить решение. Интересно, что Тюменский обком просил бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР сначала преобразовать Урай и Сургут в города областного подчинения[157]. Либо это была ошибка, либо Тюмень хотела подчинить эти города непосредственно себе, минуя окружной центр. Однако центральные органы власти дали вновь образованным городам окружной статус.

Сургут и Урай имели все правовые основания для получения нового статуса. В сентябре 1957 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, согласно которому городами могли стать поселения с численностью населения не менее 12 тыс. чел. и количеством рабочих и

[157] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4528. Л. 25–26.

служащих не менее 85% от всего населения[158]. Данным требованиям отвечали Сургут и Урай. В Сургуте проживали 15226 чел., а в Урае – 16464 чел., все население которых, как отмечалось в пояснительных записках, были рабочими и служащими с семьями. Кондинский райисполком отмечал, что необходимость преобразования Урая в город была вызвана промышленным развитием: «открытия в районе расположения р. п. Урай богатейших запасов нефти, развертывание подготовительных работ, для ее промышленной эксплуатации обусловили чрезвычайно быстрый рост населения в п. Урай и громадный объем промышленного, социального и жилищного строительства»[159]. Были и другие мотивы. Райисполкомы считали, что преобразование рабочих поселков в города даст возможность городским Советам «больше уделять внимания вопросам благоустройства, удовлетворению бытовых запросов населения, осуществлять руководство за строительством и деятельностью социально-бытовых и культурных учреждений»[160]. Такое же обоснование приобретения городского статуса получил и рабочий поселок Нефтеюганск. Городом он стал 16 октября 1967 г.

В феврале 1966 г. Советское правительство принимает Постановление № 89 «О мерах по дальнейшему развитию нефтедобывающей промышленности в Тюменской области в 1966–1970 годы»[161]. Однако документ вновь не уделял внимания комплексному городскому строительству. Рассматривалось развитие объектов нефтяной промышленности и вспомогательных отраслей. Вместе с тем Госплану СССР, министерствам и ведомствам предписывалось обеспечить, начиная с 1967 г., комплексное планирование этих объектов, предусматривая выделение капитальных вложений как на промышленное строительство, так и

---

[158] Из указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков» 12 сентября 1957 г. / Вайтенс А. Г., Косенкова Ю. Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – XXI веков. Опыт исторического исследования. – Обнинск : Ин-т муницип. упр., 2006. – С. 491–493.

[159] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4213. Л. 85.

[160] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4213. Л. 125.

[161] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 14. Л. 50–57.

на строительство жилищно-коммунальных объектов, объектов здравоохранения, связи и культурно-бытового назначения.

Несмотря на то что государство на высшем уровне не решилось «официально» принять концепцию градостроительного освоения нефтяного края, по инициативе руководства области была разработана схема расселения в нефтегазодобывающих районах Тюменской области. 18 мая 1967 г. Тюменским облисполкомом был утвержден проект планировки Сургут – Ханты-Мансийского промышленного района, автором которой являлся «Гипрогор»[162]. Институт разработал четыре варианта расселения, от централизованного до децентрализованного, с организацией «трех основных узлов расселения в Сургуте, Нижневартовске и в Южном Балыке». Численность населения региона на расчетный срок определялась в количестве 650 тыс. чел. Областные органы власти приняли первый вариант, который предусматривал расселение рабочих кадров по централизованной системе. Этот вариант считали наиболее оптимальным проектировщики и архитекторы «Гипрогора».

Таким образом, руководители Тюменской области, основываясь на разработках «Гипрогора», решили возводить в регионе три крупных города – Сургут, Нижневартовск и Южный Балык. Строительство Урая и Нефтеюганска отходило на второй план. Это означало, что происходил отказ от градостроительной политики ведомств, когда небольшие поселки ставились у месторождений. Эксплуатация месторождений должна была осуществляться вахтовым методом. В протоколе отмечалось, что в связи с тем, что Ханты-Мансийский узел не получал экономического развития из-за отсутствия выявленных природных ресурсов, промрайон в дальнейшем должен именоваться Сургут – Нижневартовским. Застройка городов нефтяников должна была осуществляться капитальными многоэтажными домами, а возведение двухэтажных деревянных домов и индивидуальное строительство не предусматривались. Однако эти вопросы на государственном уровне еще не были окончательно утверждены. Советское правительство продолжало

[162] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4465. Л. 28–29.

сомневаться в правильности строительства городов в нефтегазодобывающих районах.

Опираясь на централизованную схему расселения, в конце 1960-х гг. стали разрабатываться новые генпланы и проекты детальной планировки городов Сургута («Гипрогор»), Нижневартовска («Гипрогор»), Южный Балык («ЛенНИИПградостроительства»), а также Нефтеюганска и Урая («ЛенНИИПградостроительства»). По сравнению с генпланами 1964 г., только проектирование Сургута, Нижневартовска и Южного Балыка было разработано с учетом интенсивного развития городов и роста их населения. Разработка комплексной проектной документации по жилищно-гражданскому строительству в городах передавалась из рук ведомственных в руки специализированных градостроительных институтов.

Градостроительная политика в нефтегазодобывающих районах ХМАО формировалась в условиях противостояния элит, что сдерживало городское развитие в регионе. В первой половине 1960-х гг. столкнулись интересы Средне-Уральского совнархоза и Тюменского обкома КПСС. Совнархоз не устраивало то, что областные партийные органы действовали независимо в вопросах развития нефтегазовой отрасли и инфраструктуры в нефтяном крае, не считалось с мнением свердловских руководителей. Действия совнархоза значительно тормозили развитие городского строительства в регионе. В начале 1964 г. главный архитектор области В. А. Бешкильцев критиковал Средне-Уральский совнархоз и Средуралстрой за то, что они сдерживали развитие базы стройиндустрии области, что у них «дело дальше разговоров пока не идет»[163]. Однако противостояние интересов Средне-Уральского совнархоза и Тюменского руководства продолжалось недолго. Оно закончилось в конце 1965 г. по причине ликвидации совнархозов.

С 1964 г. наметился новый конфликт интересов, на этот раз между партийными и советскими органами Тюменской области и недавно созданными ведомствами. Кроме вопроса о том, как вести расселение (в крупных городах

[163] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 10. Л. 41–42.

или в поселениях у месторождений), краеугольным камнем конфликта интересов выступили проблемы застройки и строительства жилья и социально-культурных учреждений в новых городах. Тюменское руководство изначально ратовало за капитальное строительство и первоочередное возведение социально-культурной базы.

В 1960-х гг. областные и окружные органы власти прямо обвиняли ведомства (в первую очередь руководителей Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко и Главтюменнефтегазстроя А. С. Барсукова) в неудовлетворительном строительстве, неосвоении отпускаемых для этих целей денежных средств, нежелании включать в титульные списки строительства объекты, предусмотренные постановлениями обкома КПСС и облисполкома. Руководство области резко критиковало ведомства: «Такое неудовлетворительное положение дел в строительстве жилья, социально-культурных учреждений и бытовых объектов в системе Главтюменнефтегаза объясняется отсутствием должной заботы у руководства о создании необходимых условий для рабочих»[164]. В отделе строительства и архитектуры Тюменского облисполкома политику представителей Миннефтепрома СССР в нефтегазодобывающих районах осуждали и указывали на то, что те «выработали свою “теорию”, что строительство объектов соцкультбыта, водопровода, канализации и благоустройства является якобы делом местных Советов и по существу придерживаются этой незаконной и вредной теории»[165].

Финансирование городского строительства также находилось в центре противостояния ведомств и региональной власти. Руководство области не устраивало занижение капитальных вложений на строительство городов со стороны ведомств. В июне 1966 г. Тюменским обкомом было направлено письмо в ЦК КПСС, в котором были высказаны возражения против предложений Миннефтепрома СССР по городскому строительству: «На пятилетие Главтюменнефтегазу выделяется 64,8 млн руб., что обеспечивает на

[164] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4113. Л. 135.
[165] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 11. Л. 129.

человека только 2,8 кв. метра жилой площади. Тогда как для создания необходимых условий нефтяникам должно быть освоено в 1966–70 гг. на жилищное и соцкультбытовое строительство не менее 190 млн руб.»[166]. В письме было акцентировано внимание на том, что такая жилищная политика вела к снижению темпов развития нефтяной отрасли за пределами 1970 г. Находясь под постоянным давлением обкома и облисполкома, Миннефтепром СССР в конце 1966 г. по согласованию с Госпланом СССР увеличил объем капитальных вложений на непроизводственное строительство за счет уменьшения строительства промышленных объектов[167]. С другой стороны, капитальные вложения на строительство жилья Главтюменнефтегазу, первоначально выделялись Госпланом меньше заявленной потребности, а затем в течение года следовало выделение дополнительных средств[168].

Руководство области и округа сознавало, что темпы застройки городов, неиспользование отпускаемых капитальных вложений и невыполнение планов по строительству главками связано и с отсутствием в регионе баз промышленности строительных материалов и строительной индустрии. Однако возведение предприятий стройиндустрии зависело от застройщика – Главтюменнефтегазстроя, который не справлялся с этим заданием. И Тюменский облисполком не скупился на оценки деятельности главка: «Нужно прямо сказать, что главное управление нефтегазового строительства не решает первоочередной задачи по созданию на местах необходимых предприятий для производства строительных материалов, поэтому все жилищное и социально-культурное строительство даже в городах и рабочих поселках ведется во временном деревянном исполнении»[169].

Положение усложнялось еще и тем, что не всегда поставлялись в Ханты-Мансийский округ необходимые объемы строительных материалов из других регионов страны. В 1968 г. была даже прекращена поставка деталей

[166] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4685. Л. 49.
[167] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4689. Л. 150.
[168] История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М. : МЦА «Суханово», 2004. – С. 195.
[169] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4113. Л. 138.

крупнопанельных домов с предприятий Свердловской, Омской, Новосибирской и Кемеровской областей, что фактически остановило жилищное строительство в Тюменской области. Только благодаря обращению Тюменского обкома КПСС в июле 1968 г. Госплан РСФСР выделил Главтюменнефтегазстрою 8 крупнопанельных домов на 1968 г. и 50 тыс. кв. метров на 1969–1970 гг.[170]

Между ведомствами отсутствовала координация деятельности в сфере градостроительного освоения. По мнению архитектора А. Н. Отраднова, ведомственность в строительстве городов была связана с тем, что на высшем уровне своевременно не был выработан эффективный механизм объединения финансовых средств различных министерств, которые не концентрировались в руках одного заказчика, одного застройщика[171]. В постановлении обкома и облисполкома «Об улучшении застройки городов Сургута, Урая, Нефтеюганска и рабочего поселка Нижневартовска» от 21 июня 1968 г. на Главтюменнефтегаз возлагались функции единого заказчика по строительству городов нефтяников[172]. Несмотря на это, нефтяное ведомство, занимавшееся главным образом вопросами наращивания нефтедобычи, не могло в полной мере выполнять свои обязанности: не осуществлялся контроль над застройщиками, не соблюдались генпланы развития городов, самовольно застраивались поселки и города.

В то же время застройщики неудовлетворительно выполняли заказы Миннефтепрома СССР по строительству городов. По воспоминаниям Ш. С. Донгаряна, отношения строительных министерств со своими заказчиками основывались на том, с какой симпатией или антипатией относились руководители строек и подрядных министерств к своим заказчикам-министерствам[173]. Причинами невыполнения планов застройщиками были – высокая текучесть строительных кадров, слабое развитие стройиндустрии,

---

[170] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4962. Л. 59–60.
[171] Отраднов А. Н. Города, как люди // Нефтегазостроители Западной Сибири : в 2 кн. Кн. 2 : Антология. – М. : Российский союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 213.
[172] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4916. С. 15–17.
[173] Донгарян Ш. С. Подвиг созидателей // Нефтегазостроители Западной Сибири : в 2 кн. Кн. 1 : Антология. – М. : Рос. союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 204.

несвоевременная подготовка проектной документации, недостаточное финансирование. В этой ситуации Миннефтепром создавал собственные строительные тресты при нефтедобывающих управлениях. В 1968 г. В. И. Муравленко писал: «Крайне мало строится капитального жилья и очень низкого качества. Главтюменнефтегаз вынужден строительство остальной жилплощади в объеме 36 тыс. кв. м. производить своими силами и тем самым отвлекать строительный трест от работ по профилю»[174].

В мае 1968 г. в Совет Министров СССР первым секретарем Тюменского обкома Б. Е. Щербиной было направлено письмо «По вопросу строительства городов нефтяников в области». В нем указывалось на то, что «в освоении нефтяных районов сложились большие диспропорции между развитием промышленности и городским строительством»[175]. Первый секретарь отмечал, что Министерства нефтедобывающей и газовой промышленности усугубляли положение тем, что не решали вопрос об изготовлении и поставке индустриальных крупноблочных и крупнопанельных конструкций для строительства жилья. Б. Е. Щербина просил заслушать министерства и «принять неотложные меры по ликвидации сложившихся диспропорций в укреплении строительной базы и комплексной застройки городов»[176]. Требовалось решение на высшем уровне.

Таким образом, в основе градостроительной политики в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири лежала практика возведения городов, которая сложилась в СССР еще в 1930-е гг. В силу этих обстоятельств ведомства стали проводить градостроительное освоение так же, как в нефтяном комплексе Урало-Поволжья: не было выработанной единой схемы городского расселения, поселения возникали стихийно, жестко привязывались к месторождениям. Одновременно с этим в Тюменском обкоме и облисполкоме, и в меньшей степени в окружных органах власти, формировалась

---

[174] Муравленко В. И. Перспективы развития нового нефтяного района – Тюмени // Организация и управление нефтедобывающей промышленности. – 1968. – № 4–5. – С. 29.
[175] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4962. Л. 28.
[176] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4962. Л. 29.

градостроительная политика в нефтегазодобывающих районах области и ХМАО, в основе которой была идея строительства крупных городов. Градостроительная политика формировалась в борьбе интересов ведомственной и региональной элиты. Советские и партийные органы выступали резко против тех мероприятий, которые осуществляли министерства: некомплексной и деревянной застройки, медленного возведения баз стройиндустрии, недостаточного выделения капиталовложений на жилищное и культурно-бытовое строительство. Вместе с тем градостроительное освоение надежно шло по пути образования в регионе крупных городов: были утверждены схема расселения и генпланы развития городов, а Сургут, Урай и Нефтеюганск получили городской статус.

2.2. Роль конференций 1960-х гг. в г. Тюмени в разработке концепции градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов

В условиях еще продолжавшегося определения перспектив нефтяной и газовой отраслей в середине 1960-х гг. тюменскими областными органами власти был взят курс на образование крупных городов в нефтедобывающих районах Ханты-Мансийского округа. Однако ведомства ускоренными темпами стали строить небольшие поселки у месторождений. При этом вопросы о рациональности возведения крупных городов и роли вахтовых поселений оставались открытыми, как и то, в каком исполнении должна вестись застройка – деревянном или капитальном.

Для обсуждения этих проблем руководство Тюменской области организовало в 1966 г. научно-техническую конференцию по проблемам градостроительства в нефтегазоносных районах Тюменской области. Позицию руководства области, связанную с созываемой конференцией, обозначил секретарь Тюменского обкома КПСС Е. А. Огороднов в статье, опубликованной в газете «Тюменская правда», где он писал: «Мы возлагаем большие надежды на то, что в результате широкого обмена мнениями появятся

рекомендации, которые помогут наиболее эффективно использовать капиталовложения, отпускаемые правительством на развитие производительных сил области»[177].

Научно-техническая конференция состоялась в Тюмени 23–25 июня 1966 г. В ней приняли участие представители от всех министерств, ведомств и научных учреждений, участвовавших в нефтегазовом освоении Западной Сибири. Три секции конференции обозначили основной круг обсуждаемых проблем: первая была посвящена районной планировке и расселению; вторая – вопросам планировки, застройки и инженерного оборудования городов и населенных мест; третья затрагивала проблемы конструктивных решений зданий, оснований и фундаментов строительной геологии.

В докладах поднималось большое количество вопросов, связанных с градостроительным освоением территории, и практически в каждом отмечались факторы, негативно влияющие на процесс градостроительства: тяжелые природно-климатические условия, отсутствие пригодных для строительства рельефа и почвы, неразвитость транспортной системы, неимение каменных строительных материалов, низкая плотность населения.

Краеугольным камнем столкновения мнений был вопрос об оптимальной системе расселения, которая способствовала бы успешному решению производственных задач. Вот как очертил этот спор главный архитектор института Башнефтепроект М. П. Мазин: «Одни, учитывая большую разбросанность производства, предлагают строить малые населенные пункты и располагать их ближе к месту работы. Капитальность зданий рекомендуется выбирать в зависимости от продолжительности эксплуатации нефтепромыслов, которая обычно составляет 25–50 лет. Иногда рекомендуются даже передвижные поселки. Другие рекомендуют строить современные

[177] Огороднов Е.А. Расти городам на Севере // Тюменская правда. – 1966. – 22 июня. – № 141 (6085). – С. 2.

благоустроенные города с многоэтажной капитальной застройкой и возить трудящихся к месту работы»[178].

Большинство докладчиков ратовало за расселение нефтяников и газовиков в крупных городах, нежели в мелких поселках у месторождений. Данную точку зрения на конференции представляли институты «Гипрогор», «Башнефтепроект», Государственный центральный научно-исследовательский и проектный институт по градостроительству (ЦНИИПградостроительства). Представитель «Башнефтепроекта» М. П. Мазин подчеркивал, «что только строительство крупных населенных пунктов позволяет дать нефтяникам более благоустроенное современное жилье, значительно больший набор предприятий культурно-бытового обслуживания, т. е. дать трудящимся такие материальные и культурные блага, которые в малом населенном пункте в силу его специфики дать нельзя»[179].

Освоение края через создание городов с населением в 150–200 тыс. чел. обосновывали представители «Гипрогора»[180]. Согласно их исследованиям, целесообразней всего было развитие трех опорных населенных пунктов – центров Сургутского, Нижневартовского и Южно-Балыкского промышленных узлов. «Гипрогор» назвал данную систему идеей централизованного расселения. Указывалось, что такое расселение будет способствовать закреплению прибывающих для работы в создаваемые отрасли на постоянное жительство, обеспечивать трудоустройство женщин в сфере обслуживания и общественного питания и позволит избежать моноотраслевого развития городов.

Позиции централизованного расселения придерживался и первый секретарь Тюменского обкома Б. Е. Щербина. Он призывал отказаться от идеи строить «кучу небольших городов». По его мнению, «в районную планировку наверняка надо закладывать более смелые предвидения, а генеральный план города должен исходить из максимальной возможности развития района,

[178] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 261–262.
[179] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 263.
[180] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 38.

комплексного развития городов, ориентироваться на крупные города с многоэтажными застройками с высокой обеспеченностью культурно-бытовыми учреждениями населения»[181]. Б. Е. Щербина был убежден, что крупным городом должен стать Сургут, что «даже, если Сургуту не привязывать предприятия нефтедобывающей промышленности, то сам этот город попадает в центр большого нефтедобывающего района»[182].

ЦНИИПградостроительства, также не исключая комплексное расселение людей посредством больших городов (от 100 до 150 тыс. чел.) на местах опорного индустриального развития[183], считал, что следует отдавать предпочтение средним и малым городам и рабочим поселкам в остальных осваиваемых регионах. Города с числом жителей от 20 до 50 тыс. должны были быть административно-культурными, промышленными центрами. Опорными пунктами нефтегазодобычи должны были выступать поселки от 6 до 12 тыс. чел., а в труднодоступных местах – малые поселки для обслуживания промышленных объектов.

Не соглашался с централизованным расселением выступавший от Сибирского научно-исследовательского и проектного института («СибЗНИИЭП») Г. Павлючик. Он утверждал, что в регионе «могут развиваться только малые или как максимум средние города»[184].

Несомненно, наибольший интерес представляла позиция Миннефтепрома СССР, которую на конференции представлял заместитель министра нефтедобывающей промышленности Ш. С. Донгарян. Нефтяное министерство было главным противником централизации населения в больших городах. Ш. С. Донгарян оспаривал позицию Б. Е. Щербины, критично относясь к идее превращения Сургута в крупный город. Он считал, что важно сначала «правильно оценить» нефтегазоносный район и при проектировании объектов

[181] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 37.
[182] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 37.
[183] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 147.
[184] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 188.

общерайонного значения «не закладывать там такие гигантские сооружения»[185]. Ш. С. Донгарян выступил против схемы «базовый город – вахтовый поселок», предложив возводить благоустроенные поселения у месторождений. Он обращал внимание на то, что «опыт показывает, что люди хотят ездить на работу и возвращаться к себе домой. Сколько мы ни пытались делать вахтовых поселков, в которых неделю жить, работать, а потом возвращаться к семье, это не встречало одобрения тех, кому предлагается такой образ жизни»[186]. Он настаивал, что новые небольшие города должны были располагаться на расстоянии 40–50 км от месторождений, утверждая, что такое расселение являлось более экономичным, так как не требовало возведения вахтовых поселков.

В конечном итоге конференция приняла идею централизованного расселения в крупных городах. При этом на пленарном заседании отмечалось, что в Тюмени не были окончательно решены «вопросы не только планировки, но и принципы и основные направления развития города, идти ли по пути размещения отдельных поселков или создавать концентрированные определенные пункты, где можно было бы создать хорошие условия для проживания»[187]. Тем не менее секция по районной планировке и расселению рекомендовала при создании городов-центров «сократить число стационарных поселков на отдельных месторождениях, заменяя их вахтовыми поселками со сменным дежурным персоналом, работающим по специальному графику»[188].

Таким образом, материалы конференции свидетельствуют, что в 1966 г. наметилось формирование концепции централизованного городского расселения, которая в дальнейшем получила название «базовый город – вахтовый поселок». На самой же конференции термин «базовый город» как формулировка системы централизованного расселения не применялся.

---

[185] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 32.
[186] Донгарян Ш.С. По-хозяйски рассчитывать // Тюменская правда. – 1966. – 5 июля. – № 152 (6095). – С. 2.
[187] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.
[188] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.

Другая ключевая проблема обсуждений была посвящена вопросу о капитальном строительстве в городах, который увязывался с проблемой использования деревянной застройки, получившей широкое распространение на пионерном этапе освоения. Главными аргументами в пользу дерева служили экономия и дешевизна такого строительства.

Сторонников «деревянных городов» было немного. В частности, за максимальное использование древесины при строительстве первых микрорайонов городов выступали некоторые представители «НИИПлесдрева» и Уральского политехнического института им. С. М. Кирова[189].

Начальник технического отдела института «Гипротюменнефтегаз», который был научным центром главного нефтяного ведомства – Главтюменнефтегаза, С. Н. Вассерман отстаивал сохранение и определение площадок первоочередного (пионерского) строительства рабочих поселков, которые впоследствии гармонично соединились бы с капительной застройкой населенных пунктов, не препятствуя их правильному размещению и развитию[190]. Представители Миннефтепрома СССР выражали несогласие не только с возведением крупных городов, но и с капитальной застройкой. Материалы конференции опровергают предположение, что идею создания благоустроенных городов защищали нефтяники. Наоборот, строительство крупных городов поддерживали представители региональной власти и многие научные институты, и с этим нефтяникам приходилось считаться. Однако большая часть непосредственной застройки осуществлялась под руководством Главтюменнефтегаза, который действовал в соответствии со схемой, предложенной С. Н. Вассерманом.

Миннефтепром СССР обозначил проблему о едином заказчике строительства городов, считая, что функция планирования капиталовложений на культурно-бытовые и коммунальные объекты должна принадлежать нефтедобывающему министерству. На конференции слова Ш. С. Донгаряна

[189] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 17–25, 213.
[190] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 14.

звучали как угроза: «Если мы (Миннефтепром СССР. – *И. С.*) не будем сами получать деньги и намечать строительство, то и дальше придется создавать деревянные города без крайне важных объектов, которые нужны всем там проживающим»[191]. Б. Е. Щербина также признавал пагубность ситуации, когда планирование осуществлялось одним органом, а строительно-монтажные работы велись другим[192]. Однако, признавая необходимость единого заказчика, Тюменский обком КПСС не поддержал идею наделения статусом единого заказчика Миннефтепром СССР.

Для главных лиц конференции предпочтительней виделось капитальное строительство. Свердловский архитектор Г. В. Шауфлер подчеркивал, что «жилищное строительство в нефтеносных районах, основанное на поспешном возведении одно- и двухэтажных брусчатых домов, без надлежащего благоустройства является неперспективным, социально и экологически неоправданным»[193]. За возведение домов повышенной этажности и расширение крупнопанельного домостроения с наибольшим количеством различных видов отделки выступали Печорпроект и Гипрогор[194]. Такие дома вели к увеличению плотности застройки и сокращению трудноосваиваемых территорий под города.

Со стороны проектных институтов, и в первую очередь, Башнефтепроекта, критиковалось деревянное строительство городов, осуществляемое Главтюменнефтегазстроем. Несмотря на эту критику, главный инженер Главтюменнефтегазстроя Ю. П. Баталин, который представлял точку зрения Мингазпрома СССР, являвшегося генеральным застройщиком в регионе освоения, высказался за капитальное строительство в городах и поселках. Он указывал на необходимость форсировать внедрение блочного строительства и

---

[191] Донгарян Ш.С. По-хозяйски рассчитывать // Тюменская правда. – 1966. – 5 июля. – № 152 (6095). – С. 2.
[192] Щербина Б.Е. И встанут в тайге города // Тюменская правда. – 1966. – 5 июля. – № 152 (6095). – С. 2.
[193] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 127.
[194] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 39, 191–192.

создание собственной строительной базы (прежде всего предприятий по выпуску панелей и блоков)[195].

Очень была важна для выработки окончательных решений по вопросам градостроительства позиция Госплана СССР. Участники конференции были проинформированы о составлении Генеральной схемы развития и размещения производственных сил Западно-Сибирской низменности. Разработка Генеральной схемы было поручено Совету по изучению производительных сил при Госплане СССР в декабре 1964 г. Работа должна была быть закончена к концу 1968 г., что не устраивало многих участников конференции, так как за время разработки схемы городское строительство в Тюменской области обретало «хаотический характер»[196].

Представителем Госплана Д. В. Белорусовым подчеркивалось, что Западно-Сибирская низменность с ее колоссальными запасами нефти, газа и древесины являлась уникальной топливно-энергетической и лесосырьевой базой общесоюзного масштаба и не должна была подчиняться Уральским, Западно-Сибирским и другим местным влияниям, а требовала выделения в составе РСФСР нового Обь-Иртышского крупного экономического района[197]. Госплан также поддержал идею создания благоустроенных городов и рабочих поселков, которые поспособствовали бы формированию постоянных кадров рабочих и инженеров и остановили бы их текучесть[198].

Такой оптимистический прогноз Госплана послужил началом для складывания концептуального подхода в градостроительной политике на Севере Западной Сибири. В конце своего выступления первый секретарь Тюменского обкома Б. Е. Щербина обратился с просьбой к Госплану обсудить у себя итоги и предложения конференции, которые смогли бы содействовать определению конкретных задач по темпам строительства для каждого города,

---

[195] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 52–53.
[196] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.
[197] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 166.
[198] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 65.

для каждого подразделения[199]. Мнения участников конференции были учтены Госпланом – генеральной линией градостроительного освоения становилось возведение крупных городов и централизованное расселение. Но, с другой стороны, Госплан СССР не совсем осознавал размеры будущего строительства, что объяснялось недоразведанностью территории. По мнению Ю. П. Баталина, конкретные предложения по городскому развитию не воспринимались Госпланом всерьез[200]. Так, например, Госплан согласовал строительство Сургута на 60 тыс. чел., когда проектировщики доказали целесообразность принятия генплана города на 250–300 тыс. чел.

В конце конференции было проведено итоговое заседание, на котором были согласованы рекомендации по каждой секции. В рекомендациях намечались основные направления, в соответствии с которыми должно было двигаться городское развитие в нефтегазоносных районах Тюменской области. Рекомендации конференции сводились к следующим основным положениям: 1) «Расселение в нефтегазоносных районах Западно-Сибирской низменности следует предусматривать централизованным с преимущественным созданием благоустроенных городов-центров крупных районов и близрасположенных групп месторождений»[201]. 2) Для каждого нефтяного района должен был быть применен тот вариант расселения (город, стационарный поселок, вахтовый поселок), который при наименьших затратах гарантировал высокий уровень жизни. 3) Рекомендовалось обеспечить полную занятость всего трудоспособного населения с помощью правильного баланса использования мужского и женского труда и широкого развития службы быта. 4) Создание многопрофильных городов (в возможных случаях) являлось лучшим решением в становлении производственной базы строящихся городов. 5) Скорое завершение и утверждение технико-экономических обоснований и схем районной планировки промышленных районов, генеральных планов городов и

---

[199] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 41.
[200] Баталин Ю. П. Трудные годы становления // Нефтегазостроители Западной Сибири : в 2 кн. Кн. 1 : Антология. – М. : Росс. союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 47.
[201] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 172.

поселков. 6) Обеспечение опережающего строительства предприятий стройматериалов и стройиндустрии. 7) Разработка оптимальных конструкций и типов жилых домов, пригодных для проживания в тяжелых северных условиях.

«Особый след у меня оставила конференция по градостроительству»[202], – через десятилетия вспоминал Ю. П. Баталин. Неудивительно, ведь выводы и рекомендации конференции определили концептуальное направление, в котором двигалась градостроительная политика в нефтегазоносных районах Западной Сибири в последующие годы.

Несмотря на то что участники конференции 1966 г. говорили о единой системе расселения в Тюменской области, которая затрагивала и нефтеносные, и газоносные районы, основной упор был сделан на градостроительное освоение территории нефтедобычи, т.е. на регион Среднего Приобья и Ханты-Мансийский округ. Однако с открытием череды уникальных газовых месторождений на Ямале остро встал вопрос о методах расселения в газоносных районах. В данной ситуации градостроительная политика в отношении ХМАО должна была существенно измениться, округ мог стать плацдармом для расселения газовиков Ямало-Ненецкого округа. Опираясь на постановление СМ СССР от 17 мая 1968 г. «О мероприятиях по подготовке к строительству мощных газовых промыслов и газопроводов»[203], Тюменский обком КПСС в срочном порядке принялся за разработку подхода градостроительного освоения территории Ямало-Ненецкого округа. Для этого было решено провести в г. Тюмени научно-техническую конференцию по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области.

Она состоялась 26–28 июня 1968 г. Было заслушано 47 докладов, в которых поднималось множество проблем, связанных с комплексным освоением ЯНАО, в том числе развитие системы транспорта, внедрение новых типов благоустроенных жилых домов и методов строительства, выявление

---

[202] Баталин Ю. П. Трудные годы становления // Нефтегазостроители Западной Сибири : в 2 кн. Кн. 1 : Антология. – М. : Росс. союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 43.

[203] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет. Т. 6 (доп.) : 1966 – янв.-июнь 1968 гг. – М. : Политиздат, 1968. – С. 716–720.

природно-географических условий. Однако главный вопрос, на который должна была дать ответ конференция, звучал так: целесообразно ли строительство городов в газоносных районах Тюменской области?

Против строительства городов в ЯНАО выступил Госплан СССР. Руководитель сектора Западно-Сибирского промышленного комплекса СОПС при Госплане СССР В. Д. Белорусов высказал идею создания в регионе благоустроенных гостиниц, где могли бы жить и работать рабочие. Такой вариант не требовал расселения в северных районах семей рабочих: «Весь промышленно-производственный персонал живет в этих гостиницах, а семьи находятся в районе Тюмени, Тобольска, возможно в других местах с достаточно хорошими климатическими условиями»[204]. Такими опорными «местами» могли стать и города нефтяников Среднего Приобья. Главным аргументом против возведения городов в ЯНАО служила дороговизна реализации данного проекта. Однако в конце доклада представитель Госплана подчеркнул, что строительство гостиниц и городов в регионе изучено недостаточно, и только после всестороннего исследования можно было решить, какой метод расселения больше подходил при освоении Ямало-Ненецкого округа.

Позиция Госплана СССР не была поддержана институтами «Гипрогор» и Ленинградским государственным институтом проектирования городов («Ленгипрогор»). На пленарном заседании конференции проектировщики Гипрогора предложили два варианта решения проблемы расселения при эксплуатации газоносных месторождений: внутренний и внешний[205].

Система внутреннего расселения включала в себя три возможных варианта: 1) «Групповой вариант», предусматривавший размещение населенных пунктов с численностью от 10 до 20 тыс. чел. при группах

---

[204] Белорусов В. Д. Перспективы развития производительных сил Ямало-Ненецкого национального округа // Научно-техническая конференция по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области. 26–28 июня 1968 г. : тез. докл. – Тюмень, 1968. – С. 14.

[205] Фейгина Э. Я., Замерцева В. И. Проблемы расселения и планировки населенных пунктов районов Тюменского Севера // Там же. – С. 20–21.

месторождений (такими городами должны были стать Уренгой, Надым, Тазовский, Тарко-Сале, Новый Порт; 2) «Централизованный вариант», который допускал возведение одного большого города до 80 тыс. жителей в пределах ЯНАО для всех групп месторождений (таким городом могли стать Уренгой или Надым), которые эксплуатировались вахтовым методом; 3) «Децентрализованный вариант», согласно которому создавались мелкие населенные пункты до 2 тыс. жителей у каждого промысла.

Система внешнего расселения предусматривала расселение газовиков и их семей в одном из имеющихся городов Тюменской области в более благоприятных климатических условиях, с более дешевым жилищным строительством. По мнению «Гипрогора», под такой город хорошо подходили Тюмень и Сургут. В этом случае в пунктах добычи газа организовывались вахты длительного пребывания и базисный аэродром, куда рабочие доставлялись из центра расселения и развозились по промыслам.

В целом большинство участников ясно высказались за возведение городов и поселков в районах газодобычи. Получил поддержку централизованный вариант системы внутреннего расселения, предложенный «Гипрогором». Вместе с тем была одобрена идея передачи городам нефтяников Среднего Приобья части функций опорных городов при освоении ЯНАО. Во многом под влиянием конференции Госплан пересмотрел свою позицию.

Конференция, на которой окончательно было принято решение о строительстве городов в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири, состоялась 15–18 марта 1969 г. в Тюмени. Она была посвящена проблемам развития и размещения производительных сил Тюменской области. Госплан вновь поддержал идею возведения крупных городов, но и не выступал против строительства более мелких. Вот как по этому поводу высказался в своем докладе представитель СОПС при Госплане СССР академик Н. Н. Некрасов: «По-видимому, сейчас мы не можем решить, где жить людям. Жить ли им в маленьких, средних и больших городах или рабочих поселках. Очевидно, люди должны жить во всех категориях этих городов. Одно ясно, что Тюмень – это

западные ворота Западно-Сибирской низменности, Томск – это восточные ворота. И естественно, что около этих ворот должны быть созданы такие большие города, которые определяют соответственно и все дальнейшее развитие городов района. По-видимому, Тюмень должна в ближайшее десятилетие достигнуть уровня Новосибирска»[206]. На конференции 1969 г. первоочередной задачей в строительстве объявлялось создание мощностей и производственной базы строительных организаций. Решение вопросов капитального строительства должно основываться на комплексном научно-обоснованном использовании материалов, генеральных планов городов и населенных мест, социологических и архитектурных требований. Конференция также просила союзное правительство снять ограничение в строительстве городов и промышленных комплексов в бассейне реки Оби ниже отметки 30 и прекратить проектирование Нижне-Обской ГЭС[207].

Таким образом, если основная линия противостояния на конференции 1966 г. вырисовывалась между Миннефтепромом СССР, с одной стороны, и проектными институтами и Тюменским обкомом КПСС – с другой, то на конференции 1968 г. это противостояние не нашло яркого продолжения. Твердая позиция Тюменского обкома партии и лично Б. Е. Щербины способствовала тому, что государство пошло по пути централизованного расселения. Главный архитектор Тюменской области в 1960–1976 гг. В. А. Бешкильцев вспоминал: «Б. Е. Щербине я признателен за его твердую и последовательную линию – это централизованное расселение нефтяников Среднего Приобья со строительством больших городов Сургута, Нижневартовска и др. В большом городе можно более удобно организовать жизнь людей, да и строить легче. Дело в том, что пока Сургут в достаточной мере не был задействован, не были построены аэропорты, речные причалы, не было Сургутской ГРЭС и другого, нефтяники постоянно проявляли тенденцию

[206] Некрасов Н. Н. Главные направления развития народно-хозяйственного комплекса Западно-Сибирской низменности, его место и роль в решении общесоюзных проблем // Материалы конференции по проблемам развития и размещения производительных сил Тюменской области. Том 1. – Тюмень, 1970. – С. 31–43.
[207] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 32. Л. 12об–13об.

строить мелкие города-поселки при каждом нефтяном месторождении. Однако Б. Е. Щербина безоговорочно поддерживал нас, архитекторов, в вопросе целесообразности концентрации ресурсов строителей в крупных городах»[208]. Применение рекомендаций конференций 1966 и 1968 гг. в градостроительной политике не заставило себя долго ждать, они нашли отражение в последующих постановлениях партии и Правительства СССР.

2.3. Реализация градостроительной политики «базовый город – вахтовый поселок» (1969 – 1970-е гг.)

В конце 1960-х гг. активная деятельность руководства Тюменской области, которая проявилась в принимаемых решениях и постановлениях, постоянных письмах в государственные учреждения и проведенных в г. Тюмени конференциях 1966, 1968 и 1969 гг., содействовала формированию долгосрочной государственной стратегии развития нефтегазовой промышленности и городского строительства в ХМНО. С конца 1960-х гг. государственная политика в сфере градостроительства на территории нефтегазодобывающих районов приобрела более отчетливый характер. Причинами этому были признание наличия в регионе огромных запасов нефти и газа и выполнение сверх нормы директив по добычи нефти (не менее 30 млн т против установленных 20–25 млн т). Также на политику градостроительного освоения повлияли открытия новых уникальных месторождений нефти и начало их эксплуатаций: Самотлорское, Мамонтовское, Аганское, Правдинское, Варьёганское, Фёдоровское.

Вскоре последовало принятие основополагающего документа, который определял стратегию развития нефтегазодобывающих районов. 11 декабря 1969 г. вышло совместное партийно-правительственное постановление «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в

[208] Из воспоминаний В. А. Бешкильцева, главного архитектора Тюменской области в период становления ЗСНГК // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М. : МЦА «Суханово», 2004. – С. 199.

Западной Сибири»[209]. Документ касался конкретных мероприятий на IX пятилетний план (1971–1975 гг.) и на перспективу до 1980 г.

Важнейшей народнохозяйственной задачей объявлялось создание в Западной Сибири новой крупной нефтедобывающей базы и обеспечение добычи нефти в этом районе в 1975 г. в количестве 100–120 млн т и в 1980 г. – 230–260 млн т. Поменялось отношение к городскому и жилищному строительству в регионе, которое перестало рассматриваться как временное явление. Государство отказалось вести промышленное и жилищное строительство в деревянном исполнении. Ставилась задача внедрять «комплексно-блочное строительство с использованием наиболее совершенных индустриальных конструкций и новых строительных материалов».

Однако для урбанизации региона самым важным пунктом в постановлении 1969 г. было то, что строительство жилых домов, объектов коммунального и культурно-бытового назначения предписывалось вести на основе сосредоточения «во вновь создаваемых крупных городах, с обеспечением максимального благоустройства их, в комплексе с промышленным строительством, по проектам, отвечающим природно-климатическим условиям Западной Сибири, с применением блоков, узлов и деталей, имеющих повышенную степень сборности, а также эффективных теплоизоляционных и новых отделочных материалов». Таким образом, на государственном уровне была принята точка зрения руководства Тюменской области, которое ратовало за возведение крупных благоустроенных городов.

В то же время закреплялся ведомственный характер строительства. Разрешалось, в виде исключения, Мингазпрому, Миннефтепрому, Министерству геологии СССР и Совету Министров РСФСР осуществлять строительство объектов стройиндустрии и промышленности строительных материалов, строительство жилых домов, объектов коммунального хозяйства, культурно-бытового назначения, здравоохранения, просвещения в

[209] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. – М., 1972. – С. 130–139; ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1422. Л. 64об–67об.

нефтегазодобывающих районах Тюменской и Томской областей. Этим во многом обусловливалась некомплексная застройка городов в будущем.

Итак, в конце 1960-х гг. государственная политика развития нефтяных городов Западной Сибири была ориентирована на ускоренное градостроительное развитие на базе комплексно-блочного и крупнопанельного, а также ведомственного строительства с централизацией в строящихся крупных городах.

В действительности положение дел кардинально не изменилось: внедрение крупнопанельного строительства в городах шло медленными темпами. Основные проблемы были связаны с нехваткой денежных средств. Просьбы местных властей увеличить ассигнования не находили понимание в Госплане и Госстрое. Руководство области и округа в целом выступало против тех цифр финансирования, которые были заложены на жилищное и культурно-бытовое строительство на IX пятилетку. На эти нужды Госпланом РСФСР на 1971–1975 гг. предусматривалось 161,4 млн руб., в то время как местная власть просила выделить 338,5 млн руб.[210]

В то же время Госплан РСФСР упрекал Тюменское руководство за то, что оно не полностью использовало выделяемые ему капитальные вложения[211]. Так, в 1970 и 1971 гг. оказались неосвоенными 1 млн и 5,9 млн руб. соответственно. Отчасти поэтому Госплан не давал дополнительные средства. Другой причиной отказов было продолжающее отставание в строительстве. Отмечалось, что средства могли быть выделены во втором полугодии 1972 г. в случае успешного выполнения планов по строительству.

Противоречия возникали в размере сумм, предоставляемых Госстроем РСФСР, на топографические, инженерно-геологические и проектно-планировочные работы. Недостаточные, по мнению обкома и окружкома, средства вели к задержке проектирования и строительства городов. Первый секретарь партии Б. Е. Щербина обращался к Председателю Совета Министров

[210] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5106. Л. 91–92.
[211] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5729. Л. 75.

РСФСР Г. И. Воронову, чтобы тот обязал Госстрой РСФСР дополнительно профинансировать эти работы в размере 500 тыс. руб. на 1970–1971 гг.[212] Госстрой РСФСР и Госплан РСФСР отвечали отрицательно. В большинстве случаев Тюменскому руководству рекомендовалось обращаться к министерствам и ведомствам, так как данные работы и изыскания должны были вестись за счет средств, выделяемых на проектирование промышленных предприятий[213].

В феврале 1971 г. на заседании Тюменского облисполкома было принято решение «О соблюдении генерального плана развития города Сургута»[214]. Руководство области не устраивало качество застройки нового города, в которой проявлялась ведомственность. За неудовлетворительное выполнение функций единого заказчика подверглось критике главное нефтяное ведомство: «Главтюменнефтегаз (т. Муравленко) задерживает проектирование общегородских и культурно-бытовых объектов и магистральных сетей водопровода, канализации и энергоснабжение города». Также отмечалось, что Сургутский горисполком не обеспечивал необходимое руководство и контроль за застройкой и хозяйством города.

Становилось понятным, что для координации городского развития требовались специальные директивы. Еще в январе 1970 г. Тюменским облисполкомом были внесены предложения в Совет Министров РСФСР и Госплан РСФСР по улучшению культурно-бытового обслуживания населения, развитию промышленности, подведомственной облисполкому[215]. Всего было внесено 49 предложений. Первостепенное значение имели вопросы, связанные с благоустройством нефтяных городов. Руководство области просило поручить Госстрою РСФСР возложить на один из проектных институтов функции генерального проектировщика по проектированию жилья, культурно-бытовых учреждений, предприятий пищевой промышленности, коммунального

[212] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5106. Л. 65–67.
[213] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5109. Л. 16–17.
[214] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5033. Л. 7–12.
[215] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 436. Л. 80–95.

хозяйства. Однако это предложение не было поддержано Госпланом, так как данные функции не находились в компетенции институтов Госстроя РСФСР. Далее облисполком предложил определить заказчиками по строительству городов министерства нефтедобывающей и газовой промышленности СССР, а также предоставить право горрайисполкомам и облисполкому решать вопросы кооперирования средств предприятий и организаций различных министерств и ведомств на городское строительство вместо существующего порядка долевого участия. По мнению местных властей, это позволило бы решить вопросы строительства городов в соответствии с темпами развития нефтегазодобычи. Не нашло понимание и это предложение облисполкома в силу того, что постановление 1969 г. разрешало осуществлять городское строительство за счет средств, выделяемых на развитие нефтегазовой промышленности. В целом Госплан достаточно критично отнесся ко многим предложениям руководства области по 1970 г., обосновывая отказы тем, что отсутствовали необходимые ресурсы. Однако было обещано рассмотреть инициативы на 1971–1975 гг.[216]

Инициативы были рассмотрены только через полтора года и послужили основой для правительственного постановления «О мерах по дальнейшему развитию городов и поселков в районах добычи нефти и газа Тюменской области» от 21 декабря 1971 г.[217] В документе было отражено стремление государства придать урбанизации планомерный характер. Ставилась задача союзным министерствам и республиканскому правительству обеспечить строительство и ввод в эксплуатацию в городах и поселках жилых домов, школ, детских дошкольных учреждений, учреждений культуры и здравоохранения, предприятий торговли и общепита, объектов связи, коммунального хозяйства и бытового обслуживания в 1971–1975 гг. В заданиях указывались конкретные цифры. Давались директивы по строительству промышленно-коммунальных объектов: хлебозаводов, пивоваренных заводов с цехами безалкогольных напитков, мясоперерабатывающих заводов и колбасных фабрик, городских

[216] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 436. Л. 71, 74, 76.
[217] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1470. Л. 104–119.

молочных заводов, холодильников для скоропортящихся продуктов, овощехранилищ, автобусных гаражей. Также устанавливались задания по возведению предприятий стройиндустрии: заводов крупнопанельного домостроения, заводов по производству стеновых материалов, керамзита, нерудных материалов, заводов железобетонных изделий, деревообрабатывающих предприятий.

Постановлением определялись заказчики по проектированию и строительству городов. В Сургуте, Урае, Нефтеюганске и Нижневартовске обязанности возлагались на Миннефтепром СССР, а в ямальских поселках Надыме, Лабытнанги и Харпе – на Мингазпром СССР. Генподрядчиком по комплексной застройке городов и поселков, кроме Нижневартовска, становился Мингазпром СССР. В Нижневартовске эти функции передавались Минпромстрою СССР. Но именно предоставление функций единого заказчика по жилищному и социально-бытовому строительству предприятиям нефтяной промышленности объективно вело к устранению органов власти на местах от участия в программе комплексной застройки новых городов[218].

Вместе с тем постановление 1971 г. не решало проблемы недостаточного финансирования городского строительства. На протяжении 1972 г. Тюменские обком КПСС и облисполком неоднократно обращались в союзное и республиканское правительство, Госплан РСФСР и министерства с просьбой предоставить дополнительные ассигнования на благоустройство и содержание городов. В январе 1973 г. Тюменский обком партии в письме на имя А. Н. Косыгина подчеркивал, что «благоустройство новых городов и поселков в Тюменской области отстает от потребностей. Выделяемые на эти цели средства недостаточны, в текущем году они сокращены по сравнению с прошлым годом»[219]. В другом послании уже в Совет Министров РСФСР говорилось, что

---

[218] Гаврилова Н. Ю. Карпов В. П. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964–1985 гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002. – № 1,2. – С. 243.
[219] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5729. Л. 19.

«выделяемые средства на благоустройство крайне недостаточны и не позволяют улучшить содержание городов и поселков»[220].

После принятия постановлений 1969 и 1971 гг. началась реализация централизованной системы расселения в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири. Эта система была поддержана в Ханты-Мансийском окрисполкоме и окружкоме. В январе 1972 г. в Сургуте прошла окружная конференция по проблемам планировки и застройки городов и поселков, на которой еще раз указывалось о необходимости реализации принятой схемы расселения[221]. На VI пленуме окружного комитета партии 11 июля 1972 г. второй секретарь Ю. П. Старцев говорил: «Предметом особой заботы окружной партийной организации должно быть формирование новых городов округа. … Партийным, советским органам, хозяйственным организациям надо сосредоточить усилия на успешном выполнении постановления Правительства, которое послужит планомерному развитию городов, значительному улучшению условий жизни населения»[222]. Горисполкомы и горкомы также высказались «за» централизованное расселение, хотя и не все были согласны с ней. Так, за следование этой системе в воспоминаниях жителей Нефтеюганска критикуется первый секретарь Нефтеюганского горкома партии Ю. А. Долгих: «Естественно, такой примитивный подход к строительству города Михаил Андреевич придумал не сам. Он был согласован в городском комитете КПСС и, очевидно, с вышестоящими советскими органами. … И было принято дикое решение – жить работникам, работающим в базовых поселках, и их семьям следует в городе Нефтеюганске, а в поселках работать вахтовым методом в отрыве от семьи»[223].

9 марта 1972 г. был образован четвертый нефтяной город в ХМНО. Статус города окружного подчинения получил рабочий поселок Нижневартовский, который с начала 1970-х гг. в стратегии как нефтегазового,

---

[220] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5730. Л. 75.
[221] Ленинская правда. – 1972. – 26 января. – С. 3.
[222] ГАСПИТО. Ф. 107. О. 1. Д. 2260. Л. 102–103.
[223] Вспоминает Валентин Владимирович Ямзин / Нефтеюганск: воспоминания, документы, публикации / науч. ред. А. В. Черноухов. – Екатеринбург : Архитектон, 1997. – С. 54–56.

так и градостроительного освоения обрел первостепенное значение, поскольку Нижневартовский район становился основной базой нефтегазодобывающей промышленности Западной Сибири. Ханты-Мансийский окрисполком еще в октябре 1970 г. ходатайствовал перед Тюменским руководством о преобразовании Нижневартовского поселка в город в связи с принятием централизованной системы расселения, с присвоением ему нового имени в честь крупнейшего месторождения – город Самотлор[224]. Но поспешное, как считал облисполком, окружное решение не было поддержано в Тюмени, и получение поселком статуса города затянулось еще на полтора года.

Развитие Нижневартовска не отвечало вызовам нефтегазодобывающих отраслей: крайне неразвитыми в городе оставались инфраструктура и благоустройство. Минпромстрой СССР плохо справлялся с функциями генподрядчика. В конце 1970-х гг. Минпромстрой СССР оправдывался тем, что в Тобольске и Нижневартовске отсутствовали базы стройиндустрии, а предприятия стройиндустрии в Тюмени выполняли работу неудовлетворительно. В приказах Минпромстроя СССР также отмечалось, что причиной невыполнения плана подрядных работ являлась недопоставка деталей домов и свай главками из других регионов: «Главзападуралстроем», «Главвостоксибстроем», «Главбашстроем», «Главомскпромстроем»[225].

30 ноября 1972 г. Тюменский облисполком принял решение «О соблюдении генерального плана застройки города Нижневартовска»[226]. В отличие от такого же решения по Сургуту, указывалось, что строительство Нижневартовска проводилось в основном в соответствии с утвержденным генпланом, внедрялись комплексная застройка жилых микрорайонов, малые архитектурные формы. Вместе с тем отрицательная оценка была дана местному горисполкому, который не предъявлял необходимой требовательности по застройке и развитию города. За отступления от генерального плана подверглись критике многие ведомства и предприятия: Главтюменнефтегаз,

[224] ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1025. Л. 68–92.
[225] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5565. Л. 78–84; ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5736. Л. 2–12.
[226] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5183. Л. 14–20.

«Мегионнефть», «Нижневартовскжилстрой», «Мегионгазстрой», «Тюменьдорстрой», «Тюменьпромстрой».

Решения облисполкома и окрисполкома были направлены на улучшение качества городского строительства и жилищных условий горожан. Директивная часть документов в основном касалась выполнения заданий по вводу в эксплуатацию жилых домов и культурно-бытовых объектов и подключению всего жилого фонда к сетям канализации и водопровода. Руководством отмечалась необходимость создания ведомствами служб коммунального хозяйства. Однако эти вопросы продолжали оставаться нерешенными в первой половине 1970-х гг.

Помимо Сургута и Нижневартовска, еще одним крупным городом в нефтегазодобывающих районах Тюменской области, согласно проектам «Гипрогора», намечался Южный Балык, который должен был стать железнодорожным транспортным узлом, газоперерабатывающей базой и центром для освоения Мамонтовского и Южно-Балыкской группы месторождений. 24 мая 1972 г. Тюменский облисполком согласовал эскиз генерального плана г. Южный Балык, разработанный институтом ЛенНИИПградостроительства[227]. Согласно проекту, расчетная численность города должна была достигнуть 50 тыс. чел., а на первую очередь строительства – 22 тыс. чел. Генплан Южного Балыка был утвержден облисполкомом 13 октября 1972 г.[228], но генплан не был согласован с Миннефтепромом СССР. В Главтюменнефтегазе проект генплана Южного Балыка получил твердый отказ. Нефтяники посчитали, что вместо Южного Балыка целесообразней было дальнейшее развитие уже существующего города Нефтеюганска, несмотря на то что он располагался на абсолютно не пригодной для строительства территории. Строительство Южного Балыка так и не началось.

[227] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5171. Л. 206–207.
[228] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5179. Л. 294–295.

В 1970-х гг. Тюменским облисполкомом запрещалось возведение новых крупных поселений. Эксплуатация месторождений должна была осуществляться только вахтовым методом, а проживать рабочие с семьями должны были в базовых городах. Однако на практике получалось по-другому. Не обращая внимания на решения облисполкома и окрисполкома, ведомства застраивали вахтовые поселки, которые постепенно превращались в настоящие рабочие поселки с населением в несколько тысяч человек (Пойковский, Мамонтово). Заместитель начальника Главтюменнефтегаза по капитальному строительству А. С. Парасюк заявлял осенью 1971 г., что «семьи рабочих, занятых обустройством и эксплуатацией Правдинского и Мамонтовского месторождений и проживающие в поселках Пойковский и Мамонтово, будут в течение 1972–73 гг. переселены в гг. Нефтеюганск и Сургут, для чего в этих городах будет обеспечено строительство необходимого количества жилья»[229]. Но переселение семей не было осуществлено, и вахтовые поселки продолжали расти.

В январе 1973 г. Тюменскую область посетил председатель Правительства СССР А. Н. Косыгин. Им было поручено разработать Госгражданстроем СССР мероприятия по улучшению строительства жилых домов в городах и поселках области[230]. Госгражданстрой, Тюменские обком КПСС и облисполком обязывались проверить ход выполнения постановления Совета Министров СССР от 1971 г. Доклад по итогам этой проверки обращал внимание на ряд положительных моментов, но в целом реализация постановления признавалась неудовлетворительной[231]. Причина виделась в неосуществлении заданий по вводу в действие объектов стройиндустрии. За невыполнение своих обязанностей порицались заказчики и подрядчики – Миннефтепром, Мингазпром и образованное в сентябре 1972 г. Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности (Миннефтегазстрой). За строительство Нижневартовска критиковался

[229] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5053. Л. 11–12.
[230] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5729. Л. 81.
[231] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5731. Л. 63–67.

Минпромстрой СССР. С точки зрения докладчиков, «рост заданий по добыче нефти, сверх намеченных пятилеткой, не подкрепленный соответствующей программой жилищного и культурно-бытового строительства, может еще более усугубить положение, если не будут приняты неотложные меры»[232]. Однако неотложные меры не принимались.

Ведомства не стремились уменьшить диспропорции между развитой промышленной индустрией и неполноценной социокультурной сферой. 21 мая 1975 г. Тюменским облисполкомом было принято решение «О мерах по дальнейшему улучшению жилищного и культурно-бытового обслуживания трудящихся городов Нижневартовска, Сургута, Нефтеюганска и Надыма»[233]. В нем констатировалось, что постановление Совета Министров СССР от 1971 г. выполнялось неудовлетворительно, а планы по строительству и благоустройству городов не реализовывались. Руководители области пошли на радикальные меры. До сведения Главтюменнефтегаза, Главтюменнефтегазстроя и «Тюменгазпрома» доводилось, что если ими не будут проведены мероприятия «по коренному улучшению водоснабжения и канализования гг. Нижневартовска, Нефтеюганска, Сургута и Надыма, облисполком вынужден будет ограничить въезд трудящихся в эти города до приведения их в надлежащее санитарное состояние». В целях повышения архитектурного облика городов горисполкомам обязывалось принять меры по увеличению строительства домов повышенной этажности, обеспечить в течение 1975–1978 гг. переселение семей, проживающих в балках и бараках, в благоустроенные жилые дома, а также способствовать прекращению самовольного строительства времянок, запретить всем организациям дальнейшую установку вагончиков на городской территории.

Позиция руководителей Тюменской области обусловила то, что в начале 1975 г. начальником Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко перед республиканским правительством был поставлен вопрос об увеличении в

[232] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5731. Л. 65.
[233] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5545. Л. 29–35.

1975 г. и в последующих годах объема жилищного строительства в нефтегазодобывающих районах и о привлечении организаций Минэнерго СССР к работам по капитальному и промышленному строительству[234]. В. И. Муравленко хорошо осознавал проблему: «Самой трудной проблемой для нефтяников и строителей были и остаются вопросы застройки городов, рабочих поселков и культурно-бытовых учреждений. Отсутствие должных промышленных баз, местных материалов приводит к срывам планов в развитии жилищной и культурной базы нефтяников»[235].

С этого времени начинался новый этап развития нефтегазодобывающей промышленности Западной Сибири. Вырабатывалась новая стратегия развития ЗСНГК, для которой было характерно «стремление обеспечить сбалансированное развитие всех сфер функционирования комплекса, преодолеть наметившиеся диспропорции»[236]. Начало положило совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1977–1980 годах», которое было принято 16 мая 1977 г.[237] В постановлении отмечалось, что нефтегазодобывающий район Западной Сибири «приобретает решающее значение для дальнейшего развития экономики страны». Директивная часть посвящалась вопросам строительства объектов производства и объектов, которые их обслуживали, – нефтепроводов, газопроводов, электростанций, линий электропередач, автомобильных дорог, мостов и т.д.

Для улучшения организации управления капитальным строительством, главным органом, осуществляющим сооружение жилых домов, объектов коммунального хозяйства, культурно-бытового назначения, здравоохранения и просвещения в городах и поселках, назначался Миннефтегазстрой СССР, кроме

---

[234] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6069. Л. 43.

[235] Муравленко В. И. Перспективы развития нефтегазодобычи в северных районах Тюменской и Томской областей // Труды НИИСХ Сев. Зауралья. Вып. 24: Организационно-экономические проблемы развития сельского хозяйства в Северном Зауралье. – Тюмень, 1977. – С. 41.

[236] Колева Г. Ю. Стратегия развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1960–1980-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300. – С. 98.

[237] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 835. Л. 281об–288об.

Нижневартовска, где главным подрядчиком оставался Минпромстрой. Постройку жилых домов для нефтяников и газовиков также должны были осуществлять Минпромстрой и Министерство энергетики и электрификации СССР. Из ведения Миннефтепрома и Мингазпрома СССР изымались предприятия бытового обслуживания и передавались в руки Министерства бытового обслуживания. Значительное место в постановлении было уделено развитию Нижневартовска, в котором организовывалось производственное строительно-монтажное объединение – «Нижневартовскстрой».

Социальные вопросы развития городов не рассматривались отдельно в постановлении 1977 г., однако Госплану СССР и Государственному комитету Совета министров СССР по труду и социальным вопросам совместно с Министерством финансов СССР и ВЦСПС давалось задание внести в правительство СССР предложения по улучшению социально-бытовых условий рабочих. На основе этих предложений 9 февраля 1978 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли Постановление «О мерах по дальнейшему улучшению социально-бытовых условий работников предприятий, организаций и строек нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири»[238].

Постановлением признавалось, что развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса зависело «от дальнейшего улучшения социально-бытовых условий нефтяников, работников газовой промышленности, геологов и строителей, закрепления квалифицированных кадров в этом районе». Документ в первую очередь определял мероприятия по городской застройке: обеспечение строительными материалами и конструкциями, сооружение жилых домов, общежитий и пансионатов, обеспечение развития речного транспорта и укрепления причалов. Утверждались основные цифры по строительству объектов городского благоустройства по каждому министерству. Основными исполнителями выступали Миннефтегазстрой, Миннефтепром и Мингазпром. Далее определялись задания по строительству и расширению предприятий стройиндустрии. Постановление требовало в первом полугодии 1979 г.

[238] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 855. Л. 165об–168об.

пересмотреть и скорректировать генпланы городов Сургута, Нижневартовска и Нефтеюганска, которые в 1970-х гг. стали бесспорными центрами расселения в ХМАО. Эти генпланы были утверждены Тюменским облисполкомом в октябре 1979 г. Выполнение постановления было взято под жесткий контроль. Ход строительства жилых домов и объектов соцкультбыта в Западной Сибири в первом полугодии 1979 г. трижды рассматривался в Совете министров СССР[239].

Несмотря на то что окружные органы власти поддержали систему централизованного расселения, с середины 1970-х гг. в ХМАО по инициативе руководства округа стали возникать новые рабочие поселки: Белоярский (1974 г.), Нях (1976 г.), Новоаганск (1978 г.), Барсово (1979 г.), Мамонтово (1979 г.). В 1978 г. окрисполком просил облисполком преобразовать вахтовый поселок Радужный в рабочий поселок, но был получен отказ[240]. Появление новых рабочих поселков шло вразрез со схемой расселения «базовый город – вахтовый поселок».

Показательная ситуация сложилась вокруг рабочего поселка Мегион. В генплане поселка от 1973 г. отмечалось, что он входил «в агломерацию г. Нижневартовска, а его развитие ограничивается завершением обустройства существующих предприятий»[241]. Однако ведомства не собирались считаться с генпланом и хаотично застраивали поселок. В 1976 и 1979 гг. окружком КПСС и окрисполком безрезультатно ходатайствовали перед облисполкомом и обкомом о преобразовании рабочего поселка Мегион в город окружного подчинения[242]. В конечном итоге в 1979 г. руководству Тюменской области и начальникам основных главков было послано коллективное письмо от депутатов областного, окружного, районного и поселкового Советов. Депутаты резко осудили деятельность ведомств, которая стала главным фактором деградации жилищно-бытовых условий в Мегионе. Еще в начале 1976 г. они обращались в Миннефтепром СССР с просьбой немедленно принять меры. На

[239] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6879. Л. 45.
[240] ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1274. Л. 17–19.
[241] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5299. Л. 425–426.
[242] ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1247. Л. 111; ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1335. Л. 231–232.

что от заместителя министра Ш. С. Донгаряна был получен следующий ответ: «Миннефтепром считает нецелесообразным свое участие в дальнейшем развитии поселка Мегион, а также размещение в нем нефтегазодобывающего управления»[243]. Несмотря на это заявление, нефтяники расположили в городе не одно предприятие, а количество работающих в нефтяной промышленности увеличилось в три раза – с 1850 до 5700 чел.

Из-за отставания в строительстве социально-культурных и коммунальных объектов в 1976 г. Тюменский облисполком запретил дальнейшее возведение жилых домов в поселке до исправления сложившейся ситуации главками. Но ведомства не хотели решать проблемы, а самовольно принялись застраивать поселок жилыми домами: за 1976–1978 гг. ими было построено свыше 12 тыс. кв. м. Комиссия по проверке письма группы депутатов констатировала: «Неудовлетворительное положение с жилищно-бытовым и коммунальным обслуживанием населения поселка явилось вследствие того, что Главтюменнефтегаз, организации Министерства строительства нефтяной и газовой промышленности превысили предусмотренные генпланом численность градообразующих кадров поселка в 2–2,5 раза»[244]. Депутаты выступили за строительство в ближайшие годы 150 тыс. кв. м. жилья и преобразование поселка Мегион в город, что должно было способствовать развитию населенного пункта. Понимая, что дальнейшее хаотичное расширение поселка недопустимо, прошение депутатов было принято. 23 июля 1980 г. Мегион получил статус города.

Таким образом, начала рушиться схема расселения «базовый город – вахтовый поселок». Во-первых, под влиянием Миннефтепрома СССР централизованное расселение в нефтедобывающих районах было осуществлено в ином варианте, помимо городов Сургут, Урай и Нижневартовск, в Среднем Приобье росли непредусмотренные планами города Нефтеюганск и Мегион и вахтовый поселок Мамонтово, а спроектированный город Южный Балык не

[243] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6218. Л. 171.
[244] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6218. Л. 138.

нашел поддержки у нефтяников. Во-вторых, на практике создание вахтовых поселков осуществлялось без каких-либо проектов и диктовалось исключительно интересами ведомств[245.] Схема «базовый город – вахтовый поселок» деформировалась из-за того, что нефтяники не понимали суть временных благоустроенных вахтовых поселений, искали более легкие подходы градостроительного освоения, хаотично застраивая эти поселки и увеличивая в них рабочий персонал. Главный архитектор А. Н. Отраднов впоследствии признавал это: «Принятая схема расселения базовый город – вахтовый поселок не оправдывала себя в данной градостроительной ситуации. В базовых городах не хватало жилья. Вводимые объемы жилищного строительства не обеспечивали расселение ежегодного прироста населения – в городах по 10–12 тыс. человек. Несмотря на жесткую линию по сдерживанию роста временных, вахтовых поселков непосредственно на месторождениях, вокруг базовых городов стихийно формировались крупные поселения. …Да и базовые города состояли из отдельных, самостоятельных поселков»[246].

Однако какие бы решения государство не принимало, градостроительные проблемы только множились. Со стороны региональной власти не утихала критика городского развития. Диспропорции в социальном развитии региона вели к кризису в нефтегазодобывающей промышленности Западной Сибири. В конце 1979 г. директором Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР академиком А. Г. Аганбегяном была представлена записка «Об узловых вопросах развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса» президенту АН СССР академику А. П. Александрову. Академик полагал, что от решения жилищной проблемы зависло будущее топливно-энергетической базы: «Совершенно очевидно, что если в течение ближайших 2–3 лет коренным образом не исправить это положение, организовав здесь массовое жилищное и социально-бытовое строительство, то перспективные

---

[245] Гаврилова Н. Ю. Градостроительная модель освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002. – № 1–2. – С. 234.

[246] Из воспоминаний А. Н. Отрадного // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М. : МЦА «Суханово», 2004. – С. 259.

планы добычи нефти и газа будут сорваны»[247]. Требовались скорейшие меры для реанимации социальной системы региона.

Итак, в 1970-х гг. государственная стратегия развития нефтяных городов ХМАО определялась постановлениями 1969 и 1971 гг. Государство поддержало централизованную схему расселения – был выбран курс на создание крупных городов. Вместе с тем противоречия между местной властью и ведомствами, которые зародились в 1960-х гг., не были преодолены. На практике ведомства застраивали вахтовые поселки и неохотно осуществляли жилищное и социально-культурное строительство и благоустройство в городах нефтяников, что вызывало недовольство со стороны областного и окружного руководства. Окружные органы власти все больше отходили от принятой системы расселения и обращали внимание на создание в регионе новых городов и рабочих поселков. Хроническое невыполнение заданий по жилищно-гражданскому и социально-культурному строительству вело к пересмотру всего курса градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов.

2.4. Новая концепция градостроительного освоения и ее кризис (1980-е – начало 1990-х гг.)

В конце 1970-х гг. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс переживал кризис. В развитии комплекса наметились существенные диспропорции. От производственного развития значительно отставало строительство объектов городской инфраструктуры, жилья и социально-культурных учреждений. В силу этого оставалась высокой текучесть кадров. Планы по добыче нефти периодически не выполнялись. Падали темпы добычи нефти с крупных месторождений, последовал ввод в эксплуатацию более мелких месторождений с малыми дебитами, разбросанных на огромной территории ХМАО. Вахтовые поселки все дальше удалялись от базовых городов. В них появлялось постоянное население. Политика нефтяных

[247] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6879. Л. 119.

ведомств фактически сорвала реализацию градостроительной концепции «базовый город – вахтовый поселок». Главный архитектор А. Н. Отраднов вспоминал, что «к 1980 году стало очевидным, что для создания надлежащих жилищно-бытовых условий северян необходима новая градостроительная политика освоения, наиболее полно отвечающая задачам эффективного использования природных богатств региона»[248].

Главными сторонниками смены градостроительной концепции были нефтяники. Они требовали формирования такой системы расселения, которая смогла бы приблизить жилье к месторождениям или объектам межпромыслового обслуживания, т.е. возврата к традиционному, стационарному, расселению посредством множества мелких населенных пунктов. Инициатором принятия новой – групповой – схемы расселения нефтяников и газовиков в ЗСНГК выступил Миннефтепром СССР, который заказал ее разработку у «Гипрогора». Новая схема расселения была предложена Совету министров СССР заместителем министра нефтяной промышленности Ш. С. Донгаряном[249].

Новый государственный подход к градостроительному освоению нефтегазодобывающих районов отразился в партийно-правительственном Постановлении № 241 от 20 марта 1980 г. «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса»[250]. Причиной сдерживания дальнейшего развития ЗСНГК признавалось отставание строительства объектов производственного и непроизводственного назначения, особенно жилых домов и автомобильных дорог. Миннефтегазстрою и Минпромстрою СССР давалась неудовлетворительная оценка по выполнению постановлений 1977 и 1978 гг., вследствие чего Партия и Правительство дополнительно привлекали строительные организации Министерства

---

[248] Из воспоминаний А. Н. Отрадного // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М. : МЦА «Суханово», 2004. – С. 260.

[249] Донгарян Ш. С. Подвиг созидателей // Нефтегазостроители Западной Сибири : в 2 кн. Кн. 1: Антология. – М. : Российский союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 207.

[250] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1673. Л. 202–229.

строительства предприятий тяжелой индустрии СССР, Министерства строительства СССР, Министерства промышленности строительных материалов СССР к строительству городов нефтяников и газовиков. Более того, в строительство вовлекались организации, подведомственные Советам министров союзных республик России, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Литвы, Латвии и Эстонии, а также горисполкомам Москвы и Ленинграда. Привлекаемые организации должны были осуществлять строительство по субподрядным договорам с Миннефтегазстроем и Минпромстроем СССР.

Определялись генеральные подрядчики по всем городам и поселкам ЗСНГК (включая Томскую область): Миннефтегазстрой (Сургут, Нефтеюганск, Надым, Новый Уренгой, Урай, Стрежевой, Ноябрьский, Пойковский, Мамонтово, Кагалымский, Лянторский, Федоровский, Муравленковский), Минпромстрой СССР (Нижневартовск, Радужный, Мегион, Лангепас, Покачевский) и Минстрой СССР (Васюган, Пудино). Перед министерствами и руководством Тюменской и Томской областей главной целью ставилось обеспечение комплексной застройки городов и поселков «на высоком градостроительном уровне, с полным объемом инженерного оборудования, благоустройства и озеленения».

Групповая система расселения дополнялась более широким применением вахтового метода работ. Новые города нефтяников становились базовыми центрами для близлежащих месторождений, у которых организовывались вахтовые поселки. Всем заинтересованным министерствам и местной власти предписывалось уточнять схему развития новых городов и поселков с учетом вахтового метода проведения геологоразведочных работ и обслуживания объектов нефтегазовой промышленности. Еще одним значимым моментом в постановлении было то, что важнейшая роль отводилась развитию автомобильных дорог, которые должны были стать стержнем в каркасе вахтового и городского расселения.

Вместе с вахтовым методом новое дыхание обрело и деревянное строительство. Государство взяло курс на увеличение жилищного фонда любыми средствами. Существенно возросли объемы жилищного строительства. Конечно, главенствующее место отводилось застройке крупнопанельными зданиями. Однако особое внимание было уделено поставке министерствам индивидуальных жилых домов, деревянных домов заводского изготовления, домов блочного типа и помещений контейнерного типа, вагон-домов, которые потом долго дополняли урбанистический пейзаж. По мнению архитектора А. Н. Отрадного, решение о размещении в городах двухэтажного строительства из сборных деревянных конструкций, бруса, индивидуального жилищного строительства позволило улучшить жилищно-бытовые условия северян[251].

Таким образом, в 1980 г. изменился подход к социальному и градостроительному освоению севера Западной Сибири. В основе пересмотренного подхода лежали новые методы: расширение вахтового труда, принятие групповой схемы расселения и развития городов и поселков, привлечение союзных министерств к строительству, увеличение жилищного фонда не только за счет капитального, но и деревянного строительства, качественное улучшение сети автомобильных дорог.

С выходом партийно-правительственного Постановления от 20 августа 1985 г. № 797 «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986–1990 годах»[252] произошло окончательное оформление новой парадигмы в системе расселения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. В документе говорилось, что «ряд предприятий нефтедобывающей промышленности в Тюменской области в последнее время не выполняют планы по добыче нефти и попутного нефтяного газа». Причины определялись следующие: выход в районы с более сложными природно-климатическими и геологическими условиями, несвоевременный ввод в

[251] Из воспоминаний А. Н. Отрадного // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М. : МЦА «Суханово», 2004. – С. 260.
[252] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1799. Л. 2–15 об.

эксплуатацию вновь открытых месторождений, объектов электроснабжения, жилых домов в комплексе с социальной и культурно-бытовой инфраструктурой. В целом постановление затрагивало структурную трансформацию ЗСНГК, устанавливало приоритет научно-технических принципов и внедрение передовых методов организации труда в разработке комплекса. Был взят курс на «развитие социально-бытовой инфраструктуры, и в частности значительное увеличение объемов строительства жилых домов и объектов социального и культурно-бытового назначения, улучшения организации медицинского, торгового и бытового обслуживания населения; дальнейшее расширение и совершенствование вахтового метода работ на предприятиях и стройках Западно-Сибирского нефтегазового комплекса». На двенадцатую пятилетку министерствам давались конкретные задания и цифры по городскому благоустройству и строительству. К застройке вновь были привлечены Советы министров союзных республик, но теперь к ним еще присоединялись организации Грузии, Азербайджана, Молдавии, Армении и Туркмении, а также компартии всех привлеченных республик.

Ключевое значение в концептуализации урбанизационных процессов ЗСНГК имело Постановление Совета министров РСФСР от 28 октября 1985 г. № 475 «О схеме расселения в зоне Западно-Сибирского нефтегазового комплекса»[253]. Схема была согласована Тюменским облисполкомом 26 сентября 1985 г.[254] В первоначальном варианте она звучала как «Генеральная схема градостроительства в районах добычи нефти и газа в Западной Сибири». Республиканское правительство констатировало, что в Тюменской и Томской областях «сложилась система городов, поселков и вахтовых поселков на месторождениях». Вместе с тем впервые подверглась критике прежняя схема централизованного расселения в крупных городах, функционировавшая в 1960 – 1970-х гг.: «Размещение жилищно-гражданского строительства

[253] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 7914. Л. 40–43 об.
[254] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7016. Л. 98.

преимущественно в крупных сложившихся городах сдерживает развитие поселков, расположенных в районах наращивания добычи нефти и газа»[255].

В документе были обозначены основные грубые недостатки в градостроительном развитии региона: 1) невыполнение планов по строительству жилья; 2) некомплексная застройка; 3) отставание строительства инженерных сооружений и коммуникаций, благоустройства и озеленения; 4) недостаточное количество общественных центров, магистралей, площадей и набережных; 5) невыразительный архитектурный облик; 6) медленная разработка проектов строительства, которые отвечали бы всем местным природно-климатическим условиям; 7) возведение промышленно-коммунальных зон без единого архитектурного замысла.

Постановление утверждало разработанную институтами «ЛенНИИПградостроительства» и «Гипрогор» схему расселения в зоне Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на 1986–1990-е гг. Первостепенная важность в системе расселения отводилась рабочим поселкам, основной упор делался на их развитие. Предписывалось также увеличить число вахтовых поселков с 18 в 1985 г. до 33 в 1990 г. Предусматривался рост численности населения в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири с 1,1 млн чел. в 1985 г. до 1,7 млн чел. к 1991 г. и до 2,3 млн чел. на перспективу (причем без учета численности населения Тюмени, Томска и Тобольска).

В соответствии со схемой расселения 1985 г. выделялись Сургутская, Нижневартовская, Нефтеюганская, Ноябрьская, Красноленинская, Северная группы расселения и группа расселения Томской области. В отличие от схемы «базовый город – вахтовый метод», новая концепция опиралась на более сложную структуру городского расселения, в которой были выделены 5 уровней: 1) региональные центры освоения северных районов – Тюмень, Томск; 2) производственные, административные, общественно-культурные и организационно-хозяйственные центры с населением 200–300 тыс. чел. – Сургут, Нижневартовск и Новый Уренгой; 3) города на 50–100 тыс. жителей, в

[255] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 7914. Л. 40.

которых располагались крупные производственные объединения – Нефтеюганск, Когалым, Радужный, Лангепас, Ноябрьск, Нягань, Надым, Лабытнанги и Стрежевой; 4) базовые города и поселки с населением 10–40 тыс. чел., где размещались производственные управления; 5) вахтовые поселки со сменным составом работающих, поселки при компрессорных станциях и поселки геологов. Сотрудники института «ЛенНИИПградостроительства» отметили, что в схеме расселения была применена концепция системного расселения[256].

Принятая новая концепция градостроительного освоения способствовала тому, что в 1980-х гг. Ханты-Мансийский окрисполком и окружком активизировали свою деятельность по вопросам преобразования населенных пунктов в категорию рабочих поселков. Только в 1981 г. окрисполкомом были разработаны материалы по образованию 7 рабочих поселков. В 1980-х гг. статус рабочих поселков получили: 1981 г. – Лангепас; 1982 г. – Радужный, Пыть-Ях, Коммунистический, Агириш, Высокий; 1983 г. – Покачи; 1984 г. – Лянторский, Фёдоровский, Белый Яр, Солнечный, Андра; 1988 г. – Излучинск. Помимо этих поселков, весной 1985 г. ведущее нефтяное ведомство – Главтюменнефтегаз – сформировало планы по образованию еще 9 рабочих поселков в 1985–1988 гг., из которых 6 приходились на ХМАО: Белозерный, Хохряковский, Бахиловский, Тимченко, Айпимский, Талинский[257]. По планам некоторые рабочие поселки должны были стать городами. Например, началась разработка генплана города Бахиловский[258]. Однако из них был образован только рабочий поселок Талинка (в 1991 г.).

На базе рабочих поселков строились новые города. В январе 1983 г. окрисполком разработал проект решения о преобразовании поселков

---

[256] Миленина Э. А., Морозова Э. А., Смирнов В. И. Проблемы реализации градостроительных предложений в проектировании и строительстве городов и вахтовых поселков // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири : сб. науч. тр. Л. : ЛенЗНИИЭП, 1988. – С. 11–22.

[257] ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 2924. Л. 13–15.

[258] Хромов Ю. Б., Коренев В. И. Поэтапное формирование северных городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири : Сб. науч. тр. – Л. : ЛенЗНИИЭП, 1988. – С. 41.

Белоярский, Радужный, Когалым (который должен был получить имя Нефтебратск) в статус городов окружного подчинения[259]. 15 августа 1985 г. Указом Верховного Совета РСФСР были образованы города окружного подчинения Когалым, Нягань, Радужный, Лангепас. Они стали центрами освоения месторождений нефти: Повховского, Ватьёганского, Тевлинско-Русскинского; Красноленинского; Варьёганского; Локосовской группы. 5 февраля 1988 г. окрисполком направил в Тюменский облисполком материалы по образованию городов Белоярский, Комсомольский и Пыть-Ях[260]. Однако из них только газотранспортный центр Белоярский был согласован с облисполкомом и в 1988 г. сделался городом. Объективная необходимость развития каждого из этих новых городов, как указывалось в пояснительных записках, была «вызвана освоением новых нефтяных месторождений, которые требуют оперативного решения важных вопросов дорожного, трубопроводного строительства, обустройства нефтяных месторождений, строительства и реконструкции производительных баз в поселке с целью увеличения их мощности в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 20.03.80 г.»[261].

Групповая система расселения продолжала расширяться. В Ханты-Мансийском окрисполкоме групповое расселение рассматривалось в совокупности с административно-территориальным устройством округа. Новые города должны были стать не просто центрами своих месторождений, но и центрами новых районов: Мегионского, Лангепасского, Радужнинского, Пыть-Яхского, Урайского, Белоярского, Когалымского, Няганьского. Инициаторами создания районов выступили горисполкомы и окрисполком. В течение 1987–1989 гг. их формирование разрабатывалось окрисполкомом, который ходатайствовал перед тюменским облисполкомом об их образовании[262]. Однако эта идея не была поддержана тюменским руководством, и районы ХМАО

[259] ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1464. Л. 1.
[260] ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1700. Л. 1.
[261] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6860. Л. 43.
[262] ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1658, 1700, 1729.

остались в прежних границах (кроме Белоярского района, который, в силу своей удаленности, все-таки был выделен из Березовского района).

Помимо деятельности ведомств, причинами того, что в нефтегазодобывающих районах образовалось так много городов, являлись обширные территории и, вследствие этого, удаленность поселений от районных центров. В условиях неразвитости транспортных сетей и отсутствия беспрерывной связи постоянное внимание со стороны районных советов было невозможным. Преобразование поселений в города позволяло, как считали местные власти, более правильно и эффективно решать вопросы развития промышленности и благоустройства. В докладных записках в Президиум Верховного Совета РСФСР формирование новых городов аргументировалось так: «Многоотраслевое хозяйство, значительные объемы осваиваемых капиталовложений, высокие темпы развития, возросший уровень социальных задач требуют укрепления местных Советов в этих населенных пунктах»[263].

Новая градостроительная концепция не всеми была принята однозначно положительно. С досадой по поводу принятия новой концепции вспоминал главный архитектор Тюменской области В. А. Бешкильцев: «В 1980-е годы из-за беспринципной позиции Госстроя РФ “стройте что хотите и где хотите” нефтяники все-таки добились строительства небольших городов-поселков, таких как Мегион, Лангепас, Южный Балык и др., расположенных в 50–60 км от базовых городов»[264]. Представители нефтяного министерства, наоборот, вспоминали принятие новой концепции как свою триумфальную победу: «В конечном итоге директивные органы признали правоту нефтяников и в одном из постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР узаконили одним махом

[263] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6860. С. 15.
[264] Из воспоминаний В. А. Бешкильцева, главного архитектора Тюменской области в период становления ЗСНГК // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М. : МЦА «Суханово», 2004. – С. 199.

строительство 15 новых городов в Тюменской области. Это была важная победа знатоков основ непрерывного промышленного работающего человека»[265].

Принятие новой стратегии градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири имело и оборотную сторону медали. Один из исследователей-современников высказывался, что возврат к мелким населенным пунктам означал «не что иное, как размещение большинства новоселов в деревянных, полублагоустроенных домах новых поселков, где сразу же возникнут проблемы обучения и воспитания детей, трудоустройства вторых членов семей, обеспечения питанием, лечения и отдыха населения. Такой путь фактически повлечет за собой все трудности и негативные тенденции, которые имели место на первом этапе становления нефтегазового комплекса»[266]. Поворот к широкому вахтовому расселению привел к тому, что многие ведомства стали бесконтрольно и стихийно воздвигать вахтовые поселки. Так, в первой половине 1980-х гг. ведомства самовольно и незаконно возвели на севере Тюменской области 25 неблагоустроенных поселков[267]. Особенно тяжелое положение сложилось в Сургутском и Нижневартовском районах. Поселки за счет строительства временного и ветхого жилья неумолимо разрастались, превращались в вагон-городки. Например, при эксплуатации Повховского месторождения объединение «Башнефть» отказалось от возведения постоянного поселка, который был намечен схемой расселения. Однако поселок самовольно появился, и объединению пришлось просить о его расширении до 7 тыс. чел.[268] В конце 1986 г. Тюменский облисполком сформировал специальную комиссию, которой поручил разобраться в грубейших нарушениях. Комиссия во главе с главным архитектором области А. Н. Отрадновым установила, что «планируемые первоначально как временные поселки сроком на 2–3 года, по сути дела,

---

[265] Донгарян Ш. С. Взгляды на градостроительство на Севере Западной Сибири // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М. : МЦА «Суханово», 2004. – С. 192.
[266] Бот Ю. К. Особенности развития Тюменского нефтегазового комплекса и формирования его трудовых ресурсов // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Новосибирск : Наука, 1983. – С. 211.
[267] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7170. Л. 51.
[268] Там же. Д. 7442. Л. 18.

превратились в обычные рабочие поселки»[269]. Чтобы остановить такое развитие событий, повсеместно запрещались вызов работников и их прописка в городах и поселках при необеспеченности жильем по установленным нормам[270].

Основная интенция постановлений конца 1970–1980-х гг. сводилась к тезису, что качественный уровень социально-бытовой инфраструктуры определял развитие нефтегазовой отрасли. Советское правительство вновь и вновь возвращалось к улучшению показателей социального развития региона. 8 февраля 1986 г. вышло Постановление Совета министров СССР «О дополнительном строительстве объектов социального и культурно-бытового назначения в городах и поселках, расположенных на территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, в 1987–1990 годах»[271]. Документом определялись заказчики (Миннефтепром, Мингазпром, Мингео СССР, Совет министров РСФСР), подрядчики (Минпромстрой, Миннефтегазстрой, Минстрой) и конкретные задания по сооружению в городах и поселках общеобразовательных школ, детских садов, спортивно-оздоровительных центров, больниц и кинотеатров. Вместе с тем государство не отходило от производственного принципа распределения средств («за счет капитальных вложений, выделяемых на строительство объектов производственного назначения»), который обусловливал ведомственность городской среды.

10 апреля 1986 г. последовало очередное Постановление Совета министров РСФСР «О ходе выполнения министерствами и ведомствами РСФСР заданий, предусмотренных постановлениями ЦК КПСС и Совета министров СССР, постановлениями Совета министров РСФСР по вопросам комплексного развития нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири»[272]. За неустранение недостатков в социально-бытовой и культурной сфере и проявление медлительности в реализации постановлений критиковались министерства и ведомства РСФСР, Тюменский и Томский

[269] Там же. Д. 7170. Л. 60.
[270] Там же. Д. 7170. Л. 53.
[271] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1007. Л. 54–59 об.
[272] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 8650. Л. 9–10об.

облисполкомы. Давалась плохая оценка деятельности Госстроя РСФСР, Тюменского и Томского облисполкомов, которые не смогли добиться «заметного улучшения проектирования и застройки городов и рабочих поселков с учетом природно-климатических условий». Отмечалось, что облисполкомы не предъявляли должной требовательности к руководителям предприятий и организаций. Вместе с тем им было поручено «добиваться строгого соблюдения положений и требований схемы расселения в зоне Западно-Сибирского нефтегазового комплекса». Задачей первостепенной важности объявлялось быстрейшее «переселение трудящихся нефтегазового комплекса из временного жилья в благоустроенные квартиры».

Таким образом, новая градостроительная концепция кардинально не улучшила городское развитие в нефтяном крае. Вместо крупных городов ведомства теперь в недостаточной степени уделяли внимание развитию малых и средних городов Ханты-Мансийского округа, продолжали по-своему толковать вахтовый метод работ: вместо благоустроенных временных вахтовых поселков создавались неблагоустроенные поселения, которые хаотично и стихийно застраивались и превращались в настоящие рабочие поселки с постоянным населением.

Экономический и политический кризис конца 1980-х гг. внес коррективы не только в политику государства, но и в саму сущность урбанизационных процессов в стране. По мнению историков архитектуры А. Г. Вайтенса и Ю. Л. Косенковой, в новых условиях центральная власть как бы дистанцировалась от решения проблем развития городов и законодательно передавала их решение на уровень местного самоуправления[273]. Только местная власть к такому была не готова. В 1990-х гг. градостроительная политика в отношении городов ХМАО была практически заброшена. В протоколах заседаний Тюменского облисполкома до конца 1993 г. не отразились вопросы

[273] Вайтенс А. Г., Косенкова Ю. Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – XXI веков. Опыт исторического исследования. – Обнинск : Ин-т муниципального управления, 2006. – С. 258–259.

городского развития и жилищно-гражданского строительства. Прекратились работы над генпланами городов.

Вместе с тем в начале 1990-х гг. в ХМАО поселки продолжали получать статус городов. В 1990-м г. городом стал Пыть-Ях. В 1992 г. статус городов районного подчинения получили Лянтор и Югорск (Комсомольский), а окружного – Покачи. В 1996 г. последним поселком в ХМАО, который был преобразован в город районного значения, был Советский. Мотивы местных властей оставались прежними: советы хотели получить больше полномочий. Показательна ситуация, которая сложилась вокруг рабочего поселка Покачи. Руководство поселка ни в коей мере не устраивало административное подчинение Лангепасскому городскому Совету и отсутствие экономической самостоятельности поселкового Совета. В решении Покачевского поселкового Совета от 24 мая 1991 г. было записано: «Статус рабочего поселка при наличии соответствующей экономической базы, развитой социальной инфраструктуры, при численности населения 17,5 тыс. чел., не является политической, экономической и правовой гарантией проживающих в нем граждан. Значительная часть бюджетных средств уходит на содержание аппарата вышестоящего Совета, который фактически не занимается решением проблем поселка Покачи, поселковый Совет народных депутатов добился Лангепасским городским Советом решения о передаче поселковому Совету отдельных полномочий городского Совета, но это не решает основную проблему, невозможность поселкового Совета в полной мере выражать волю избирателей и защищать свою территорию»[274]. Не имея по-настоящему развитой инфраструктуры, достаточного количества жителей, и ясных перспектив развития, власти поселка смогли отвоевать право считать его городом, хотя некоторые поселки (Пойковский, Фёдоровский) имели для этого все основания.

Тем не менее, несмотря на появление новых городов, в 1990-х гг. градостроительная политика в ХМАО не нашла развития. В декабре 1994 г. Правительством Российской Федерации была принята «Генеральная схема

[274] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7945. Л. 63.

расселения на территории Российской Федерации»[275]. Документ вкратце уделял внимание городскому расселению в зоне ЗСНГК. Совершенствование расселения на Ближнем и Крайнем Севере должно было осуществляться через создание буферных подзон, расположенных на территории между основной полосой расселения и Крайним Севером. Здесь были более благоприятные условия для проживания и поэтому они могли рассматриваться в качестве основы для размещения производств по переработке сырья и минералов, добытых на Севере. Подчеркивалась важность развития в буферных подзонах крупных городских поселений как базовых центров проживания населения. Можно лишь предполагать, что это было неким возвратом к централизованной схеме расселения. Под такую буферную подзону идеально подходил ХМАО. Также отмечалось, что «на севере Западной Сибири важно решить дальнейшую судьбу городов и поселков нефтегазового комплекса». Однако Генеральная схема не нашла конкретной реализации в правительственных решениях.

В 1990-х гг. не произошло концептуализации курса городского развития Тюменской области и ХМАО. Не были разработаны в этой области нужные постановления и проекты. Это стало одной из причин стагнации урбанизационных процессов в ЗСНГК. Другой глубинной причиной был кризис нефтегазодобывающей промышленности Западной Сибири, который окончательно привел к пресечению преобразований поселков в города.

Таким образом, в 1980-х гг. под влиянием Миннефтепрома СССР сформировалась новая система городского расселения в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири, в ее основе лежали принцип строительства небольших городов у месторождений и широкое развитие вахтового метода. Взамен централизованному расселению пришла система группового расселения, которую активно стали осуществлять окружные органы власти. Такая градостроительная политика способствовала тому, что в 1980–1996 гг. в ХМАО статус городов получили 11 поселков. Однако групповая система

[275] Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации (основные положения). – URL: http://bestpravo.ru/rossijskoje/bh-pravo/p6k/index.htm (дата обращения: 17.07.2012).

действовала недолго. Развал Советского Союза и экономический кризис обусловили спад урбанизационных процессов в регионе в 1990-х гг., а градостроительная политика в отношении нефтяных городов по большей части была прекращена.

ГЛАВА 3. ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В ПРОЦЕССЕ УРБАНИЗАЦИИ ХМАО

3.1. Архитектурно-планировочное пространство и застройка городов

Развитие городской среды является важнейшей частью урбанизации, определяет ее содержательное качество. Первостепенной предметно-пространственной составляющей городской среды выступают городской ландшафт, архитектура и застройка. Именно архитектурно-планировочная структура организовывает все элементы городской среды, ее социально-культурное развитие, наполняет жизнь горожанина теми образами и символами, которые формируют городской образ жизни.

Архитектурно-планировочное пространство городов, построенных в период нефтегазового освоения, начало складываться в конце 1950-х гг. Геологические работы на территории округа в конце 1940–1950-х гг. способствовали появлению в регионе новых типов поселений – поселков геологов, которые ставились вблизи существующих населенных пунктов (Сургут) или на абсолютно необжитых местах (Мегион, Усть-Балык). Следующим фактором стало появление поселков нефтяников, которые в феврале 1964 г. высадились в Среднем Приобье. Поселки нефтяников начали строиться в Сургуте, Нижневартовске, Урае и Нефтеюганске в отдалении на несколько километров от существующих поселений или поселков геологов. В 1965 г. в рабочих поселках Среднего Приобья началось возведение жилого фонда для строителей Главтюменнефтегазстроя. Таким образом, в основе архитектурно-планировочного пространства будущих городов лежала застройка ведомственных поселков (приложение 24).

В 1960-х гг. поселки застраивались хаотично, без проектной документации. Балки – деревянные или металлические неблагоустроенные домики, строившиеся из различных подручных материалов, – выступали

главным элементом застройки. Чуть позже стали возводиться брусчатые двухэтажные дома на 8, 12 и 16 квартир, разработанные институтом «Гипролеспром»[276] (приложение 26). На территориях, примыкающих к двухэтажной застройке, хаотично ставились одноэтажные дома на 1–2 квартиры, балки, землянки, бараки и палатки (приложение 25). Так, возле поселка НПУ «Сургутнефть» образовалось поселение из неблагоустроенного жилья – Таратыновка, получившее такое имя в честь замначальника НПУ Б. Н. Таратынова.

Ведомства ставили поселки без надлежащих инженерно-геодезических изысканий в местах, которые наиболее отвечали производственным интересам. Проектно-изыскательные работы по пионерным поселкам начинались уже в разгар их строительства. Проектирование происходило ведомственно. Работы выполняли отраслевые институты, которые не специализировались на градостроительных проектах. Например, в Сургуте «Гипротюменнефтегаз» проектировал поселки нефтяников и строителей, «Гипрогеолстрой» – поселок геологов, «Сибгипроречтранс» – речников, «Уралтеплоэлектропроект» – энергетиков, «Сибгипротранс» – железнодорожников. Институтами не учитывался единый архитектурно-планировочный комплекс будущего Сургута.

Начало проектирования городов нефтяников было положено весной 1964 г. Заказ от Тюменского облисполкома и обкома на разработку генеральных планов городов Урая, Нижневартовска и Нефтеюганска был получен институтом «Башнефтепроект», а города Сургута – «Гипрогором». 19 октября 1964 г. Тюменский облисполком утвердил проекты генпланов развития Урая, Нижневартовска и Нефтеюганска[277]. Генпланы определяли расчетную численность населения в 33 тыс. чел. (для Урая), 44 (для Нижневартовска) и 18 (для Нефтеюганска) тыс. чел. 21 июля 1965 г. на

[276] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.
[277] Там же. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3977. Л. 24–25.

заседании Тюменского облисполкома был одобрен генплан развития города Сургута[278], численность которого намечалось до 250 тыс. чел.

Начиная с 1966 г. основной объем жилищно-гражданского строительства в городах Сургуте, Урае и рабочих поселках Нефтеюганск и Нижневартовск предусматривалось осуществлять только в капитальном исполнении, а строительство деревянных зданий должно было производиться лишь с разрешения облисполкома. Вместе с тем на 1964–1965 гг. предусматривалась двухэтажная застройка из брусчатых деревянных домов по типовым проектам, под которую в городах отводились микрорайоны: 4 и 5 в Нефтеюганске, 1 и 1А в Урае, 5 и 5А в Нижневартовске, микрорайон 1 в Сургуте (в поселке нефтяников). Тюменской областной конторе Стройбанка запрещалось с 1966 г. финансирование деревянного строительства, за исключением объектов в микрорайонах, предусмотренных под деревянную застройку. Таким образом, жилая двухэтажная застройка пионерных поселков должна была развиться в микрорайонную систему.

Постепенно ведомственные поселки стали преображаться. Началось строительство типовых пятиэтажных домов. В 1966 г. в поселке нефтяников города Сургута был возведен первый крупнопанельный пятиэтажный дом в Ханты-Мансийском округе. В других ведомственных поселках Сургута пятиэтажное строительство осуществилось только в 1969 г. В 1966–1969 гг. первые крупнопанельные дома стали возводиться в Урае, Нефтеюганске и Нижневартовске. Однако вплоть до конца 1960-х гг. крупнопанельная застройка в новых городах велась точечно – в микрорайонах возвышались лишь единичные пятиэтажные дома. Основная масса жилой застройки была малопривлекательной, и осуществлялась в деревянном исполнении.

Открытие новых месторождений, увеличение планов по объему нефтедобычи и большая миграция в новые города вели к пересмотру прежних генпланов и строительству более крупных городов нефтяников. Фактически генпланы не пересматривались, а создавались новые, поскольку прежние

[278] Там же. Оп. 1. Д. 4153. Л. 6–9.

генпланы «Башнефтепроекта» и «Гипрогора» так и не были реализованы. Имевшаяся до 1970 г. практика выполнения проектных работ для городов институтами министерств и ведомств показала, что они были не в состоянии справиться с градостроительными задачами. По просьбе Тюменского обкома и облисполкома «Госгражданстрой» и «Госстрой РСФСР» возложили эту работу на ведущие, специализированные в градостроительном проектировании институты: «Гипрогор» (Нижневартовск, Сургут), «ЛенНИИПградостроительства» (Нефтеюганск, Урай)[279].

Вновь последовала работа по выбору площадок для строительства городов. В 1969 г. институтом «Гипрогор» обследовались четыре площадки: Сороминская, Мегионская, Рязанская, Нижневартовская, для строительства и развития города Нижневартовска. Госстрой РСФСР посчитал целесообразным продолжить развитие города на Нижневартовской площадке[280], на которой размещался пионерный поселок нефтяников, а освоение территории требовало проведения берегоукрепительных работ на протяжении около 4 км береговой полосы. Генплан Нижневартовска был утвержден Тюменским облисполкомом 26 декабря 1969 г. с расчетной численностью 130 тыс. чел.[281] Структура генплана представляла четкую функциональную организацию территории на производственные и жилые зоны. Застройка города утверждалась зданиями в 4, 5, 9 и выше этажей с полным инженерным оборудованием и благоустройством.

Для размещения города Сургута рассматривались две площадки: 1) на территории западнее реки Кедровки вдоль поймы реки Оби – между поселком Белый Яр и поселком НПУ «Сургутнефть»; 2) район от рыбоконсервного комбината до реки Кедровки вдоль основного русла реки Оби с охватом лесного массива, существующего аэродрома и застроенных территорий города – Старый Сургут, поселки геологов, строителей, нефтяников[282]. До конца 1960-х гг. большинство склонялось к первому варианту. Но при этом

[279] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5923. Л. 6.
[280] Там же. Д. 4968. Л. 97–98.
[281] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4760. Л. 4–5.
[282] Там же. Д. 4637. Л. 41–42.

варианте город уходил на 20 км от Старого Сургута, против чего выступили местные руководители, в частности председатель горисполкома П. А. Мунарев. В конечном итоге на заседании от 31 октября 1968 г. облисполком отдал предпочтение второму варианту[283]. Этот вариант был поддержан главным архитектором области В. А. Бешкильцевым и вторым секретарем обкома А. К. Протозановым[284]. Окончательно генплан Сургута был утвержден руководством области 27 декабря 1968 г.[285] Облисполком и «Гипрогор» ратовали за развитие города с расчетной численностью в 250 тыс. чел. Однако Госплан РСФСР установил численность Сургута на расчетный срок в количестве 130 тыс. чел. В генплане намечалось развитие жилой застройки вдоль реки Оби до протоки Кедровки с образованием 3 жилых районов: западного, центрального и восточного. Для нефтяников был зарезервирован микрорайон А западнее Кедровки. Организовывались северная, восточная и западная промзоны.

Разработка генпланов базовых городов завершилась 27 марта 1970 г., когда решением облисполкома были утверждены генпланы и проекты детальной планировки городов Нефтеюганска и Урая[286]. Генпланы городов, принятые в 1964 г. и разработанные «Башнефтепроектом», утрачивали силу. Численность населения Нефтеюганска и Урая на расчетный срок была принята в размере 18 и 31 тыс. чел. соответственно. Для Нефтеюганска также намечалась возможность роста населения до 30 тыс. чел., поскольку до возведения города Южный Балык он становился центром эксплуатации Южно-Балыкских месторождений.

В начале 1970-х гг. первая очередь строительства Нижневартовска предусматривалась на территории западнее пионерного поселка нефтяников, который было решено сносить, однако это предложение так и не было реализовано. Здесь размещались 6 микрорайонов, общегородской центр, а

---

[283] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4760. Л. 4–5.
[284] Из воспоминаний В. А. Бешкильцева // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М. : МЦА «Суханово», 2004. – С. 198–199.
[285] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4644. Л. 4–5.
[286] Там же. Д. 4760. Л. 14–16.

ближе к берегу Оби – санитарно-защитная зона с предприятиями коммунально-бытового обслуживания и набережной. С запада к микрорайонам примыкала промзона, на севере площадка ограничивалась городскими магистралями, на востоке – ул. Нефтяников, а с юга – Обью. Композиционной осью планируемой территории являлась улица Космонавтов (которая со временем была переименована в ул. Победы), начинающаяся с набережной Оби и подходившая к первоочередным объектам городского центра. Строительство второй очереди Нижневартовска должно была последовать в середине 1970-х гг. Вторая очередь являлась продолжением линейной структуры первой очереди, примыкала к первым микрорайонам с востока по ул. Нефтяников. С севера границей района выступала железная дорога, с востока – городская магистраль (ул. Ханты-Мансийская), с юга – прибрежная территория Оби. Композиция новой застройки имела два направления: первое с севера на юг соединяло железнодорожный вокзал с прибрежной территорией, где проектировался речной вокзал (ул. Чапаева); второе с запада на восток связывало общегородской центр первой очереди с центром второй очереди (ул. Мира и Ленина). Завершался центр общегородским спорткомплексом, возле которого должна была находиться главная площадь города[287].

Среди городов нефтяников наиболее сложной в архитектурно-планировочном отношении выступала застройка Сургута. Здесь уже было невозможно применить линейную планировку, поскольку на территории находился разобщенный большой жилой массив ведомственных поселков, в которых началось пятиэтажное капитальное строительство. Первоочередное строительство Сургута предусматривалось в западном жилом районе, охватывавшем территорию западнее реки Сайма и вдоль реки Бардыковка. Границами первоочередной застройки выступали: на западе – поселок и пионерная база НПУ «Сургутнефть», на востоке – ул. Свободы и поселок Строителей, на юге – микрорайон энергетиков и река Обь. Район формировался

[287] Буберман А. С., Жигалова О. И., Обозенко В. В. Проекты детальной планировки I и II очереди строительства города Нижневартовска // Планировка и застройка Нижневартовска. Сб. науч. тр. СибЗНИИЭП № 7. – Новосибирск, 1974. – С. 38–39, 44.

из 9 микрорайонов, которые должны были соединить разрозненные ведомственные поселки. На первую очередь строительства предлагалось окончание капитальной застройки поселка энергетиков (микрорайон 8), строительство микрорайонов 2 и 3 в поселке нефтяников и возведение одной жилой группы со школой в микрорайоне 7[288]. Основу архитектурной композиции района составлял общественный центр, спроектированный как система площадей, связанных бульварами, проспектами и набережной[289].

Однако эти проекты так и не были реализованы. В конце 1970-х гг. Сургут продолжал оставаться городом из обособленных жилых микрорайонов с массивами капитальной застройки, 1-, 2-этажных деревянных домов и неорганизованной застройки из балков и вагон-домов. В западной части строился поселок нефтяников (микрорайоны 1, 2, 3, 4, 5 и 6), в центральной части – поселки энергетиков (микрорайон 8) и строителей, южнее – исторический центр Старый Сургут, в восточной части за рекой Сайма – поселки геологов и рыбоконсервного комбината, поселок Черный Мыс. По инициативе Министерства путей сообщения СССР жилой фонд железнодорожной станции Сургут строился не в черте города, а отдельным поселком в нескольких километрах северо-восточнее города. Общественные центры размещались в различных микрорайонах и поселках города и тем самым не формировали застройку общегородского центра. Административный центр города, предусмотренный в ПДП центрального района Сургута, сложился в поселке энергетиков, где были построены здания горисполкома, почты, сберкассы, строился Дворец культуры. В городе не было ни одной завершенной общегородской магистрали, улицы, площади, набережной. Несмотря на то, что генеральным заказчиком строительства Сургута был Главтюменнефтегаз, фактически застройка осуществлялась 23 заказчиками, которые не стремились

[288] Город Сургут. Проект детальной планировки Западного района. Пояснительная записка. – М. : Гипрогор, 1970. – С. 11–12.
[289] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5032. Л. 49.

к централизации средств и организации единой архитектурно-планировочной структуры города[290].

На принципах компактной линейной планировки формировались города Нефтеюганск и Урай. Так же, как и в Нижневартовске, в Нефтеюганске основная композиция города строилась на двух взаимно перпендикулярных магистралях: 1) первая простиралась вдоль реки и вела к промышленной зоне, находившейся восточнее жилых микрорайонов (ул. Нефтяников); 2) вторая подходила к излучине Юганской Оби, где создавалась зона отдыха и спорта (ул. Ленина). В месте пересечения этих направлений размещалась центральная площадь города[291]. Общегородской центр создавался вдоль главного бульвара между 1, 2, 3 и 4-м микрорайонами. Севернее располагались микрорайоны 5, 6 и 7, основным элементом застройки которых выступали двухэтажные брусчатые и каркасно-засыпные дома, поскольку здесь находился пионерный поселок. В дальнейшем был намечен полный снос деревянной застройки, который осуществить так и не удалось. Первая очередь строительства Нефтеюганска охватывала городской центр и два прилегающих микрорайона. ПДП второй очереди строительства Нефтеюганска, согласованный облисполкомом 18 сентября 1973 г., располагался северо-восточнее микрорайонов 1, 2, 3 и включал в себя микрорайоны 4, 5, 6 и 7[292]. Микрорайоны 8, 9, 10, проектируемые на резервных территориях, являлись основными территориями, где размещалась новая жилая застройка.

Генплан и проект детальной планировки Урая охватывал территории пятиэтажных микрорайонов 1 и 2 и общегородского центра восточнее пионерного поселка нефтяников[293]. Микрорайоны поочередно застраивались на правом берегу вдоль речки Колосья и реки Конда. Общегородской центр Урая представлял собой систему площадей и озелененных пространств, размещенных вдоль главной магистрали (ул. Ленина), которая соединяла между

---

[290] Там же. Д. 5662. Л. 21.
[291] Прокопьев В., Тимофеев Л. Города нефтяников на севере Тюменской области // Архитектура СССР. – 1976. – № 11. – С. 29.
[292] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5425. Л. 142–146.
[293] Там же. Д. 4879. Л. 15.

собой жилые микрорайоны. Главная площадь города формировалась в центре 2-го микрорайона. Урай интенсивно строился в 1970-х гг. В 1980-х гг. строительство города практически прекратилось, поскольку центр нефтяного района переместился в г. Нягань.

Важнейшим элементом планировочного пространства городов являлись промышленные зоны. В городах нефтяников они получили удачные решения. Промышленные предприятия, которые не требовали специальных санитарных разрывов (ремонтно-механические цехи, предприятия строительной индустрии, базы НПУ, геофизиков, ОРСа, МТС, транспортные базы и др.), группировались в промзоны на единой площадке, примыкающей непосредственно к селитебным территориям. Только в Урае, где не оказалось подходящей территории, промзона размещалась в удалении на 2 км от жилой части города[294]. Вместе с тем при правильно решенной схеме функционального зонирования промышленные территории хаотично застраивались мелкими промышленными зданиями, не кооперировались в крупные объекты, а проектирование площадок велось несогласованно.

Первоочередная застройка базовых городов нефтяников в первой половине 1970-х гг. массово осуществлялась пятиэтажными крупнопанельными и крупноблочными домами по устаревшим типовым проектам, не рассчитанным на суровые северные условия (приложение 27). Только во второй половине 1970-х гг., вместо устаревших серий капитальных домов 439 и 467, пришли новые: 123, И-164 и 112, 125. К концу 1970-х гг. началось строительство домов повышенной этажности. На Сургутском ДСК был внедрен выпуск 9-этажных домов серии И-164-07. Строительство 9-этажных домов, имевших разное решение фасадов, способствовало преодолению монотонности застройки микрорайонов, но поскольку оно осуществлялось точечно и в небольших масштабах, города продолжали страдать от архитектурного однообразия. В 1978 г. группа Госгражданстроя и Госстроя РСФСР, проводившая комплексную проверку застройки Сургута, отмечала:

[294] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 269.

«Отсутствие 9-этажных зданий привело к тому, что ни один из микрорайонов не имеет завершенного вида, внутридворовые пространства раскрыты на магистрали и создают неблагоприятное впечатление неорганизованностью архитектурно-пространственного решения»[295].

Несмотря на то, что основная часть строительства городов велась в капитальном исполнении, в некоторых случаях ведомства продолжали вести застройку двухэтажными брусчатыми домами, а на городских окраинах возводились балки и вагон-дома. Застройка пятиэтажными типовыми домами приводила к тому, что города становились серыми, безликими и монотонными. Однообразие порождалось недостаточным внедрением современных приемов ландшафтной архитектуры, благоустройства и озеленения, неоновой рекламы, малых архитектурных форм, элементов наглядной агитации и монументальной пропаганды. В отделке фасадов и интерьеров зданий недостаточно применялись облицовка, стойкие красители, архитектурные детали были слабо-выразительными.

Архивные документы свидетельствуют, что в 1970-х гг. систематически нарушались генпланы развития и ПДП городов нефтяников. Предприятия самовольно застраивали административными зданиями, складами ОРСов, овощехранилищами, временным деревянным жильем территории, предусмотренные для капитальной жилой застройки. С отступлением от генпланов размещались жилые дома и социально-культурные учреждения, производилась застройка транспортных развязок и городских дорог. Строительство городов осуществлялось некомплексно: объекты социально-бытового назначения и культурные учреждения возводились значительно позже жилых домов, с опозданием на 5–7 лет. Одна из главных причин некомплексности была связана с тем, что доля капиталовложений на непроизводственное строительство в ЗСНГК снизилась в 1976–1980-х гг.

[295] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 165.

против уровня 1966–1970-х гг. в 1,5 раза (с 17 до 10%)[296]. Вместе с тем в конце 1960–1970-х гг. имелись и положительные примеры строительства населенных пунктов. В поселках геологов Горноправдинске и газовиков Светлом застройка велась по принципу комплексности: были построены не только жилые дома, но культурно-бытовые объекты, проведены работы по озеленению и благоустройству[297].

Проблемы застройки вели к пересмотру строительства и корректировке генеральных планов новых городов. Пересмотр градостроительной документации был также связан с тем, что увеличение объемов нефтегазодобычи и размещение дополнительных производственных объектов приводило к превышению темпов роста численности населения в городах относительно расчетных показателей, предусмотренных в ранее утвержденных генпланах. Показатели численности населения основывались на прогнозных материалах ведомств-заказчиков Миннефтепрома и Мингазпрома о промышленных запасах нефти и газа, которые также часто менялись, уточнялись, пересматривались[298], поэтому изменение генпланов было неизбежным. Так, по генплану Сургута, принятому в 1968 г., численность населения города на расчетный срок 25–30 лет предусматривалась 130 тыс. чел. и на первую очередь строительства до 1980 г. – 80 тыс. чел. Однако уже в начале 1979 г. в городе проживало 107 тыс. чел. Генплан Нефтеюганска предусматривал для города 18 тыс. чел. на 1980 г., но к этому времени город вырос до 43,6 тыс. чел. Единственным городом, который развивался в 1970-х гг. в соответствии с генпланом, был Нижневартовск: на 1 января 1979 г. в городе проживало 109 тыс. чел., а генпланом на 1980 г. было предусмотрено

---

[296] Гаврилова Н. Ю., Карпов В. П. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения севера Западной Сибири (1964–1985гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002. – № 1–2. – С. 242.

[297] Гаврилова Н. Ю., Карпов В. П. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964–1985гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002. – № 1–2. – С. 240.

[298] Из воспоминаний А. Н. Отрадного // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М. : МЦА «Суханово», 2004. – С. 260.

110 тыс. чел.[299] Новые генпланы разрабатывались институтом «ЛенНИИПградостроительства» для Сургута и Нефтеюганска, и «Гипрогором» для Нижневартовска. Корректировка была завершена к лету 1979 г. 17 октября 1979 г. откорректированные генпланы были утверждены решением Тюменского облисполкома[300].

Новый генплан Нижневартовска предусматривал рост населения города до 250 тыс. чел. на расчетный срок и 170 тыс. чел. на первую очередь до 1985 г. Увеличивались территории городской застройки с 2540 га в конце 1970-х гг. до 4810 га к концу расчетного срока. Первоочередное строительство было принято на прибрежных территориях Оби в южной и юго-восточной частях города, далее застройка проходила в восточной части города и на севере. Малоценный деревянный жилищный фонд пионерного поселка в объеме 173 тыс. кв. м общей площади и ветхий фонд жилья бывшего села Нижневартовского (30 тыс. кв. м) предполагались к сносу[301].

Для Сургута был принят генплан, который предусматривал увеличение численности горожан до 170 тыс. чел. на первую очередь строительства до 1985 г. и 300 тыс. чел. до 2000 г. Селитебная территория увеличивалась с 976 до 2850 га на расчетный срок и до 1462 га на первую очередь строительства до 1985 г. Развитие города осуществлялось в западном (Центральный жилой район), северо-западном (Западный район) и северо- и юго-восточном (Восточный район) направлениях вдоль правого берега реки Оби. Общегородской центр формировался на берегах р. Саймы и ее рукавов. Запрещалось строительство временных поселков на территориях города, предназначенных для капитальной застройки[302].

По генплану 1979 г. население Нефтеюганска на перспективу должно было составить 100 тыс. чел., а на первую очередь строительства – 75 тыс. чел. Территориальное развитие города шло главным образом в южном направлении

---

[299] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 123–128.
[300] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6140. Л. 54–55.
[301] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 128.
[302] Там же. Л. 124.

за счет освоения пойменных территорий протоки Юганской Оби. Малоэтажный и деревянный жилой фонд подлежал реконструкции. К концу 1970-х гг. в Нефтеюганске были практически исчерпаны все территории, не требующие специальной инженерной подготовки. Было решено увеличить селитебные территории с 280 до 609 га на правом берегу Юганской Оби, юго-восточнее существующей застройки, ближе к протоке Окопас.

На основе генпланов началась массовое жилищное строительство, реконструкция существующих микрорайонов и формирование общегородских архитектурных ансамблей.

В 1980-х гг. в Нижневартовске сформировалось три жилых района – Западный, Центральный и Старовартовский, и две промышленные зоны – Западная и Северная. Концентрация капитальной застройки привела к разрыву города на две части: собственно капитальный город и восточнее его – зону индивидуальной застройки (Старовартовский район). Вокруг капитального города образовалось три ареала временного и неблагоустроенного жилого фонда: 1) самый большой располагался на территории западной промышленной площадки; 2) чуть меньше по занимаемой площади и количеству временного жилья – район Старого Вартовска; 3) юго-западная часть города вдоль реки Большая Рязанка[303]. Общегородской центр Нижневартовска, предусмотренный генпланами 1970 и 1979 гг., длительный период оставался незанятым учреждениями, призванными выполнять общегородские функции, которые размещались в структуре жилых районов. Например, центр первой очереди строительства, спроектированный в 1970 г., оформился только в начале 1990-х гг., когда в сентябре 1992 г. открылся Дом техники.

Развитие Сургута в 1980-х г. шло по генплану 1979 г., согласно которому в городе планировалось строительство 30 микрорайонов на 180 тыс. чел[304]. Капитальная застройка 1980-х гг. соединила некоторые ведомственные поселки. На месте пустоши и леса между поселками протянулись главные

[303] Клевакин А. Н. Сибирский город в эпоху перемен. – Новосибирск : Наука, 2008. – С. 51.
[304] ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 6. Л. 35.

городские магистрали. Общегородской центр Сургута, как и в Нижневартовске, приобрел окончательное оформление в конце 1980-х гг. Был выстроен главный проспект города, который получил имя Ленина в сентябре 1987 г. Проспект рассекал новый центральный жилой массив города и представлял собой ломаную линию, соединяющуюся площадями. Фрагментация Сургута на поселки способствовала организации основных улиц города не по регулярному, а скорее по полицентрическому барочному плану с несколькими взаимосвязанными узлами площадей и важных зданий. На окраинах города продолжали разрастаться ареалы временного неблагоустроенного жилья. Историческая деревянная застройка, располагавшаяся в Старом Сургуте, полностью уничтожалась по генплану 1979 г. В первой половине 1980-х гг. вместо деревянных домов были выстроены крупнопанельные многоэтажки, и Старый Сургут стал частью микрорайона энергетиков. В конечном итоге город потерял исторический центр и памятники сургутского деревянного зодчества XIX – начала XX в.

Город Нефтеюганск в 1980-х гг. застраивался капитальными районами в юго-восточном направлении на пойменных землях и вдоль реки Юганская Обь. Однако в этот период продолжалось строительство балков и вагон-городков. В северо-восточной части города образовался обширный ареал индивидуальной жилой застройки (микрорайон 11А), к которому с южной стороны прилегал 11-й микрорайон, состоявший из хаотично построенных двухэтажных брусчатых домов. Трущобы Нефтеюганска были отделены от капитальных микрорайонов промышленной зоной.

Новая групповая система расселения, принятая в 1980-м г., подразумевала строительство новых небольших городов нефтяников при месторождениях. Началась разработка проектной документации по новым городам и рабочим поселкам. 30 марта 1982 г. Тюменский облисполком утвердил генпланы и проекты детальных планировок городов и поселков Мегиона (проектировщик – институт «Тюменьгражданпроект»), Радужного (институт «Новосибгражданпроект»), Лангепаса (институт

«Новосибгражданпроект»), Мамонтово – Пыть-Яха (институт «Челябинскгражданпроект»)[305]. В 1982–1985 гг. были утверждены генпланы и ПДП следующих городов и рабочих поселков: Нягань (проектировщики – «ЛенНИИПградостроительства» и «Свердловскгражданпроект»), Пойковский (Сургутский филиал «ЛенЗНИИЭП»), Когалым («Ленгипрогор»), Комсомольский («Донецкпроект»), Покачевский («Тюменьгражданпроект»), Ханты-Мансийск («Ленгипрогор»), Лянторский («Гипротюменнефтегаз» и «ЗапСибЗНИИЭП»), Фёдоровский (Сургутский филиал «ЛенЗНИИЭП»), Советский («Гипрогор»), Талинский («ЛенНИИПградостроительства»)[306]. Расчетная численность населения Мегиона принималась в количестве 45 тыс. чел., Радужного – 60 тыс. чел., Лангепаса – 50 тыс. чел., Мамонтово – Пыть-Яха – 45 тыс. чел., Когалыма – 110 тыс. чел., Нягани – 110 тыс. чел., Комсомольского – 44 тыс. чел., Покачевского – 20 тыс. чел., Ханты-Мансийска – 60 тыс. чел., Лянторского – 25, а потом 40 тыс. чел., Фёдоровского – 25,1 тыс. чел., Советского – 24–30 тыс. чел., Талинского – 25 тыс. чел.

Прямоугольный регулярный стиль был положен в основу планировочной структуры большинства городов, особенно Лангепаса, Радужного, Лянтора и Покачи. В силу стихийного пионерного строительства целый городской организм не сформировался в Когалыме, Нягани, Пыть-Яхе, Мегионе. Однако и здесь имелись регулярные шахматные микрорайоны. В основе архитектурно-планировочной структуры городов Югорска и Советского лежала индивидуальная одноэтажная застройка, поскольку они первоначально строились как поселки лесопромышленников.

Города в основном состояли из от 4 до 8 жилых микрорайонов, рядом с которыми или в отдалении на несколько километров организовывались промзоны. Первоочередное строительство городов велось в двухэтажном деревянном исполнении, потом возводились 5- и 9-этажные капитальные дома.

---

[305] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6569. Л. 160–161.

[306] Там же. Д. 6574. Л. 111–112; Д. 6576. Л. 216; Д. 6699. Л. 349; Д. 6716. Л. 376; Д. 6855. Л. 208; Д. 6999. Л. 169; Д. 7016. Л. 200; Д. 7162. Л. 81; Д. 7437. Л. 143.

Пионерная временная застройка из разобщенных ведомственных поселков вела к тому, что линейная архитектурно-планировочная структура городов формировалась лишь отчасти, и то только во второй половине 1980-х гг. при капитальном строительстве. В начале 1990-х г. проектирование и строительство новых городов ХМАО было заморожено и их генпланы не реализовались – многие спроектированные микрорайоны второй очереди строительства не были возведены.

Интенсивное городское строительство в 1970–1980-х гг. практически не затронуло столицу округа город Ханты-Мансийск. Самаровская гора разделяла город на южную и северную части. На юге в устье реки Иртыш находился поселок Самарово. В пяти километрах севернее за Самаровской горой в урочище Большой черемушник организовывался Центральный район Ханты-Мансийска, в котором велся основной объем городского жилищного строительства и размещался административный центр. Район Самарово застраивался двухэтажными каркасно-щитовыми и индивидуальными домами. В центре города строился квартал 5-этажных капитальных домов, но значительная часть центра города имела деревянную застройку.

Впечатляющие темпы строительства в Сургуте и Нижневартовске в 1980-х гг. привели к тому, что территории, предназначенные для городской застройки, были исчерпаны, а население городов превысило плановые показатели. Понадобилась корректировка генпланов Сургута и Нижневартовска, принятых в 1979 г. Новый генплан Нижневартовска, разработанный «Гипрогором», был утвержден Тюменским облисполкомом 9 апреля 1990 г.[307] На первую очередь строительства (1995 г.) численность населения города должна была составить 350 тыс. чел., а на расчетный срок (2010 г.) – 450 тыс. чел. Селитебная территория делилась на 6 жилых районов. Городская застройка осуществлялась в восточном направлении.

[307] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7709. Л. 213.

Тюменский облисполком утвердил генплан Сургута, спроектированный «ЛенНИИПградостроительства», решением от 6 мая 1991 г.[308] На первую очередь строительства генпланом предусматривалось население города в количестве 400 тыс. чел., а на расчетный срок – 450 тыс. чел. Территориальное развитие города осуществлялось за счет освоения пойменных земель Оби, располагавшихся на юге и западе от жилых районов. Селитебная зона членилась на крупные планировочные районы: Центральный, Восточный, Западный, Северный, Белый Яр, Солнечный, Пойменный[309]. В силу системного кризиса в 1990-х гг. новые генпланы Сургута и Нижневартовска воплотить в жизнь не удалось.

Значительные объемы городского жилищного строительства в 1980-х гг. велись 5- и 9-этажными домами серии И-164, 112, 125, ИИ-04 и 83 (приложение 28). Из этих серий формировались основные проспекты и площади, общегородские магистрали. В застройке Нижневартовска качественно новым этапом стало возведение московских 16-этажных жилых домов серии П44/16. Строительство блок-секционных домов, в основу которых был заложен принцип типизации не целых зданий, а секций с улучшенными объемно-планировочными решениями, позволило повысить архитектурную выразительность застройки городов. Из этих блок-секционных домов были созданы архитектурные ансамбли различной объемно-высотной композиции (например, проспект Ленина в Сургуте). Широкое распространение получила облицовка наружных панелей рельефными декоративными элементами из бетона, керамической глазурованной и бетонной рельефной плиткой на белом и цветных цементах. Однако внешний вид застройки, архитектура жилых и общественных зданий оставались зачастую однообразными и невыразительными.

Широкое участие в строительстве городов нефтяников приняли организации республик Советского Союза и крупнейших городов и областей

---

[308] Там же. Д. 7859. Л. 14.

[309] Генеральный план г. Сургута, Тюменской области (корректировка). Общая пояснительная записка. Том I. – Л. : ЛенНИИПградостроительства, 1990. – С. 116–118.

РСФСР, что вело к разнообразию городской среды. В застройку привносились элементы, характерные для этих городов и республик. Например, прибалтийские элементы присутствовали в Когалыме, узбекские мотивы – в Нягани, белорусские – в Лангепасе, московские – в Нижневартовске.

Значительной проблемой городского строительства стала запоздалая функциональная и композиционная организация общегородских центров. В 1960 – 1980-х гг. функции центра переносились в микрорайоны. Здания учреждений с общегородскими функциями, которые выступали ключевыми элементами центральных архитектурных ансамблей и главных магистралей, в Нижневартовске, Сургуте и Нефтеюганске были построены только к концу 1980-х гг. Вместе с тем отсутствие каменной или даже деревянной исторической застройки досоветского периода и большого стиля с классическими дворцами, колоннами, ордерами, барельефами, фонтанами, памятниками и садово-парковыми скульптурами привносило скудность и оголтелость в облик главных архитектурных ансамблей с их типовыми зданиями, остававшимися к тому же композиционно незавершенными. В 1980-х гг. возведение 9, 12 и 16-этажных домов и формирование городских ансамблей по регулярному плану с просторными площадями и эспланадами привели на практике к появлению вместо архитектурно завершенных комплексов огромных пустынных пространств. Прибрежные территории Оби не были включены в городскую среду Сургута, а в Нижневартовске и Нефтеюганске композиционное использование реки в организации общегородского центра так и не было осуществлено. В городах практически отсутствовали благоустроенные внутригородские и пригородные зоны отдыха. Не получила развития малоэтажная высокоплотная застройка. Города формировались в основном из «спальных районов».

Балки, бараки, вагон-дома, дома-цилиндры или бочки, палатки и землянки являлись главными объектами пионерной застройки поселков и городов. Первоочередное строительство осуществлялось двухэтажными деревянными домами. На начальном этапе строительства архитектурно-

планировочная структура городов формировалась из разрозненных ведомственных поселков. Несмотря на то, что периодически велся снос временного жилья, на протяжении 1960–1980-х гг. жилые массивы из балков продолжали разрастаться в городах, особенно в Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске, Мегионе, Нягани и Пыть-Яхе. Пионерная временная застройка была характерна как при возведении первых городов в 1960-х гг., так и при строительстве новых городов в начале 1980-х гг. Последующее строительство в основном велось крупнопанельными, крупноблочными и кирпичными домами. Организовывалась микрорайонная система городской застройки, которая не могла окончательно оформиться из-за наличия в городах разобщенной среды ведомственных поселков. В силу типового строительства города имели однообразный и серый вид. Только в 1980-х гг. внедрение новых усовершенствованных типовых проектов, распространение облицовки наружных стен и фасадов и привлечение строительных организаций из различных регионов страны способствовали разнообразию городской застройки.

3.2. Социокультурное развитие и благоустройство городов

Процессы урбанизации и индустриализации ведут к формированию нового социокультурного облика населенных пунктов. В контексте культуры городская среда развивается как система отношений между людьми и материально-пространственным окружением, воспроизводящая культурный смысл и значения, символы и ценности, нормы деятельности, поведения и общения. Урбанизация влияет на основные составляющие социального среза общественной жизни: материально-вещную среду обитания, социальные качества самого населения и общественные отношения по всем основным направлениям[310]. Отсюда культурная сфера, социально-бытовая

[310] Сенявский А. С. Российский город в 1960–1980-е годы. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1995. – С. 202.

инфраструктура и благоустройство являются важнейшими составляющими развития городской среды и урбанизации.

Строительство населенных пунктов на необжитой территории означало, что культурные учреждения приходилось строить «с нуля». Те немногие объекты культуры, что находились в Сургуте, Березове, в новых поселках или селах, были не способны обслужить население, пребывающее в регион в огромном количестве. Более того, ведомства изначально не стремились возводить объекты культуры. В 1964 г. ни в одном из поселков нефтяников не велось строительство клубов, красных уголков, библиотек, они даже не были включены в титульные списки строительства[311]. В середине 1960-х гг. плановая комиссия облисполкома отмечала: «Во всех поселках нефтяников, по существу, нет никаких помещений под учреждения культуры, кинофильмы показываются очень редко, театрально-концертные группы не имеют возможности дать свои выступления, отсутствуют библиотеки и читальни»[312].

Объемы строительства клубов, библиотек, кинотеатров в новых городах увеличились к концу 1960-х гг. Однако городская культура оставалась по большому счету поселковой. Большинство рабочих клубов и библиотек размещалось в приспособленных помещениях. Из 14 клубов Нижневартовского района только 2 размещались в типовых зданиях – в Мегионе и Нижневартовске. Здания других клубов не отвечали маломальским требованиям. Так, клуб в Нижневартовске на 120 мест располагался «в помещении, с внешней и внутренней сторон больше похожим на сарай»[313]. В 1960-х гг. за счет ведомственных помещений существенно расширилась библиотечная сеть. Однако и библиотеки располагались чаще всего в приспособленных помещениях.

В конце 1960-х гг. завершилось строительство «каменных» домов культуры – «Строитель» в Сургуте и «Юность» в Нефтеюганске. Ведомственные дома культуры стали выступать городскими центрами,

---

[311] ГАСПИТО. Ф. П107. Оп. 1. Д. 2112. Л. 80.
[312] ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 500. Л. 8.
[313] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4386. Л. 144.

знаковыми маркерами, вокруг которых концентрировалась культурная жизнь. Но это концентрирование шло медленно, поскольку строительство культурных учреждений превращалось в долгострои. В Сургуте Дом культуры «Нефтяник» возводился с 1971 по 1977 г., а дом культуры «Энергетик» – с 1975 по 1986 г. В Нижневартовске более двадцати лет строился дом культуры и техники: от генплана 1970 г., в расчетах которого он был задуман, до 1992 г., когда учреждение было пущено в эксплуатацию. В силу этого дома культуры существенно не улучшали городскую среду, которая продолжала содержать признаки поселковости. Так, ДК «Нефтяник» в Сургуте был построен по типовому проекту сельского дома культуры. Другие дома культуры быстро теряли представительность. Сургутский ДК «Строитель» вскоре имел вросшие в землю окна, разбитые двери, обшарпанные стены, аварийное электроснабжение, отсутствие света и вентиляции во многих комнатах[314].

На общественных началах в городах создавались краеведческие музеи. Помимо окружного краеведческого музея в Ханты-Мансийске, функционировавшего с 1932 г., первый музей был открыт в Сургуте в 1963 г. В 1973 г. был основан музей в Нижневартовске. В 1979 г. открылся музей в Березове, в 1980 г. – в Урае, в 1982 г. – в Нефтеюганске.

С середины 1960-х гг. в населенных пунктах увеличилось число мест, где показывали кино. Вместе с тем качество показа оставалось низким. В Нефтеюганске был один клуб, всего на 50 мест, где демонстрировалось кино. Билеты на посещение киноустановок часто выдавались в порядке поощрения. Со временем стали возводиться новые типовые кинотеатры: в 1968 г. в Сургуте открылся кинотеатр «Рубин» и реконструирован кинотеатр «Октябрь», в 1970 г. открылись кинотеатры «Юган» в Нефтеюганске и «Шаим» в Урае. В 1978 г. в Нижневартовске был построен киноконцертный комплекс «Октябрь» на 720 мест с кафе на 250 посадочных мест и танцзалом. В 1970-х гг. значительно выросла обеспеченность населения посадочными местами в кинозалах. Если в

[314] Ташлыкова М. И. Развитие материально-технической базы учреждений культуры г. Сургута (1965–1985) // Очерки истории Сургута. – Сургут : Диорит, 2002. – С. 179, 186.

среднем в Тюменской области этот показатель составлял 46 мест на 1000 жителей, то в Сургуте – 84 места, Нефтеюганске – 71, Урае – 104, Нижневартовском – 40, Мегионе – 62 места[315]. В отсутствие развитого культурного пространства, при узости сферы городского досуга важнейшим развлечением становилось телевидение. Оно появилось в городах Среднего Приобья в конце 1960-х гг., когда в 1967 г. в Сургуте, а затем и в других городах, была введена в строй станция «Орбита».

Два элемента культурного пространства были фактически проигнорированы при строительстве городов нефтяников. Первый элемент – это садово-парковый ландшафт. Градостроительные проекты предусматривали создание крупных парковых зон отдыха в Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске. Однако они окончательно реализовались лишь в постсоветский период. Редкие парки формировались возле учреждений культуры и клубов. В 1970-х гг. были сформированы первые парковые зоны в Ханты-Мансийске и в Нижневартовске. Согласно данным М. И. Ташлыковой, к началу 1988 г. в округе работало только 2 хозрасчетных парка в Сургуте и Нижневартовске[316]. Второй элемент – это знаковые места в виде скульптур и памятников. В городах отсутствовали памятники, соединявшие в себе образы дореволюционной истории. Значительный пласт памятников пополнялся из социалистических сюжетов – монументами в честь Ленина, Маркса, коммунистов, комсомольцев, военных и революционных событий. Но их было немного. Редкими были и садово-парковые скульптуры. В конце 1970-х гг. в городах стали появляться ландшафтные символы, которые объединяли доминирующий в то время промышленный, «нефтегазовый» контекст культуры. Создавались памятники из скважин, первыми давшими нефть из месторождений Западной Сибири. Символической ролью обладали памятники «Разорванная труба» или «Факел» в Сургуте, Стела первой Усть-Балыкской нефти в Нефтеюганске,

---

[315] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5618. Л. 29.

[316] Ташлыкова М. И. Парки культуры и отдыха в северных городах Западной Сибири (1965–1991 гг.) // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях. – Сургут : Дефис, 2003. – С. 84–85.

«Первооткрывателям Западно-Сибирской нефти» в Урае, «Покорителям Самотлора» в Нижневартовске. Но эти единичные памятники нефтегазовому освоению существенно не изменили культурный ландшафт городов, который оставался весьма скудным.

Социокультурный ландшафт нефтяных городов Западной Сибири в 1970 – 1980-х гг. обогащался в основном за счет строительства библиотек, домов культуры, клубов, кинотеатров, музеев (приложение 38). Они становились опорными элементами культурного пространства. Потребность во многих других учреждениях оставалась неудовлетворенной. Не было специализированных учреждений искусства: галерей, театров, цирков и т.д. В городах не строились спортивные учреждения. В середине 1980-х гг. обеспеченность бассейнами в Нижневартовске составляла – 2%, Сургуте – 4%, Нефтеюганске – 10%, Урае – 18,2%. Чуть лучше обстояло дело со спортзалами: в Нягани и Сургуте – 28%, Лангепасе – 30,2%, Нижневартовске – 40%, Урае – 54,7%[317].

Молодые города нефтяников, возникшие в 1980-х гг., первое время вообще не имели культурных и спортивных учреждений. В мае 1986 г. культурное пространство Когалыма ограничивалось тремя небольшими киноустановками и тремя библиотеками с книжным фондом 14,2 тыс. томов. Культурное пространство бывших вахтовых поселков наполнялось только однотипными учреждениями с примитивными услугами – библиотека, клуб со спортзалом, музыкальная школа.

Расположение опорных элементов культурного пространства в разных частях города, типовая неэстетическая архитектура и «строящееся» состояние большинства учреждений вели к тому, что в городах не улицы общегородского значения и ансамбли выступали основными культурными и ментальными факторами становления городской идентичности, а ведомственные микрорайоны-поселки. Ведомственная культура способствовала формированию

[317] Аверин А. Н., Антропов Е. П. Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. – М. : Сов. Россия, 1988. – С. 49.

у жителей городов общинно-коммунального духа, характерного больше для деревень и поселков. Лишь к концу 1980-х гг. появлялось общегородское культурное пространство.

Однако при отсутствии многих культурных учреждений и мероприятий, скудности досуга и ведомственной идентичности население городов не обладало сельским мировосприятием. Мир горожан не сводился только к своим предприятиям, поселкам или к городу, а был тесно связан с нефтегазовым освоением, которое рождало среди населения чувство причастности к большому делу, к событиям общегосударственного масштаба. Большинство горожан Среднего Приобья в прошлом были жителями крупных городов СССР и поэтому сохраняли в себе черты городского сознания и ценности городской культуры, у них была высокой потребность в городских культурных учреждениях. Об этом ярко свидетельствуют данные из центральных газет и журналов. «Правду», «Известия», «Комсомольскую правду» в Тюмени регулярно читали примерно 70% опрошенных, в то время как в Нефтеюганске – 85%, Сургуте – более 87%, а в Нижневартовске – свыше 90%[318].

Вместе с тем рост культурных учреждений еще не означал, что повышалась городская культура населения, обогащался досуг горожан. Результаты социологического исследования в 1976 г. показали, что чаще всего горожане Среднего Приобья ходили на эстрадные концерты (40–51%), концерты хоровых коллективов и ансамблей песни и танца (7–9%), а оперу, музыкальные комедии, симфонические, камерные, литературные концерты, цирковые представления – горожане практически не видели. Значительная часть жителей Сургута, Нижневартовска и Нефтеюганска вообще не посещала культурные мероприятия (30–43%). Жители севера Тюменской области прикасались к искусству и посещали подобные мероприятия в три раза меньше, чем население Урала. Однако жизненное пространство горожан обогащалось за счет приобретения технических средств и предметов городского быта и досуга,

[318] Трушков В. В. Урбанизация и динамизм социалистического образа жизни // Социально-экономическое развитие народов Крайнего Севера. – Тюмень : ТГУ, 1979. – С. 44.

в гораздо большем количестве, чем на «большой земле». В конце 1980-х гг. 74% опрошенных в Когалыме имели в личном пользовании современную звукоаппаратуру, 78% собирали фонотеки, 84% выписывали газеты, 82% – журналы, 70% имели свои библиотеки, 36% владели фото- или видеокамерой, 20% – музыкальными инструментами[319].

Социологический опрос, проведенный в 1990-х гг. по формированию культурного пространства городов в период урбанизации 1960-х – начала 1990-х гг. показал, что в то время не хватало уютных парков, скверов и кафе (отмечено 74,25% опрошенных в Нижневартовске). 27,75% опрошенных отмечали нехватку спортивных учреждений. Нижневартовцы считали, что в городе необходимо было построить филармонию (11,75%), музыкальный театр (13,75%), драматический театр (15%), дворцы культуры (7,25%), оперный театр (4,25%), рестораны (3,75%)[320].

Социальная и коммунально-бытовая сфера обслуживания внедрялась в городах нефтяников по ступенчатой системе. В Сургуте намечалась четырехступенчатая иерархия: уровень города – жилой район на 25–50 тыс. чел. – микрорайон на 6–10 тыс. чел. – жилая группа на 2–2,5 тыс. чел.[321] В Нижневартовске, Нефтеюганске, Урае должна была функционировать двухступенчатая организация обслуживания: общегородской центр и микрорайоны. Однако на практике строительство социокультурных учреждений в городах нефтяников велось далеко не по схеме, а матрица их размещения не совпадала со ступенчатой иерархией. Архивные документы свидетельствуют, что в середине 1960-х гг. социально-культурное и бытовое обслуживание в населенных пунктах ХМАО находилось в крайне

---

[319] Волков В. И. Проблемы развития и организации сферы досуга в молодых городах Тюменского Севера // Молодой город в районах нового освоения Севера: социально-культурные проблемы : сб. науч. тр. – Свердловск : УрО АН СССР, 1989. – С. 81–83.

[320] Скульмовская Л. Г. О некоторых проблемах организации досуга населения монопрофильного города в условиях Тюменского Севера (На материалах конкретно-социологического исследования) // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. – Вып. III. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2000. – С. 68.

[321] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 11. Л. 88.

неудовлетворительном состоянии. Остро ощущалась нехватка объектов культурно-бытового и коммунального назначения (приложение 39).

Торговое обслуживание осуществлялось в основном ведомственными отделами рабочего снабжения (ОРС). В 1960-х гг. организация торговли была неудовлетворительной. В магазинах отсутствовали многие товары. Среди них: соль, хлеб, свежая рыба, сельдь, мясо, молочные продукты, овощи, картофель, растительное масло, комбижир, крупы, макаронные изделия, спички, папиросы, посуды, стаканы, чашки, игрушки, различные ткани, костюмы, брюки, платья, пальто, обувь, парфюмерные товары, готовые швейные изделия, электроприборы, умывальники, ведра, мебель, музыкальные инструменты. В то же время широко развернулась торговля вином и виноводочными изделиями. В Сургуте и Нефтеюганске отсутствовала торговаля овощами, поскольку не было материально-технической базы для их хранения. Во многих магазинах ощущались низкая культура обслуживания, санитарное состояние помещений было неудовлетворительным. Нагрузка на одного продавца в магазинах ОРСа нефтепромыслового управления в Нижневартовске составляла 650–700 чел.[322] Из-за этого создавались большие очереди.

Отсутствие специальных центров, где бы она велась, тормозило развитие торговли. Например, в начале 1980-х гг. в Нижневартовске обслуживанием 11 новых микрорайонов занимался один торговый центр, второй строили больше 10 лет. В Сургуте было всего два крупных магазина. Систематически не выполнялись пятилетние планы по вводу торговых помещений и предприятий общественного питания. В 1970-х гг. потребность в магазинах удовлетворялась на 40–60%. Под торговые площади обычно использовались одна-две квартиры на первых этажах жилых домов. В то же время подрядчики вводили их в эксплуатацию намного позже жилых квартир. В такой обстановке ОРСы были вынуждены создавать собственные строительные подразделения и временные магазинчики. В Нижневартовске получили распространение мелкие торговые

[322] ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 500. Л. 6; Там же. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4113. Л. 116; Там же. Д. 4386. Л. 40.

павильоны «Уралочка». Тем не менее в 1970 – 1990-е гг. в округе число магазинов увеличивалось с 853 до 1994, т. е. темп роста составил 234%, однако темп роста торговых площадей на 10 тыс. чел. был меньше – 107% (приложение 40).

Плохо работали предприятия общественного питания. Столовые создавались в приспособленных помещениях. В 1960-х гг. в Сургуте под столовую на 120 мест были преобразованы казармы, а в Нефтеюганске большинство столовых организовывалось в вагончиках[323]. Вместе с тем фиксировался высокий рост числа предприятий общепита. В 1960-х гг. их число выросло с 109 до 418, в последующий период – до 2318 (1990 г.). Рост составил – 2127%, а рост числа мест в предприятиях общественного питания на 10 тыс. чел. – 657%.

Несмотря на проблемы с торговым обслуживанием, для ХМАО в 1960 – начале 1990-х гг. были свойственны высокие тренды роста розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли. Товарооборот в округе вырос в 46 раз (4644%) – с 61,1 (1960 г.) до 2832,9 (1990 г.). В 1965 г. доля юга Тюменской области в розничном товарообороте всей Тюменской области составляла 71% (427 млн руб.), в то время как доля ХМАО – 22% (131 млн руб.), а ЯНАО – всего 7% (44 млн руб.). В первой половине 1980-х гг. доля ХМАО стала больше доли южной части области – 43% (1748 млн руб.) против 41% (1692 млн руб.), а доля ЯНАО – 16% (635 млн руб.)[324]. Такой высокий рост розничного товарооборота в первую очередь зависел от увеличения городского населения в регионе[325]. Темпы роста розничного товарооборота в округе свидетельствовали, что у населения региона

[323] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4113. Л. 117.

[324] Тюменская область в цифрах. 1971–1975 годы. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1976. – С. 104–105; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. : стат. ежегодник. – М., 1989. – С. 178–180.

[325] См.: Стась И. Н. Розничный товарооборот в Тюменской области как проявление урбанизации (1960 – 1990-е гг.) // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики: материалы IX Всерос. науч. симп. – Омск : Изд. дом «Наука», 2012. – С. 303–306.

формировалась городская потребительская психология, которая, как указывал В. П. Зиновьев, пришла в это время в сознание советских людей[326].

Намного хуже развивалось бытовое облуживание. В начале освоения в поселках нефтяников и газовиков в Нефтеюганске, Мегионе и Игриме совсем не было предприятий бытового обслуживания, бытовые услуги населению предоставляли частники[327]. В 1960-х гг. были созданы комбинаты бытового обслуживания в Ханты-Мансийске, Сургуте, Пионерском, Урае и Нижневартовске, куда входили мастерские – швейная, сапожная, по ремонту часов, радиомастерская, – а также фотография и парикмахерская. Был очень мал ассортимент бытовых услуг. Не были организованы химчистка, крашение одежды, ремонт сложной бытовой техники, лодочных моторов, транспорта, ремонт и строительство жилых домов и квартир, ремонт и изготовление мебели[328]. В 1960-х гг. в условиях отсутствия водопровода не велось строительство бань и прачечных. Население мылось в частных банях.

Объемы оказываемых бытовых услуг постепенно росли, но они не могли удовлетворить потребности стремительно пребывающего населения. В 1975 г. в Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске на одного жителя оказывалось бытовых услуг на 5–10 рублей. Многие мастерские не обеспечивались необходимыми материалами, не имели специалистов. Планы по строительству учреждений бытового обслуживания не выполнялись. В 1975 г. в Нижневартовске потребность в банях обеспечивалась на 40%, комбинатах бытового обслуживания – на 26%. В 1970-х гг. в городах совершенно не оказывались ритуальные услуги, а также услуги по ремонту и изготовлению мебели, трикотажных изделий, стирке белья[329].

В 1980-х гг. в городах стали вводиться в эксплуатацию крупные объекты социально-бытовой инфраструктуры. В Нижневартовске было введено более

---

[326] Зиновьев В. П. Революция массового потребления в СССР в 1960–1980-х гг. // Экономическая история Сибири XX века : материалы Всерос. науч. конф. : в 3 ч. Ч. 1. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 48.
[327] ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 500. Л. 6.
[328] Там же. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4113. Л. 115.
[329] Там же. Д. 5545. Л. 31, 71, 75.

25 специализированных объектов быта общей площадью более 6,5 тыс. кв. м, в том числе фабрика химчистки, дом быта. Населению города было предоставлено более 330 видов услуг[330]. Появление крупных объектов бытового обслуживания способствовало росту объема реализации бытовых услуг. В 1965–1980 гг. этот объем вырос более чем в 18 раз – с 865 до 16219 тыс. руб., а число мастерских бытового обслуживания за это время увеличилось с 328 до 543 (рост – 165%). В 1990 г. всего по округу реализовывалось бытовых услуг уже на 73,6 млн руб., из которых 41 млн руб. приходился на Сургут и Нижневартовск (приложение 41).

Важнейшей составной частью развития социальной сферы являлось здравоохранение. В середине 1960-х гг. все больницы в поселках нефтяников располагались в деревянных ветхих зданиях, не отвечающих минимальным санитарным требованиям. Только к концу 1960-х гг. началось строительство больниц, поликлиник, противотуберкулезных диспансеров, аптек. Больницы недостаточно обеспечивались врачами, плохо оснащались твердым и мягким инвентарем, медицинским оборудованием и аппаратурой, грузовым и водным транспортом. Отсутствовали детские отделения. В 1968 г. в городах нефтяников обеспеченность объектами здравоохранения составляла всего 10% от установленной нормы[331].

В 1970-х гг. улучшилось качество медицинского обслуживания. В 1970 г. при средней обеспеченности в целом по РСФСР 109,5 койки на 10 тыс. чел. по Ураю обеспеченность составляла 192,5 койки на 10 тыс. чел., по Сургуту – 129, Нефтеюганску – 83, Ханты-Мансийску – 169,3 койки по 10 тыс. чел. В последующем этот показатель держался в районе 100 коек на 10 тыс. чел. В 1970 г. обеспеченность врачебными кадрами в городах нефтяников составляла 13 – 17 на 10 тыс. чел[332]. Это были высокие показатели. При этом население городов явно нуждалось в амбулаториях, поликлиниках, аптеках. В конце 1970-х гг. в Нижневартовске обеспеченность больницами была 65% от нормы,

[330] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6637. Л. 21–22.
[331] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4917. Л. 26.
[332] Там же. Д. 5257. Л. 31.

поликлиниками – 23,8%[333]. Однако число больничных учреждений постоянно росло: 24 (количество коек – 3145) в 1970 г., 33 (4620) в 1975 г., 38 (6410) в 1980 г.[334] Ко второй половине 1980-х гг. в городах появилась разветвленная сеть учреждений здравоохранения с крупными окружными и городскими больничными комплексами (приложение 42).

До нефтегазового освоения в ХМАО система образования была примитивной. Школы и детские сады размещались в ветхих и старых строениях. Новые школы и детсады стали возводиться в начале 1960-х гг. Но планы по вводу их в эксплуатацию зачастую не выполнялись. Большинство школ работали в три смены. Мест в школах катастрофически не хватало, материальная база была очень бедной, ощущалась нехватка кабинетов и учителей-предметников.

С 1960 по 1980 г. число школ в округе даже сократилось. Это был связано с тем, что мелкие ветхие школы ликвидировались, а ученики переходили учиться в новые типовые учреждения, которых, однако, не хватало. В Нижневартовске на 1 января 1975 г. потребность в школах обеспечивалась на 56%, а в детских дошкольных учреждениях – на 48%. Не соответствовало норме количество мест в дошкольных учреждениях. При норме 90 мест на 1000 чел. в Сургуте их имелось 35, Урае – 67, Нижневартовском – 45, Нефтеюганске – 51, Мегионе – 34 места[335]. Только в 1980-х гг. ввод в действие школ значительно вырос: в 1980 г. их было введено на 2702 ученических места, а в 1985 г. – на 12112 мест. В два раза увеличились объемы строительства детских садов (приложение 43).

В 1960-х гг. не получило развитие среднее специальное образование. В 1970 г. в округе было только два средних специальных учебных заведения и три профессионально-технических учреждения. Положение изменилось в 1970–1980-х гг. В 1993 г. в округе появилось 11 средних специальных и

---

[333] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 128.
[334] Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в Тюменской области: стат. сб. – Тюмень, 1983. – С. 130–131, 134.
[335] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5545. Л. 71; ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5618. Л. 31.

17 профессионально-технических учебных заведений. Однако в период 1960 – 1980-х гг. в ХМАО отсутствовали учреждения высшего образования. Первый вуз – Сургутский государственный университет – был открыт в 1993 г.

Аналогичные трудности, что испытывали базовые города нефтяников в 1960–1970-х гг., поджидали молодые города нефтяников, образованные в 1980-х гг. (приложение 44). Пионерные микрорайоны в новых городах первое время не имели школ, детских садов, магазинов и домов быта, объектов здравоохранения. Затем их социокультурное пространство формировалось из минимального числа типовых учреждений, принадлежащих в основном ведомственным организациям и поэтому обслуживающих главным образом своих рабочих.

Итак, городскому населению округа не хватало учреждений социально-культурной и бытовой сферы (приложение 45). Согласно опросам, проведенным в 1980 г. в Нижневартовске и Нефтеюганске, горожане нуждались в продовольственных магазинах (28,6% опрошенных), столах заказов (21,2%), магазинах промтоваров (20,9%), буфетах (20,7%), медико-профилактических пунктах (23,1%), раздаточных молочной кухни (18,4%), пунктах ремонта одежды, обуви и бытовой техники (25,4%), банях (24,5%), прачечных (22,2%) и др[336].

В период нефтегазового освоения значительные проблемы были связаны с благоустройством городов ХМАО. Второй секретарь обкома А. К. Протозанов в феврале 1967 г. говорил: «К домам, построенным в Урае, Сургуте, Мегионе трудно подойти или подъехать, здесь нет дорог, канализации, освещения»[337]. На начальном этапе освоения исполкомы советов, руководители хозяйственных организаций просто не занимались вопросами благоустройства. На эти цели ведомства имели достаточно денежных средств, однако они оставляли их попросту неиспользованными. Например, из предусмотренных по плану НПУ «Сургутнефть» в 1965 г. 99 тыс. руб. было использовано только 6,7 тыс. руб., а

[336] Лебедев В. Б., Пархоць О. П. Некоторые результаты исследования жилищно-бытовых потребностей семей нефтепромысловых городов Среднего Приобья // Тезисы областной научно-технической конференции «Развитие прогрессивных методов градостроительства в сложных природных условиях». – Нижневартовск, 1982. – С. 7–8.
[337] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4818. Л. 58.

из предусмотренных на 1966 г. 300 тыс. руб. работы были произведены на 24 тыс. руб[338].

Пионерные кварталы воздвигались без элементарной внутримикрорайонной системы тротуаров и дорог. Редкие тротуары и проезжие части были разбиты и труднопроходимы, долго не ремонтировались. Дороги в основном были грунтовые, позже некоторые из них выкладывались из бетонных плит или засыпались 10–15-сантиметровым слоем щебня. Житель Нефтеюганска вспоминал: «Дороги, где могли застрять даже могучие тягачи, выстилались бетонными плитами, которые тут же разбивались этой могучей техникой и превращались в сплошные колдобины»[339]. Такая же ситуация складывалась и в других городах.

В 1970-х гг. городские сети улиц, дорог и тротуаров оставались ограниченными и разрозненными. Так, в Сургуте дороги концентрировались в поселках, откуда выходили на Нефтеюганск, к аэропорту, в северную и восточную промзоны, а также на единственную магистраль в прибрежной части Оби, которая соединяла город. Планы по вводу городских дорог не выполнялись. В 1971–1974 гг. из 70 км дорог с твердым покрытием, предусмотренных пятилетним планом, в городах было построено 18 км[340]. Твердым покрытием продолжали служить железобетонные плиты, которые быстро разбивались. Облисполком в то время критиковал Главтюменнефтегазстрой за то, что главк не стремился создавать дорожно-строительные организации, организации по производству асфальтобетона для строительства и благоустройства дорог и городских территорий[341]. В рабочих поселках транспортная сеть вообще никак не развивалась. Например, в Мегионе до конца 1970-х гг. не функционировало автобусное движение, а дорог с твердым покрытием было всего 4 км.

---

[338] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4386. Л. 83.
[339] Вспоминает Валентин Владимирович Ямзин // Нефтеюганск: воспоминания, документы, публикации. – Екатеринбург : Архитектон, 1997. – С. 50.
[340] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 61. Л. 165об.
[341] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5431. Л. 72.

Только с конца 1970-х гг. в городах появились магистрали, обеспечивающие общегородское транспортное движение и связь с прилегающими к городам районами. Вместе с тем в городах продолжала сохранять потребность в наличии дорог с твердым покрытием. В 1990 г. больше всего дорог с твердым покрытием было в Сургуте – 196 км, из которых 42% освещалось. В Нижневартовске дороги протянулись на 125 км (39% освещалось), что было явно мало для крупного города. В Нефтеюганске было проложено 98,2 км дорог (освещены – 53%). Сильно не хватало дорог в Мегионе (приложение 46).

Со второй половины 1960-х гг. в городах начал функционировать общественный транспорт, однако избыточное развитие получил ведомственный транспорт. Им осуществлялось 30% внутригородских перевозок. Парк ведомственных автобусов, занятых на городских перевозках, в 2,5–3 раза превышал количество мест, имевшихся в городском транспорте. Вместе с тем он не был доступен для общегородского пользования. По сравнению с городами такой же численностью населения, в Нижневартовске количество общегородского транспорта на 1 тыс. жителей было меньше в 1,5–2 раза[342]. Все это вело к перегрузкам на всех городских маршрутах. Однако большое количество горожан имело личный транспорт. В 1985 г. уровень автомобилизации населения ЗСНГК был выше, чем в средней полосе РСФСР: Сургут – 61, Нижневартовск – 61 автомобиль на 1 тыс. жителей, Нефтеюганск – 62, Тюмень – 64 автомобиля на 1 тыс. жителей[343].

Большие трудности в городах возникали при обустройстве инженерных сетей. Плохо решался вопрос с обеспечением населения питьевой водой. Не начиналось строительство водозаборных сооружений. Не удавалось организовать водоснабжение за счет подземных вод, так как пробуренные скважины медленно сдавались в эксплуатацию. Вода же из скважин зачастую

[342] Белинский А. Ю., Гогин Н. Я. Внедрение научных исследований при совершенствовании систем транспортного обслуживания в городах Севера (на примере г. Нижневартовска) // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири : сб. науч. тр. – Л. : ЛенЗНИИЭП, 1988. – С. 67.
[343] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 74. Л. 106.

была непригодной к употреблению. В 1960-х гг. население городов и поселков было вынуждено брать воду без очистки и элементарного хлорирования из стоячих проток или Оби. В 1969–1970 гг. в Сургуте, Урае и Нефтеюганске было организовано обеспечение населения водой из артезианских скважин, но его уровень оставался низким. Из-за малого количества водоразборных колонок на водопроводных сетях до 80% населения городов обеспечивалось водой, доставляемой в автоцистернах. Вода, которая подавалась от временных сооружений, не имела очистки, не производилось обезжелезивание. При санитарной норме в 300 литров, в 1975 г. в Сургуте подавалось 61 литров воды в сутки на одного человека, в Нефтеюганске – 123, в Нижневартовске – 158[344].

Первые очереди канализации в городах были задействованы в 1967–1968 гг., а окончательно проложены в Нефтеюганске, Урае, Сургуте и Нижневартовском в начале 1970-х гг. До этого канализование в городах и поселках осуществлялось за счет постройки дворовых санузлов. В вагон-городках и районах индивидуальной застройки иногда сброс стоков производился прямо под вагоны и дома. Ассенизационные обозы при этом не создавались, не была организована регулярный вывоз нечистот. Все это вело к ухудшению санитарного состояния населенных пунктов, из-за чего нередко случались вспышки брюшного тифа и дизентерии.

В первой половине 1970-х гг. прокладка общегородских инженерных сетей сильно отставала от жилищного строительства. Постоянно срывались пятилетние планы ввода в эксплуатацию водозаборных объектов и магистральных водоводов, канализации. Основные организации Главтюменнефтегаза и Главтюменнефтегазстроя не выполняли решение облисполкома по созданию в городах и поселках самостоятельных служб коммунального хозяйства по эксплуатации инженерных сетей и сооружений, ремонту жилого фонда и благоустройству[345]. Капитальные средства на эти цели осваивались с неохотой. Как отмечала Н. В. Куксанова, ведомственная

[344] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5545. Л. 30.
[345] Там же. Д. 5431. Л. 72.

неразбериха в распределении функций приводила к тому, что дома, построенные еще в 1966–1970-х гг., в середине 1970-х гг. оказывались неподключенными к постоянным инженерным коммуникациям: в Сургуте было 16 таких домов, Нижневартовске – 65, Урае – 47[346]. Расширение канализационных сетей в городах сдерживалось из-за медленного строительства станций перекачки и очистных сооружений, которые были введены в эксплуатацию только во второй половине 1970-х гг. В Сургуте и Нижневартовске сточные воды сбрасывались без какой-либо очистки в Обь, в Нефтеюганске – в Юганскую Обь, в Мегионе – в Сайму. Строительство инженерных сетей отставало от возведения новых микрорайонов и в 1980-х гг. Тем не менее к 1990 г. почти весь жилищный фонд в городах ХМАО был обустроен инженерными сетями. В большинстве городов обеспеченность ими достигала почти 100% (приложение 46). Чуть хуже обустраивалась Нягань. Из-за большого массива индивидуальной застройки прокладка инженерных сетей в Ханты-Мансийске была произведена только на 70–79 %.

Централизация инженерных сетей усложнялась ведомственной разобщенностью. Например, в Сургуте водозаборы и сети водоснабжения обслуживали 13 министерств и ведомств. Теплофикация осуществлялась за счет множества временных ведомственных котельных. Например, в 1976 г. теплоснабжение Сургута осуществлялось 47 мелкими котельными, вместо 3 районных, предусмотренных генпланом.

В 1960-х гг. в условиях необжитой территории и большого строительства, разобщенного ведомствами, было невозможно организовать озеленение и благоустройство дворовых территорий. Строители действовали следующим образом: «Придут на площадку, свалят деревья (кругом “зеленое море тайги”), растолкают их за пределы стройки, очистят почву до твердого грунта и начинают работать. Наконец, поставят дома, завершат объект и уходят. Жители

[346] Куксанова Н. В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970 гг. – Новосибирск : Новосиб. ун-т, 1994. – С. 66.

начинают сажать сосенки, березки, да не тут-то было: почвенного слоя нет, деревья не приживаются»[347].

В начале 1970-х гг. на субботниках и воскресниках стала массово осуществляться посадка саженцев. За 1970–1971 гг. в Урае было высажено 40 тыс. деревьев и кустарников, в 1972 г. в Нижневартовске – 4706 саженцев, в 1973 г. в Сургуте – 12 тыс. К концу 1970-х гг. ежегодно организации и студенческие стройотряды высаживали 30–40 тыс. деревьев, взятых из пригородных лесов (потребность составляла 75 тыс. деревьев в год)[348]. Однако посадка деревьев и кустарников и устройство газонов производились организациями городов бесконтрольно и неквалифицированно. Не велись мероприятия по улучшению почвенных условий, не организовывались зеленые участки, отсутствовал должный уход за саженцами, что приводило их к гибели. Кроме того, из-за песчаного слабого грунта, уничтожения естественных насаждений и разрушения почвы ветром саженцы приживались медленно. Это было характерно для общегородских улиц, которые оставались «лысыми». Внутри микрорайонов и поселков, где жителями и службами коммунального хозяйства прилагались максимальные усилия, озеленение проходило успешнее (первые микрорайоны Нижневартовска, Нефтеюганска, Сургута)[349]. В 1980-х гг. в молодых городах нефтяников и новых районах старых городов в силу форсированного строительства практически отсутствовали благоустроенные зеленные зоны.

Таким образом, в 1960 – начале 1990-х гг. в населенных пунктах ХМАО формировалась разрозненная и ущербная социокультурная городская среда. Большие проблемы возникали в сфере благоустройства. Медленно формировалась общегородская дорожная и тротуарная сеть. Не хватало общественного транспорта. Прокладка инженерных сетей неизменно отставала от городского строительства. Недостаточно осуществлялось озеленение

---

[347] Тюменская стройка. – М. : Недра, 1981. – С. 41.
[348] ГАСПИТО. Ф. П107. Оп. 1. Д. 2272. Л. 55; Там же. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6882. Л. 204–205; ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5183. Л. 35; Там же. Д. 5431. Л. 67–68.
[349] Клевакин А. Н. Сибирский город в эпоху перемен. – Новосибирск : Наука, 2008. – С. 56.

городов. Культурный ландшафт городов ограничивался обязательным минимумом объектов. Горожанам не хватало специализированных учреждений культуры и искусства. Из-за очень медленного строительства кинотеатров, клубов, дворцов культуры, спортивных сооружений городская культурная среда находилась на стадии бесконечного формирования, сохраняла черты поселковой культуры и сильно зависела от ведомственных учреждений. Социальное развитие городов округа отличалось противоречивостью. Высокие темпы роста числа объектов социально-бытовой сферы и объемов розничного товарооборота говорили о становлении потребительского поведения среди горожан, но это были лишь формальные показатели. Социальные учреждения размещались в неблагоустроенных и приспособленных помещениях. При строительстве жилых микрорайонов иногда не возводились магазины, кафе, рестораны, столовые, школы, детсады и предприятия быта. Крупные торговые и стационарные комплексы и здания соцкультбыта, предусмотренные в генпланах, на практике строились долго и в последнюю очередь. Организовывалась ведомственная структура социального и культурного обслуживания, которая заменила проектируемую ступенчатую систему.

3.3. Жилищные условия горожан

Динамика роста жилищного фонда и трансформация жилищных условий в городах обладают широкой репрезентативностью процессов урбанизации. Новосибирские историки С. С. Букин и В. И. Исаев считали, и с ними нельзя не согласиться, что на примере развития жилищного фонда сибирских городов наиболее объемно и убедительно можно показать особенности урбанизационных процессов в Сибири[350]. В центре исследования условий проживания городского населения лежит стремление выявить то, как

[350] Букин С. С., Исаев В. И. Урбанизация в Сибири в XX веке: закономерности и особенности // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории : сб. науч. тр. – Новосибирск : Сибирское отделение РАН, 2005. – С. 148.

урбанизация проявлялась на низшем уровне жизненного пространства горожанина, в его личной среде.

Формирование жизненного пространства горожанина ХМАО происходило под влиянием экстремальной ситуации – масштабной миграции рабочей силы в необжитые территории Сибири. Изначально территория не была готова к притоку огромного количества людей. В населенных пунктах округа до нефтегазового освоения строительство жилья велось в основном за счет индивидуальных деревянных домов преимущественно с печным отоплением, без водоснабжения и иногда без электричества. В такой ситуации было неизбежным появление новых городских поселений с чрезвычайными условиями проживания, когда городской жилищный фонд создавался из временных, приспособленных и неблагоустроенных помещений, домов, зданий. Государство в лице ведомств и министерств первым делом, зачастую любыми средствами, стремилось решить производственные задачи: сначала рабочая сила осуществляла выполнение директив (в данном случае планы по добыче нефти) и только потом создавались нормальные условия жизни.

В начале 1960-х гг. геологи, которые открыли нефтяную провинцию и способствовали началу урбанизации, были вынуждены самостоятельно заниматься обустройством необжитой территории. Выход из жилищной проблемы осуществлялся за счет возведения палаток (обычно на двадцать мест) и землянок, строительства каркасно-засыпных балков. Исследователи точно подметили образ тогдашнего Сургута, характерный для всех строящихся городов округа: «…он был похож на многолюдный табор. Вагончики, палатки, полевые кухни, вечерние костры на берегу реки, тысячи людей, занятых строительством и размещением, – так рождался новый город»[351].

Люди стремились самостоятельно улучшить жилищные условия: днем работали на производстве, а вечером строили индивидуальные засыпные дома. Поселки геологов стали застраиваться деревянными, металлическими или из материала, какой найдется, маленькими невысокими кривыми домиками с

[351] Тюменская стройка. – М. : Недра, 1981. – С. 32.

небольшими огороженными участками, которые до конца 1960-х гг. становились главными элементами жизненной среды первооткрывателей. Об этом ярко свидетельствуют воспоминания первых жителей Нефтеюганска. Вот одно из них: «Когда приехали в Нефтеюганск в 1962 году, то жить было негде. Вместе с семьями Гусевых, Чвановых, Вилковых мы стали строить засыпные дома. Старшие дети помогали нам – ходили на болото, драли мох, которым потом утепляли стены. А болото было рядом, теперь там первый микрорайон. Когда отстроили две квартиры, то тянули жребий – кому первому достанется – работали ведь все одинаково»[352]. Эти домики называли балками. Они не имели какую-то стандартную форму – все зависело от фантазии строителей. Возводились и деревянные балки большого размера, на несколько комнат. В них часто жили несколько семей.

Многие геологи также проживали в вагон-домах, из которых создавались целые городки. В конце 1962 г. в Нефтеюганске в Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции имелось 70 вагон-домов[353]. В 1967 г. в Нефтеюганске жилых вагончиков насчитывалось уже 795, из них на Усть-Балыкскую нефтеразведочную экспедицию приходилось 248, а на нефтепромысловое управление «Юганскнефть» – 199[354].

В 1963–1964 гг. в рабочих поселках Сургуте и Нефтеюганске стали возводиться первые двухэтажные брусчатые жилые дома на 8, 12 и 16 квартир. Многие рабочие стали переселяться в эти дома. Так изменялось жизненное пространство людей: первое время, по приезде в поселок, переселенцев размещали в балке или другом «жилом помещении», затем строился свой балок или осуществлялся переезд в вагон-дома, потом заселялись либо в свою квартиру, либо в общежитие, располагавшиеся в двухэтажных брусчатых домах. Токарь Усть-Балыкской экспедиции Ю. И. Зимин так вспоминал эволюцию своих жилищных условий в Нефтеюганске: «Жилья нет – нас

---

[352] Из воспоминаний Галины Павловны Титовой // Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958 – 1972 гг.). – Нефтеюганск, 2004. – С. 33.
[353] Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958 – 1972 гг.). – Нефтеюганск, 2004. – С. 31.
[354] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4525. Л. 106.

поселили в конторе, в кабинете главного инженера. Расстелив матрацы на полу, 15 человек расположились на отдых. Вскоре получили долгожданное гнездо – привезли пару вагончиков, установили в городке „разведчиков'' и стали жить-поживать в вагончике по восемь человек – койки в два яруса, в тамбуре буржуйка, которую нужно топить всю ночь, но утром одеяла и подушки все-таки примерзали к стенкам вагончика. …Появился четвертый микрорайон, и нас поселили в общежитии – двухэтажном брусчатом доме, это уже был рай, паровое отопление, только в туалет бегать нужно было на улицу»[355].

Квартиры в двухэтажных домах были на одну-две комнаты. Они не оборудовались водяным отоплением, не имелось водопровода и канализации, но предусматривалось паровое отопление и электричество. В домах было очень холодно из-за того, что фундаменты и стены домов были плохо утеплены и промерзали. Толщина завозимого бруса для этих домов не соответствовала расчетной температуре. Поэтому в каждой квартире ставились буржуйки или самодельные электрообогреватели, которые жильцы называли «козла». Из-за них часто случались пожары. Дворы домов не были благоустроены, а сами дома имели неприглядный вид. Обеспечение водой осуществлялась через водоразборные колонки или она доставлялась автоцистернами. Туалет располагался на улице в виде дворовой уборной.

Жилищные условия в этот период были очень тяжелыми. Жилья катастрофически не хватало. Большинство приезжающих семьей ютилось в балках и землянках. Иногда в летний период заселялись подвалы строящихся зданий, баржи, грузовые судна. В конце 1964 г. при санитарной норме 9 кв. м и расчетной норме 7,5 кв. м жилья, в Сургуте на одного человека приходилось 3,0 кв. м, а в Нефтеюганске – 2,3 кв. м[356].

В середине 1960-х гг. началась разработка и проектирование типового домостроения для городов Среднего Приобья. Руководство Тюменской области ратовало за капитальное строительство в поселках геологов и нефтяников уже в

---

[355] Вспоминает Юрий Иванович Зимин, токарь // Нефтеюганск: воспоминания, документы, публикации. – Екатеринбург : Архитектон, 1997. – С. 72–73.
[356] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4213. Л. 79, 115; Там же. Д. 4525. Л. 117.

1963 – 1964 гг. Первые генпланы городов, разработанные институтами «Башнефтепроект» и «Гипрогор», предусматривали застройку городов типовыми пятиэтажными домами. Однако в ситуации неопределенности с нефтяными запасами правительство не стремилось возводить капитальные дома в северном крае. Разработки велись в условиях постоянной дискуссии вокруг вопроса, осуществлять ли в северных городах капитальное строительство или ограничиться деревянным. По итогам градостроительных конференций 1966 и 1968 гг. было решено вести капитальное типовое строительство. Группа специалистов, которая летом 1967 г. побывала в Финляндии с целью ознакомления с зарубежным опытом жилищного деревянного строительства в северных условиях, также пришла к выводу, что в ХМАО необходимо строить капитальное жилье.

Не дожидаясь окончания дискуссии о типах застройки в северных городах, Главтюменнефтегаз принялся возводить пятиэтажные типовые дома, продолжая при этом строить брусчатые двухэтажные и индивидуальные дома. В 1966 г. первые пятиэтажки выросли в поселке нефтяников в Сургуте, а в 1970 г. – в поселках строителей и энергетиков. В 1967 г. нефтяники заселили капитальный дом в Нефтеюганске, а в 1969 г. – в Урае. Так в базовых городах ХМАО стала осуществляться капитальная застройка жилья. В Постановлении Партии и Правительства от 11 декабря 1969 г. Минпромстрою СССР предусматривалось построить в 1971–1975 гг. жилых домов общей площадью 250 тыс. кв. м, из них 50 тыс. кв. м – в 1971 г. для работников Главтюменнефтегаза Миннефтепрома СССР[357].

Жилищные условия горожан, которым посчастливилось переехать в пятиэтажки, существенно улучшились. В квартирах предусматривались элементарные удобства: водопровод, канализация, ванные комнаты, газ. Сургутский краевед И. П. Захаров писал о первой пятиэтажке в поселке строителей: «Несмотря на очень малые кухни, узкие коридоры, тогда этот

[357] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1422. Л. 66.

первый крупнопанельный дом часто называли дворцом»[358]. Тем не менее застройка велась домами серий 1-464, 1-467, 1-335, 1-447, 1-468А, 1-439А, которые завозились из других регионов СССР и не соответствовали климатическим условиям Севера. Это были обыкновенные «хрущевки» – малогабаритные экономные типовые дома.

Результаты анкетного опроса горожан севера Западной Сибири, организованного архитектором В. Д. Станкевским в начале 1970-х гг., показали основные недостатки квартир в капитальных домах. К ним относились: нечеткость функциональной организации, заниженные размеры жилой и подсобной площади, недостаточный набор подсобных помещений для хранения инвентаря, одежды, продуктов, охотничье-рыболовной снасти. В капитальных домах некоторое время после ввода в эксплуатацию не было воды, не работала канализация. При рабочем водопроводе, часто отсутствовала горячая вода, не во всех была и холодная. В.Д. Станкевский указывал, что недостатки систем отопления, вентиляции, конструкций стен, окон и дверей становились причиной неудовлетворительного микроклимата в квартирах (чрезмерные перепады температуры, повышенная скорость движения внутреннего воздуха и др.)[359].

Основной объем жилищного фонда городов пополнялся за счет строительства крупнопанельных пятиэтажных и двухэтажных брусчатых домов. К 1 августа 1970 г. в эксплуатацию были введены такие жилые дома площадью 63 тыс. кв. м в Сургуте, 65 тыс. кв. м – в Нефтеюганске, 67 тыс. кв. м – в Урае, 56 тыс. кв. м – в Нижневартовске. 22% таких домов были крупнопанельными, остальные – двухэтажными[360].

Подавляющая часть жилищного фонда в городах стала принадлежать ведомствам (приложение 29). В 1968 г. она составляла в Сургуте 83%, Урае – 97%, Нефтеюганске – 97%, Нижневартовске – 87%. Особенностью урбанизации

---

[358] Захаров И. П. Моя земля. – Сургут : Рекламно-издат. информ. центр «Нефть Приобья», 1999. – С. 51–52.

[359] Станкевский В. Д. Особенности архитектурных решений жилых зданий в условиях Северо-Западной Сибири (на примере Тюменской области) : автореф. дис. … канд. арх. – М., 1971. – С. 4, 18–19.

[360] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5460. Л. 60.

Ханты-Мансийского округа было то, что жилищный фонд городов практически не пополнялся за счет индивидуального жилищного строительства (сюда не входило самовольное временное жилье). С конца 1950-х гг. руководство страны постепенно отказывалось от индивидуального строительства в пользу типового. В условиях массового государственного строительства индивидуальное жилищное строительство рабочими, служащими и крестьянами за счет собственных средств и госкредита не имело смысла. Вдобавок индивидуальное строительство просто физически не могло вестись теми, кто осуществлял масштабное промышленное освоение края. По мнению Н. Ю. Гавриловой, главная причина прекращения индивидуального строительства заключалась в запрещении деревянного строительства как противоречащего принципам застройки северных городов[361]. За 1960-е гг. в Тюменской области общая площадь построенного индивидуального жилья снизилась на 78%, с 171,4 тыс. кв. м в 1960-м г. до 36,8 тыс. кв. м в 1970 г.[362] Подавляющая часть индивидуального жилья вводилось на юге области. В городах же ХМАО с конца 1960-х гг. индивидуальное строительство практически не велось.

Социологические исследования того времени свидетельствуют, что в конце 1960-х гг. жилищная проблема в городах оставалась острой. Анкетно-выборочный опрос 2300 семей Урая, Нефтеюганска и Нижневартовска, проведенный тюменскими учеными В. Б. Лебедевым и Л. А. Авдеевым в 1970 г., выявил настроения горожан в отношении жилищной обеспеченности[363]. Данные опроса подтвердили, что, во-первых, существующая структура жилищного фонда в период пионерного этапа развития городов более чем наполовину не соответствовала общественной потребности. Во-вторых,

---

[361] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). – Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. – С. 117.

[362] Основные показатели капитального строительства в Тюменской области за 1965–1973 годы : стат. сб. – Тюмень, 1974. – С. 28.

[363] Лебедев В. Б., Авдеев Л. А. Вопросы оценки потребительной стоимости жилой среды как фактора закрепления кадров (на примере нефтепромысловых городов Среднего Приобья) // Участие научно-технической общественности в работе по комплексному развитию главной базы страны по добыче нефти и газа в Западной Сибири : тез. докл. зональной науч.-практ. конф. – Тюмень, 1978. – С. 239–240.

горожан в значительной мере не устраивали жилищная обеспеченность, характер заселения домового и квартирного фондов, площадь дома и дворовой территории. В-третьих, наиболее удовлетворенной оказалась потребность в типах внеквартирных коммуникаций и расселении семей относительно мест приложения труда. Исследование показало, что дефицит жилья в нефтяных районах Среднего Приобья достигал 300 тыс. кв. м, что составляло 66% существующего капитального жилфонда из расчета нормы жилищной обеспеченности 9 кв. м на одного человека.

В 1970-х гг. в базовых городах нефтяного края развернулось массовое строительство капитальных домов. Постановление Совета министров СССР от 21 декабря 1971 г. предусматривало ввод в эксплуатацию в 1971–1975 гг. 2003 тыс. кв. м жилых домов[364]. Из них на ХМАО приходилось 1391,5 тыс. кв. м: Нижневартовск – 520 тыс. кв. м; Сургут – 433; Нефтеюганск – 199; Урай – 42; Ханты-Мансийск – 5; Мегион – 23; Комсомольский – 88,1; Белоярский – 59,65; Светлый – 2,25; Южный Балык – 9; Локосово – 6,5; Игрим – 4 тыс. кв. м[365]. Однако ежегодные задания по жилищному строительству систематически не выполнялись. За 1971–1974 гг. пятилетнее задание по вводу жилья в Нижневартовске было выполнено на 79% (построено 487 из 520 тыс. кв. м), в Сургуте – на 56% (241 из 433 тыс. кв. м), в Нефтеюганске – на 80,6% (160 из 199 тыс. кв. м). В целом за истекшие 4 года ввод в эксплуатацию жилых домов составил 63% от намеченных объемов[366].

На 10-ю пятилетку планировалось возвести в городах нефтяников еще больше жилья. Тюменские власти в лице обкома и облисполкома просили предусмотреть Госпланом СССР в 10-й пятилетке строительство жилых домов в нефтегазовых районах площадью 3100 тыс. кв. м[367]. В значительной степени эти просьбы были удовлетворены. Директивы Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 февраля 1978 г. предусматривали возведение в

[364] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1470. Л. 107.
[365] Там же. Оп. 1. Д. 5183. Л. 65–67.
[366] Там же. Д. 5545. Л. 29, 71–77.
[367] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6476. Л. 109.

1978–1980 гг. 3188 тыс. кв. м, из них по Нижневартовску – 785 тыс. кв. м, Сургуту – 691, Нефтеюганску – 275 тыс. кв. м (приложение 30).

В 1979 г. жилой фонд Нижневартовска составлял более 1 млн кв. м общей площади, Сургута – 1040 тыс. кв. м, Нефтеюганска – свыше 500 (из них 365 тыс. – это капитальное многоэтажное жилье), Мегиона – 156,1 тыс. кв. м[368]. Эти цифры говорили о масштабах урбанизации округа. Статистические данные подтверждали, что рост жилищного фонда был выше роста численности населения в нефтегазодобывающих районах. За 1971–1975 и 1976–1979 гг. коэффициенты превышения темпов роста жилья относительно роста населения в ХМАО были 1,13 и 1,1[369]. За 1970-е гг. жилфонд городов ХМАО увеличился на 81%, а городское население выросло на 62%. За 1980-е гг. жилфонд вырос на 67%, а численность горожан увеличилась на 61%. Таким образом, согласно статистике жилой фонд увеличивался быстрее, чем рост населения.

Однако этим расчетам не стоит полностью доверять. Во-первых, как уже указывалось, под жилым фондом часто сдавались другие объекты, далекие от жилья, или велись приписки. Во-вторых, эти цифры еще не означали, что объемы ввода жилищного фонда обеспечивали жильем всех нуждающихся. Если эти объемы соотнести с показателями обеспеченности жильем на одного жителя, которые оставались низкими, станет ясно, что рост ввода жилищного фонда не покрывал рост населения. Эти объемы также нивелировались тем, что значительная часть жилья приходила в негодность из-за старости, ветхости, некачественного строительства. В целом имеющийся жилой фонд не мог обеспечить решение жилищной проблемы.

Более того, такой измеритель жилья в Советском Союзе, как квадратные метры жилой или полезной площади на одного человека, а не квартира или дом, используемые в большинстве стран, не отражали реальные жилищные условия и потребности жителей страны. Санитарная норма в стране составляла

---

[368] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 123 об, 125 об., 128; ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6218. Л. 136–137.

[369] Губина Л. И. Обеспеченность жильем населения Тюменской области и проблема закрепления кадров // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Новосибирск : Наука, 1983. – С. 223.

7 кв. м, а норматив – 9 кв. м. Однако даже при ее обеспечении личное жизненное пространство человека было весьма ограниченным. Генпланы базовых городов округа 1969–1970 гг. разрабатывались при расчете 9 кв. м жилой площади на одного жителя. Потребность в жилой площади для нефтяников предварительно определялась в 6 кв. м на одного человека до 1970 г. с доведением этой нормы до 9 кв. м к концу 1975 г., а к 1980 г. – до 12 кв. м[370]. Тюменское руководство намеревалось увеличить и эти нормативы. В августе 1973 г. Б. Е. Щербина писал, что нужно довести обеспеченность общей площадью жилых домов к 1980 г. до 15 кв. м, а к 1990 г. – до 20 кв. м на одного жителя[371]. Однако на этапе первоочередного строительства довести обеспеченность жилой площадью хотя бы до уровня санитарной нормы в 7 кв. м удалось с трудом.

В 1972 г. обеспеченность жилой площадью в среднем по ХМАО составляла 5,6 кв. м на человека, а в городах Нефтеюганске – 5,0 кв. м, Нижневартовске – 4,5, Урае – 6,2, Сургуте – около 5 кв. м[372]. В среднем по РСФСР этот показатель был выше – 7,6 кв. м. В 1979 г. обеспеченность жильем общей, нежилой, площадью на одного человека составляла в Нижневартовске – 9,3 кв. м; Сургуте – 9,7; Нефтеюганске – 11,5; Мегионе – 6 кв. м[373]. В 1980 г. в Западной Сибири обеспеченность на одного городского жителя жилплощадью была не намного больше – 12,4 кв. м. Казалось, норматив в 9 кв. м. в городах нефтяников был достигнут. Но это было не так, если учесть, что норматив брался в расчете только жилой площади, а не общей. Далее государственная статистика не учитывала те факты, что, во-первых, некоторая доля жилого фонда использовалась не по назначению, а в качестве помещений для хозяйственных и социокультурных учреждений, а во-вторых, в самих титульных списках по вводу жилья часто фигурировали другие объекты. Таким

[370] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 18.
[371] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5730. Л. 38.
[372] Там же. Ф. П107. Оп. 1. Д. 2260. Л. 29.
[373] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 123 об, 125 об., 128; ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6218. Л. 136–137.

образом, реальный показатель обеспеченности жильем был в разы меньше данных госстатистики.

В 1970-х гг. городское строительство в округе осуществлялось в основном посредством возведения пятиэтажных типовых домов устаревших серий 1-467 (панельно-блочные дома), 1-439 (бетонно-блочные дома), 1-464 и 1-335 (панельные дома), 1-447 (кирпичные дома) и др., строительство которых в большинстве городов России было прекращено в 1960-х гг. Новая серия крупнопанельных домов И-164-07, разработанная институтом «ЛенЗНИИЭП» специально для северных территорий, внедрялась медленно. Они были введены в широкое производство только к концу 1970-х гг. Значительная часть строительства, особенно в рабочих поселках, продолжала вестись брусчатыми двухэтажными домами, которые получили центральное отопление, водоснабжение, канализацию.

В 1980 г. было проведено социологическое исследование среди семей Нижневартовска (1185 семей) и Нефтеюганска (900 семей), проживающих в домах капитальной жилой застройки. Оно показало, что семьи проживали в основном в больших многоквартирных домах (80,4%), преимущественно из панелей и крупных блоков. Средняя обеспеченность жилой пощадью в них на одного человека составляла 7,5 кв. м (меньше чем фиксировалось в госстатистике и ведомственной отчетности). Многие были недовольны своим жильем: почти половина семей выразила неудовлетворение маленькими габаритами прихожих, ванн и туалетов, отсутствием подсобных помещений в квартирах. Были и другие причины: недостаточная звуко- и теплоизоляция стен (44,8%), наличие тараканов, клопов и муравьев (20,2%), маловыразительный облик застройки (11,6%), этаж проживания (9,6%)[374].

Недовольство вызывало строительство таких капитальных домов, наружные ограждающие конструкции которых не предназначались для

[374] Лебедев В. Б., Пархоць О. П. Некоторые результаты исследования жилищно-бытовых потребностей семей нефтепромысловых городов Среднего Приобья // Тезисы областной научно-технической конференции «Развитие прогрессивных методов градостроительства в сложных природных условиях». – Нижневартовск, 1982. – С. 6–7.

северных условий. Особенно много недовольных было среди жильцов микрорайонов первоочередных застроек. В 1970-е гг. было большое количество жалоб от жителей 1-го и 2-го микрорайонов Нижневартовска по поводу промерзания стен и стыков панелей[375]. Утепление наружных стен таких домов вообще не проводилось. В квартирах было холодно.

Лучшие жилищные условия были у тех, кто переехал в дома новой серии И-164-07. Стены этих домов не промерзали. Квартиры имели общую площадь, на 10% превышающую новые нормы СНиП Л-П. 1-71 для средней полосы СССР, высоту этажа 2,7 м, кухни-столовые не менее 8 кв. м, увеличенные площади жилых комнат, специальные шкафы для сушки одежды и обуви, помещения для хранения колясок и санок, мусоропроводы[376].

Однако трудности возникали и при переезде в новые дома. Государственные приемочные комиссии часто принимали жилые дома в эксплуатацию с незаконченными работами по встроенным помещениям торговли и культурно-бытового назначения, лифтам, внутренней и наружной отделке помещений и фасадов, сетям водопровода и канализации, монтажу сантехнических приборов, подъездным дорогам, отмосткам, благоустройству. В некоторых капитальных домах жители по несколько лет не были обеспечены горячей водой.

Основные претензии к жилищным условиям были также связаны с уровнем благоустройства домов. По данным Л. И. Губиной, в 1979 г. жилфонд в ХМАО был благоустроен на 53,1%, такой же показатель был в РСФСР, что было выше, чем в Тюменской области (47%), ЯНАО (29,7%), но ниже, чем в Западной Сибири (68%), в Новосибирской области (79%). В Сургуте, Нижневартовске и Нефтеюганске доля полностью благоустроенного жилья во всем жилом фонде составляла 3/4. В Тюменской области и в ХМАО на одного

---

[375] Бондаренко И. Д. Функциональные особенности жилищно-эксплуатационных организаций в условиях Нижневартовска // Эксплуатация жилых и общественных зданий в условиях Нижневартовска : сб. науч. трудов СибЗНИИЭП № 25. – Новосибирск : СибЗНИИИЭП, 1981. – С. 23.

[376] Антонов А. Особенности застройки городов Севера // Архитектура СССР. – 1976 – № 11. – С. 16.

горожанина приходился 61% благоустроенного жилья от уровня Западной Сибири (100%)[377].

В целом с начала 1970-х гг.претензии к жилью в капитальном доме не сильно изменились за 10 лет. Основным недостатком жилья продолжала оставаться его малая площадь. Вместе с тем, несмотря на всю критику «хрущевок», выраставших в городах нефтяников и образовавших целые районы – «хрущобы», нельзя не сказать, что по сравнению с балками и вагон-домами, они все-таки стали для своего времени огромным социальным завоеванием, существенным фактором становления индустриально-урбанистического образа жизни[378]. В подтверждение приведем слова жителя Сургута бурового Е. Бондарева, сказанные в 1978 г.: «Дома такие же, как и на большой земле, – благоустроенные. Вот живу в общежитии. Двухкомнатная квартира, электричество, ванна, душ… Ну, все есть. Все условия для жизни… Жизнь, по сравнению… даже год назад отступить, два… намного изменилась. Намного лучше стало жить. Многосторонней, многогранней стала жизнь»[379].

Для горожанина, чье жизненное пространство было связано с временным жильем – балками и вагончиками, жилищные условия не улучшались. Людей, проживающих в тяжелых условиях, становилось все больше. В 1970-х гг. стесненные капитальным строительством балки стихийно разрастались на периферии городов в виде ведомственных поселков. На 1 января 1975 г. более 20 тыс. жителей Сургута, Нижневартовска и Нефтеюганска проживало в вагончиках и балках[380]. Таким образом, рост капитального строительства не решал жилищную проблему, а расширение временного жилфонда, наоборот, ее усугубляло.

Новая градостроительная концепция, принятая в 1980 г., включала, помимо стратегии возведения городов вблизи месторождений и расширения

[377] Губина Л. И. Обеспеченность жильем населения Тюменской области и проблема закрепления кадров // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Новосибирск : Наука, 1983. – С. 221–222.
[378] Букин С. С., Исаев В. И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920 – 1960-е годы). – Новосибирск : Параллель, 2009. – С. 167.
[379] ГАТО. Ф. 2045. Оп. 1. Д. 90. Л. 3.
[380] Там же. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5545. Л. 30, 71, 73.

вахтового расселения, качественный рост объемов строительства жилищного фонда. Задания партийно-правительственного постановления от 20 марта 1980 г. предусматривали в ЗСНГК ежегодное возведение жилья объемом более 2 млн кв. м, из которых более 1 млн кв. м приходилось на города и поселки Среднего Приобья. Сначала задания касались 1981–1983 гг., но затем они были продлены на 1984–1985 гг. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1985 г. устанавливало еще большие объемы ввода жилья. Только для Миннефтепрома предусматривалось построить 4400 тыс. кв. м в 1986–1990 гг. (приложение 31).

За 1981–1984 гг. в ЗСНГК было построено жилых домов общей площадью 6513 тыс. кв. м. Вместе с тем большинство ведомств не выполняли планы по вводу жилья. За 1981–1984 гг. было недовыполнено на 1690 тыс. кв. м, в том числе для Миннефтепрома – 477[381]. Основными причинами того, что подрядчики не выполняли директивы, были недостаточные мощности местной стройиндустрии и кадрового резерва, а также плохая обеспеченность проектно-сметной документацией и финансированием. В конце 1980-х гг. положение стало ухудшаться. Системный кризис в стране повлиял на жилищное строительство, планы по которому перестали выполняться. В 1990 г. в ХМАО план ввода жилья в эксплуатацию был выполнен только на 61%.

Особенностью урбанизации ХМАО стало превалирование государственного обобществленного жилфонда (жилье, принадлежащее предприятиям, местным советам, жилищно-строительным кооперативам) над индивидуальным. В городах ХМАО обобществленный жилфонд составлял 98–100% всего городского жилья, и только в Ханты-Мансийске он равнялся 83% (приложение 32). В середине 1980-х гг. в городах РСФСР и Западной Сибири ведомствам принадлежало 45 и 52% жилья, в то время как в нефтяных городах Западной Сибири – около 90%.

Еще одной важной особенностью урбанизации в 1980-х гг. был рост временного жилого фонда. В крупных городах округа – Сургуте,

[381] ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 27. Л. 141.

Нижневартовске, Нефтеюганске – появились настоящие трущобы из балков и вагончиков. По данным Н. Ю. Гавриловой, если в середине 1980-х гг. в ЗСНГК проживало во временном жилье 23 тыс. чел., то в 1985 г. – 160 тыс. чел., причем только в одном Нижневартовске во времянках проживало 36 тыс. чел. (18% населения города)[382]. Согласно социологическим паспортам городов округа, в 1982 г. в Нижневартовске насчитывалось 4663 балков и 1685 вагончиков, в Нефтеюганске – 200 и 1500, Мегионе – 1582 и 981, Нягани – 56 и 1150, Радужном – 596 и 609 балков и вагончиков соответственно[383]. Если учесть, что в среднем в одном балке проживало 2–3 человека, а в вагончике 6–8 человек, то станут понятны масштабы проблемы. По данным института «ЛенЗНИИЭП», на 1 января 1986 г. доля временного жилья с низкой степенью благоустройства в районе Среднего Приобья составляла около 20% от общего объема[384].

Представляется, что можно выделить три причины появления трущоб и роста временного жилого фонда в 1980-х гг. Первая причина, самая главная, была связана с нерешенностью жилищного вопроса в обстановке массовой миграции в регион. Страшный дефицит благоустроенного жилья ставил тех, кому это жилье не досталось, перед выбором: либо возвращаться на «большую землю», либо заселяться в балок (который часто приходилось самому строить) или вагончик. Вторая причина – увеличение временного жилищного фонда было прямо пропорционально росту капитального строительства – строителям приходилось где-то жить, поэтому при больших стройках возводились временные балки и вагон-городки, которые становились постоянными. Третья причина была следствием директив постановления от 20 марта 1980 г., в котором особое значение придавалось созданию вахтовых пунктов расселения и, в силу этого, поставке ведомствам деревянных домов, передвижных вагон-

[382] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). – Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. – С. 117.
[383] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 7610. Л. 5-48.
[384] Миленина Э. А., Морозова К. И., Смирнов В. И. Проблемы реализации градостроительных предложений в проектировании и строительстве городов и вахтовых поселков // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири : сб. науч. тр. – Ленинград : ЛенЗНИИЭП, 1988. – С. 12.

домов и помещений контейнерного типа (6, 9, 13 тысяч штук в 1981–1983 гг.). Ведомства не только строили из них вахтовые поселки, но и ставили их в городах. Кроме того, молодые города 1980-х гг. создавались на базе вахтовых поселков, которые возводились в основном из временного жилфонда, поэтому в этих городах наличие неблагоустроенного жилья было неизбежным (в Нягани в балках и вагончиках жило более 8 тыс. чел., в Покачи – свыше 4 тыс. чел.).

Впрочем, временное жилье постепенно ликвидировалось. В первую очередь это касалось бараков и жилых помещений в подвалах, которые в Тюменской области в 1975 г. насчитывалось на 55,3 тыс. кв. м общей площади (большая часть приходилась на ХМАО). В 1980 г. их уменьшилось до 24,5 тыс. кв. м, а в 1983 г. они были практически ликвидированы – 0,7 тыс. кв. м. В Западной Сибири бараков было больше только в Новосибирской и Томской областях[385]. Балки и вагончики тоже сносились в большом объеме, а семьи, живущие в них, переселялись в капитальное жилье. Так, за 1986–1990 гг. в Сургуте было переселено из временного жилья 5007 семей. Однако от того, что в целом жилищная проблема не решалась, на месте снесенного временного жилья ставились новые балки.

Жизненная среда горожан ХМАО кроме как в квартирах в капитальных и двухэтажных брусчатых домах, балков и вагончиков, формировалась в общежитиях. Общежития стали важнейшей частью жилищного фонда городов, выступали буферным звеном, оперативно обеспечивающим жильем прибывающих на работу до заселения в благоустроенное капитальное жилье. Однако часто проживание в общежитиях затягивалось. В 1986 г. в Сургуте в них проживало 32,5 тыс. чел., а в Нижневартовске – 23,6 тыс. чел. (15 и 12% соответственно от всех жителей города). Условия жизни в общежитиях были тяжелыми. Часто они были переполненными – заселялись все холлы, уголки, подсобные помещения. Обеспеченность жилплощадью на одного человека была очень низкой – 5–6 кв. м на чел. (приложение 33).

[385] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 7955. Л. 75.

В 1970 – 1980-х гг. обеспеченность общей площадью на одного человека в городах и рабочих поселках ХМАО росла небольшими темпами. В 1992 г. в городах ХМАО она составляла в среднем 14–15 кв. м. Наилучшая обеспеченность была в Лянторе (17,1 кв. м), Покачи (17,0 кв. м), Когалыме (16,1 кв. м) и Урае (16,0 кв. м); наихудшая – в Пыть-Яхе (9,9 кв. м), Нягани (11,4 кв. м), Радужном (13,7 кв. м) и Нижневартовске (13,9 кв. м)[386]. В домах, построенных в 1971–1988-х гг., средний размер общей площади на одного человека составлял 14 кв. м, а жилой – 9 кв. м; в домах, построенных в 1961–1970 гг., этот показатель составлял 13 и 8 кв. м соответственно[387].

В начале 1980-х гг. наибольшие проблемы с обеспеченностью жильем были в новых городах (приложение 34). Тяжелая ситуация складывалась в Сургуте. В конце 1980-х гг. плохая обеспеченность жильем была в Когалыме, Радужном, Нягани, а вот в Мегионе и Лангепасе положение существенно улучшилось. В целом рост обеспеченности жильем фиксировался во всех городах ХМАО, но значительно выше он был в городах, где темпы роста населения замедлялись.

В 1980-х гг. заметно повысился уровень благоустройства городов ХМАО. Он был высоким, в первую очередь, в домах, построенных в 1980-х гг., и чуть ниже – в домах, возведенных в 1970-х гг. (приложение 35). Хуже было с благоустройством в домах постройки 1960-х гг. Высокая степень обеспеченности электричеством, отоплением, водопроводом и канализацией было в капитальных домах – 97–99%, а в деревянных домах она составляла 54–99%.

Показательной тенденцией масштабов урбанизации ХМАО стало отсутствие роста дефицита вводимых в эксплуатацию квартир, когда в остальных регионах Сибири этот дефицит наращивался. Он появился благодаря повышению качественного стандарта и увеличению средней площади квартиры, из-за чего также возрастали средние единовременные затраты на

[386] Города Тюменской области. – Тюмень, 1996. – С. 40.
[387] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 325. Л. 3, 5, 7, 9, 11.

строительство одной квартиры. Все это вело, при общем росте общей жилплощади, к снижению количества вводимых квартир во всех областях Сибири, за исключением Тюменской области, потому что здесь объемы ввода жилья были намного выше среднесибирских показателей[388].

Несмотря на положительные тенденции в обеспеченности жилищными условиями, социологические опросы 1980-х гг. показывали, что главной причиной масштабной эмиграции из региона при взаимной высокой миграции в него продолжала оставаться неудовлетворенность жильем. При условии предоставления благоустроенного жилья 43,2% выезжающих за пределы Тюменской области могли бы остаться[389].

Итак, в 1980-х гг. условия жизни, в том числе жилищные условия, горожан севера Западной Сибири оставались тяжелыми. Жизненное пространство было весьма ограниченным. Согласно С. С. Букину, ХМАО в начале 1990-х гг. представлял собой территорию с «унылыми городами с нефтегазовым монопроизводством, жителям которых не созданы элементарные условия существования»[390]. Вместе с тем необходимо отметить, что у многих горожан ХМАО, особенно у тех, кто переехал в капитальные дома, улучшилась жилищная среда.

В целом жилищный фонд городов ХМАО характеризуется очень высокими темпами роста в период 1960 – начала 1990-х гг. За 1965–1990 гг. жилфонд Сургута увеличился в 41,1 раза, Нефтеюганска – в 47,6 раза, Урая – в 9,5 раза, а Ханты-Мансийска – лишь в 3 раза. В 1990 г. жилфонд Нижневартовска вырос в 19,8 раза по отношению к 1970 г., в Сургуте за это же время – в 12,3 раза, в Нефтеюганске – в 8,4 раза (приложение 36). В середине 1960-х гг. самый большой жилфонд был в Ханты-Мансийске, в 1970 г. лидерство перешло к Сургуту. С 1975 г. наибольшим был жилфонд

[388] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 8202. Л. 44–45.

[389] Алексеев В. В., Логунов Е. В., Шабанов П. П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири (на материалах Главсибтрубопроводстроя). – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 137.

[390] Букин С. С. Условия быта населения в нефтегазовых районах Среднего Приобья // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы) : сб. науч. тр. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 1992. – С. 126.

Нижневартовска. В конце 1980-х гг. объемы жилищного строительства в Нижневартовске резко уменьшились, из-за чего жилфонд Сургута вновь стал самым большим в округе. В 1990-х гг. среди городов, получивших городской статус в 1980-х гг., наибольший жилфонд был в Когалыме и Нягани.

Несмотря на нерешенность жилищной проблемы, в 1970 – 1980-х гг. постепенно улучшались условия жизни горожан. В первую очередь это касалось строительства капитальных домов. Несмотря на то, что не выполнялись директивы по вводу жилья, среднегодовые темпы ввода жилья в 1980-х гг. в ХМАО были одними из самых высоких в стране. По сравнению с 8-й пятилеткой (1966–1970 гг.) они увеличились более чем в 7 раз. С 1965 по 1990 г. жилищный фонд городов и рабочих поселков ХМАО вырос более чем в 25 раз – с 696 до 17683 тыс. кв. м (приложение 37). В начале 1990-х гг. обеспеченность общей площадью жилья одного человека достигла 14–15 кв. м.

В целом жилищные условия горожанина ХМАО развивались в двух тенденциях, которые характеризовали противоречивость урбанизации региона. Первый путь был связан с масштабным ростом строительства типового капитального жилья, принадлежащего ведомствам, в рамках которого и увеличивалось жизненное пространство горожан. Вторая тенденция охватывала расширяющееся стихийное строительство временного неблагоустроенного жилья, разрастание городских трущоб, жилищные условия в которых консервировались и деградировали. Эти две тенденции показали наличие в ХМАО признаков как «настоящей» урбанизации, так и псевдоурбанизации.

ГЛАВА 4. ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХМАО

4.1. Урбанизационный переход и рост городов

Важнейшим компонентом урбанизации является стремительный рост городского населения и городов, который осуществлялся за счет естественного прироста и миграционных процессов. Историко-демографический и статистический анализы позволяют выявить количественные и качественные признаки урбанизационных процессов: рост численности городских жителей, рост городов и агломераций, миграцию населения в города, возрастание удельного веса городского населения за счет сельских жителей, демографический переход в естественном движении населения, социальную дифференциацию городского населения. Все эти признаки тем или иным способом проявлялись на территории ХМАО.

В советский период население Тюменской области непрерывно увеличивалось. Если до начала нефтегазового освоения рост был незначительным, то с 1960-х гг. ситуация кардинально изменилась. За 1959–1989 гг. население Тюменской области увеличилось почти на 2 млн чел. (с 1093 до 3081 тыс. чел.). Особенно впечатляют 1980-е гг., когда население области возросло на 1,2 млн чел. (с 1887 до 3081 тыс. чел.). С учетом округов и юга области темпы роста были самыми большими в ХМАО: за 80 лет (с 1926 г.) население округа выросло в 39 раз, с 39 тыс. до 1,5 млн чел. Основной рост пришелся на период нефтегазового освоения (1960–1980-е гг.) – на 1,1 млн чел (со 124 тыс. чел. в 1959 г. до 1268 тыс. чел. в 1989 г.)[391]. За чуть более 30 лет развития нефтегазовой промышленности население ХМАО выросло в 10 раз. В ЯНАО рост был более чем в 7,5 раза, на юге области – в 1,5 раза

[391] Население России за 100 лет (1897–1997) : стат. сб. – М. : Госкомстат России, 1998. – С. 52; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002 : стат. сб. – М. : Гомкомстат России, 2002. – С. 20.

(приложение 2). К началу XXI в. ХМАО обошел юг Тюменской области по численности населения. Если в 1959 г. в ХМАО проживало 11% жителей области, в то время как на юге – 83%, а в ЯНАО – 6%, то к 1989 г. эти показатели были следующими: в ХМАО – 41%, на юге – 43%, в ЯНАО – 16%. В 1990-х гг. доля ХМАО стала выше доли юга Тюменской области.

Рост городского населения в Тюменской области наблюдался с первой всесоюзной переписи 1926 г. (приложение 3). К 1989 г. население городов увеличилось в 24 раза. За период нефтегазового освоения численность городского населения области выросла в 6,5 раза, с 347 до 2343 тыс. чел. До середины 1960-х гг. этот рост осуществлялся за счет южных территорий. В северных территориях коренных изменений в численности городского населения не наблюдалось до середины 1960-х гг. Тем не менее с 1926 по 1959 г. население городов ХМАО выросло в 10 раз, с 3 до 33 тыс. чел. Однако этих цифр было недостаточно, чтобы говорить о коренных урбанизационных преобразованиях в регионе, этот рост произошел за счет образования города Остяко-Вогульск (Ханты-Мансийск) и нескольких населенных пунктов, которые получали статус поселков городского типа (Березово, Сургут, Октябрьский). В 1959–1989 гг. городское население ХМАО выросло более чем в 34,5 раза, с 33 до 1153 тыс. чел. Основной прирост городского населения пришелся на 1979–1989 гг. и составил 707 тыс. чел.[392]. Поэтому можно говорить о том, что урбанизационные процессы в регионе имели «взрывной характер»[393]. В первой половине 1990-х гг. темпы роста численности городского населения ХМАО резко пошли на убыль: в 1990 г. в округе проживало 1176 тыс., а в

[392] Демографический ежегодник (1999–2003) : стат. сб. – Тюмень, 2003. – С. 17, 19, 21; Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. – М. : Государственный комитет Российской Федерации по статистике, 1994. – С. 18; Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2010 г. [Электронный ресурс]: Росстат; gks.ru [web-сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_109/Main.htm (дата обращения: 27.12.2011 г.).

[393] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – С. 96.

1995 г. – 1196 тыс. горожан, рост составил 1,7%[394]. Это были уже не те высокие показатели, которые отмечались в период интенсивного нефтегазового освоения. В 1989–2010 гг. в ХМАО за счет естественного прироста, миграции и административно-территориальных преобразований, после которых сельские жители становились городскими, прирост составил 256 тыс. чел.

В начале 1980-х гг. ХМАО обошел по числу городских жителей юг Тюменской области. Если в 1959 г. на ХМАО приходилось 10% городского населения области, а на юг области – 84% (на ЯНАО – 6%), то в 1989 г. на ХМАО уже приходилось 49%, на юг – 35, а на ЯНАО – 16%. К 2010 г. доля городского населения ХМАО в Тюменской области составляла 53%, 30% – доля юга, а 17% – для ЯНАО. Таким образом, по критерию численности городского населения с 1980-х гг. ХМАО являлся самой урбанизированной территорией в Тюменской области.

Наиболее показательны изменения, произошедшие в численности городского населения Тюменской области, в сравнении с показателями регионов Западно-Сибирского экономического района и Свердловской области (приложение 4). Такие темпы роста городского населения в 1959–1989 гг., какие были в ХМАО, не отмечались ни в одном регионе Западно-Сибирского района. Даже юг области имел показатели выше, чем у регионов Западной Сибири и Свердловской области – прирост более чем в 2,5 раза. За ними шла Омская область, где городское население за период 1959–1989 гг. выросло более чем в 2 раза, в Томской – в 1,9 раза[395]. В 1970–1989 гг. (особенно с середины 1970-х гг.) лидером по темпам роста численности городского населения являлся ЯНАО[396], обойдя по этому показателю ХМАО практически в два раза (11 против 6,5 раза соответственно). На юге области этот показатель составлял 1,6 раза. В целом в Тюменской области прирост населения за этот

---

[394] Статистический ежегодник (1990–2010) : стат. сб. : в 4 ч. Ч. II (I): Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. – Тюмень, 2011. – С. 87.

[395] Демографический ежегодник России: Стат. сборник. – М.: Госкомстат России, 1999. – С. 26–28.

[396] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. – С. 94.

период составил почти 3,5 раза. Все эти цифры являлись самыми высокими по Западно-Сибирскому району, далее следовали Томская и Омская области, где темпы составляли 1,4 раза.

С учетом показателей динамики численности городского населения Тюменская область была в абсолютных лидерах. За тридцать лет (с 1959 по 1989 г.) городское население области увеличилось на 1996 тыс. чел., далее шла Новосибирская область – 803 тыс. чел., затем Омская область – 740 тыс. чел. В Свердловской области городское население выросло на 1034 тыс. чел., что почти в два раза меньше по сравнению с Тюменской областью. Если же сравнить эти данные с данными округов, то окажется, что городское население ХМАО увеличилось на 1120 тыс. чел., и это лучший результат по Западно-Сибирскому экономическому району. Городское население ЯНАО увеличилось на 357 тыс. чел., наихудший показатель был у Томской области – 331 тыс. чел. В 1959 г. доля городского населения Тюменской области составляла 6,1% от всего городского населения Западно-Сибирского экономического района, в то же время доля Кемеровской области была 37,5%. Одновременно с этим доли ХМАО и ЯНАО были еще меньше – 0,6 и 0,4% соответственно, а на южную часть области приходилось 5%. К 1989 г. Тюменская область имела кардинально иные показатели – 21,4% от общего числа городского населения Западно-Сибирского экономического района. Доля городского населения ХМАО увеличилась более чем в 17 раз и составила 10,5%. Доля ЯНАО и юга области также увеличилась до 3,4 и 7,4% соответственно. Доля же Кемеровской области, наоборот, уменьшилась и составила 25,4%.

Важным показателем урбанизации является динамика сельского населения. Изменение численности населения в деревне напрямую зависит от городских преобразований: с укрупнением городских центров должны уменьшаться и сокращаться находящиеся в районе влияния города сельские поселения, так как город «подпитывается» за счет деревни. Сокращение численности населения в сельской местности наблюдалось в Тюменской области в 1926–1970 гг. (приложение 5). Население сел сократилось на 127 тыс.

чел., одновременно с этим численность населения области, наоборот, увеличивалась. Деревня перекочевывала в город. Казалось, с началом бурного промышленного развития и урбанизации региона, увеличением миграции сельского населения в город, сокращение сельских жителей должно было продолжиться. Однако прослеживалась противоположенная ситуация, и в период 1970–1999 гг. наблюдался рост численности сельского населения в области: с 716 до 766 тыс. чел. В ХМАО в 1926–1979 гг. происходил рост сельского населения: с 36 до 123 тыс. чел. В 1980-х гг. в округе началось сокращение численности сельского населения. Это сокращение было связано с преобразованием поселков в рабочие поселки, а потом и в города – Когалым, Лангепас, Нягань, Радужный. Однако в 1990-е гг. в округе возобновился рост численности сельского населения, несмотря на то что еще пять поселков стали городами. По мнению А. Н. Зайцевой, рост числа сельских жителей в 1990-е гг. был связан с тем, что в Тюменскую область стали пребывать беженцы и вынужденные мигранты из бывшего СССР[397]. Причина роста сельского населения в ХМАО за изучаемый период крылась в том, что жители вахтовых поселков, количество которых резко возросло, учитывались как сельское население, однако это население не занималось сельским хозяйством.

Промышленное освоение края и возникшая в связи с этим высокая миграция в городскую среду привели к тому, что во второй половине XX в. в Тюменской области произошел урбанизационный переход. В данном случае понятие «урбанизационный переход» имеет количественное, а не качественное содержание (которое вкладывает в этот термин А. С. Сенявский): превышение доли городского населения над сельским.

Урбанизационный переход в Тюменской области произошел на рубеже 1970–1971 гг. Затем доля городского населения в области только увеличивалась. Рост практически прекратился на отметке 76% в начале 1990-х гг. Это означало, что процесс поглощения городом деревни исчерпал

[397] Зайцева А. Н. Население Тюменской области в двадцатом столетии // Налоги, инвестиции, капитал. – 2000. – № 5–6. – С. 68.

себя. Темпы роста городского населения замедлились, когда урбанизация приблизилась к «высшей точке» своего развития. С 1990-х гг. она в некоторых местах области либо вовсе прекратилась и наступил регресс, либо продолжала развиваться, но уже медленнее и гармоничнее.

Благодаря нефтегазовому освоению в середине 1960-х гг. урбанизационный переход в ХМАО совершился быстрее, чем в целом по Тюменской области или на юге области. В ХМАО доля городского населения превысила долю сельского населения в самом начале освоения региона – в 1965 г., когда Сургут и Урай получили статус города (приложение 1). В конце 1950-х гг. доля городского населения в ХМАО составляла 27%. В Западной Сибири доля горожан была меньше только в Горно-Алтайской автономной области (19%). За каких-то тридцать лет ХМАО вышел на первое место по этому показателю – 91%. Более того, в 1989 г. доля городского населения по всей России была выше лишь в Мурманской области (92%)[398]. На 1 января 2010 г. ХМАО сохранял положение второго региона России по доле городского населения, первое место теперь занимала Магаданская область – 96%. В то же время с 1990-х гг. рост доли городского населения в ХМАО практически прекратился.

Если взять за основу типологию урбанизационных переходов в Европейской России, составленную отечественным урбанистом Р. А. Поповым, то окажется, что Тюменская область в целом и ХМАО соответствовали типу со средним по времени урбанизационным переходом (1961–1970 гг.)[399]. У регионов этого типа в 1950-х гг. доля городского населения составляла в среднем около 30% (Тюменская область в 1959 г. имела 32%, а ХМАО – 27%), а потом выросла за полвека до 70% и выше (в 1989 г. доля горожан в Тюменской области составляла 76%, а ХМАО – 91%). В 1990-х гг. в регионах этого типа происходила стагнация, поскольку урбанизация приблизилась к «высшей

[398] Демографический ежегодник (1999–2003) : стат. сб. – Тюмень, 2003. – С. 17, 19, 21; Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. – М. : Государственный комитет Российской Федерации по статистике, 1994. – С. 18, 21.

[399] Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / ред. и сост. Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. – М. : ОГИ, 2001. – С. 167.

точке» своего развития. В то же время эти регионы продолжали сохранять урбанизационный потенциал и тенденцию к росту доли городского населения.

В отличие от ХМАО, урбанизационный переход в ЯНАО произошел позже, чем в целом в Тюменской области. Доля горожан превысила долю сельских жителей в округе в 1979 г. По типу урбанизации ЯНАО относится к регионам с поздним урбанизационным переходом (не раньше 1971 г.). В 1950-х гг. доля городского населения составляла 35%. За тридцать лет доля увеличилась на 43% и в 1989 г. остановилась на отметке 78%, что являлось третьим показателем после ХМАО и Кемеровской области в Западно-Сибирском экономическом районе[400]. На юге Тюменской области урбанизационный переход состоялся позже, чем в целом по Тюменской области, но раньше, чем в ЯНАО, а именно в 1974 г. Южная часть области также относится к регионам с поздним урбанизационным переходом (не раньше 1971 г.). В 1959 г. доля городского населения здесь составляла 32%, а в 1989 г. – уже 61%[401].

Несмотря на то, что доля городского населения в ХМАО была одной из самых высоких в стране, по плотности городского населения округ имел низкие показатели урбанизированности. Эти расчеты показаны в исследовании географа Р. А. Попова. В 1959 г. перед процессами индустриализации и урбанизации начальное значение плотности городского населения в ХМАО и ЯНАО составляло менее 1,00 чел. на кв. км. По моим расчетам, в 1959 г. плотность городского населения ХМАО составляла 0,06 чел. на кв. км, в 1965 г. – 0,21, в 1979 г. – 0,82, а в 1989 г. – 2,15 чел. на кв. км. Огромная площадь территории ХМАО (534801 кв. км) выступала ограничителем роста плотности населения. Как бы ни увеличивалась численность населения, большие регионы не могли выйти даже на средний уровень плотности населения.

[400]Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М. : ОГИ, 2001. – С. 167; Демографический ежегодник (1999–2003) : стат. сб. – Тюмень, 2003. – С. 17, 19, 21; Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. – М. : Государственный комитет Российской Федерации по статистике, 1994. – С. 18, 21.

[401] Демографический ежегодник (1999–2003) : стат. сб. – Тюмень, 2003. – С. 17, 19, 21; Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. – М. : Государственный комитет Российской Федерации по статистике, 1994. – С. 18, 21.

Продемонстрировав рекордные темпы роста численности населения, ХМАО и ЯНАО остались в числе аутсайдеров в стране по плотности населения. Вдоль транспортных магистралей ХМАО плотность городского населения увеличивалась до 5–10 чел. на кв. км. Вместе с тем в 1960–1980-х гг. темпы роста плотности горожан в ХМАО были самыми высокими по России. В 1959 – 1969 гг. плотность горожан увеличилась в 5,2 раза, в то время как средний показатель по России составлял 1,3 раза. В 1970–1978 гг. только два региона в России – ХМАО и ЯНАО – увеличили плотность городского населения более чем в 2 раза, в среднем по России показатель был 1,2 раза. В 1979–1988 гг. в ХМАО и ЯНАО плотность городского населения вновь выросла более чем в два раза (в ЯНАО – в 4,7 раза), а по России показатель стал составлять 1,1 раза[402].

По мнению Р. А. Попова, ХМАО и ЯНАО входили в 7-й региональный тип отечественной урбанизации. К этому типу относились регионы активной периферийной урбанизации (кроме тюменских округов, в него входили Республика Саха – Якутия, Чукотский АО, Республика Калмыкия, Тыва). Регионы активной периферийной урбанизации отличались тем, что в них: 1) численность городского населения росла быстро при сохранении очень низкой его плотности; 2) доля городского населения росла относительно быстро при среднем и низком начальных уровнях; 3) были очень низкой густота городских населенных пунктов и малое число больших городов (только в ХМАО и Якутии была доля крупногородского населения и имелись большие города). Городское население в этих регионах увеличилось более чем в 3 раза, а доля городского населения выросла более чем в 1,5 раза, однако оставалась низкой плотность городского населения. Р. А. Попов указывал, что «тюменские нефтегазовые округа представляют редкий для России второй половины XX в. пример преимущественно экстенсивной урбанизации»[403].

---

[402] Попов Р. А. Динамика и региональные различия урбанизированности России во второй половине XX века : дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24. – М., 2002. – С. 48, 50, 52.

[403] Попов Р. А. Динамика и региональные различия урбанизированности России во второй половине XX века: дис. … канд. геогр. наук: 25.00.24. – Москва, 2002. – С. 111.

Таким образом, динамические ряды численности городского и сельского населения в ХМАО и в Тюменской области в целом во второй половине XX в. позволяют выявить исторические периоды количественных состояний урбанизации региона. Итак, выделялись 4 периода:

1. 1964–1971 гг. – период начального этапа урбанизации. В эти годы произошел урбанизационный переход в ХМАО и Тюменской области.

2. 1971–1979 гг. На юге Тюменской области и в ЯНАО завершился урбанизационный переход. Тем не менее юг области, продолжая сохранять лидерство по численности городского населения, постепенно терял ведущие позиции по показателям городского развития. В то же время Тюменская область приблизилась по урбанизационным показателям к регионам Западной Сибири.

3. 1980-е – начало 1990-х гг. Тюменская область стала второй по численности городского населения в Западной Сибири. Доля горожан ХМАО в Тюменской области сделалась самой значительной.

4. 1990-е гг. – первое десятилетие XXI в. Особенностью этапа являлось сокращение темпов урбанизации. В то же время в области продолжал расти удельный вес горожан. Однако этот процесс происходил за счет ХМАО и ЯНАО. Причина замедления темпов урбанизации была не в социально-экономическом кризисе, который последовал вслед за распадом СССР, но в том, что урбанизация достигла своего предела, а освоение больше не нуждалось в больших людских ресурсах.

Рост численности населения в городах дает представление не только о формальной стороне урбанизации (поскольку основывается на количественных показателях), но и о содержательных характеристиках. Большие и крупные по количеству населения города имеют высокую общественную значимость, потому что являются важными элементами расселения и социального обеспечения населения.

Урбанизация ХМАО осуществлялась главным образом посредством создания малых городов (до 50 тыс. чел.). Доля малых городов в ХМАО в 1960-х гг. составляла 100%, в 1970-х гг. – 50–60%, в 1980-х гг. – 67–70%, в

1990-х гг. – 67–69% (приложение 7). Населенные пункты, которые получали статус города, всегда становились малыми городами. Из 16 городов, образованных в ХМАО, в 1960 – 1990-х гг. только 5 вышли из категории малых городов. Чтобы перейти в категорию средних городов (50–100 тыс. чел.), Сургуту потребовалось 9 лет (1965–1974 гг.), Нижневартовску – всего 3 года (1972–1975 гг.), Нефтеюганску – 14 (1965–1979 гг.), Нягани – 4 года (1985–1989 гг.), Когалыму – 9 лет (1985–1994 гг.). В 1960–1990-х гг. только двум городам удалось перерасти категорию средних городов и стать большими. В 1979 г. Сургут и Нижневартовск стали большими городами (от 100 до 250 тыс. чел.). Нефтеюганск перестал быть средним городом и стал большим в 2002 г. Но только Сургут вырос до категории крупных городов (от 250 до 500 тыс. чел.), случилось это в 1990 г. Нижневартовск стал крупным городом намного позже – в 2010 г. Ни один город в ХМАО не достиг планку крупнейшего города (500 тыс. чел. и выше).

Соотношение городов различных категорий в ХМАО было почти таким же, как и в целом по России. В 1991 г. в России было 68,3% малых городов, 15,8% средних, 12,7% больших и крупных и 3,2% крупнейших городов. В этом же году в ХМАО было 66,6% малых городов, 16,6% средних, 16,6% больших и крупных и 0% крупнейших городов. Из 175 городов, основанных в России в 1960–1991 г., 6,2% городов приходилось на ХМАО. Из них только 7 (Зеленоград, Новочебоксарск, Нижнекамск, Нефтекамск, Сургут, Нижневартовск, Усть-Илимск) вошли в категорию больших городов[404]. Два из них (28,5%) располагались на территории ХМАО, причем Сургут и Нижневартовск существенно превышали по численности населения остальные пять городов.

За 40 лет, прошедших после начала нефтегазового освоения региона, число городов Тюменской области выросло более чем в 4 раза: от 7 на 1 января 1965 г. до 29 на 1 января 2005 г. Процесс образования городов Тюменской

[404] Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. – М. : Наука, 2003. – С. 163, 166.

области осуществлялся за счет ХМАО и ЯНАО. ХМАО сравнялся по числу городов с югом Тюменской области в 1972 г., в 1980 г. обошел юг по числу городов, а с 1985 г. округ стремительно вырвался вперед: в период с 1985 по 1990-е гг. статус города получили 9 населенных пунктов. Затем процесс замедлился, и на сегодняшний день в ХМАО располагаются 16 из 29 городов Тюменской области. На долю ХМАО приходится 55% городов области, на ЯНАО – 28%, а на южную часть – 17%.

Период с 1965 г. до начала XXI в. характеризовался значительным ростом числа городов на территории всего Западно-Сибирского экономического района: с 49 до 87 городов. В целом на долю Тюменской области пришлось 21 из 38 новых городских образований Западной Сибири – 55%, а на долю ХМАО – 39%. С 1996 г. ХМАО стал занимать второе место по числу городов в Западно-Сибирском экономическом районе, уступая только Кемеровской области, в которой было 20 городов.

Вторым ключевым пространственным элементом урбанизации в Советском Союзе после города является поселок городского типа или рабочий поселок, т. е. населенный пункт, в котором проживают несколько тысяч человек, в подавляющем большинстве занятые не сельским хозяйством. На протяжении периода интенсивного нефтегазового освоения на территории Тюменской области отмечался постоянный рост поселков городского типа, который продолжался до начала 1990-х гг.: с 28 поселков в 1965 г. до 54 поселков в 1990 г. Особенно впечатлял период 1975–1990 гг., когда в области появилось 23 поселка городского типа. С 1990 г. начался процесс упадка, и к 2010 г. число поселков городского типа вернулось к показателям 1970-х гг.

Если проследить рост числа поселков городского типа отдельно по округам, то окажется, что на долю ХМАО с 1960-х гг. постоянно приходилось большее их число по области: в 1965 г. – 54%, в 1990 г. – 52%, а в 2010 г. – 83%. В 1959 г. в ХМАО насчитывалось 3 поселка городского типа, в 1965 г. – 15, в 1980 г. – 20, а в 1990 г. – 28. В начале 2000-х гг. их стало 24. В 1980-е гг. ХМАО стремительно вырвался вперед по темпам роста новых поселков, в то время как

на юге области рост прекратился. Однако с 1975 по 1990 г. самый большой темп роста отмечался в ЯНАО – в 4,5 раза, а в ХМАО он составил 1,8 раза. В 1990-х гг. число поселков городского типа в ХМАО сократилось с 28 до 24. Но это было не столько уменьшение пространства урбанизации, сколько рост – все эти поселки были преобразованы в города, а не в села. Таким образом, в 1960–1990-е гг. поселки городского типа в ХМАО были важнейшим элементом урбанизации региона.

Количественные показатели, в частности динамика роста городов и рабочих поселков, свидетельствуют, что урбанизация в ХМАО была очень высокой. Вместе с тем критический анализ этих данных показывает, что урбанизация продолжала оставаться незавершенной. Представляет научный интерес разработанная географом О. В. Терещенко формула расчета уровня урбанизации. В основе формулы идея о том, что урбанизация выше там, где население проживает в более крупных городах. Согласно исследователю, уровень урбанизации, в отличие от доли городского населения, более реально отражает урбанистическое развитие региона, потому что тесно увязывается с процессом концентрации населения в крупных и крупнейших городах, которые выступают главными «носителями» процесса урбанизации, городского образа жизни, системы городских ценностей. Показатель рассчитывается как сумма произведений доли городского населения (x), проживающего в городах определенной людности, и фактора C, представляющего фиксированную, условно заданную величину для группы городов данного размера. Фактор C для небольших городов составляет 0,25 (до 99,9 тыс. чел.), для больших – 0,5 (от 100 до 249,9 тыс.), для крупных – 0,75 (от 250 до 499,9), для крупнейших городов – 1 (более 500 тыс.)[405]. Формула выглядит следующим образом:

$$0{,}25x_1+0{,}50x_2+0{,}75x_3+x_4.$$

[405] Терещенко О. В. Динамика урбанизации в Западной Сибири (статистический аспект) // Пространственное развитие урбанизации: общие закономерности и региональные особенности. – М. : АН СССР. Ин-т географии, 1991. – С. 177–178; Терещенко О. В. Проблемы количественной оценки урбанизации (на примере Западной Сибири) // Тезисы докладов III Всесоюз. науч.-практ. конф. «Социалистический город как объект исследования и управления». Ленинград, 29–31 марта 1988 г. – Л. : АН СССР, 1988. – С. 24–26.

По доле городского населения в 1970 г. Тюменская область имела показатель 50,9% (это был пятый показатель в сравнении с другими регионами Западной Сибири, хуже было только в Алтайском крае – 47,4%). Однако согласно показателю уровня урбанизации, рассчитанного по формуле О. В. Терещенко, Тюменская область с коэффициентом 25,9 занимала последнее – шестое – место в Западной Сибири. Наивысший коэффициент был в Новосибирской области – 54,6. В 1989 г. по доле городского населения Тюменская область занимала уже второе место (75,9%), но по уровню урбанизации Тюменская область продолжала оставаться на шестом месте, а сам уровень вырос незначительно – до 33,3. Первое место занимала Кемеровская область, уровень урбанизации которой был 66,2.

По моим расчетам, в 1970 г. уровень урбанизации ХМАО составлял всего 15,7, но за 1970–1980-х гг. вырос более чем в два раза. В 1989 г. он был несколько меньше, чем в целом по Тюменской области – 32,5:

$$0{,}25x52+0{,}50x39+0{,}75x0+0=32{,}5.$$

Однако уже в 1990 г. уровень урбанизации ХМАО вырос до 37,75. Это было связано с тем, что в этом году Сургут перешел из категории больших городов в категорию крупных.

Итак, по уровню урбанизации Тюменская область и ХМАО имели достаточно низкие показатели, по сравнению с другими регионами Западной Сибири. Однако следует отметить недостаток данного анализа. Эта схема не учитывала степень урбанизированности села и сельское расселение, не брался в расчет фактор агломерации, а только размеры городов. Также не учитывались косвенные признаки урбанизации, которые основывались на количественных данных содержательной стороны городского развития (рост розничного товарооборота, жилфонда, социокультурной сферы), а ведь все эти данные говорили, что урбанизация в ХМАО была одной из самых высоких в стране.

Проанализируем динамику численности населения по городам ХМАО. В 1960-х гг. все они были в категории малых городов (приложение 8). До 1969 г. среди городов по численности населения лидировала столица округа – Ханты-Мансийск (20,9–25,3 тыс. чел.). Среди новообразованных нефтяных городов, согласно данным Статистического управления Тюменской области, в 1966 – 1968 гг. по количеству населения первое место занимал Урай. Однако согласно переписи населения 1970 г. больше всего жителей в ХМАО насчитывалось в Сургуте – 34,0 тыс. чел., Ханты-Мансийске – 24,7 тыс. чел. и Нефтеюганске – 19,7 тыс. чел. С 1965 г., когда были образованы первые нефтяные города, до 1970 г. абсолютные показатели численности населения в них не сильно увеличились, но вот темпы роста были высокими – 327% для Сургута и 170% для Урая. В 1960-х гг. среди рабочих поселков лесопромышленников по численности населения самыми большими были Комсомольский и Советский (будущие города Югорск и Советский).

В 1970–1974 гг. лидерство по количеству жителей в ХМАО принадлежало Сургуту. В 1975–1980 гг. наибольшее число горожан насчитывалось в Нижневартовске (приложение 9). В первой половине 1970-х гг. в Урае фиксировалась убыль населения. Это было связано с падением объемов нефтедобычи в Шаимском нефтяном районе, центром которого был Урай. В 1972 г. на 4,5 тыс. чел. сократилось население Нефтеюганска. Причиной этого было то, что органы статистики перестали считать поселок Пойковский и село Чеускино частью города Нефтеюганска. За 1970-х гг. наибольшие темпы роста численности населения наблюдались в Нижневартовске – 617%, Мегионе – 348%, Сургуте – 325%, Нефтеюганске – 245%. Среди рабочих поселков лесовиков первенство по количеству жителей продолжали держать Советский и Комсомольский. Не считая Мегиона, это были единственные поселки, которые в 1970-х гг. входили в категорию крупных рабочих поселков (свыше 10 тыс. чел.).

В 1981 г. лидером по численности населения в ХМАО вновь стал Сургут. Первенство он продолжает держать до сегодняшнего дня. В 1980-х гг. по

темпам роста населения первым был город Лангепас – 857%, затем шли: Нягань – 781%, Пыть-Ях – Мамонтово – 514; Белоярский – 201; Югорск – 190; Сургут – 187; Нижневартовск – 183; Нефтеюганск – 167; Урай – 154; Мегион – 152; Советский – 151; Ханты-Мансийск – 123% (приложение 10). В целом по городам, образованным в 1960-х гг., в 1980-х гг. наблюдалось падение темпов роста населения. Значительно (больше, чем в 3 раза) снизились темпы роста населения в Нижневартовске. Что касается городов, образованных в 1980-х гг., то в них темпы роста населения, наоборот, были очень высокими. Чем моложе город, тем выше у него были темпы роста численности населения. Среди поселков лесников в 1980-х гг. первое место продолжали занимать Советский и Югорск (который приобрел газотранспортные функции). Среди рабочих поселков нефтяников наибольшие число жителей насчитывалось в Лянторском (в 1992 г. ставшим городом Лянтор) и Пойковском. К началу 1990-х гг. в ХМАО было семь поселков городского типа (не считая тех, которые стали городами), которые доросли до категории крупных поселков: Игрим (10,9 тыс. чел.), Пойковский (14,8 тыс. чел.), Новоаганск (10,3 тыс. чел.), Барсово (13,3 тыс. чел.), Белый Яр (13,0 тыс. чел.), Фёдоровский (11,5 тыс. чел.), Излучинск (10,7 тыс. чел.).

В 1990-х гг. практически все города ХМАО переживали демографический кризис. Шел отток населения из городов. В 1990 – 1996 гг. численность постоянного населения сократилась в Ханты-Мансийске (с 35,8 до 35,6 тыс. чел.), Белоярском (с 20 до 16,9), Лангепасе (с 41 до 36), Нижневартовске (с 249,3 до 239,4), Урае (с 39,7 до 38,3 тыс. чел.)[406]. Городское население оставалось на том же уровне или присутствовал небольшой рост в Когалыме, Лянторе, Мегионе, Нефтеюганске, Пыть-Яхе, Покачи, Радужном, Сургуте, Югорске. В целом в городах ХМАО фиксировалась плохая демографическая ситуация. Рост же горожан с 1176 до 1196 тыс. в первой половине 1990-х гг. был осуществлен искусственно – благодаря тому, что 5 рабочих поселков стали городами.

---

[406] Города Тюменской области. – Тюмень, 1996. – С. 11.

Одним из итогов урбанизации в период нефтегазового освоения стало возникновение на территории ХМАО больших агломераций. Географ А. М. Выходцев выделил 11 групп расселения, располагающихся в ХМАО, «каждая из которых консолидирует вокруг себя взаимосвязанные группы городских поселений: Березовскую, Белоярскую, Няганьскую, Югорскую, Ханты-Мансийскую, Урайскую, Кондинскую, Сургутскую, Когалымскую, Нижневартовскую, Аганскую»[407]. Представляется, что к концу 1980-х гг. в ХМАО сформировались 8 агломераций. В Сургутскую агломерацию, насчитывавшую в 1989 г. 491,3 тыс. чел. (или 39% от всего населения ХМАО), входили городские поселения Сургут, Федоровский, Белый Яр, Барсово, Лянтор, Нефтеюганск, Пойковский, Пыть-Ях. К этой агломерации тяготел Когалым. В Нижневартовской агломерации в 1989 г. насчитывалось 388,3 тыс. жителей (31% от всего населения ХМАО), и она состояла из городских поселений: Нижневартовск, Излучинск, Мегион, Высокий. К этой агломерации прилегала Аганская группа городского расселения: Лангепас, Радужный, Покачи и Новоаганск. В то же время наличие некоторых критериев дает основание для объединения Сургутской и Нижневартовской агломераций в одну. Вот эти критерии: наличие больших городов-центров, высокая степень внутренних трудовых и культурно-бытовых миграций, интенсивная связь поселений-спутников с городами-центрами, производственные связи, развитая транспортная система и транспортная доступность центральных городов в пределах 2,5–4 часов. На юге ХМАО сформировалась Урайско-Междуреченская агломерация, в которую входили нефтяной город Урай и лесопромышленные рабочие поселки Междуреченский, Кондинское, Куминский, Луговой, Мортка. В конце 1980-х гг. в агломерации проживало 60,3 тыс. чел. (5% населения ХМАО). На севере ХМАО выделились две агломерации – Березовско-Игримская и Белоярская, которые были небольшими и состояли всего из двух газодобывающих (Березово, Игрим) и одного

[407] Выходцев А. М. Некоторые аспекты развития урбанизации на территории Югры // География и природные ресурсы. – 2008. – № 3. – С. 111.

газотранспортного центра (Белоярский). В первой агломерации проживало 18,7 тыс. городского населения (1,5% населения округа), а во второй – 20,5 тыс. (1,6%). В западной части ХМАО располагалась Няганьская агломерация (69 тыс. чел.; 5% населения округа), включавшая город Нягань, поселок нефтяников Талинский и рабочие поселки лесопромышленников Приобье, Андра, Октябрьское. Западнее сформировалась Советско-Комсомольская (или Советско-Югорская) агломерация, объединившая лесопромышленные центры (Советский, Агириш, Зеленоборск, Коммунистический, Пионерский, Таежный, Малиновский) и газотранспортный центр рабочий поселок Комсомольский. В конце 1980-х гг. в агломерации проживало 69,3 тыс. чел (5% населения ХМАО). В центре округа располагалась столичная Ханты-Мансийская агломерация с населением 34,4 тыс. чел. (2,7%).

Таким образом, нефтегазовое освоение привело к стремительному росту городского населения в ХМАО, происходившему повсеместно на всей территории Тюменской области. Однако наиболее высокие темпы урбанизации фиксировались на севере региона: в ХМАО и ЯНАО. ХМАО стал центром и локомотивом урбанизации, именно здесь впервые в Тюменской области совершился урбанизационный переход, сформировались большие агломерации. Постоянная миграция в округ преумножала численность не только городского, но и сельского населения. Доля городского населения ХМАО стала самой значительной в области, в первую очередь за счет уменьшения доли горожан, проживающих на юге области. По плотности городского населения и уровню урбанизации ХМАО имел низкие показатели. Однако это не помешало округу в конце XX в. стать по расчетам доли и темпам роста городского населения одним из лидирующих регионов в России.

4.2. Миграция и естественное движение населения в городах

Одним из основных факторов урбанизации и развития городов является рост их населения, который осуществляется за счет механического и

естественного прироста. Механическое движение населения формируется посредством миграции – перемещения населения из одного региона в другой для постоянной перемены места жительства или на временные, но длительные сроки. Изменение численности жителей вследствие рождаемости, смертности, брачности и разводимости называется естественным движением населения.

Советская власть использовала миграцию для решения производственных задач, пополнения трудовых ресурсов при организации производственно-территориальных комплексов. Такая политика велась в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири, где миграция играла ключевую роль при формировании кадров для промышленных отраслей. Формы пополнения трудовых ресурсов были разнообразные. Самой массовой формой комплектования кадров выступал вольный найм или прием на месте, так устраивалось около 75–80% всех работающих округа[408]. Широкое распространение вольного найма способствовали стихийному притоку населения в округ из разных регионов страны.

Главным мотивом переезда в ХМАО на протяжении 1960–1980-х гг. было стремление заработать больше денег и улучшить свое материальное положение за счет более высокой заработной платы, которая формировалась за счет надбавок, предусмотренных в регионах Крайнего Севера и приравненной к ним местности. Социологические исследования, проведенные в городах ХМАО во второй половине 1960-х гг., показали, что при переезде в округ более 49,6% мигрантов руководствовались желанием заработать[409]. Данные исследований 1978, 1980, 1984 и 1987 гг. также показывали, что главным мотивом переезда в ХМАО продолжала оставаться возможность получения высокого заработка. Популярными, но менее значимыми были потребность в смене жизненной ситуации, престижность «участия в освоении Севера» и улучшение жилищных условий[410].

---

[408] Колева Г. Ю. Формирование кадрового потенциала предприятий ЗСНГК в период интенсивного нефтегазового освоения // Проблемы модернизации сибирского Севера : сб. науч. тр. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. – С. 179–180.
[409] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. – М. : Статистика, 1976. – С. 95–96.
[410] Аверин А. Н., Силин А. Н., Субботин С. Я. Социально-экономические проблемы освоения Тюменского Севера в девяностые годы : метод. рекомендации. – Тюмень, 1989. – С. 38.

Нефтегазовое освоение привело к тому, что основной прирост населения в ХМАО осуществлялся в результате миграционных потоков. Удельный вес механического прироста в ХМАО был значительно выше, чем в Тюменской области в целом и на юге области. В 1959–1969 гг. в ХМАО удельный вес механического прироста населения составлял 75,8% (в Тюменской области в целом – 40,5%, на юге области – 7,2, в ЯНАО – 27,7%). В 1970–1978 гг. эта доля увеличилась до 81,2% (в Тюменской области – 68,4%, на юге – 20,7, в ЯНАО – 84,3%). В 1979–1989 гг. механический прирост в ХМАО снизился до 75,6% (в Тюменской области – 71,4%, на юге – 27,8, в ЯНАО – 84,3%)[411].

В 1961 – 1965 гг. прирост населения в округе составил 114,8 тыс. чел., из которых прирост в 99,0 тыс. чел. (86%) пришелся на миграцию. В 1966–1970 гг. прирост населения сократился до 62,0 тыс. чел., в том числе посредством механического прироста – 44,9 тыс. чел (78%)[412]. Результаты переписи населения 1970 г. показали, что от всего городского населения (170,0 тыс. чел.) 85,3% проживало в округе не более 9 лет, а 14,5% – дольше 10 лет, при этом более 15 лет проживало 8,9% горожан[413]. Таким образом, перепись населения показала, что 85% городского населения были мигрантами.

В середине 1970-х гг. ежегодный миграционный прирост в ХМАО составлял около 30 тыс. чел. Пик миграционного прироста в ХМАО пришелся на конец 1970 – середину 1980-х гг. – более 50 тыс. чел. ежегодно (приложение 19). Резкое сокращение механического прироста среди населения ХМАО произошло в 1990 г. Если в 1988 г. прирост был 26487 чел., а в 1989 г. – 19429 чел., то в 1990 г. он значительно снизился – 2278 чел. Среди городского населения прирост был чуть выше: в 1988 г. – 26457 чел., в 1989 г. – 21277 чел., а в 1990 – 4442 чел. В 1990-х гг. отрицательный прирост среди горожан ХМАО наблюдался в 1991 и 1992 гг.: минус 19565 и минус 8972. С 1993 г.

---

[411] Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). – Тюмень : Вектор Бук, 2010. – С. 174.
[412] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 109. Л. 307.
[413] Там же. Оп. 6. Д. 27. Л. 1–2.

фиксировался положительный прирост: 5163 чел., в 1994 г. – 2770 чел., в 1995 г. – 1901 чел[414].

Коэффициент миграционного прироста, т. е. миграционный прирост в среднем за год на 10 тыс. населения, в ХМАО был на втором месте в стране (в 1979–1988 гг. он составлял 576), выше был только в ЯНАО (870). В России этот коэффициент составлял 13, а в Западной Сибири – 58. В 1979–1988 гг. по городскому населению ХМАО коэффициент составлял 590 (в ЯНАО – 887), по сельскому населению – 496 (ЯНАО – 818). Это были также самые высокие коэффициенты в стране (в России – 57, в Западной Сибири – 108). В 1989–1993 гг. стал наблюдаться устойчивый отток населения. В это время коэффициент в Тюменской области был минус 3,5, в ХМАО – минус 27, в России – 1,2, а в Западной Сибири – минус 0,7. По городскому населению ХМАО он упал до минус 20[415].

Таким образом, механический прирост был основным источником пополнения населения городских поселений ХМАО. Особенно значительным он был в районах нефтегазодобычи. Исследователи отмечают, что в конце 1960 – начале 1970-х гг. в города и рабочие поселки, связанные с добычей нефти и газа, вселилось 55% общего объема мигрантов горпоселений ХМАО[416]. Архивные данные свидетельствуют о том, что доля нефтяных городов и рабочих поселков в миграции городского населения ХМАО была выше 55%. В 1971–1973 гг. только на долю четырех базовых городов нефтяников приходилось 69% миграционного прироста в ХМАО, а в 1976–1980 гг. эта доля увеличилась до 72%[417].

---

[414] Естественное движение и миграция населения Тюменская области за 1986 – 1990 годы : стат. сб. – Тюмень, 1991. – С. 102, 107; Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1989 – 1994 годы : стат. сб. – Тюмень, 1995. – С. 104, 109, 114.

[415] Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. – Москва, 1994. – С. 406–408; Тюменская область 1985–1995 гг. (информационно-аналитический материал). – Тюмень, 1996. – С. 12.

[416] Мисевич К. Н., Чуднова В. Ию Население районов современного промышленного освоения севера Западной Сибири. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1973. – С. 84.

[417] Рассчитано по данным: Экономика и культура Ханты-Мансийского национального округа в годы девятой пятилетки (в цифрах). – Ханты-Мансийск, 1974. – С. 9; Экономика и культура Ханты-Мансийского округа за годы десятой пятилетки (в цифрах). – Тюмень, 1980. – С. 13.

До начала нефтедобычи в регионе в городах ХМАО абсолютный миграционный прирост был небольшим: в 1961 г. в Сургуте – 0,5 тыс. чел., а в Ханты-Мансийске – 0,4 тыс. чел. В 1964 г. он вырос в несколько раз, но в абсолютных показателях держался в пределах 1–2 тыс. чел. Во второй половине 1960-х гг. ежегодный механический прирост населения не превышал 3 тыс. на одно поселение. Во второй половине 1970-х гг. миграционный прирост в Нижневартовске стал более 10 тыс. чел. в год, а в Сургуте – более 6 тыс. чел[418]. В первой половине 1980-х гг. существенно вырос среднегодовой миграционный прирост по городам: в Сургуте – 14 тыс. чел., Нижневартовске – более 11, Нягане и Нефтеюганске – более 4 тыс. чел. Во второй половине 1980-х гг. механический прирост в городах постепенно снижался. В начале 1990-х гг. в городах ХМАО случилось резкое падение миграционного прироста. За 6 лет, в 1990–1995 гг., лишь в немногих городах был положительный прирост, да и то ничтожный: в Ханты-Мансийске – 450 чел., в Лангепасе – 5724, в Когалыме – 1857, в Сургуте – 491 чел. и т.д. Отрицательный прирост был в Нижневартовске (17578 чел.), Белоярском (3648 чел.), Нефтеюганске (2548 чел.), Урае (2299 чел.), Радужном (2179 чел.), Мегионе (654 чел.), Нягани (202 чел.)[419].

В 1960–1980-х гг. в городах непрерывно рос ежегодный валовый оборот миграции. В 1969–1971 гг. в Сургуте он достигал более 15 тыс. чел. В 1968–1970 гг. интенсивность среднегодовой миграции в нефтяных городах в 5–6 раз превышала интенсивность объемов миграции в РСФСР и центральных районах страны и более чем в 3 раза превышали показатели Западной и Восточной Сибири[420]. В 1971–1975 гг. ежегодный оборот миграции вырос до 16 тыс. чел. в Нефтеюганске, до 19 тыс. чел. в Сургуте, до 20 тыс. чел. в Нижневартовске. В 1976–1980 гг. он увеличился до 29 тыс. чел. в Сургуте, до 33 тыс. чел. в Нижневартовске, 23 тыс. чел. в Нефтеюганске, до 8 тыс. чел. в Мегионе. В Урае на протяжении 1970-х гг. ежегодный оборот держался в пределах 4 тыс. чел. В 1980-х гг. миграционный оборот вновь увеличился. В 1981–1984 гг. валовый

[418] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 109. Л. 134–135, 328.
[419] Города Тюменской области. – Тюмень, 1996. – С. 15.
[420] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. – М. : Статистика, 1976. – С. 70.

оборот миграции в ХМАО вырос с 241 тыс. чел. в 1981 г. до 266 тыс. чел. в 1984 г. Значительная часть этого оборота приходилась на городское население – от 180 тыс. чел. в 1981 г. до 205 тыс. чел. в 1984 г. Самые крупные ежегодные объемы миграции были в Сургуте (27–29 тыс. чел. прибывших и 12–17 тыс. чел. выбывших), Нижневартовске (21–29 и 13–14 тыс. чел.), Нефтеюганске (10–14 и 7–9 тыс. чел.), Нягани (5–10 и 2–4 тыс. чел.), Мегионе (3–6 и 3–4 тыс.), Лангепасе (5–4 и 1–2 тыс. чел.)[421]. К концу 1980-х гг. миграционный оборот в городах уменьшился. В 1991 г. в Сургуте и Нижневартовске он составлял 25 тыс. чел., в 1992 г. – 21 тыс. чел., в 1993 г. – 19–20 тыс. чел. В целом через Тюменский Север за 25 лет с начала нефтегазового освоения прошло почти 10 млн чел., а осело только около 2 млн чел[422].

В конце 1980-х гг. лабораторией трудовых ресурсов и социальных проблем «НИПИнефти» было проведено социологическое исследование миграционного поведения в Нижневартовске. Согласно исследованию генетическая структура населения характеризовалась следующими цифрами: новоселов (людей, проживающих на Севере не более 3 лет) – 17,73%, живущих от 3 до 6 лет (переходная категория) – 20,21%, постоянных жителей (живущих более 6 лет) – 62,1%, причем 17,5% из них проживали более 15 лет. Большой удельный вес постоянных жителей указывал на то, что население становилось более стабильным, а демографическая ситуация в базовых городах ХМАО – устойчивей[423].

Миграционный обмен в ХМАО осуществлялся практически со всеми регионами СССР. Внешняя миграция играла ведущую роль при формировании населения районов нефтегазового освоения. Социологи отмечали, что удельный вес внешних мигрантов составлял около 70% среди прибывших, 60% среди выбывших и более 80% общего притока населения городских поселений.

---

[421] Естественное движение и миграция населения области. 1980 – 1984 // Культура, здравоохранение население : стат. сб. – Тюмень, 1985. – С. 72–78.
[422] Карпов В. П. Анатомия Тюменского подвига // Родина. – 2012. – № 8. – С. 21.
[423] Чудинова Е. Ф. Миграционные процессы и формирование населения Тюменского Севера // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. II: Социально-демографическое развитие советской Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 96–97.

Удельный вес внутриобластной миграции в общем объеме миграции городских поселений ХМАО и ЯНАО составлял 27% среди прибывших и 40% среди выбывших. Со второй половины 1970-х гг. постепенно возрастает роль внутрирегиональной миграции[424]. Шесть районов давали около 90% всех переселенцев, прибывающих в городские поселения тюменских округов, – это Урал, Западная Сибирь, Поволжье, Казахстан, Волго-Вятский район и Северный Кавказ[425]. Согласно переписи населения 1970 г. из всего мигрирующего населения ХМАО (74427 чел.) 22512 чел. приехали из Тюменской области (30%), из Западно-Сибирского экономического района приехали 15314 чел. (21%), из других регионов РСФСР – 27509 чел. (37%). Из РСФСР значительная часть прибыла из Поволжского (7621 чел.) и Уральского (15560 чел.) районов (в том числе из Свердловской области – 8365 чел.); из других союзных республик – 9092 чел. (12%), в том числе: 3873 чел. – из Казахстана и 3417 чел. – из Украины[426]. В 1970–1980-х гг. Западная Сибирь, Урал, Поволжье, Казахстан, Северный Кавказ и Украина (которая стала играть ведущую роль в миграционном потоке) по-прежнему давали основной приток механического прироста населения нефтегазодобывающих районов[427]. В 1990-х гг. эти же регионы продолжали оставаться главными донорами миграционного прироста ХМАО.

Одним из важнейших показателей урбанизации является приток мигрантов в города из сельской местности и главным образом за счет близлежащих к городам деревень. Эти тенденции были характерны для урбанизации ХМАО только в самом начале нефтегазового освоения. Города округа привлекали население в первую очередь близлежащих регионов Урала и Западной Сибири, значительная часть которых были деревенскими жителями. В 1965 г. из 14,2% мигрантов, прибывавших в горпоселения ХМАО из

[424] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. – С. 68.
[425] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения севера Западной Сибири. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1973. – С. 64–65, 72.
[426] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 27. Л. 5, 11.
[427] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. – С. 61.

Тюменской области, большинство (65%) были выходцами из села. Больше половины из них – 38,2% – переселялись из сельской местности округов, а 26,8% – из деревень юга области[428].

Если брать Тюменскую область в целом, то здесь механический прирост осуществлялся в основном за счет выходцев из деревень. В 1968–1970 гг. 85% миграционного прироста городского населения Тюменской области достигалось за счет села, в том числе 44% – за счет сибирского села[429]. В 1970–1973 гг. механический прирост в области осуществлялся в основном за счет передвижения мигрантов из сельской местности – от 67 до 77% от общего числа приезжих. В 1974–1977 гг. доля сельских жителей в миграционном приросте снизилась до 42–51%. В 1965–1971 гг. доля прибывших из сельской местности в горпоселениях Тюменской области постоянно сокращалась – с 51 до 36%. В 1977 г. она составляла 30%[430]. Такой характер миграции был связан с тем, что людские ресурсы из села Тюменской области и близлежащих областей были исчерпаны.

Согласно расчетам К. Н. Мисевича и В. И. Чудновой, соотношение выходцев из города и села среди переселенцев в городские поселения тюменских округов было почти одинаково как для внешних, так и для внутриобластных миграционных потоков. Материалы переписи населения 1970 г. свидетельствуют, что в миграционном приросте в ХМАО переселенцев из городов было существенно больше, чем из сел. Согласно результатам переписи, в ХМАО насчитывалось 74427 мигрантов, из них приехали в городские поселения ХМАО 50719 чел. (68,1%). Из тех, кто приехал в городские поселения ХМАО, 70% (35303 чел.) проживало до приезда в округ в городской местности, а 30% (15416 чел.) приехало из села. В сельскую местность приехало 23708 мигрантов: 59% (13922 чел.) – из городов, 41% (9786 чел.) – из

[428] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1973. – С. 72, 74.
[429] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. – М. : Статистика, 1976. – С. 73, 74–75.
[430] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 109. Л. 133, 327.

села[431]. К сожалению, отсутствие специальных социологических исследований не дает возможности определить удельный вес горожан в миграционном потоке в ХМАО в 1970–1980-х гг. Однако можно предположить, учитывая данные по Тюменской области, в которой численность мигрантов из села сокращалась, что и в ХМАО мигранты-горожане преобладали в механическом приросте населения округа.

Таким образом, миграционные процессы в ХМАО играли ключевую роль в формировании городского населения. Пик миграционного прироста пришелся на конец 1970-х – середину 1980-х гг., а в 1991-м г. он прекратился. Интенсивность миграционного оборота в городах округа была одной из самых высоких в стране. Среди прибывающего в округ населения преобладали бывшие жители городов. Тем самым, города изначально формировались за счет городского, а не сельского населения, а значит, и урбанизация региона не сводилась к «окрестьяниванию» городов.

Постепенно с развитием городов экстенсивная урбанизация (стихийная миграция) сменялась интенсивной – самовоспроизводством городского населения, естественный прирост вытеснял механический. В 1959–1969 гг. доля естественного прироста в ХМАО была 24,2%, в 1970–1978 гг. он сократился до 18,8%, а в 1979–1989 гг. опять вырос до 24,4%[432]. Увеличение доли естественного прироста в 1979–1989-х гг. указывало на то, что в округе происходил переход от экстенсивной к интенсивной урбанизации. В это время естественный прирост стал выполнять важную социальную функцию – формировал постоянное население в регионе. Именно родившиеся в районах освоения, вступая в трудоспособный возраст, становились более стабильными кадрами по сравнению с мигрантами.

Миграция стала преобладать над естественным приростом в ХМАО в конце 1950-х гг. В абсолютных величинах естественный прирост в ХМАО в 1961–1965 гг. составлял 15,8 тыс. чел. (14% от всего прироста), а в 1966–

[431] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 27. Л. 3-4.
[432] Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). – Тюмень : Вектор Бук, 2010. – С. 174.

1970 гг. – 17,1 тыс. чел. (22%). Из-за миграции население округа увеличивалось, в силу чего постоянно возрастал абсолютный ежегодный естественный прирост. В 1966–1971 гг. он вырос с 3043 до 4383 чел. В 1960-х гг. резко снизились коэффициенты естественного прироста населения ХМАО. В 1955 г. он был 25,8 чел., а в 1960 г. – 24,5 чел. на 1000 населения. В 1965 г. этот коэффициент уже составлял 14,9 чел., в 1970 г. – 14,1, в 1973 г. – 16,3, а в 1980 г. – 15,1 чел.[433] В 1959–1964 гг. значительная часть естественного прироста приходилась на сельское население – 11,9 тыс. чел. (75%), а на городское – только 4,2 тыс. чел. (25%). В 1964–1970 гг. естественный прирост в ХМАО стал преобладать среди городского населения – 12,8 тыс. чел. (68%), а сельского – 6,6 тыс. чел (32%)[434].

В 1966–1971 гг. в городах нефтяников увеличивался ежегодный естественный прирост (приложение 21). Эти города, в отличие от других городских поселений ХМАО, отличались не только большим миграционным притоком, но и более высокими показателями естественного прироста – в пределах 15–20 чел. на 1000 жителей при уровне рождаемости 20–28 чел. на 1000 населения. В Ханты-Мансийске также увеличивался естественный прирост, но его темпы были меньше, чем в нефтяных городах. Ханты-Мансийск, наряду с рабочими поселками Березово, Октябрьское и Кондинское, имел основным источником роста населения естественный прирост, а не миграционный[435].

В 1970-х гг. ежегодный естественный прирост в ХМАО продолжал увеличиваться. В 1977 г. в Сургуте и Нижневартовске он стал составлять более 1600 чел., а в Нефтеюганске – 869 чел. В Урае пик естественного прироста пришелся на 1970–1972 гг., затем он понижался. В Ханты-Мансийске естественный прирост практически не увеличивался и только в 1977 г. стал больше 300 чел. В 1976–1980 гг. естественный прирост в ХМАО

[433] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 109. Л. 307; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1973 г. : стат. сб. – Москва, 1974. – С. 64, 65, 66, 67; Население России за 100 лет (1897–1997) : стат. сб. – М., 1998. – С. 132.

[434] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения севера Западной Сибири. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1973. – С. 51.

[435] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. – С. 84, 87.

составлял 42667 чел., основная доля (69%) этого прироста приходилась на города: Нижневартовск – 9776 чел. (23%), Сургут – 7588 чел. (18%), Нефтеюганск – 5618 чел. (13%), Урай – 4933 чел. (12%), Ханты-Мансийск – 1358 чел. (3%)[436]. Естественный прирост в районах нефтедобычи ХМАО был значительно выше, чем в РСФСР, Западной Сибири и Тюменской области в целом. Например, в 1970 – 1984 гг. естественный прирост населения Сургута был выше прироста городских поселений РСФСР в 2,1–2,6 раза, Западной Сибири – в 1,6–2,3 раза и Тюменской области – в 1,4–1,7 раза в 1970-х гг. и на 98–100% в начале 1980-х гг.[437]

В абсолютных показателях естественный прирост населения в ХМАО увеличивался до 1983 г., когда он составил 17011 чел. (среди городского населения – 14304 чел., сельчан – 2707 чел.), что было наибольшим показателем естественного прироста за период 1960–1985 гг. В 1984–1985 г. произошел небольшой спад естественного прироста[438]. В первую очередь спад был характерен для базовых городов нефтяников, в то время как в новых небольших городах естественный прирост увеличился.

После 1985 г. вновь началось увеличение естественного прироста. В 1987 г. был зафиксирован пик ежегодного естественного прироста в ХМАО за всю вторую половину XX в. – 23957 чел. Среди горожан округа на этот год также пришелся пик – 21921 чел. В конце 1980-х гг. депопуляция коснулась практически всех регионов России, но в ХМАО процесс естественного прироста населения не прекращался, а только понижались его темпы. После пика прироста в 1986–1988 гг. началось резкое сокращение естественного прироста, которое продолжалось до 1993 г., когда за счет него население ХМАО увеличилось на 5130 чел. (среди горожан – на 4897 чел.). Среди горожан наименьший прирост случился в 1995 г. – 4,3 тыс. чел. Вместе с тем

[436] Экономика и культура Ханты-Мансийского округа за годы десятой пятилетки. – Тюмень, 1981. – С. 12.

[437] Гапонова Т. Г. Демографические процессы в районах нефтегазодобычи Тюменского Севера // Демографическое развитие Сибири (прикладной и теоретический аспекты исследования) : сб. науч. тр. – Новосибирск, 1987. – С. 77.

[438] Естественное движение и миграция населения области. 1980 – 1984 // Культура, здравоохранение и население : стат. сб. – Тюмень, 1985. – С. 18–21.

только в Ханты-Мансийске произошла убыль населения из-за отрицательного естественного прироста в 1993–1994 гг. В остальных же городах ХМАО прирост оставался положительным, но был незначительным[439].

В 1980-х гг. рекордный коэффициент естественного прироста в ХМАО наблюдался в 1986 г. – 20,8 чел. на 1000 населения. Среди горожан он был еще выше – 21,3 чел. на 1000 населения. Пики пришлись на 1982–1983 и 1986–1987 гг., когда коэффициент был более 20 чел. на 1000 населения. После 1987 г. последовало снижение коэффициента. В 1990 г. он стал равняться 12,6 чел. (среди городского населения – 12,8 чел., среди сельского – 10,4 чел.). Самыми значительными коэффициенты естественного прироста были в Пыть-Яхе (53,3 чел. в 1982 г.), Мамонтово (37,2 чел. в 1982 г.), Покачи (33,7 чел. в 1987 г.), Мегионе (26,3 чел. в 1982 г.), Нефтеюганске (24,8 чел. в 1982 г.). В начале 1990-х гг. коэффициент естественного прироста резко упал. В 1993 г. ни в одном городе ХМАО он не превышал 10 чел. В 1995 г. коэффициент естественного прироста городского населения ХМАО упал до минимального показателя – 3,6 чел. на 1000 населения, но во второй половине 1990-х гг. он стал постепенно расти[440].

В период конца 1960 – конца 1980-х гг. доля естественного прироста в общем приросте населения ХМАО была 18–20%, а доля миграции – 80–82% (приложение 20). В конце 1980-х гг. доля естественного прироста резко выросла до 54%. В начале 1990-х гг. прирост населения округа на 100% стал происходить только за счет него. Это означало, что в городах постепенно стабилизировалось и сформировалось постоянное население, появлялась доля горожан, которые надолго связывали свою жизнь с регионом. В 1980-х гг. в

---

[439] Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1989–1994 годы : стат. сб. – Тюмень, 1995. – С. 32–33; Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1986 – 1990 годы : стат. сб. – Тюмень, 1991. – С. 30–31.

[440] Города Тюменской области. – Тюмень, 1996. – С. 18; Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1986 – 1990 годы : стат. сб. – Тюмень, 1991. – С. 35–36; Естественное движение и миграция населения области. 1980 – 1984 // Культура, здравоохранение и население : стат. сб. – Тюмень, 1985. – С. 34–37; Статистический ежегодник (1990–2010) : стат. сб. в 4 ч. Ч. II (I) Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. – Тюмень, 2011. – С. 107.

общем приросте населения молодых городов нефтяников, созданных в середине 1980 – начале 1990-х гг., превосходящей была доля механического прироста (63–95%).

Промышленное освоение Западной Сибири вело к ежегодному росту числа родившихся в округе. Рост происходил вплоть до середины 1980-х гг. В 1960–1971 гг. рождаемость выросла с 4,3 до 6,4 тыс. чел. в год. Наряду с этим в регионе начался демографический переход – уменьшался коэффициент рождаемости. В 1955 г. он составлял 37,3, в 1960 г. – 33, а в начале 1970-х гг. он стабилизировался на уровне 20–22 родившихся на 1000 населения. В 1977 г. рождаемость составляла 11,1 тыс. чел., а коэффициент подрос до 23,3. В 1980 г. в округе уже родилось 13973 чел., а коэффициент был 21,4[441].

Во всех городах ХМАО наблюдался рост числа родившихся. В Урае пик этого роста пришелся на 1970–1971 гг. В 1960-х гг. лидером среди городов по числу родившихся был Сургут, в 1970-х гг. первенство перешло к Нижневартовску (приложение 22). В 1968–1971 гг. наибольший коэффициент рождаемости был в Нефтеюганске (27–26 на 1000 чел.) и Урае (22–26 на 1000 чел.). В середине 1970-х наибольший коэффициент рождаемости был в Нижневартовске – 26–31 родившихся на 1000 чел.[442]. Высокие коэффициенты в городах нефтяников связывались с молодежной структурой населения. Число родившихся в ХМАО увеличилось до 1983 г., когда в округе появилось на свет 21988 детей (в городских поселениях – 18108). В 1984–1985 гг. произошел небольшой спад рождаемости. В 1986 г. вновь последовал рост числа родившихся, пик которого пришелся на 1987 г. (28325 родившихся всего и 25470 родившихся в городе). Затем началось падение рождаемости до 1993 г., когда в округе родился 14531 ребенок, а в горпоселениях – 13027[443].

---

[441] Экономика и культура Ханты-Мансийского округа за годы десятой пятилетки. – Тюмень, 1981. – С. 12.

[442] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 109. Л. 120, 308, 322.

[443] Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1989 – 1994 годы : стат. сб. – Тюмень, 1995. – С. 12–13; Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1986 – 1990 годы : стат. сб. – Тюмень, 1991. – С. 10–11; Естественное движение и миграция населения области. 1980 – 1984 // Культура, здравоохранение и население : стат. сб. – Тюмень, 1985. – С. 4–7.

Коэффициенты рождаемости также показывали, что рубеж 1982–1983 гг. являлся самым интенсивным в естественном движении населения ХМАО. В 1982 г. в округе рождалось 25,8 детей на 1000 чел., а среди горожан и того больше – 26,3 (среди сельского населения – 24,1). По сравнению с городами РСФСР, где коэффициент рождаемости в 1982 г. составлял 16,3, в городах ХМАО был очень высокий уровень рождаемости[444]. Рождаемость росла при сокращении числа браков, заключенных на 1000 жителей. Это указывало на то, что прирост рождаемости происходил в основном из-за увеличения числа рождений в семьях вторых и третьих детей. В 1980–1988 гг. коэффициент рождаемости среди городского населения ХМАО оставался выше 21,0. Это значительно выше коэффициента в целом по стране, где он колебался в пределах 15–17. В 1989 г. произошло его резкое падение до 18,5, в 1990 г. – до 16,6, а в 1993 г. он достиг минимума – 10,9[445]. В целом для демографического перехода в ХМАО был характерен высокий коэффициент рождаемости, что обусловливалось преобладанием молодежи среди населения.

Рост населения в ХМАО непременно приводил к увеличению ежегодного числа умерших. В 1960–1971 гг. число умерших выросло с 1048 до 2027 чел. Несмотря на это увеличение, урбанизация округа способствовала уменьшению уровня смертности. В 1955 г. коэффициент смертности составлял 11,5 умерших на 1000 чел., в 1960 г. – 8, а в конце 1960-х гг. упал до 7. В 1977 г. число умерших выросло до 3101, а коэффициент сократился до 6,5. В 1980 г. в округе умер уже 4181 чел., коэффициент же снизился до 6,3. В городах ХМАО также увеличивалось число умерших. Несмотря на значительный рост населения в городах нефтяников, в 1960-х гг. лидерство по числу умерших продолжало оставаться у Ханты-Мансийска. В 1970-х гг. наибольший этот показатель был у Сургута и Нижневартовска (приложение 23).

---

[444] Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 2: 1980 – 1990 гг. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 46.

[445] Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1986 – 1990 годы : стат. сб. – Тюмень, 1991. – С. 15, 25; Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1989 - 1994 годы (Ст. сб.). – Тюмень, 1995. – С. 17; Естественное движение и миграция населения области. 1980 – 1984 // Культура, здравоохранение и население : стат. сб. – Тюмень, 1985 . – С. 24–27.

В 1965–1977 гг. среди городов ХМАО самые высокие темпы снижения коэффициента смертности были в Сургуте – с 7–9 до 4,9 умерших на 1000 чел. Наименьший же коэффициент смертности был в Урае (2–4 на 1000 чел.) и Нефтеюганске (4–6 на 1000 чел.). В середине 1970-х гг. в Нижневартовске коэффициент смертности держался в пределах 5–6 на 1000 чел. Наибольший уровень смертности был в Ханты-Мансийске – 7–10 умерших на 1000 чел.

Ежегодное число умерших в ХМАО росло вплоть до 1984 г., когда был отмечен его максимум – 5208 (среди горожан – 4005). В 1985–1986 гг. случился спад числа умерших до 4862 и 4242. В это время также фиксировался спад рождаемости, что было связано с реализацией новой системы группового расселения в нефтегазовом комплексе. В 1987 г. вновь последовал рост смертности: в 1990 г. она достигла 5354 умерших (4486 – среди горожан), а в 1994 г. – 9937 (в городе – 8642). В 1980-х гг. ни в одном городе округа число умерших не превышало 1000 чел. В 1990-х гг. число смертей в городах резко увеличилось[446].

Благодаря тому, что темпы роста населения превышали темпы роста количества умерших, коэффициент смертности в ХМАО падал. В 1980–1981 гг. он составлял 6,0–6,4 умерших на 1000 чел., в 1982–1985 гг. – 5,5–5,7, а в 1986–1989 гг. упал до 3,7–3,9. Минимальный коэффициент наблюдался в 1987 г. – 3,7 умерших на 1000 чел., после чего он стал расти. Среди городского населения самый низкий уровень смертности был в 1986–1988 гг., когда он составлял 3,4 умерших на 1000 чел., в то же время в России и Западной Сибири этот коэффициент равнялся 8,5–11,5. Все это свидетельствовало о завершении демографического перехода в ХМАО. Наивысший уровень смертности в

[446] Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1989 – 1994 годы : стат. сб. – Тюмень, 1995. – С. 22–23; Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1986 – 1990 годы : ст. сб. – Тюмень, 1991. – С. 20–21; Естественное движение и миграция населения области. 1980 – 1984 // Культура, здравоохранение и население : стат. сб. – Тюмень, 1985 . – С. 8–11.

городах ХМАО наблюдался в 1994–1995 гг., когда он был 7,3 умерших на 1000 чел.[447]

В целом высокую рождаемость и низкую смертность в городах ХМАО в 1960–1980-х гг. объясняло то обстоятельство, что в районы нефтегазодобычи приезжала в основном молодежь, из которой формировалось население. Высокий естественный прирост и рождаемость и низкая смертность стали особенностью демографического перехода в ХМАО.

Демографический рост в округе значительно изменил показатели процессов брачности и разводимости. В 1960-х гг. в ХМАО выросло более чем в два раза ежегодное число зарегистрированных браков: в 1960-м г. их было 1501, а в 1971 г. стало 3162. В 1970-х гг. число заключаемых браков неизменно росло, в 1977 г. их стало 5674. В 1970-х гг. наибольший коэффициент брачности был в Нефтеюганске – 14–15 браков на 1000 чел. Самым незначительным он был в Урае (9–12) и Ханты-Мансийске (9–11). В целом по округу коэффициент брачности составил 10–12 браков на 1000 чел.[448].

В 1980–1987 гг. в ХМАО увеличивалось число зарегистрированных браков: с 7377 до 13822 (среди горожан с 5879 до 12449). Среди городов наибольшее число браков заключалось в Сургуте (пик в 1987 г. – 2700), Нижневартовске (в 1989 г. – 2595), Нефтеюганске (в 1987 г. – 1119), Нягани (в 1988 г. – 582). После 1987 г. все меньше людей стали заключать браки, их количество падало. В 1992 г. было зарегистрировано 9237 браков (среди горожан – 8432), в 1993–1999 гг. количество браков в ХМАО не превышало 10,5–11,4 тыс., кроме 1996 г., когда произошло их снижение до 9656.

В 1980–1983 гг. коэффициент брачности держался примерно на одном уровне – 11,4–12,0 (среди городского населения он был 11,3–11,6). В 1984–1985 гг. случилось небольшое его снижение до 10,8 (в городе – 10,6), в 1986–1987 гг. вновь наблюдался рост коэффициента до 11,2–11,7 (в городе – 11,2–11,8), а

---

[447] Города Тюменской области. – Тюмень, 1996. – С. 16–17; Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1986 – 1990 годы : стат. сб. – Тюмень, 1991. – С. 15, 25; Естественное движение и миграция населения области. 1980 – 1984 // Культура, здравоохранение и население : стат. сб. – Тюмень, 1985 . – С. 28–31.

[448] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 109. Л. 129–130, 325.

затем снова началось его уменьшение: в 1990 г. – 9,6 (в городе – 9,7), в 1992 г. – 7,3. В 1993–1999 гг. коэффициент брачности колебался от 7,4 до 8,7. В середине 1990-х гг. в городах ХМАО он держался в районе 6,0–10,0. В целом коэффициент брачности в ХМАО был на два пункта выше, чем в целом в Западной Сибири и России, где он с 1959 до 1989 г. сократился с 12,2 до 9,4[449].

Наряду с ростом браков в округе постоянно возрастало ежегодное количество разводов. В 1970–1977 гг. число разводов увеличилось почти в три раза: с 942 до 2661. В 1975–1977-х гг. самый высокий коэффициент разводимости был в Урае (505–688 разводов на 1000 браков) и Нижневартовске (590–600 разводов на 1000 браков)[450]. В 1970 г. в округе число разводов на 1000 чел. составляло 3,4, а в 1975 г. – 4,7. В течение 1980-х гг. ежегодно среди городского населения ХМАО росло число зарегистрированных разводов: в 1980 г. их было 2758, а в 1990 г. – 6569 (среди всего населения округа – с 3208 до 7065 в 1989 г.; в 1990 г. число разводов сократилось до 7014). В 1990-х гг. последовал рост числа разводов среди всего населения ХМАО: он колебался от низшего показателя в 1992 г. (7464) до высшего в 1997 г. (9067)[451].

До середины 1980-х г. коэффициент разводимости в ХМАО незначительно сокращался: с 5,0 в 1980 г. до 4,8 в 1984 г. (в городе – с 5,4 до 4,9; в селе он, наоборот, возрастал – с 3,4 до 4,6). В 1987 г. последовал резкий рост уровня разводимости до 5,8 (в городе – до 5,9). Среди недавно образованных городов нефтяников ХМАО наибольший уровень разводов наблюдался в Пыть-Яхе (1987 г. – 8,6) и Мегионе (в 1987 г. – 8,0). В базовых городах Сургуте и Нижневартовске этот коэффициент колебался при небольшом возрастании в пределах 4,5–6,5. После 1987 г. в ХМАО последовало небольшое понижение коэффициента до 5,5. В начале 1990-х гг. разводимость

---

[449] Население Западной Сибири в XX веке. – Новосибирск : Издательство СО РАН, 1997. – С. 62.

[450] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 109. Л. 132–133.

[451] Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1986 – 1990 годы : стат. сб. – Тюмень, 1991. – С. 80–81; Естественное движение и миграция населения области. 1980 – 1984 // Культура, здравоохранение и население : стат. сб. – Тюмень, 1985. – С. 52–55; Статистический ежегодник (1990–2010) : стат. сб. в 4-х ч. Ч. II (I) : Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. – Тюмень, 2011. – С. 107.

вновь повысилась до 6,1 в 1993 г. (в городе – до 6,3). В 1990-х гг. наивысший уровень разводов наблюдался в 1994 и 1997 гг., когда он составлял 6,8[452]. Коэффициент разводимости в ХМАО на протяжении 1960–1980-х гг. был выше, чем в Западной Сибири и России, где за этот период он увеличился с 1,4 до 3,9. Высокий уровень разводимости в ХМАО был следствием перехода урбанизации региона от экстенсивной к интенсивной стадии, неустойчивых семейных связей при высокой миграции и, возможно, более свободного, «городского», взгляда на брачные отношения, характерного для территорий с совершившимся демографическим переходом. Итак, основной тенденцией динамики брачности и разводимости в период 1960 – конца 1980-х гг. выступал рост числа зарегистрированных браков и разводов при стабильном коэффициенте брачности (10–12) и разводимости (3,4–5,0). Брачность и разводимость при этом были выше, чем в Западной Сибири и России в целом. Только в конце 1980-х гг. эта тенденция сменилась резким снижением брачности и ростом разводимости, что указывало на демографическую дестабилизацию.

Таким образом, урбанизация ХМАО характеризовалось высокой ролью миграционных процессов при формировании городского населения. На долю механического прироста приходилось 80% от всего прироста населения округа. Коэффициенты миграции в ХМАО были самыми высокими в стране, ее главной особенностью также стало преобладание среди пребывающего населения переселенцев из городов, а не из деревень. Естественное движение населения отличалось сокращением доли естественного прироста на начальных этапах нефтегазового освоения Западной Сибири и повышением этой доли в 1980-х гг., когда в городах округа сформировалось устойчивое постоянное население. В период 1960–1980-х гг. в округе произошел демографический переход, который являлся частью урбанизации. Отличительными чертами

[452] Города Тюменской области. – Тюмень, 1996. – С. 19; Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. – Москва, 1994. – С. 106, 116; Естественное движение и миграция населения Тюменской области за 1986 – 1990 годы : стат. сб. – Тюмень, 1991. – С. 85–86; Естественное движение и миграция населения области. 1980 – 1984 // Культура, здравоохранение и население : стат. сб. – Тюмень, 1985. – С. 61–65.

демографического перехода явились показатели рождаемости, брачности и разводимости, которые были выше, чем в России и Западной Сибири. При этом смертность в округе была почти в два раза ниже, чем в стране. Все эти особенности объяснялись тем, что в возрастной структуре населения преобладала молодежь. Совершившийся демографический переход и увеличение доли естественного прироста населения обозначили переход к интенсивной стадии урбанизации.

4.3. Трансформация состава городского населения

В урбанизационном процессе велика роль социально-демографического состава населения, изменение которого является качественным показателем развития городского общества. В период урбанизации структура населения всегда трансформируется в сторону дифференцированности. Чем больше город, тем сложнее и разнообразнее становится его население. Разделение горожан происходит по социальным, доходным, этническим, образовательным, половозрастным признакам. Рост городов в ХМАО в 1960-х – начале 1990-х гг. существенно влиял на структуру населения региона. Проследим основные трансформации, т. е. преобразования и перемены, в составе населения округа в процессе урбанизации.

К экономическим факторам урбанизации относятся трансформации в структуре занятости населения. Развитие городов ведет к переменам в отраслевом и территориальном развитии экономики, что свою очередь воздействует на занятость. В ХМАО с началом промышленного освоения произошло скапливание людей в промышленном производстве и уменьшение количества занятых в сельском хозяйстве (приложение 11)[453]. В 1959–1965 гг. началось резкое сокращение, почти в три раза, доли занятых сельским хозяйством: с 14,8 до 5,5%. Отказ от этой области экономики означал, что в округе были запущены механизмы перехода от традиционного к

[453] Все последующие расчеты приведены по данным таблиц из приложений 11–18.

индустриально-урбанистическому обществу и последовала урбанизация. В 1985 г. доля занятых в сельском хозяйстве составляла 1,4% от всего занятого населения округа.

Падение значимости сельского хозяйства в экономике округа в период зарождения урбанизации в начале 1960-х гг. происходило одновременно с процессом уменьшения доли занятых в промышленности. Казалось, что с нефтегазовым освоением доля работающих в промышленности должна была увеличиться. Однако наоборот, последовал спад: с 37,3% в 1959 г. до 31,5% в 1965 г. Доля занятых в промышленном производстве уменьшалась и дальше вплоть до 1980 г., когда она, сократившись в два раза, остановилась на 18,2%. В начале 1980-х гг. удельных вес промышленности стабилизировался и практически оставался на одном уровне – 17–18%. Окончание спада уровня промышленности в 1980-х гг. было обусловлено тем, что последовал новый этап нефтегазового освоения региона, который требовал привлечения рабочей силы в больших объемах. Переход к рыночной экономике незначительно увеличил долю занятых в промышленности – до 21,2%. Таким образом, в процессе урбанизации ХМАО проявилась важнейшая тенденция городского развития, а именно сокращение представительности промышленности в структуре занятости населения.

За счет уменьшения долей промышленности и сельского хозяйства на начальном этапе урбанизации выросла доля строительства и транспорта. Нефтегазовое освоение повлекло за собой возведение населенных пунктов для расселения рабочих и объектов производства, что дало толчок развитию строительства и росту числа рабочих, занятых в строительных отраслях. В 1959 – 1965 гг. доля занятых в строительстве выросла более чем в 4,5 раза: с 3,9 до 18,1%. Занятость в строительстве достигла пика (33,6–33,7%) в первой половине 1980-х гг., когда началась реализация групповой системы расселения. В конце 1980-х гг. в связи с системным кризисом многие стройки нефтяного края были заброшены, из-за чего доля занятости в строительстве в ХМАО упала до 23%. Кроме строительства, получила развитие важнейшая вспомогательная

отрасль промышленности – транспорт. В течение 1960–1980-х гг. доля занятых в транспортном обслуживании выросла в 5 раз – с 3,6% в 1965 г. до 17,7% в 1989 г.

Формирование городской системы расселения в начале 1960-х гг. способствовало развитию торговли и общественного питания, доля которых в структуре занятости населения округа выросла с 7,6% в 1959 г. до 11,8% в 1965 г. Впоследствии эта доля сокращалась (в 1989 г. она достигала минимума – 7,2%). Объяснялось это тем, что в развитии округа сложились сильные диспропорции в сторону сфер производства, в то время как социальная среда оставалась в значительной степени неразвитой.

Малоразвитость социокультурной сферы являлась особенностью урбанизации ХМАО. Доля работающих в отраслях материального производства в ХМАО была существенно больше, чем в целом в РСФСР. Перепись населения 1979 г. зафиксировала, что эта доля в округе составила 81,1%, а в стране – 73,8%. Через десять лет в 1989 г. ситуация в ХМАО практически не изменились: 81,3% – в производственных отраслях, 18,4% – в непроизводственных. Одновременно с этим в РСФСР непроизводственный сектор вырос до 29,2%, а производственный уменьшился до 70,4%[454]. Урбанизация и рост городов должны были способствовать росту социокультурного сектора в структуре занятости. Однако на протяжении 1960 – первой половины 1980-х гг. доля этого сектора либо сокращалась, либо оставалось на одном уровне. По большей части это свидетельствовало об экстенсивной урбанизации. На содержательном уровне урбанизация ХМАО стала меняться с середины 1980-х гг. Тогда получили распространение отрасли обслуживания и социокультурная сфера, в значительной степени зависящие от развития городского образа жизни и потребительского поведения. В 1985–1989 гг. в структуре занятости вырос удельный вес ЖКХ и бытового обслуживания, здравоохранения и социального обеспечения, образования, культуры и

[454] Сенявский А. С. Российский город в 1960–1980-е годы. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1995. – С. 228.

искусства, науки и научного обслуживания. Появились работающие в информационно-вычислительной сфере. В 1990-х гг. все эти сферы человеческой деятельности (кроме науки) даже упрочили свои позиции, это произошло за счет спада занятости в строительстве, торговле и общественном питании.

В городах ХМАО доля отраслей промышленности и сельского хозяйства была значительно меньше, чем в целом среди занятого населения округа. В 1959 г. в единственном городе округа – Ханты-Мансийске – население было занято в основном в промышленности (34,0%), строительстве (6,2%), здравоохранении (6,5%), просвещении (14,3%). Только в нем сельское хозяйство играло важную роль – доля занятости была 4,3%[455]. В 1970 г. среди всего городского населения доля занятых в промышленности составляла всего 23,9%, а в сельском и лесном хозяйстве – 1,8%. Значительными были доли занятых в строительстве (23,7%) и транспорте и связи (15,5%), но они были меньше, чем для всего занятого населения ХМАО. Доля занятых в непроизводственных отраслях в горпоселениях округа составляла 19,9%. В 1979 г. городское занятое население округа было сосредоточено в основном в отраслях материального производства – 81% (283,4 тыс. чел.), в том числе в промышленности – 22,8% (64659 тыс. чел), что было на один процент меньше доли занятых в промышленности от всего занятого населения округа. Доля занятых в нефтедобывающей отрасли составляла 9,3% от всей занятости и 40,8% – от занятых в промышленности (26,4 тыс. чел.), а занятых в лесной промышленности – 5,7% и 25,2% (16,3 тыс. чел.). Доля занятых в непроизводственных отраслях в городах была почти такой же, как в структуре всего занятого населения – 18,7%[456].

В середине 1980-х гг. производственный сектор в нефтяных городах Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске и Мегионе держался в пределах 70–75%. В Урае он был чуть меньше – 65%. Доля занятых в промышленности

---

[455] Народное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области за шесть лет семилетки (1959 – 1964 гг.). – Тюмень, 1965. – С. 17.
[456] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 43. Л. 13; Там же. Д. 135. Л. 3–9, 23–28.

составляла 11–18% (наибольшей она была в Нижневартовске – 18%), в строительстве – 32–44%, транспорте 15–19%. Удельный вес занятых в нефтедобыче был 4–15% (максимальной она была в Урае – 15,7% и Нижневартовске – 14,7%). Доля занятых в непроизводственных отраслях незначительно подросла – до 24–29%. Самой существенной она была в Нефтеюганске и Нижневартовске – 29%. В 1985 г. в Ханты-Мансийске доля занятых в производственных отраслях был на уровне – 52%, а в секторе обслуживания – 43%. В молодых городах нефтяников Радужном, Лангепасе и Когалыме, созданных в 1985 г., удельный вес занятых в производственных отраслях был очень высоким – 78–83%. Только в Нягане эта доля была меньше – 70%. Промышленность городов Радужного, Лангепаса и Когалыма состояла только из нефтедобычи. Промышленность Нягани включала, кроме нефтедобычи, и лесную отрасль. Доля занятых в нефтедобыче составляла 8,0–28,7% (наибольшей она была в Лангепасе – 28,7%, наименьшей – в Нягане – 8,0%), в строительстве – 35–50%, транспорте – 13–31%. Доля непроизводственной сферы занятости была 16–30%. Значительный удельный вес занятых в обслуживании был в Нягани – 30% и Радужном – 22%[457].

Несмотря на постоянное колебание – рост или снижение – долей различных отраслей в структуре занятости населения, абсолютные величины занятого населения постоянно росли на протяжении 1959–1989 гг. (приложение 12). Численность занятых увеличилась в 13 раз (приложение 12). Наибольшие темпы роста по числу работающих были в материально-техническом снабжении и сбыте (в 345 раз), строительстве (в 104 раза), ЖКХ и бытовом обслуживании (в 45 раз), транспорте (в 36 раз), культуре и искусстве (28 раз), кредитовании и страховании (в 20 раз). В период 1970–1989-х гг. самые большие темпы роста были в транспорте (в 11 раз), строительстве (в 8 раз), заготовках (в 7 раз), просвещении (в 5 раз).

В целом на первом этапе процесса урбанизации ХМАО наиболее заметными сдвигами в отраслевой структуре занятости населения были

[457] Рассчитано поданным: ГАХМАО. Ф. 6. О. 1. Д. 579. Л. 3–4.

увеличение доли занятости в строительстве и транспорте и уменьшение в промышленности, отказ от сельского хозяйства как одного из главных секторов экономики. Другой важной тенденцией было отсутствие роста занятости отраслей обслуживания и социокультурной сферы вплоть до середины 1980-х гг., лишь затем последовало увеличение занятости в непроизводственных отраслях.

Изменение занятости вследствие урбанизации региона вело к преобразованиям в социальной структуре населения городов ХМАО. До периода нефтегазового освоения, в 1959 г. больше половины населения ХМАО было рабочим (57,3%). Значительная часть жителей были колхозниками (21,3%), что превышало республиканский и общесоюзный показатели. Чуть меньше была доля служащих (21,3%). К прочим (кустарям или занятым индивидуально-трудовой деятельностью) и не указавшим общественную группу относилось 0,3% населения округа. Среди горожан ХМАО наблюдалось другое соотношение: доли рабочих (65,0%) и служащих (31,2%) были выше, и более чем в пять раз было меньше колхозников (3,7%). Промышленное освоение и появление нефтяных городов в 1960-х гг. привели к тому, что в 1970 г. доля рабочих среди всего населения ХМАО выросла в 1,3 раза и составила – 74,1% (200516 чел.). Доля рабочих выросла за счет колхозников, удельный вес которых заметно сократился – до 2,1% (5789 чел.). Доля служащих увеличилась не сильно – до 23,7% (64276 чел.). Внутри городского населения изменения были более показательны: выросла доля рабочих, однако в городах она была меньше, чем среди всего населения, – 71,5% (121464 чел.). В то же время доля служащих была больше – 27,9% (47389 чел.), а часть колхозников стала совсем ничтожной – 0,6% (1058 чел.)[458]. Эти цифры говорили о том, что в 1960-х гг. в ХМАО совершался первый экстенсивный этап урбанизации, при котором приумножалось число рабочих и нивелировалось количество колхозников. По удельному весу рабочих и служащих в обшей массе населения округ намного превысил республиканский

[458] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 43. Л. 3; Оп. 6. Д. 27. Л. 5 об.; Оп. 6. Д. 28. Л. 9–10.

и общесоюзный уровни. Перепись населения 1979 г. зафиксировала, что доля служащих выросла до 26% (147697 чел.) за счет веса рабочих, который уменьшился до 73% (417930 чел.), что свидетельствовало о постепенной интенсификации процессов урбанизации в ХМАО. Доля колхозников чуть возросла – до 0,9% (5077 чел.). В городе наблюдались аналогичные тенденции: стабильная доля рабочих – 71% (317807 чел.), рост служащих до 28,5% (126750 чел.), и отсутствие роста удельного веса колхозников – 0,5% (1451 чел.)[459]. Перепись населения 1989 г. показала, что среди всего населения ХМАО доля служащих вновь выросла и составила 30,3% (388237 чел.), а доли рабочих (69,3%; 888248 чел.) и колхозников (0,4%; 5380 чел.) сократились. Среди городского населения удельный вес служащих также вырос – до 31,3% (365115 чел.), а доля рабочих (68,4%; 798158 чел.) и колхозников (0,4%; 2589 чел.) уменьшилась[460]. Постоянный рост доли служащих являлся важным показателем перехода урбанизации ХМАО от экстенсивной к интенсивной стадии.

Расширение социокультурной среды городов вследствие урбанизации приводит к увеличению образовательного уровня городского населения. В 1959–1979-х гг. неизменно рос уровень образованности населения ХМАО. В абсолютных величинах рост численности образованного населения в возрасте 10 лет и старше произошел на всех уровнях образования (приложение 13). Среди горожан темпы роста числа жителей, имеющих образование, были выше, чем у всего населения округа. Горожан с высшим образованием стало в 45,3 раза больше, с незаконченным высшим – в 9,3 раза, со средним специальным – в 34,9 раза, со средним общим – в 95,5 раза, с неполным средним – в 14,5 раза, с начальным – в 7,0 раз. Незначительно (в 1,6 раза) увеличилась численность горожан, не имеющих начального образования, причиной чего был стремительный рост горожан, при котором сокращение

[459] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 135. Л. 101, 107.

[460] Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным переписи населения 1989 года). Ч. II:. Источники средств существования, общественные группы. – М. : Республик. информ.-издат. центр, 1991. – С. 102–103.

числа людей без образования было невозможно, потому что этот рост повышал и численность детей. В долевом отношении уровень образования городского населения в 1959–1979 гг. вырос в первую очередь посредством повышения в образовательной структуре удельного веса жителей со средним общим, средним специальным и высшим образованием. Не намного выросла доля людей с неполным средним образованием, а удельный вес горожан с начальным образованием и вообще без образования существенно сократился.

В 1959–1970 гг. значительно увечились коэффициенты образованности населения. На 1000 горожан в возрасте 10 лет и старше выросло число человек с высшим образованием (с 24 до 37), со средним специальным (с 74 до 108), со средним общим (с 39 до 112), с неполным средним (с 258 до 327). Уменьшились коэффициенты горожан с незаконченным высшим образованием (с 9 до 7), с начальным (с 332 до 287) и без образования (с 264 до 120). В 1970 г. на 1000 горожан приходилось 590 лиц с высшим, средним (полным и неполным образованием), а в 1979 г. эта цифра выросла до 803 чел. (с высшим – 76 чел., со средним – 727 чел.). В 1989 г. этот коэффициент среди всего населения ХМАО вырос до 939 чел. на 1000 населения (в 1979 г. он составлял 850 чел.)[461].

Эта данные наглядно показали, какие кардинальные изменения произошли в образовательной структуре населения округа, в первую очередь горожан, в начальный период урбанизации. Образованность населения округа стала существенно выше, чем в целом по России. В 1970 г. доля работников с высшим, незаконченным высшим, средним и неполным средним образованием составляла 84%, в то время как по РСФСР – 55%[462].

В 1980-х гг. образовательный потенциал округа продолжал расти. В 1989 г. среди городского населения в возрасте 6 лет и старше высшее образование имели 8,6% горожан (85972 чел.), незаконченное высшее – 0,8% (8315 чел.), среднее специальное – 22,5% (224400 чел.), среднее общее – 32,3%

---

[461] Народное хозяйство Тюменской области за годы десятой пятилетки (1976 – 1980 годы) : стат. сб. – Тюмень, 1981. – С. 361; Население Тюменской области. Всесоюзная перепись населения 1989 г. – Тюмень, 1991. – С. 27.

[462] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. – М. : Статистика, 1976. – С. 94.

(321974 чел.), неполное среднее – 11,9% (118713 чел.), начальное – 12,1% (120529 чел.). Горожан без образования насчитывалось 11,6% (115521 чел.). В 1979–1989 гг. доля горожан с высшим и средним (специальным и общим) образованием увеличилась с 53,8 до 64,2%. Среди городов наибольшая доля жителей с высшим образованием была в Лангепасе (11,1%), с незаконченным высшим – в Нижневартовске (1,0%), со средним специальным – в Ханты-Мансийске (25,8%), со средним общим – в Мамонтово (44,3%), Лянторе (39,6%) и Покачи (39,1%). Наименьшая доля жителей с неполным средним образованием была в Когалыме и Мамонтово (7,3%), а наибольшая – в Ханты-Мансийске (18,5%) и Советском (15,6%). Горожане с начальным образованием имели значительный удельный вес в городах, не связанных с нефтегазовым освоением, – Советском (15,6%) и Ханты-Мансийске (14,8%) и там, где этап активной нефтедобычи завершился, – в Урае (14,7%). Самыми «необразованными» городами по критерию наибольшей доли жителей без начального образования были Советский (13,0%), Урай (12,8%) и Мамонтово (12,5%). В целом к концу 1980-х гг. наиболее «образованными» населенными пунктами в ХМАО были молодые нефтяные города: Лангепас, Покачи, Радужный, Нягань, Когалым, Пыть-Ях – Мамонтово, Лянтор. В них доля горожан с высшим и средним (специальным и общим) образованием была самой большой – 66–72%. Наиболее «образованными» городами округа были Лянтор (72,2%) и Когалым (71,0%). В крупных базовых городах Сургуте, Нижневартовске и Нефтеюганске жителей с высшим и средним образованием было меньше – 65%. Из городов нефтяников эта доля была низкой только в Урае – 58,5%. В других городских поселениях удельный вес жителей с высшим и средним образованием также был незначительным: в Белоярском – 64,8%, Комсомольском – 60,8%, Советском – 55,7%, Ханты-Мансийске – 55,4%[463]. Эти города объединяло то, что они не были связаны с нефтедобывающей промышленностью. Таким образом, население ХМАО в период нефтегазового освоения имело высокий уровень образованности, значительно больший, чем в

[463] Рассчитано по данным: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 195. Л. 7–397.

целом по России. Еще выше этот уровень был в нефтяных городах округа. Горожане округа в 1960–1980-х гг. постоянно увеличивали свой образовательный потенциал.

С самого начала нефтегазового освоения ХМАО выступил своего рода магнитом, «притягивающим» население из многих регионов страны различной этнической принадлежности. Развитие нефтедобывающей промышленности и как следствие бурный рост населения поменяли соотношение долей в национальной структуре округа (приложение 14). В абсолютных показателях практически во всех этносах наблюдался рост населения. В 1959–1989 гг. среди основных национальностей наибольшие темпы роста были у башкир (их количество выросло в 342 раза), мордвы (в 56 раз), чувашей (в 48 раз), украинцев (в 33 раза) и татар (в 33 раза). В абсолютных показателях только численность коренных народов округа – ханты и манси – уменьшилась, поскольку они продолжали жить в традиционном обществе и не были аннексированы урбанизацией.

Основной тенденцией в динамике национальной структуры городского населения ХМАО было усиление полиэтничности. Дифференциация населения происходила посредством снижения доли русских (с 84,1% в 1959 г. до 66,3% в 1989 г.) и увеличения удельного веса других народов, в первую очередь украинцев, татар, башкир, белорусов, чувашей, азербайджанцев и молдаван (приложение 15). Процент русских среди горожан ХМАО был низким, по сравнению с другими районами Западной Сибири и РФСФСР[464]. В 1959 – 1989 гг. постоянно уменьшалась доля коренных народностей в этническом составе городских поселений округа (с 3,5 до 0,6%).

В 1959–1970 гг. вторыми по численности после русских в городах округа были татары (3,4% в 1959 г. и 6,3% в 1970 г.). Далее шли украинцы (2,9% в 1959 г. и 4,0% в 1970 г.). В 1979–1989 гг. место татар заняли украинцы (8,4% в 1979 г. и 11,9% в 1989 г.). Татары переместились на третье место (7,1% в 1979 г.

[464] Карпунина И. Б., Мелентьева А. П. Русские в Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: основные демографические тенденции // Русский этнос Сибири в XX веке : сб. науч. тр. – Новосибирск, 2004. – С. 40–41.

и 7,9% в 1989 г.). Высокий уровень полиэтничности показывал удельный вес других неосновных национальностей округа, который в 1959–1989 гг. вырос с 1,1 до 2,9%. В 1989 г. также значительными были доли башкир (2,6%), белорусов (2,2%), чувашей (1,1%) и азербайджанцев (1,1%). В 1980-х гг. заметно увеличилось количество представителей народностей, которые приезжали возводить города от строительных организаций советских республик, – узбеков (1948 чел.), литовцев (1052 чел.), латышей (424 чел.), эстонцев (237 чел.). Среди национальностей, чья родина находилась за пределами Советского Союза, в 1989 г. в городском населении округа имели наибольшее представительство: немцы (8137 чел.), поляки (1804 чел.), греки (1099 чел.), болгары (431), корейцы (416 чел.).

До нефтегазового освоения русские преобладали в городских поселениях округа. В 1959 г. в Сургуте титульная нация России составляла 89,1% (5373 чел.) от всего населения, в Ханты-Мансийске – 84,4 (17446 чел.), а в Березово – 78,9% (5328 чел.)[465]. В период нефтегазового освоения города нефтяников стали настоящими «плавильными котлами» народов, проживающих в СССР, а доля русских в них имела тенденцию к сокращению. Только в Урае, куда прекратились большие потоки мигрантов в связи с падением нефтедобычи, был наибольший процент русских – 80,5 (17312 чел.) в 1979 г. Самая низкая доля русских была в Нижневартовске – 71,6% (78400 чел.), но именно в центре Самотлора в 1970-х гг. ярче всего проявилось этническое многообразие. В 1979 г. наиболее значительный удельный вес татар был в Нефтеюганске (10,3%; 5418 чел.), украинцев – в Сургуте (9,8%; 10499 чел.), башкир – в Нижневартовске (2,5%; 2699 чел.), белорусов – в Сургуте (1,7%; 1829 чел.), чувашей – в Нефтеюганске (1,2%; 610 чел.), мордвы – в Нижневартовске (0,9%; 960 чел.). Доля коренных народов в нефтяных городах была ничтожной – 0,1–0,2%, кроме Урая, где процент манси достигал 0,6% (140 чел.)[466].

---

[465] Рассчитано по данным: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 9. Л. 100, 103,121.
[466] Рассчитано по данным: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 142. Л. 60–114.

В конце 1980-х гг. национальная структура населения в базовых городах Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске и Мегионе была следующей: доля русских – 64,8–69,0%, украинцев – 9,8–13,7, татар – 5,5–11,3, башкир – 1,6–3,7, белорусов – 1,3–2,1, чувашей – 1,0–1,4, азербайджанцев – до 1,2, молдаван – до 1,1%. Доля русских в Урае также сократилась до 76,9%. Главный вывод из этого заключался в том, что представительность русских в городах округа сократилась, а остальных народностей – увеличилась. В молодых городах Лангепасе, Радужном, Когалыме, Покачи, Лянторе, Мамонтово доля русских лишь незначительно превышала половину – 49,4–56,8%. В них же был высокий процент украинцев – 11,2–18,6% и татар – 8,0–11,0%. Чем больше города нефтяников были связаны с нефтедобычей, тем ниже в них была доля русских. Об этом говорят данные по удельному весу русских в городах, связанных с газотранспортировкой – Белоярском (67,8%), Комсомольском (75,0%), с лесной отраслью – Советском (76,1%). Наибольшие доли основных этносов были в городах: русских – в Ханты-Мансийске (82,3%; 29218 чел.), украинцев – в Лянторе (18,6%; 4162 чел.), татар – в Нефтеюганске (11,3%; 1248 чел.), башкир – в Мегионе (3,7%; 1497 чел.), белорусов – в Лангепасе (17,1%; 4432 чел.)[467].

Таким образом, городское население округа было этнически разнообразным. Основными этносами выступали русские, украинцы, татары, белорусы и башкиры. Доля русских в нефтяных городах округа неизменно уменьшалась, а удельный вес других этносов повышался. В абсолютных величинах почти все этносы преумножали свое представительство в округе.

В 1960–1980-х гг. в значительной степени изменился возрастной состав населения округа. В отрасли нефтедобычи прибывали рабочие кадры, находившиеся главным образом в молодом возрасте. По этой причине население округа существенно омолодилось, а в возрастной структуре сильно увеличила свой удельный вес группа трудоспособного населения (16–59 лет среди мужчин, 16–54 лет – среди женщин). Темпы роста трудоспособного

[467] Рассчитано по данным: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 188. Л. 19–24.

населения в городах были выше темпов роста всего городского населения. Более того, особенностью урбанизации региона было перераспределение населения в трудоспособном возрасте в пользу городов, а не сельской местности, как это было до нефтегазового освоения[468]. В городских поселениях ХМАО доля трудоспособного населения в 1959–1979 гг. неизменно возрастала: с 58,8 до 68,4% (приложение 16). В городах нефтяников доля трудоспособного населения также росла, но она была еще выше. В 1970–1979 гг. она выросла в Сургуте с 67,0 до 70,4%, Нижневартовске – с 65,5 до 70,3%, Нефтеюганске – с 64,3 до 69,4%, Урае – с 61,2 до 64,8%, Мегионе – с 60,8 до 69,4%. Поскольку миграционные потоки в Урай значительно сократились, доля трудоспособных жителей в этом городе была меньше, чем в других городах нефтяников – 61,2% в 1970 г. и 64,8% в 1979 г. В Ханты-Мансийске эта доля также была меньше – 59,3% в 1970 г. и 64,0% в 1979 г.[469] В 1959–1979 гг. сокращались доли городского населения в возрасте 0–15 лет с 33,5 до 28,5% и старше трудоспособного возраста – с 8,1 до 13,4%. В городах нефтяников доля населения старше трудоспособного возраста была ничтожной: в 1979 г. в Сургуте она составляла 2,6%, в Нижневартовске, Нефтеюганске и Мегионе – 1,6–1,9%. В Урае и Ханты-Мансийске она была выше – 3,5 и 8,8% соответственно. Населения в возрасте 0–15 лет в нефтяных городах было 27,0–28,9% в 1979 г. В 1980-х гг. в городах ХМАО также наблюдалась стабилизация естественного движения населения, что в свою очередь привело к уменьшению доли жителей в трудоспособном возрасте (до 63,4%) и приумножению удельного веса населения в возрасте 0–15 лет (до 33,1%) и старшего возраста (до 3,5%). В 1990-х гг. доля трудоспособных жителей вновь повысилась. В 1999 г. она составляла 68,4% (847 тыс. чел.). Увеличился и удельный вес людей

---

[468] Зайцева А. Н. Социалистический закон народонаселения: региональный аспект. – Томск, 1989. – С. 142–143.

[469] Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в Тюменской области: стат. сб. – Тюмень, 1983. – С. 27–28.

старшего поколения до 5,8% (72,2 тыс. чел.). Доля же населения в возрасте 0–15 лет уменьшилась до 25,8% (318,6 тыс.)[470].

Молодежь составляла основу городского населения округа. В 1959–1989 гг. доля населения в возрасте 18–34 лет колебалась в пределах 32,7–39,5%: в 1959 г. – 34,0%, в 1970 г. – 32,7%, в 1979 г. – 39,5%, в 1989 г. – 36,2%. Средний возраст населения в округе был невероятно молодым – всего 26 лет: в 1979 г. – 26,3 лет (среди мужчин – 26,0; женщин – 26,6 лет); в 1989 г. – 26,0 лет (среди мужчин – 25,6; женщин – 26,4 лет). В 1979 г. средний возраст в базовых городах нефтяников составлял: в Сургуте – 26,3 лет, Нижневартовске – 25,5, Нефтеюганске – 25,5, Урае – 26,2 лет[471].

В Западной Сибири средний возраст был выше – 30 лет. В 1989 г. самыми молодыми населенными пунктами в ХМАО были города нефтяников, созданные в 1980-х гг.: Мамонтово (средний возраст – 22,9 лет), Покачи (23,3), Когалым (24,3), Радужный (24,4 лет), Пыть-Ях (24,4). В базовых городах средний возраст был чуть выше: в Сургуте – 26,4 лет, Нижневартовске – 25,8, Нефтеюганске – 26,1, Урае – 27,3 лет. Самый большой средний возраст в округе был в Ханты-Мансийске (30,3 лет), Березово (29,5), Советском (27,7 лет)[472].

Население округа было намного моложе, чем в целом в стране. Удельный вес трудоспособного возраста в составе населения ХМАО был выше доли трудоспособного населения по РСФСР, Западной Сибири и Тюменской области. В 1979 г. в ХМАО он был 67,5%, а в 1989 г. – 63,3%. Меньше были эти показатели в РСФСР – 60,4 и 56,9%, в Западной Сибири – 61,7 и 57,6%, в Тюменской области – 63,3 и 61,0%. Поистине уникальная ситуация сложилась с населением старших возрастов. В 1989 г. удельный вес жителей старше

---

[470] Статистический ежегодник (1990–2010) : стат. сб. в 4 ч. Ч. II (I): Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. – Тюмень, 2011. – С. 92.
[471] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 142. Л. 1.
[472] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 184. Л. 12–280.

трудоспособного возраста составлял в ХМАО 3,5% при среднем показателе по области 8,3%, а по РСФСР –18,5%[473].

В 1960-х гг. кардинальные изменения последовали в половой структуре населения ХМАО (приложение 17). До нефтегазового освоения в округе преобладало женское население. В 1959 г. удельный вес женщин составлял 53,1% от всего населения, а среди горожан эта доля была еще выше – 55,1%. Обширные миграционные потоки для нужд промышленных отраслей, в которых преобладали рабочие кадры мужского пола, привели к быстрому росту мужского населения. За двадцать лет доля женщин сократилась больше чем на 5% и составила 47,8% в 1979 г. Удельный вес мужчин увеличился до 52,2%. В городе мужчин также было больше – 51,9%.

В 1959 г. женщины преобладали в городских поселениях ХМАО. Мужчины составляли всего 44% в Ханты-Мансийске и 45% в Сургуте. В 1970 г. процент мужчин вырос до 54% и стал самым крупным в ХМАО, в других городах он был 52%. Исключение составлял Урай (доля мужчин была 49%). Маленький процент мужчин оставался в Ханты-Мансийске – 45. В 1979 г. лидерами по удельному весу мужского населения были Нижневартовск (53,4%) и Нефтеюганск (53,3%)[474].

Высокий удельный вес лиц молодого возраста, преимущественно мужчин, вел к нарушению нормального половозрастного состава населения в регионе[475]. В 1959 г. в городском населении ХМАО в трудоспособном возрасте было существенное преобладание женщин – 55,6%. В период промышленного развития и урбанизации это соотношение перешло в пользу мужского пола. В 1979 г. удельный вес мужчин в трудоспособной возрастной группе увеличился до 54,0%. Доля женщин упала до 46%. Во всем трудоспособном населении доля мужчин также выросла (46,8 до 54,6%). В молодежной возрастной группе 20–

---

[473] Долголюк А. А. Кадровые проблемы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940 – 1990-е годы) : сб. науч. тр. – Новосибирск : Институт истории СО РАН, 1992. – С. 99–100.
[474] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 9. Л. 7об–8; Там же. Оп. 11. Д. 142. Л. 1.
[475] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 г.г.). – Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. – С. 63.

34 лет среди горожан удельный вес мужчин был еще выше. В 1959 г. преобладали женщины: 53,1% (5359 чел.) против 46,9% (4733 чел.). В 1970 г. стали доминировать мужчины. Их доля составила 54,1% (30611 чел.), а женщин – 45,9% (25960 чел.). В 1979 г. доля мужчин в возрастной группе 20–34 лет достигла 54,7% (93647 чел.), а женщин уменьшилась до 45,3% (77627 чел.).

В силу того, что многие семьи брали с собой на север родителей и главным образом матерей, и оттого, что среди мужчин средняя продолжительность жизни была меньше, стал увеличиваться удельный вес женщин в группе старше трудоспособного возраста. В 1959 г. в горпоселениях она была 77,0%, а в 1979 г. еще выше – 83,4%. В группе младше трудоспособного возраста соотношение полов в городах на протяжении 1959–1979 гг. держалось на одном уровне: 50,6–50,8% у мужчин и 49,2–49,4% у женщин.

В 1980-х гг. последовала стабилизация половозрастной структуры населения округа. Преобладающая доля мужчин снизилась до 51,2% в 1989 г. среди всего населения и до 51,1% – среди горожан. В 1989 г. самые значительные доли мужского населения были в молодых городах – Лянторе (55,7%), Радужном (53,6%) и Нягани (53,3%). В большинстве городов ХМАО доля мужчин варьировалась в районе 50–52%. Меньше половины населения мужчины составляли в Ханты-Мансийске (49,0%), Урае (49,7%) и Советском (49,6%)[476]. В трудоспособной возрастной группе доля мужчин-горожан также сократилась до 52,9%, а удельный вес женщин увеличился до 47,1%. В группе молодежного возраста 20–34 лет доля мужчин также пошла на убыль – до 52,7% (213252 чел.), а женщин выросла до 47,2% (191010 чел.). О стабилизации свидетельствовало повышение доли мужчин в группе старше трудоспособного возраста на 3,5% (до 20,1%). В группе младше трудоспособного возраста ситуация существенно не изменилась, только чуть вырос удельный вес мужчин – до 50,9%. Трансформации в половозрастной структуре жителей округа в 1980-х гг. указывали на формирование категории постоянного городского

[476] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 184. Л. 9–280.

населения, для которого города нефтедобывающих районов стали несменяемым местом обычного проживания.

Итак, в городских поселениях ХМАО была значительной возрастная и половая диспропорция в пользу лиц трудоспособного или даже молодого возраста и населения мужского пола. Женщины преобладали только в группе пенсионного возраста, удельный вес которой был весьма незначительным. В 1980-х гг. последовало выравнивание половозрастной структуры населения.

Урбанизация затронула и базовую ячейку общества – семью. В процессе трансформации общества из традиционного в индустриальное получила распространение нуклеарная семья, состоящая из двух супругов и их детей. В городском населении ХМАО нуклеарная семья из 2–3 чел. стала преобладать в 1960-х гг. В 1970 г. доля таких семей составляла 53,5%, а в 1979 г. увеличилась до 61,4% (приложение 18). Соответственно уменьшился средний размер семьи – с 3,6 до 3,3 чел. Последовало падение в два раза удельного веса семьей, состоящих из 5 и более человек – с 19,7 до 10,5%. В 1980-х гг. стала наблюдаться обратная устойчивая тенденция увеличения числа семей, которое ежегодно прибавлялось на 7–8 тыс. Семейная структура также изменилась в пользу удельного веса семей из 4 и более человек. В целом на протяжении 1970 – 1980-х гг. доля семей из 4 чел. постоянно приумножалась и в 1989 г. стала доминирующей – 35,1%. В 1980-х гг. представительность семей из 2 и 3 чел. заметно сократилась. Эти тенденции подтверждали тезис, что в 1980-х гг. в городах округа произошла стабилизация естественного движения жителей и формирование постоянного населения. В то же время из-за распространения вахтового метода и по причине преобладания мотива заработать и уехать обратно на «большую землю», в округе была высокой доля населения, живущего отдельно от семьи, и одиноких. Вместе с тем в 1979–1989 гг. удельный вес горожан, проживающих отдельно от семей, уменьшился с 6,0 до 3,5%, а одиночек – с 7,8 до 6,2% от всего городского населения. Совместно с семьями стали проживать 90,3% горожан. В целом городское население ХМАО

перешло на современный тип воспроизводства населения, в основе которого лежала нуклеарная семья из двух супругов и 1–2 детей.

Таким образом, в процессе урбанизации ХМАО существенно изменился социально-демографический состав городского населения. Основными изменениями были: отказ от сельского хозяйства и уменьшение удельного веса промышленности в структуре занятости населения к концу 1980-х гг., рост числа работающих в непроизводственных сферах экономики во второй половине 1980-х гг., увеличение удельного веса служащих, постепенное снижение доли рабочих и нивелирование доли колхозников в социальной структуре, усиление полиэтничности городского общества и снижение удельного веса русского населения, рост образовательного потенциала горожан, превалирование мужского населения над женским, доминирование трудоспособного и молодого населения в возрастной структуре общества, формирование семьи современного типа. В конце 1980-х гг. структура населения городов преимущественно стабилизировалась, но стала значительно дифференцированной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основе советского освоения огромных территорий Сибири лежала программа реализации и развития крупных территориально-производственных комплексов, определявшая возникновение новых городов. В этом отношении не стала исключением история Ханты-Мансийского автономного округа, которая в период 1960-х – начала 1990-х гг. ознаменовалась стремительным развитием промышленности, связанным с открытием и эксплуатацией нефтяных месторождений Западной Сибири. Нефтегазовый комплекс требовал формирования на территории округа системы расселения, которая бы обеспечивала производственные отрасли рабочей силой и человеческим капиталом. Так начиналась урбанизация нефтегазодобывающих районов Западной Сибири и Ханты-Мансийского автономного округа.

До нефтегазового освоения территория ХМАО имела достаточно примитивную урбанизированную структуру. В регионе располагался лишь один город – окружная столица Ханты-Мансийск. Частично городское наследие имелось в Сургуте и Березово, которые до 1926 г. были уездными городами, а в 1950-х гг. получили статус рабочих поселков. В целом урбанизация ХМАО не обладала выраженными историческими предпосылками и условиями, а возникла в большей степени спонтанно.

Это было связано с природно-климатическими условиями округа, которые обусловливали ограничения и возможности урбанизационного развития. Огромные территории, далеко располагавшиеся от индустриальных центров, холодный суровый климат, заболоченность и слабый грунт, отсутствие природного сырья для стройиндустрии были детерминантами неосвоенности значительных пространств и неразвитости городских систем ХМАО. Вместе с тем иные природные условия – разветвленная речная система, обширные леса и, особенно, огромные залежи нефти и газа, найденные в 1950-х – начале 1960-х гг., – открывали возможности для масштабного

освоения региона во второй половине XX в. Все это выступало основными предпосылками урбанизации ХМАО.

Первоначальное нефтегазовое освоение – геологическая разведка и эксплуатация месторождений – и создание вспомогательных отраслей промышленности – строительства, транспорта, энергетики – дали толчок к заселению округа рабочими из различных регионов страны. Следовательно, урбанизация ХМАО была неразрывно связана с индустриализацией, игравшей роль исходного и тотального градообразующего фактора. Развитие городов зависело от территориального размещения производства и крупных промышленных предприятий, расположения основных осваиваемых месторождений. Рост городского населения в регионе непосредственно коррелировался с объемами нефтедобычи на протяжении всего изучаемого периода. Двенадцать городов округа были рождены благодаря становлению нефтедобывающей промышленности. Однако и другие производственные отрасли были не менее важны для городской эволюции. Сургут – наиболее урбанизированный центр – был обязан своим интенсивным развитием преимущественно строительной, транспортной и энергетической индустрии, которые привлекали значительные массы населения. Города Белоярский и Югорск сформировались вследствие становления газотранспортных систем, город Советский получил такой статус благодаря лесной промышленности, газовая промышленность определяла развитие рабочих поселков Игрим и Березово. Итак, индустриализация была основным движущим фактором урбанизации ХМАО в период 1960-х – начала 1990-х гг.

Строительство городов в нефтяном крае началось в первой половине 1960-х гг., когда ведомства, копируя опыт расселения в нефтегазодобывающих районах Урало-Поволжья, ставили разрозненные и неблагоустроенные рабочие поселки у месторождений. Одновременно с этим руководство Тюменской области разрабатывало государственную градостроительную политику в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири, которая предусматривала возведение крупных городов – центров нефтяных районов – и эксплуатацию

месторождений вахтовым методом. Такой подход именовался системой централизованного расселения или «базовый город – вахтовый поселок». Противоположенная точка зрения была в Министерстве нефтедобывающей промышленности СССР, по мнению которого градостроительное освоение нефтяного края лучше было проводить посредством строительства небольших городов вблизи месторождений. Это были два основных варианта расселения. Еще одним ключевым спором при разработке концепции градостроительного освоения региона был вопрос, строить города в капитальном или деревянном исполнении. Строительство капитальных городов поддерживалось местным руководством, а за дерево ратовали главным образом ведомства. После продолжительных дискуссий, которые отразились на конференциях по проблемам градостроительства в нефтегазоносных и газоносных районах Тюменской области в 1966 и 1968 гг., в конечном итоге государство поддержало позицию руководства Тюменской области. С конца 1960-х гг. в ХМАО стала реализовываться система централизованного расселения с возведением крупных городов в капитальном исполнении и эксплуатацией месторождений вахтовым методом. Началось интенсивное строительство городов Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска и Урая.

Однако нефтяное министерство и Главтюменнефтегаз не стремились претворять в жизнь систему централизованного расселения. Несмотря на противодействие руководителей области, на практике ведомства отказывались от возведения предусмотренных системой расселения городов (г. Южный Балык), строили другие «незапланированные» городские населенные пункты (г. Нефтеюганск, раб. пос. Мегион), застраивали вахтовые поселения, тем самым превращая их в настоящие рабочие поселки (Мамонтово, Пойковский), и в недостаточных объемах осуществляли жилищное и социально-культурное строительство и благоустройство городов-центров. В результате это привело к тому, что в 1980 г. государство приняло новую концепцию градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири, предложенную Миннефтепромом СССР и предусматривавшую возведение городов и рабочих

поселков непосредственно у месторождений. В силу этой концепции в 1980-х – начале 1990-х гг. в ХМАО было образовано 11 новых городов: Мегион, Нягань, Когалым, Лангепас, Радужный, Белоярский, Пыть-Ях, Лянтор, Покачи, Югорск, Советский.

В целом в градостроительной политике 1960-х – начала 1990-х гг. выделились три этапа: 1) 1960-е гг. – выбор градостроительной концепции и хаотичное возведение поселений ведомствами; 2) 1969–1970-е гг. – реализация системы централизованного расселения; 3) 1980-е – начало 1990-х гг. – исполнение системы группового расселения.

Важнейшим компонентом урбанизации являлось развитие городской среды. В начальный период освоения застройка городов велась хаотично, без каких-либо градостроительных норм и документации. Города формировались из разобщенных ведомственных поселков, главным элементом среды которых становились брусчатые двухэтажные дома и балки. В 1970-х гг. последовало капитальное типовое, в основном пятиэтажное строительство. Однако капитальные дома не соответствовали северным природно-климатическим условиям. Архитектурно-планировочное пространство продолжало оставаться разрозненным, нередко строительство осуществлялось вразрез генпланам городов, микрорайоны отличались серостью и однообразием, отсутствовали общественные центры, не получила развития деревянная индивидуальная застройка. В 1980-х гг. в городах началось формирование больших архитектурных ансамблей, общегородских центров и магистралей, стала преобладать многоэтажная застройка в девять и более этажей. Молодые города нефтяников, созданные в 1980-х гг., прошли этот путь архитектурно-планировочной эволюции всего за десятилетие.

Культурное пространство в городах организовывалось главным образом вокруг домов культуры, клубов, библиотек и кинотеатров, а такие значимые культурные компоненты городской среды, как сценическое (театр, опера, балет, цирк, эстрада) и изобразительное искусство (живопись, скульптура), садово-парковый ландшафт и памятные места, практически не получили развития.

Города характеризовались высокими темпами роста социально-бытовых объектов: учреждений здравоохранения, бытового обслуживания, торговли, общественного питания, образования. Однако значительная их часть организовывалась в приспособленных, а не в специализированных помещениях. О бурной урбанизации ХМАО свидетельствовали внушительные темпы роста розничного товарооборота, имевшие корреляцию с увеличением городского населения. Благоустройство городов не поспевало за жилищно-гражданским строительством. С опозданием осуществлялась прокладка инженерных сетей – канализации, водопровода, теплоснабжения. Не хватало тротуаров, дорог, зеленых зон, игровых и спортивных площадок.

Урбанизация ХМАО отразилась в масштабном расширении жилищного фонда в городах, который в 1965–1990-х гг. вырос более чем в 25 раз – с 696 до 17683 тыс. кв. м. Однако оставался не решенным жилищный вопрос. Значительная эмиграция из округа была связана в первую очередь с плохими жилищными условиями. Подавляющая часть горожан жила в домах ведомственного жилфонда. Жилищная проблема преодолевалась посредством беспрецедентного строительства типового капитального жилья. Однако его катастрофически не хватало, из-за чего хаотично и стихийно возводилось временное неблагоустроенное жилье, разрастались городские трущобы.

Таким образом, несмотря на явное развитие городской среды в 1960–начале 1990-х гг., она все же отличалась сильной противоречивостью. В сущности, в городах ХМАО была сформирована разобщенная ведомственная структура архитектурно-планировочного пространства, социокультурной и жилищной сферы, бытового обслуживания и благоустройства.

В результате развертывания нефтегазового комплекса в строящиеся города ХМАО хлынули огромные массы населения. Урбанизация приобретала форму стихийной миграции, коэффициент которой был самым высоким в стране. Доля миграции в формировании городского населения до конца 1980-х гг. составляла 80%. Большая часть переселенцев была выходцами из городов. Этот факт означал, что урбанизации ХМАО в меньшей степени, чем

урбанизации СССР в период индустриализации конца 1920–1930-х гг., были присущи черты «окрестьянивания».

В 1960–1970-х гг. естественное воспроизводство не играло существенной роли в росте городского населения. За редким исключением его удельный вес не превышал 20%. Но в 1980-х гг. наметилась тенденция к увеличению доли естественного прироста в основных базовых городах нефтяников, что говорило об образовании устойчивого и постоянного городского населения в ХМАО. Урбанизация содействовала тому, что в округе быстро совершился демографический переход. Его особенностью был высокий уровень рождаемости, брачности и разводимости (выше, чем в России и Западной Сибири в целом), и очень низкий – смертности (в два раза ниже, чем в стране).

Интенсивная миграция в ХМАО из разных уголков Советского Союза привела к сильной дифференциации городского общества и населения. К концу 1980-х гг. основной тенденцией в динамике состава городского населения было увеличение удельного веса служащих в социальной структуре и занятых в непроизводственной сфере экономики, что свидетельствовало об усилении урбанистического образа жизни. Горожане округа характеризовались высоким уровнем образованности и полиэтничности, преобладанием мужского, трудоспособного и молодого населения.

Во второй половине XX в. в России не было такого региона, где бы количественные показатели урбанизации были выше, чем в ХМАО. В 1959–1989 гг. городское население округа выросло в 35 раз – с 33 до 1153 тыс. чел. Доля горожан в структуре населения приумножилась в 3,4 раз (с 27 до 92%), и стала второй в стране. Урбанизационный переход, когда удельный вес горожан стал превышать долю сельского населения, совершился в ХМАО практически сразу, после начала нефтегазового освоения в 1965 г.

За относительно короткий срок – чуть более 30 лет – в округе выросло 15 городов. Всего к концу XX в. их насчитывалось 16. Это был второй показатель по количеству городов в Западно-Сибирском экономическом районе. Число поселков городского типа также существенно увеличилось – с 3

в 1959 г. до 15 в 1965 г. и 28 в 1990-м г. (в начале 2000-х гг. их стало 24). К концу изучаемого периода два города в округе превышали 200 тыс. населения и сформировали крупные агломерации – Сургутскую и Нижневартовскую. Вообще в ХМАО образовалось 8 городских агломераций разной величины: Сургутская, Нижневартовская, Няганьская, Советско-Комсомольская, Урайско-Междуреченская, Ханты-Мансийская, Березовско-Игримская и Белоярская.

Урбанизация выступала главным историческим процессом в развитии Ханты-Мансийского автономного округа во второй половине XX в. Разрастающиеся города концентрировали экономический и производственный потенциал, все социальные и культурные изменения, трансформации в структуре населения, формировали новую – урбанизированную – пространственную конструкцию региона. Однако урбанизационные процессы ХМАО в 1960-х – начале 1990-х гг. не смогли преодолеть производственно-ведомственную сущность своего развития, разрешить жилищную проблему и организовать качественную городскую среду. В XXI в. эти задачи продолжают стоять перед городами Ханты-Мансийского автономного округа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники:

1. Законодательные и нормативные акты

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд (Ф.) А-259. Совет Министров РСФСР. Оп. 45. Д. 525, 526, 533, 537, 2033, 2966, 4965, 6470; Оп. 46. Д. 434, 436, 486, 686, 929, 930, 1286 ; Оп. 48. Д. 728, 761, 1486, 1487, 1488, 1489, 1847, 4694, 7047, 7167, 7225, 7589, 7914, 8647, 8648, 8649, 8650.

2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). Ф. 814. Тюменский областной Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет. Оп. 5. Д. 736, 835, 836, 837, 855, 856, 872, 873, 877, 890, 891, 892, 909, 910, 926, 927, 945, 962, 963, 1006, 1007, 1280, 1422, 1470, 1633, 1673, 1745, 1746, 1747, 1749, 1754, 1799, 1833, 1864, 1865, 1898.

2. Делопроизводственные документы

2.1. Делопроизводственная документация местных органов КПСС и советской власти

1. Архивный отдел администрации города Сургута (АОАГС). Ф. 3. Сургутский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 1, 5, 10, 11, 12.

2. АОАГС. Ф. 80. Управление архитектуры и градостроительства исполнительного комитета Сургутского городского Совета народных

депутатов. Оп. 1. Д. 3, 8, 14, 15, 27, 28, 34, 35, 36, 37, 44, 45, 53, 60, 61, 68, 69, 76, 77, 80, 81, 88, 89, 102.

3. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ГАХМАО). Ф. 1. Ханты-Мансийский окружной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 374, 375, 376, 377, 518, 576, 715, 760, 824, 883, 918, 954, 1025, 1058, 1098, 1169, 1212, 1247, 1252, 1274, 1335, 1352, 1359, 1381, 1410, 1438, 1439, 1464, 1494, 1527, 1575, 1626, 1632, 1658, 1662а, 1700, 1729, 1746, 1769, 1838, 1847.

4. ГАХМАО. Ф. 387. Управление коммунального хозяйства Ханты-Мансийского окрисполкома. Оп. 1. Д. 1, 5, 11, 13, 16, 25, 26, 27, 35а, 37, 64, 66, 68, 94, 102, 105.

5. ГАХМАО. Ф. 403. Отдел главного архитектора Ханты-Мансийского окрисполкома. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 10, 12, 13, 14, 16, 20, 24, 28, 29, 32, 33, 34, 37, 40, 40а, 43, 46, 55, 61, 65, 79, 81, 86, 96.

6. ГАХМАО. Ф. 491. Дума Ханты-Мансийского автономного округа. Оп. 1. Д. 82, 83, 84.

7. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГБУТО ГАСПИТО). Ф. П107. Ханты-Мансийский окружной комитет КПСС. Оп. 1. Д. 1987, 2006, 2020, 2037, 2052, 2065, 2090, 2096, 2112, 2123, 2146, 2149, 2160, 2169, 2178, 2184, 2189, 2198, 2205, 2206, 2209, 2226, 2228, 2249, 2260, 2263, 2272, 2280, 2288, 2295, 2301, 2322, 2328, 2363, 2399, 2400, 2402, 2419, 2430, 2439, 2445, 2449, 2466, 2497, 2677, 2821, 2845.

8. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. П-124. Тюменский областной комитет КПСС. Оп. 1. Д. 4135, 4138, 4139, 4312, 4316, 4317, 4318, 4437, 4438, 4443, 4464, 4465, 4493, 4505, 4528, 4529, 4572, 4576, 4578, 4580, 4609, 4641, 4642, 4645, 4646, 4683, 4685, 4686, 4687, 4688, 4689, 4690, 4745, 4781, 4782, 4793, 4794, 4795, 4817, 4818, 4820, 4823, 4825, 4875, 4877, 4878, 4916, 4917, 4952, 4956, 4961, 4962, 4965, 4966, 4967, 4968, 4969, 4970, 5023, 5026, 5027, 5099, 5106, 5107, 5108, 5109, 5110, 5156, 5157, 5244, 5248, 5251, 5253, 5254, 5257, 5307,

5308, 5309, 5400, 5403, 5404, 5405, 5407, 5456, 5460, 5461, 5462, 5463, 5464, 5554, 5563, 5564, 5565, 5566, 5577, 5579, 5586, 5618, 5621, 5622, 5623, 5723, 5729, 5730, 5731, 5733, 5735, 5736, 5737, 5795, 5796, 5797, 5907, 5918, 5923, 5926, 5976, 5977, 5978, 5979, 6042, 6060, 6065, 6069, 6076, 6077, 6078, 6134, 6140, 6141, 6142, 6144, 6145, 6253, 6267, 6268, 6269, 6282, 6283, 6344, 6345, 6346, 6347, 6454, 6476, 6477, 6489, 6490, 6560, 6562, 6563, 6651, 6660, 6669, 6675, 6676, 6677, 6678, 6737, 6738, 6746, 6747, 6748, 6749, 6751, 6752, 6857, 6879, 6880, 6881, 6882, 6883, 6943, 6952, 6953, 6958, 6959, 7072, 7135, 7171, 7172, 7173, 7174, 7175, 7285, 7303, 7315, 7316, 7318, 7323, 7354, 7355, 7388, 7506, 7518, 7522, 7523, 7527, 7530, 7532, 7534, 7535, 7536, 7539, 7607, 7610, 7646, 7727, 7740, 7745, 7759, 7760, 7761, 7809, 7810, 7811, 7812, 7942, 7946, 7947, 7948, 7954, 7955, 7958, 7973, 7977, 7987, 7988, 8036, 8161, 8162, 8188, 8202, 8206, 8207, 8259, 8270, 8441, 8449, 8492, 8493, 8622, 8655, 8656, 8660, 8694, 8696, 8697, 8804, 8822, 8828, 8830, 8861, 8962, 8963, 9009, 9100, 9141, 9142.

9. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. П-2010. Тюменский промышленный областной комитет КПСС. Оп. 1. Д. 76, 85, 86, 87, 88, 90, 117, 145, 147, 149, 151, 153, 155, 156, 158, 159, 160, 200, 201, 202, 203, 204, 233, 234, 235, 236, 238, 239, 240.

10. ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Тюменский областной Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 3340, 3753, 3755, 3757, 3759, 3780, 3871, 3872, 3919, 3920, 3943, 3945, 3947, 3949, 3959, 3971, 3977, 4099, 4112, 4113, 4121, 4122, 4123, 4125, 4127, 4129, 4131, 4134, 4139, 4140, 4146, 4153, 4154, 4158, 4162, 4213, 4214, 4215, 4235, 4237, 4240, 4267, 4286, 4287, 4291, 4293, 4295, 4304, 4310, 4313, 4317, 4386, 4413, 4414, 4429, 4430, 4431, 4433, 4437, 4439, 4465, 4469, 4478, 4525, 4525а, 4526, 4602, 4603, 4604, 4605, 4607, 4608, 4610а, 4637, 4644, 4760, 4861, 4879, 4882, 4885, 4889, 4936, 4937, 5018а, 5032, 5033, 5041, 5053, 5161, 5171, 5179, 5183, 5233, 5286, 5298, 5299, 5311, 5316, 5364, 5425, 5431, 5459, 5545, 5617, 5618, 5662, 5732, 5757, 5831, 5935, 5936, 6058, 6085, 6140, 6192, 6218, 6283, 6337, 6342, 6368, 6477,

6569, 6568, 6569, 6572, 6574, 6576, 6637, 6699, 6702, 6706, 6707, 6709, 6712, 6716, 6722, 6788, 6848, 6850, 6855, 6860, 6921, 6999, 7003, 7004, 7008, 7015, 7016, 7118, 7157, 7158, 7160, 7161, 7162, 7165, 7170, 7258, 7303, 7308, 7389, 7390, 7433, 7437, 7440, 7442, 7451, 7557, 7564, 7629, 7639, 7709, 7713, 7718, 7844, 7887, 7859, 7938, 7944, 7945, 7981, 8026, 8072.

11. ГБУТО ГАТО. Ф. Р-1726. Тюменский областной комитет по экономике и прогнозированию. Оп. 1. Д. 500, 525, 538, 551, 639, 796, 944, 981, 1125.

12. ГБУТО ГАТО. Ф. 1933. Тюменский областной отдел по делам строительства и архитектуры. Оп. 1. Д. 1, 4, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 23, 24, 32, 39, 43, 44, 48, 58, 74, 80, 81, 91.

13. ГБУТО ГАТО. Ф. Р-2240. Междуведомственная территориальная комиссия по вопросам развития ЗСНГК (ЗапСибМВТК). Оп. 1. Д. 1, 4, 6, 8, 11, 27.

2.2. Делопроизводственная документация хозяйственных организаций

1. ГБУТО ГАТО. Ф. 1861. Главное управление по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири (Главтюменнефтегазстрой). Ф. 7, 112, 119, 202, 244, 338, 432, 444.

2. ГБУТО ГАТО. Ф. Р2146. Главное Тюменское производственное управление по нефтяной и газовой промышленности (Главтюменнефтегаз). Оп. 1. Д. 1, 2, 5, 136, 254, 160а, 600, 781, 920а, 1034, 1577, 1984, 2151, 2221, 2338, 2482, 2524, 2924, 3179.

2.3. Делопроизводственная документация общественных организаций

1. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 3911. Тюменский областной Совет профессиональный Союзов. Оп. 1. Д. 264, 667, 670, 675, 761, 768, 809, 874, 875, 1002, 1004, 1005, 1080, 1566, 1718, 1902, 1905, 1922, 1937.

2. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 4002. Тюменская областная организация Союза журналистов СССР. Оп. 1. Д. 1, 4, 5, 7, 12, 16, 20, 21а, 23, 29, 32, 39, 45а.

3. ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 4006. Тюменское отделение Союза архитекторов СССР. Оп. 1. Д. 2, 4, 5, 6.

2.4. Делопроизводственная документация ведомственных архивов

1. Администрация города Сургута. Департамент архитектуры и градостроительства. Текущий архив отдела генерального плана.

3. Статистические материалы

1. АОАГС. Ф. 10. Сургутская городская информационно-вычислительная станция. Оп. 1. Д. 218а, 218б, 344, 345; Оп. 2. Д. 207, 225, 227, 228, 235, 238, 239, 246, 248, 249, 252, 256, 257, 260, 269, 270, 277, 283, 284, 289, 293, 294; Оп. 3. Д. 250, 302, 304, 305, 307; Оп. 4. Д. 310, 314, 319; Оп. 5. Д. 323, 332; Оп. 6. Д. 338.

2. ГАХМАО. Ф. 6. Ханты-Мансийское окружное статистическое управление. Оп. 1. Д. 191, 219, 229, 236, 236а, 308, 315, 323, 324, 339, 359, 367, 401, 417, 427, 448, 450, 459, 468, 469, 470, 488, 491, 515, 538, 550, 577, 579, 580, 581, 582, 620, 621, 633, 637, 638, 644, 669, 670, 728, 732, 744, 755, 760а, 817, 854.

3. ГБУТО ГАТО. Ф. 1112. Тюменский областной комитет по статистике. Оп. 2. Д. 128, 462, 463, 1075, 1748; Оп. 4. Д. 30, 31, 66, 109, 145; Оп. 6. Д. 9, 14, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 37, 38, 41, 44, 50, 55; Оп. 11. Д. 8, 9, 10, 11, 12, 14, 41, 42, 43, 48, 49, 57, 75, 82, 83, 84, 125, 126, 133, 135, 142, 184, 187, 188, 191, 195, 196, 222, 229, 230, 325, 392.

4. Источники личного происхождения

1. ГБУТО ГАТО. Ф. Р2045. Документы личного архива Бахилова Василия Васильевича (1901–1992 гг.). Оп. 1. Д. 17, 18, 90.

5. Источники изобразительного или визуального характера

1. АОАГС. Фотофонд. Оп. 1 фотодокументов А. Ф. Мясникова. Д. 185, 189, 191, 192, 198, 276, 284, 292, 296, 297, 299, 308, 309, 314, 338, 342, 345, 354, 356, 365, 371, 376, 377, 378, 382, 384, 385, 393, 405, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 414, 415, 416, 417.
2. ГБУТО ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 320, 351, 355, 366, 419, 424/1, 424/2, 425, 455, 460, 461, 465, 480, 483, 518, 634, 646, 655, 685/1, 685/2, 688, 783, 784, 911, 912, 919, 1337, 1338.
3. ГБУТО ГАТО. Ф. 1. Фотофонд. Оп. 1. 161, 256, 257, 276, 381, 433, 529, 615, 655, 805, 806, 827, 866, 955, 978, 1005, 1072, 1085, 1092, 1102, 1111, 1112, 1226, 1480, 1524, 1609, 1797, 1884, 2006, 2010, 2218, 2234, 2240, 2287, 2312, 2364, 2450, 2454, 2559, 2584, 2610, 2617, 2655, 2767, 3083, 3215, 3226, 3207, 3265, 3319, 3328, 3357, 3398, 3464, 3470, 3477, 3523, 3720, 3725, 3818, 3830, 4138, 4163, 4324, 4346, 4347, 4387, 4410, 4558, 4677, 6139, 6148, 6192, 6193, 6194, 6373, 6735, 6736, 6737, 6741, 6994, 6995, 7011, 7940, 7945, 7948, 7952, 8024, 8025, 8026, 8056, 8078, 8159, 8372, 8391, 8398, 8400, 8401, 8402, 8403, 8452, 8490, 8509, 8510, 9355; Оп. 2. 628, 683, 1119, 1331, 1403, 1425, 1487, 1745; Оп. 5. 131, 132, 467.

Опубликованные источники:

1. Документы и материалы партии и правительства

1. Материалы XXIII съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1966. – 304 с.
2. Материалы XXIV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1972. – 319 с.
3. Материалы XXV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1976. – 256 с.
4. Материалы XXVI съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1981. – 223 с.
5. Материалы XXVII съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1986. – 352 с.

6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. Т. 5 (1962–1965 гг.). – М.: Политиздат, 1965. – 748 с.

7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. Т. 6 (1966 – июнь 1968 гг.). – М.: Политиздат, 1968. – 816 с.

8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. Т. 7 (июль 1968 – 1969 гг.). – М.: Политиздат, 1970. – 686 с.

9. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. Т. 8 (1970 – февраля 1972 гг.). – М.: Политиздат, 1972. – 672 с.

10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. Т. 9 (февраль 1972 – сентябрь 1973 гг.). – М.: Политиздат, 1974. – 672 с.

11. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. Т. 12 (июль 1977 – март 1979 гг.). – М.: Политиздат, 1979. – 766 с.

12. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. Т. 14 (апрель 1981 – декабрь 1982 гг.). – М.: Политиздат, 1979. – 703 с.

13. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. Т. 15. Ч. II (май 1984 – апрель 1985 гг.). – М.: Политиздат, 1988. – 320 с.

2. Документальные сборники

1. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII – XX вв.) / Под ред. В. П. Петровой. – Тюмень: ООО ТНЦ «ТюменНИИГипрогаз», ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. – 304 с.

2. Город Сургут и Сургутский район. Краткое описание памятных мест и событий. – Тюмень, 1972. – 20 с.

3. Жилищные условия населения области / Государственный комитет по статистике. Тюменское областное управление статистики. – Тюмень, 1992. – 4 с.

4. Из истории промышленного развития Тюменской области (1917–1980): Документы и материалы. – Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1988. – 416 с.

5. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия / Под ред. Д. А. Редина, А. Т. Шашкова. – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 1999. – 304 с.

6. Комплексная программа социально-экономического развития города до 2005 года. – Сургут. – 25 с.

7. Нефть и газ Тюмени в документах (1901–1965 гг.) Т. I / Ред. В. Клепиков. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1971. – 479 с.

8. Нефть и газ Тюмени в документах (1966–1970 гг.) Т. II / Ред. В. Клепиков. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1973. – 340 с.

9. Нефть и газ Тюмени в документах (1971–1975 гг.) Т. III / Ред. В. Клепиков. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1979. – 288 с.

10. Нормативные документы регламентирующие порядок отвода земельных участков, проектирования, строительства и эксплуатации постоянных, временных и вахтовых жилых поселков на территории области и прописки в них граждан / Тюмень, 1987. – 95 с.

11. Стратегия экономического развития Тюменской области до 2020 года / Федеральное государственное унитарное предприятие Российский научно-исследовательский и проектный институт Урбанистики, 2005. – 82 с.

3. Статистические сборники

1. 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). – Сургут: информационно-издательский концерн «Северный дом», 1995 г. – 278 с.

2. Автономные округа в цифрах / Госкомстат РСФСР. Ханты-Мансийское окружное управление статистики. – Ханты-Мансийск, 1990. – 39 с.

3. Город Сургут в цифрах (юбилейный статистический сборник) / Госкомстат России. Тюменский областной комитет государственной статистики. Сургутское городское управление государственной статистики. – Сургут, 1995. – 148 с.

4. Города Тюменской области. / Тюменский областной комитет государственной статистики. – Тюмень, 1996. – 111 с.

5. Города Тюменской области. Статистический сборник / Тюменский областной комитет государственной статистики. – Тюмень, 1997. – 139 с.

6. Города Тюменской области. Статистический сборник / Тюменский областной комитет государственной статистики. – Тюмень, 1998. – 132 с.

7. Города Тюменской области. Статистический сборник / Тюменский областной комитет государственной статистики. – Тюмень, 1999. – 134 с.

8. Города Тюменской области: Стат. сб. / Тюменский областной комитет госстатистики. – Тюмень, 2003. – 360 с.

9. Демографический ежегодник (1999–2003): Стат. сб. / Тюменский областной комитет госстатистики. – Тюмень, 2003. – 388 с.

10. Демографический ежегодник (1999–2004): Стат. сб. / Тюменский областной комитет госстатистики. – Тюмень, 2004. – 511 с.

11. Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993 / Государственный комитет Российской Федерации по статистике. – Москва, 1994.

12. Демографический ежегодник СССР. 1990 / Государственный комитет СССР по статистике. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 639 с.

13. Естественное движение и миграция населения Тюменская области за 1986–1990 годы (Статистический сборник) / Госкомстат РСФСР. Тюменское областное управление статистики. – Тюмень, 1991. – 145 с.

14. Естественное движение и миграция населения Тюменская области за 1989–1994 годы (Статистический сборник) / Госкомстат России. Тюменский областной комитет государственный статистики. – Тюмень, 1995. – 193 с.

15. Жилищный фонд Ханты-Мансийского автономного округа 1996–2000 гг. (Статистический сборник) / Комитет государственной статистики Ханты-Мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск, 2001. – 29 с.

16. Информационный демографический бюллетень: 2003 год. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2003. – 160 с.

17. Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным переписи населения 1989 года). Часть II. Источники средств существования, общественные группы. – Москва: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. – 250 с.

18. Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: Стат. ежегодник / ЦСУ при Совете Министров СССР. – М.: Статистика, 1966. – 616 с.

19. Народное хозяйство РСФСР в 1969 г.: Стат. ежегодник / ЦСУ при Совете Министров СССР. – М.: Статистика, 1970. – 468 с.

20. Народное хозяйство РСФСР в 1974 г.: Стат. ежегодник / ЦСУ при Совете Министров СССР. – М.: Статистика, 1975. – 543 с.

21. Народное хозяйство РСФСР в 1979 г.: Стат. ежегодник / ЦСУ при Совете Министров СССР. – М.: Статистика, 1980. – 391 с.

22. Народное хозяйство РСФСР в 1988 г.: Стат. ежегодник / Госкомстат РСФСР. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 688 с.

23. Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: Стат. ежегодник / Республиканский информационно-издательский центр Госкомстата РСФСР. – М., 1989. – 692 с.

24. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. ежегодник / Госкомстат РСФСР. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 471 с.

25. Народное хозяйство Тюменской области за 1945–1980-е гг. / ЦСУ – РСФСР Статистическое управление Тюменской области. – Тюмень, 1981. – 407 с.

26. Народное хозяйство Тюменской области за 50 лет Советской власти: Статистический сборник / ЦСУ при Совете Министров РСФСР. – Омск: Издательство «Статистика», Омское отделение, 1967. – 301 с.

27. Народное хозяйство Тюменской области за два года 9-й пятилетки (1971–1972 гг.) (Статистический сборник). – Тюмень, 1973. – 553 с.

28. Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970 годы). Стат. сборник. – Омск: Издательство «Статистика», 1971. – 286 с.

29. Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970 годы). Статистический сборник / ЦСУ – РСФСР, Статистическое управление Тюменской области. – Тюмень, 1971. – 394 с.

30. Народное хозяйство Тюменской области за годы десятой пятилетки (1976–1980 годы). (Статистический сборник) / ЦСУ – РСФСР, Статистическое управление Тюменской области. – Тюмень, 1981. – 407 с.

31. Народное хозяйство Тюменской Ордена Ленина области за 25 лет. Статистический сборник. / ЦСУ при СМ РСФСР, Статистическое управление Тюменской области. – Тюмень, август 1969. – 346 с.

32. Народное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области за шесть лет семилетки (1959–1964 гг.) / ЦСУ – РСФСР Статистическое управление Тюменской области. – Тюмень, 1965. – 95 с.

33. Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 1998. – 222 с.

34. Население Тюменской области. Всесоюзная перепись 1989 г. / Госкомстат РСФСР. Тюменское областное управление статистики. – Тюмень, 1991. – 38 с.

35. Национальный состав населения Тюменской области. Всесоюзная перепись 1989 г. / Тюменское областное управление статистики. – Тюмень, 1990. – 214 с.

36. Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в Тюменской области (Статистический сборник) / ЦСУ – РСФСР, Статистическое управление Тюменской области. – Тюмень, 1983. – 219 с.

37. Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Тюменской области (по данным микропереписи 1994 года) / Госкомстат России. Тюменский областной комитет по статистике. – Тюмень, 1994. – 49 с.

38. Основные показатели капитального строительства в Тюменской области за 1965–1973 годы /стат. сб./. – Тюмень, 1974. – 100 с.

39. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат. сб. / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2011 – 87 с.

40. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002. – 863 с.

41. Статистический ежегодник (1990–2010): Стат. сб. в 4-х частях. Ч. I (I) Тюменская область / Территориальный орган Федеральный службы государственной статистики по Тюменской области. – Тюмень, 2011. – 309 с.

42. Статистический ежегодник (1990–2010): Стат. сб. в 4-х частях. Ч. I (II) Тюменская область / Территориальный орган Федеральный службы государственной статистики по Тюменской области. – Тюмень, 2011. – 432 с.

43. Статистический ежегодник (1990–2010): Стат. сб. в 4-х частях. Ч. II (I) Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Территориальный орган Федеральный службы государственной статистики по Тюменской области. – Тюмень, 2011. – 298 с.

44. Статистический ежегодник (1990–2010): Стат. сб. в 4-х частях. Ч. II (II) Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Территориальный орган Федеральный службы государственной статистики по Тюменской области. – Тюмень, 2011. – 359 с.

45. Статистический ежегодник (1990–2003): Стат. сб. в 7-ми частях. Ч. VI (I). / Тюменский областной комитет госстатистики. – Тюмень, 2004. – 486 с.

46. Статистический ежегодник (1990–2003): Стат. сб. в 7-ми частях. Ч. VI (III). / Тюменский областной комитет госстатистики. – Тюмень, 2004. – 373 с.

47. Тюменская область 1985–1995 гг. (информационно-аналитический материал) / Тюменский областной комитет госстатистики. – Тюмень, 1996. – 67 с.

48. Тюменская область в цифрах в разрезе городов и районов за 1986–1989 гг. 1 том. – Тюмень, 1990. – 191 с.

49. Тюменская область в цифрах (к 60-летию со дня образования СССР). – Тюмень, 1982. – 183 с.

50. Тюменская область в цифрах. 1971–1975 годы. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. Изд-во, 1976. – 136 с.

51. Тюменская область в цифрах. 1976–1980 годы. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. Изд-во, 1981. – 160 с.

52. Тюменская область в цифрах за 1986–1990 гг. Статистический сборник / Госкомстат РСФСР. – Тюмень, 1981. – 187 с.

53. Тюменская область в цифрах за годы одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.) / ЦСУ РФСФР Статистическое управление Тюменской области. – Тюмень, 1986. – 166 с.

54. Тюмень в цифрах: Стат. сб. / Тюменский областной комитет госстатистики. – Тюмень, 2003. – 196 с.

55. Ханты-Мансийский автономный округ в цифрах. – Сургут, 1991. – 228 с.

56. Ханты-Мансийский автономный округ в цифрах 1990 – 1995 гг. / Администрация Ханты-Мансийского автономного округа. Комитет по экономике и прогнозированию. – Ханты-Мансийск, 1996. – 47 с.

57. Численность населения Тюменской области. 1989–1992 гг. (Стат-й сб-к) / Госкомстат Российской Федерации. Тюменское областное управление статистики. – Тюмень, 1992. – 106 с.

58. Численность населения Тюменской области на начало 1986–1988 гг. /Статистический сборник/ / Госкомстат РСФСР. Тюменское областное управление статистики. – Тюмень, 1988. – 109 с.

59. Экономика и культура Ханты-Мансийского национального округа в годы девятой пятилетки (в цифрах). – Ханты-Мансийск, 1974. – 56 с.

60. Экономика и культура Ханты-Мансийского национального округа за 50 лет (в цифрах). – Ханты-Мансийск, 1980. – 29 с.

4. Периодическая печать

1. Архитектура СССР: Орган Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР и Союза архитекторов СССР, г. Москва. – 1976, 1985–1986.

2. К победе коммунизма: Орган Сургутского районного комитета КПСС, городского и районного Советов депутатов трудящихся Тюменской области, г. Сургут. – 1961–1965, 1967–1989.

3. Ленинская правда: Орган Ханты-Мансийского окружного комитета КПСС и окружного Совета народных депутатов, г. Ханты-Мансийск. – 1971–1973.

4. Нефтеюганский рабочий: Орган Нефтеюганского городского комитета КПСС, исполнительного комитета Нефтеюганского городского Совета депутатов трудящихся, НПУ Юганскнефть, треста Нефтеюганскгазстрой, г. Нефтеюганск. – 1969–1974.

5. Правда: Орган ЦК КПСС, г. Москва. – 1986.

6. Тюменская правда: Орган Тюменского областного комитета КПСС и областного Совета народных депутатов, г. Тюмень. – 1964–1966, 1983–1987.

5. Источники личного происхождения

1. Байбаков Н. К. Большая нефть Тюмени / Н. К. Байбаков. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1965. – 60 с.

2. Бахилов В. В. Дорога к нефти / В. В. Бахилов. – Свердловск: Средне-Уральское кН. изд-во, 1975. – 112 с.

3. В пламени жизни: Книга воспоминаний о Борисе Евдокимовиче Щербине / Под ред. Ю. И. Переплеткина. – Тюмень: Изд-тво Ю. Мандрики, 1999. – 272 с.

4. Ветераны (воспоминания): из истории развития нефтяной и газовой промышленности. Вып. 16. – М.: ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство», 2004. – 215 с.

5. Главтюменнефтегаз: 40-летняя история Главка в свидетельствах очевидцев, воспоминаниях, документах и фотографиях / Сост. С. Д. Великопольский, Ю. И. Переплеткин. – Тюмень: Мандр и Ка, 2005. – 336 с.

6. Мунарев П. А. Так было, так начиналось (записки председателя). Воспоминания о становлении Сургута в 60 – 70-х годах / П. А. Мунарев. Сост. В. В. Киселев, Г. В. Кондрякова. – Сургут: ООО «Сургутская типография», 2008. – 153 с.

7. Муравленко В. И. Разбуженный край / В. И. Муравленко // Тюменский самородок. – М.: «Сов. Россия», 1974. – С. 110-114.

8. Нефтегазостроители Западной Сибири. В двух книгах. Книга 1 / Антология. – М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004. – 539 с.

9. Нефтегазостроители Западной Сибири. В двух книгах. Книга 2 / Антология. – М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004. – 349 с.

10. Нефтеюганск: воспоминания, документы, публикации / науч. ред. А. В.Черноухов. – Екатеринбург: Издательство: «Архитектон», 1997. – 131 с.

11. Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958 – 1972 гг.) / Автор-составитель Н. К. Эскина. – Нефтеюганск, 2004. – 84 с.

12. Салманов Ф. К. Сибирь – судьба моя / Ф. К. Салманов. – М.: Мол. гвардия, 1988. – 318 с.

13. Салманов Ф. К. Ускорение поиска / Ф. К. Салманов. – М.: Недра, 1985. – 63 с.

14. Салмин В. Д. Гордость Югры: Книга о лидерах / В. Д. Салмин. – Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. – 256 с.

15. Чирсков В. Г. Жизнь на опережение / В. Г. Чирсков. – М.: Информационно-издательское агенство «ИСТ-ФАКТ», 2004. – 527 с.

16. Щербина Б. Е. Рубежи нефтяного края / Б. Е. Щербина. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, Тюменское отделение, 1972. – 92 с.

17. Щербина Б. Е. Тюменский меридиан / Б. Е. Щербина. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1966. – 80 с.

6. Литературные и публицистические произведения

1. Город первой нефти – труженик Урай / Андреева Н. Н., Линникова А. В., Меняйло З. Г., Пономарев Г. П., Синицына Н. Н. – М.: ООО «Издательский дом Диадема-Пресс», 2000. – 112 с.

2. Долгая дорога к нефти (Публицистическое повествование о становлении коллектива ОАО «Сургутнефтегаз») / Гл. ред. Л. С. Стоянова. – Сургут: Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1997. – 352 с.

3. Захаров И. П. Моя земля / И. П. Захаров. – Сургут: Рекламно-издательский информационный центр «Нефть Приобья», 1999. – 216 с.

4. Каплинская Е. Город у дивного озера / Е. Каплинская. – М.: «Знание», 1980. – 96 с.

5. Лагунов К. Город романтиков / К. Лагунов // Тюменский самородок. – М.: «Сов. Россия», 1974. – С. 133-159.

6. Осколков А. Так рождаются города / А. Осколков // В летопись пятилетки. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1974. – С. 54-73.

7. Репортаж с переднего края / Сост.: М. Борозин, В. Скурлатов. – М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1971. – 176 с.

8. Свидетельство о рождении / Сост. Р. С. Гольдберг. – Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1988. – 208 с.

9. Юрасова М. К. Нефтяник: (Док. повесть) / М. К. Юрасова, Г. М. Юрасова. – М.: Сов. Россия, 1981. – 256 с.

7. Источники изобразительного или визуального характера

1. Серия документальных фильмов «Города Югры» / Телеканал «Югра». Электронный ресурс: http://www.ugra-tv.ru/programs/archive/goroda-yugry

8. Цифровые и электронные источники

1. 2gis / Электронный ресурс: http://2gis.ru/

2. 4geo / Электронный ресурс: http://surgut.4geo.ru/

3. Вектор / Электронный ресурс: http://surgut.vmp.ru/

4. Информационный портал муниципального образования город Когалым / Электронный ресурс: http://www.admkogalym.ru/

5. Официальный веб-сервер органов местного самоуправления муниципального образования города Нягани / Электронный ресурс: http://www.admnyagan.ru/

6. Официальный информационный портал органов местного самоуправления города Ханты-Мансийска / Электронный ресурс: http://www.admhmansy.ru/

7. Официальный портал Администрации города Радужный / Электронный ресурс: http://www.admrad.ru/

8. Официальный сайт Администрации г.п. Советский / Электронный ресурс: http://www.sovinet.ru/

9. Официальный сайт Администрации города Лангепас / Электронный ресурс: http://www.admlangepas.ru/

10. Официальный сайт Администрации города Мегион / Электронный ресурс: http://admmegion.ru/

11. Официальный сайт Администрации города Покачи / Электронный ресурс: http://www.admpokachi.ru/

12. Официальный сайт Администрации города Пыть-Яха / Электронный ресурс: http://adm.gov86.org/

13. Официальный сайт Администрации города Урай / Электронный ресурс: http://www.uray.ru/

14. Официальный сайт Администрации города Югорска / Электронный ресурс: http://adm.ugorsk.ru/

15. Официальный сайт Администрации городского поселения Лянтор / Электронный ресурс: http://www.admlyantor.ru/

16. Официальный сайт органов местного самоуправления города Нефтеюганска / Электронный ресурс: http://www.admugansk.ru/

17. Официальный сайт органов местного самоуправления города Нижневартовска / Электронный ресурс: http://www.n-vartovsk.ru/

18. Официальный web-сервер Администрации города Сургута / Электронный ресурс: http://www.admsurgut.ru/

19. Google Maps/ Электронный ресурс: https://maps.google.ru/

20. OpenStreetMap / Электронный ресурс: http://www.openstreetmap.org

Исследования:

1. Авдеев Л. А. Трудовые ресурсы Тюменской области / Л. А. Авдеев, Ю. К. Бот, Ю. В, Пчелинцев. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985. – 144 с.

2. Аверин А. Н. Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения / А. Н. Аверин, Е. П. Антропов. – М.: Сов. Россия, 1988. – 112 с.

3. Авимская М. А. Строительство железнодорожной магистрали Тюмень – Сургут – Нижневартовск – Уренгой и его социокультурное обеспечение (сер. 1960-х – сер. 1980-х гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Сургут, 2006. – 23 с.

4. Аганбегян А. Г. Проблемы эффективности использования природных ресурсов Тюменской области / А. Г. Аганбегян // Материалы конференции по проблемам развития и размещения производительных сил Тюменской области. Том 1. – Тюмень, 1970. – С. 44-53.

5. Аитов Н. А. Общее и особенное в социальной защите населения северных городов / Н. А. Аитов, Е. Н. Икингрин // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. 4. – Тюмень: Издательство Юрия Мандрики, 2001. – С. 59-62.

6. Алексеев В. В. Итоги и задачи изучения урбанизации Советской Сибири / В. В. Алексеев // Урбанизация советской Сибири. Отв. ред. В. В. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1987. – С. 7-28.

7. Алексеев В. В. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири (на материалах Главсибтрубопроводстроя) / В. В. Алексеев, Е. В. Логунов, П. П. Шабанов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 176 с.

8. Алексеев В. В. Прометеи сибирской нефти / В. В. Алексеев, В. А. Ламин. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. – 272 с.

9. Алексеев В. В. Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма / В. В. Алексеев, С. С. Букин. – Новосибирск: Наука, 1980. – 216 с.

10. Алексеева Л. В. Проблема обеспечения рабочими кадрами на первоначальном этапе освоения Западно-Сибирской нефтеносной провинции (1960-е гг.) / Л. В. Алексеева, С. Л. Бабушкина // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Вып. VIII. – Тюмень: Мандр и Ка, 2006. – С. 169-183.

11. Алексеева Л. В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (дек. 1930 г. – июнь 1941 г.) / Л. В. Алексеева. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – 193 с.

12. Алексеева Л. В. Экономическое развитие северных районов Уральской области (1923 – 1934 гг.) / Л. В. Алексеева // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. 1. – Нижневартовск: ЦГБ, 1998. – С. 74-82.

13. Алексеева Т. И. Региональные особенности градостроительства в Сибири и на Севере / Т. И. Алексеева. – Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1987. – 208 с.

14. Антонов А. Особенности застройки городов Севера / А. Антонов // Архитектура СССР. – 1976, № 11. – С. 16-22.

15. Анциферов Н. П. Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода / Н. П. Анциферов. 2-е изд. – Ленинград: Книгоиздательство «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1926. – 151 с.

16. Артемов В. А. Изменения условий жизнедеятельности городского населения / В. А. Артемов // Социологические исследования проблем города и жилища (1970–1980 гг.). – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 69-77.

17. Ахиезер А. С. Город – фокус урбанизационного процесса / А. С. Ахиезер // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995. – С. 21-28.

18. Бадина А. А. Социальное прогнозирование перспектив развития крупного северного города: автореф. дис. … канд. соц. наук: 22.00.08. – Екатеринбург, 2007. – 21 с.

19. Бакулин В. В. Особенности демографической ситуации населения городов Тюменского Севера / В. В. Бакулин // Участие научно-технической общественности в работе по комплексному развитию главной базы страны по добыче нефти и газа в Западной Сибири. Тезисы докладов зональной научно-практической конференции. – Тюмень, 1978. – С. 259-261.

20. Баранов А. В. Социально-демографическое развитие крупного города / А. В. Баранов. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 191 с.

21. Белинский А. Ю. Пассажирский транспорт в градостроительстве Севера / А. Ю. Белинский, В. М. Фурен. – Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1980. – 147 с.

22. Белобородов А. С. Столица Северного края. Очерки истории Самарова – Остяко-Вогульска – Ханты-Мансийска / А. С. Белобородов. – М.: УНИСЕРВ, 1996. – 158 с.

23. Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект [Электронный ресурс] / Э. Берджесс // Социальные и гуманитарные науки. Сер 11: Социология. – 2000, № 4. – С. 124-137.

24. Благосостояние городского населения Сибири: Проблемы дифференциации (опыт социологического изучения) / Э. Д. Азахр, Н. А. Балыкова, Л. А. Хахулина и др. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 350 с.

25. Богорад Д. Р. Огни сибирской индустрии / Д. Р. Богорад. – М.: «Сов. Россия», 1974. – 256 с.

26. Болдырев В. Ф. Основы градостроительства в условиях Западной Сибири: Учебное пособие / В. Ф. Болдырев. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1991. – 160 с.

27. Болотова И. Л. Культурное развитие населения городов Сибири (60–80-е гг.) / И. Л. Болотова // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. II: Социально-демографическое развитие Советской Сибири. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (12-14 декабря 1989 г.). – Новосибирск, 1989. – С. 99-101.

28. Бон Т. М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны / Томас М. Бон; пер. Е. Слепович. – М.: РОССПЭН, 2013. – 414 с.

29. Бон Т. М. «Социалистический город» или «европейский город»: урбанизация и рурализация в Восточной Европе / Томас М. Бон // Российская история. – 2009, №1. – С. 65-76.

30. Бондаренко И. Д. Функциональные особенности жилищно-эксплуатационных организаций в условиях Нижневартовска / И. Д. Бондаренко // Эксплуатация жилых и общественных зданий в условиях Нижневартовска. Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП №25. – Новосибирск: СибЗНИИИЭП, 1981. – С. 23-26.

31. Бородкин Ф. М. Проблемы демографического развития Сибири / Ф. М. Бородкин, С. В. Соболева // Демографическое развитие Сибири (прикладной и теоретический аспекты исследования). Сборник научных трудов. – Новосибирск, 1987. – С. 3-17.

32. Бот Ю. К. Особенности развития Тюменского нефтегазового комплекса и формирования его трудовых ресурсов / Ю. К. Бот // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 199-211.

33. Бочаров Ю. П. Производство и пространственная организация городов / Ю. П. Бочаров, Г. И. Фильваров. – М.: Стройиздат, 1987. – 256 с.

34. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Издательство «Весь Мир», 2007. – 592 с.

35. Буберман А. С. Проекты детальной планировки I и II очереди строительства города Нижневартовска // А. С. Буберман, О. И. Жигалова, В. В. Обозенко // Планировка и застройка Нижневартовска. Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП №7. – Новосибирск, 1974. – С. 37-46.

36. Будьков С. Т. География Тюменской области / С. Т. Будьков, В. А. Лезин. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. – 144 с.

37. Будьков С. Т. Тюменский меридиан: ресурсы, проблемы, перспективы / С. Т. Будьков. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 144 с.

38. Букин С. С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.) / С. С. Букин. – Новосибирск: Наука, 1984. – 271 с.

39. Букин С. С. Жилищная проблема в городах Сибири (1920 – 60-е годы) / С. С. Букин, В. И. Исаев. – Новосибирск: Параллель, 2009. – 198 с.

40. Букин С. С. Индустриально-урбанистическое общество в ракурсе исторического исследования / С. С. Букин, В. И. Исаев // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. Материалы межрегиональной научной конференции. – Новосибирск: Параллель, 2010. – С. 3-10.

41. Букин С. С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 240 с.

42. Букин С. С. Социокультурная адаптация населения Сибири в условиях урбанизации (1930–1980-е гг.) / С. С. Букин, А. А. Долголюк, В. И. Исаев, А. И. Тимошенко // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. – Новосибирск: Параллель, 2008. – С. 164-214.

43. Букин С. С. Урбанизация в Сибири в XX веке: закономерности и особенности / С. С. Букин, В. И. Исаев // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: Сб. науч. трудов. – Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2005. – С. 140-167.

44. Букин С. С. Условия быта населения в нефтегазовых районах Среднего Приобья / С. С. Букин // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы). Сб. науч. тр. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1992. – С. 126-139.

45. Быковский В. А. Нефть и газ Западной Сибири. Экономика и социальные проблемы / В. А. Быковский. – Екатеринбург: Издательство «Баско», 2001. – 72 с.

46. Вайтенс А. Г. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – начала XXI веков. Опыт исторического исследования / А. Г. Вайтенс, Ю. Л. Косенкова. – Обнинск: Институт муниципального управления, 2006. – 528 с.

47. Васильев В. Д. К вопросу разработки методики оптимизации плана городского жилищного строительства в условиях РНО Западной Сибири / В. Д. Васильев, В. Б. Лебедев // Участие научно-технической общественности в работе по комплексному развитию главной базы страны по добыче нефти и газа в Западной Сибири. Тезисы докладов зональной научно-практической конференции. – Тюмень, 1978. – С. 261-263.

48. Вассерман С. Н. Дополнительные показатели проекта планировки промзоны и поселка нефтяников в Сургуте / С. Н. Вассерман // Проектирование обустройства нефтяных месторождений Западной Сибири. – Тюмень, 1968. – С. 77-81.

49. Великопольский С. Д. Экономические факторы развития города Нижневартовска / С. Д. Великопольский // Социально-экономические особенности комплексного освоения районов Севера Тюменской области. – Тюмень: ТГУ, 1977. – С. 90-94.

50. Величко Ю. В. Феномен культурной среды малых городов Западной Сибири: автореф. дис. … канд. филос. наук: 24.00.01. – Тамбов, 2005. – 23 с.

51. Веселкина В. В. Изменение социально-классового состава населения Тюменского Севера в 60-70-е гг. / В. В. Веселкина // Исторический опыт освоения Сибири. Вып. 2. Освоение Сибири в Советской период. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Исторический опыт изучения и освоения Сибири». – Новосибирск: АН СССР, 1986. – С. 63-65.

52. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Л. Вирт // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. – 1997, № 3. – 168-196 с.

53. Вишневский А. Г., 1998. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневский. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.

54. Волков В. И. Проблемы развития и организации сферы досуга в молодых городах Тюменского Севера / В. И. Волков // Молодой город в районах нового освоения Севера: социально-культурные проблемы: Сб. науч. трудов. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 77-90.

55. Волосникова Е. А. Северный город: жизнедеятельность социальных общностей / Е. А. Волосникова. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2010. – 244 с.

56. Выходцев А. М. Некоторые аспекты развития урбанизации на территории Югры / А. М. Выходцев // География и природные ресурсы. – 2008, № 3. – С. 111-114.

57. Гаврилова Н.Ю. Градостроительная концепция освоения севера Тюменской области и ее реализация (60–80-е годы). / Н. Ю. Гаврилова // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1964–1994): Сб. научных трудов. – Тюмень, 1994. – С.52-62.

58. Гаврилова Н. Ю. Градостроительная модель освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири / Н. Ю. Гаврилова // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002, №1-2. – С. 230-237.

59. Гаврилова Н. Ю. Демографические аспекты освоения севера Западной Сибири (1960–1980 гг.) / Н. Ю. Гаврилова // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. Материалы межрегиональной научной конференции. – Новосибирск: Параллель, 2010. – С. 133-137.

60. Гаврилова Н. Ю., Карпов В. П. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964 – 1985 гг.) / Н. Ю. Гаврилова, В. П. Карпов // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002. – №1-2. – С. 238-244.

61. Гаврилова Н. Ю. Социальное освоение нефтегазодобывающих районов Западной Сибири: от концепции к реализации / Н. Ю. Гаврилова // Проблемы модернизации сибирского Севера: сборник научных трудов. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – С. 42-51.

62. Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 г.г.) / Н. Ю. Гаврилова. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – 283 с.

63. Ганопольский М. Г. Тюменская нефтегазодобывающая цивилизация: историко-географический конспект становления / М. Г. Ганопольский, Л. М. Маркова, Р. Ю. Фёдоров // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011, № 3. – С. 115-130.

64. Гапонова Т. Г. География миграционных связей и приживаемость новоселов Тюменского Севера / Т. Г. Гапонова // Медико-биологические проблемы вахтенного труда в условиях Тюменского Севера. – Новосибирск, 1977. – С. 52-57.

65. Гапонова Т. Г. Демографические процессы в районах нефтегазодобычи Тюменского Севера / Т. Г. Гапонова // Демографическое развитие Сибири (прикладной и теоретический аспекты исследования). Сборник научных трудов. – Новосибирск, 1987. – С. 69-79.

66. Гапонова Т. Г. Жилищные условия на Тюменском Севере / Т. Г. Гапонова // Социологические исследования проблем города и жилища (1970–1980 гг.). – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 142-147.

67. Географические проблемы освоения ресурсов Сибири / Отв. ред. В. А. Николаев. – Новосибирск: Наука, 1983.

68. Герасимова В. В. Экономические закономерности развития социалистической урбанизации / В. В. Герасимова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. – 136 с.

69. Гирштель А. Б. Анализ обеспеченности населения городов региона ЗСНГК жильем и объектами общественного назначения / А. Б. Гирштель, М. М. Ратманская // Проблемы проектирования и строительства в регионе ЗСНГК. – Науч. тр. ЗапСибЗНИИЭП. – Сургут, 1989. – С. 82-99.

70. Гирштель А. Б. ЗСНГК и роль социальной инфраструктуры в развитии региона / А. Б. Гирштель, М. М. Ратманская // Проблемы

проектирования и строительства в регионе ЗСНГК. – Науч. тр. ЗапСибЗНИИЭП. – Сургут, 1989. – С. 115-123.

71. Глазычев В. Л. Город России на пороге урбанизации / В. Л. Глазычев // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995. – С. 137-144.

72. Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды / В. Л. Глазычев. – М.: Наука, 1984. – 180 с.

73. Глазычев В. Л. Урбанистика / В. Л. Глазычев. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 220 с.

74. Гололобов Е. И. Природно-географический фактор в социально-экономическом развитии Сургута и Сургутского района в 20-е гг. XX века / Е. И. Гололобов // Очерки истории Сургута. – Сургут: Диорит, 2002. – С. 103-119.

75. Голубничий В. Ф. Особенности эксплуатации жилых и общественных зданий города Нижневартовска / В. Ф. Голубничий // Эксплуатация жилых и общественных зданий в условиях Нижневартовска. Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП №25. – Новосибирск: СибЗНИИИЭП, 1981. – С. 5-8.

76. Голубничий А. М. Вопросы совершенствования планирования на новом этапе развития нефтяной промышленности Западной Сибири / А. М. Голубничий, В. П. Гурьев, В. Т. Пермяков, Н. А. Сесин // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 91-114.

77. Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Отв. ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 2001. – 392 с.

78. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: монографический сборник. – М.: ОГИ, 2001. – 560 с.

79. Город и отрасль: концепция эффективности производства / Под ред. В. А. Воротилова. – Ленинград: Издательство «Наука», 1986. – 185 с.

80. Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 1995. – 351 с.

81. Город: проблемы социального развития / Под ред. А. В. Дмитриева, М. Н. Межевича. – Ленинград: «Наука», 1982. – 173 с.

82. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Книга третья. Столицы и провинция / Под общей ред. Е. И. Кириченко. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 616 с.

83. Градостроительство Сибири / Отв. ред. В. И. Царев; Рос. архит. и строит. наук, НИИ теории и истории архит. и градостроит. НИИТИАГ РААСН. – Санкт-Петербург: Коло, 2011. – 784 с.

84. Графов Л. Н. Формирование жилища в районах нового освоения Западной Сибири: автореф. дис. … канд. арх.: 18.00.02. – М., 1974. – 23 с.

85. Губина Л. И. Обеспеченность жильем населения Тюменской области и проблема закрепления кадров / Л. И. Губина // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 217-223.

86. Гущин Н. Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии / Гущин Н. Я. – Новосибирск: СО РАН, 1995. – 82 с.

87. Гущин Н. Я. Тенденции демографического развития Сибири в 60–80-х гг. / Н. Я. Гущин // Демографическое развитие Сибири. 30–80-е гг. (Исторический опыт и современные проблемы). Сб. науч. ст. – Новосибирск, 1991. – С. 49-103.

88. Данилов В. А. Некоторые проблемы развития территориально-производственного комплекса в Западной Сибири / В. А. Данилов, Д. А. Макеев // Социально-экономические особенности комплексного освоения районов Севера Тюменской области. – Тюмень: ТГУ, 1977. – С. 51-62.

89. Давидович В. Г. Процессы урбанизации и их регулирование / В. Г. Давидович // // Урбанизация мира. Вопросы географии. Сборник № 96. – М.: Мысль, 1974. – С. 85-97.

90. Давыдов И. М. Проект детальной планировки первой очереди строительства в г. Нефтеюганске / И. М. Давыдов, В. В. Прокопьева, Г. С. Шур,

О. Н. Адерихина // Научно-исследовательские и проектные работы ЛенНИИПградостроительства 1969 года. Сб. аннотаций. – М.: 1971. – С. 15-16.

91. Демиденко Э. С. Урбанизация: концепция и политика городского развития / Э. С. Демиденко. – М.-Брянск: Очаг, 1992. – 332 с.

92. Демиденко Э. С. Урбанизация: проблемы управления и социального развития / Э. С. Демиденко. – Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2005. – 332 с.

93. Демиденко Э. С. Урбанизация села и техно-ноосферные перспективы земледелия / Э. С. Демиденко. – Брянск: Издательство БГУ, 2005. – 212 с.

94. Демографическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа: ситуация, прогноз, политика / Под ред. Л. Л. Рыбаковского, А. В. Филипенко. – М.: Экон-информ, 2002. – 213 с.

95. Долгий В. М. Урбанизация как социокультурный процесс / Долгий В. М., Левада Ю. А., А. Г. Левинсон // Урбанизация мира. Вопросы географии. Сборник № 96. – М.: Мысль, 1974. – С. 19-31.

96. Долголюк А. А. Индивидуальное жилищное строительство в Сибири в 1946–1970 гг. / А. А. Долголюк // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. – Новосибирск: Параллель, 2008. – С. 81-103.

97. Долголюк А. А. Кадровые проблемы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / А. А. Долголюк // Проблемы труда и быта городского населения Сибири (1940-е – 90-е годы). Сб. науч. тр. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1992. – С. 89-118.

98. Древний город на Оби: История Сургута / Ред. А. Л. Сидоров, Л. В. Степанова, Я. С. Черняк. – Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 1994. – 336 с.

99. Дьяконов Ф. В. Географические особенности хозяйственного освоения и проблема расселения на Севере Западной Сибири / Ф. В. Дьяконов, Л. Ф. Куницын // Научно-техническая конференция по проблемам

градостроительства в газоносных районах Тюменской области. 26 – 28 июня 1968 г. Тезисы докладов. – Тюмень, 1968. – С. 41-45.

100. Еланцева О. П. Русская колонизация Севера Западной Сибири / О. П. Еланцева // Культура городов Тюменского Севера на рубеже веков. Тезисы докладов. – Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2001. – С. 26-32.

101. Ефимкин М. М. Жилищный фактор в процессе индустриальной адаптации Сибири в XX–XXI вв. / М. М. Ефимкин // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. – Новосибирск: Параллель, 2008. – С. 3-45.

102. Ефимкин М. М. Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980 гг. / М. М. Ефимкин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 273 с.

103. Зайцева А. Н. Население Тюменской области в двадцатом столетии / А. Н. Зайцева // Налоги, инвестиции, капитал. – 2000, № 5-6. – С. 65-70.

104. Зайцева А. Н. Роль социальной инфраструктуры в развитии социалистического образа жизни / А. Н. Зайцева // Участие научно-технической общественности в работе по комплексному развитию главной базы страны по добыче нефти и газа в Западной Сибири. Тезисы докладов зональной научно-практической конференции. – Тюмень, 1978. – С. 231-233.

105. Зайцева А. Н. Социалистический закон народонаселения: (региональный аспект). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. – 192 с.

106. Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение / Ж. А. Зайончковская. – М.: Наука, 1991. – 132 с.

107. Заславская Т. И. Проблемы формирования трудовых ресурсов и расселения на территории Тюменской области / Т. И. Заславская // Материалы конференции по проблемам развития и размещения производительных сил Тюменской области. Том 1. – Тюмень, 1970. – С. 154-162.

108. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиимель // Логос. – 2002, № 3-4. – Режим доступа: http://www.rau.su/observer/N10_97/10_06.htm. Дата обращения: 08.11.2011.

109. Зиновьев В. П. Революция массового потребления в СССР в 1960–1980-х гг. / В. П. Зиновьев // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всероссийской научной конференции. В 3 ч. Ч. 1. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 43-49.

110. Зорин Л. З. Сургутский вариант / Л. З. Зорин, А. Н. Трутнев. – М.: Недра, 1993. – 176 с.

111. Иванов О. М. Урбанизация и особенности формирования городского пролетариата в развивающихся странах / О. М. Иванов. – М.: Наука, 1985. – 192 с.

112. Исаев В. И. Проблемы изучения истории становления индустриально-урбанистического общества в Сибири / В. И. Исаев // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010, № 1. – С. 17-20.

113. Исаев В. И. Формирование индустриально-урбанистического образа жизни рабочих Сибири в 1920-е – 1930-е гг. / В. И. Исаев // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. Материалы межрегиональной научной конференции. – Новосибирск: Параллель, 2010. – С. 165-183.

114. История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс / Главный ред. В. А. Бешкильцев. – Москва: МЦА «Суханово», 2004. – 512 с.

115. Исупов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.) / В. А. Исупов. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. – 291 с.

116. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки / В. А. Исупов. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 244 с.

117. Кадников В. В. Особенности градостроительства в нефтегазоносных районах Западной Сибири (расселение и структура городов): автореф. дис. … канд. арх.: 18.00.04. – Л., 1973. – 32 с.

118. Кадников В. В. Формирование расселения в северных районах Западной Сибири / В. В. Кадников, Э. А. Миленина // В помощь проектировщику-градостроителю. Планировка и застройка северных городов. – Киев: «Будівельник», 1974. – С. 95-102.

119. Калугина Л. В. Строительство жилья на Севере Западной Сибири в последней трети XX в. / Л. В. Калугина // Северный регион: наука, образование, культура. – 2006, № 1. – С. 67-74.

120. Канцебовская И. В. Хозяйственная освоенность и урбанизация в СССР (региональные различия) / И. В. Канцебовская. – М.: «Знание», 1979. – 48 с.

121. Карпов В. П. Анатомия Тюменского подвига / В. П. Карпов // Родина. – 2012, № 8. – С. 20-23.

122. Карпов В. П. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации / В. П. Карпов, Г. Ю. Колева, Н. Ю. Гаврилова, М. В. Комгорт. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – 392 с.

123. Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948 – 1990гг.) / В. П. Карпов. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. – 316 с.

124. Карпов В. П. От макро- к микроистории: смещение приоритетов в изучении процесса индустриализации Тюменского Севера / В. П. Карпов, Н. Ю. Гаврилова // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: материалы Всероссийской научной конференции. – Тюмень, ТюмГНГУ, 2010. – С. 14-25.

125. Карпов В. П. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности / В. П. Карпов, Н. Ю. Гаврилова. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – 172 с.

126. Карпов В. П. Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта: монография / В. П. Карпов, Г. Ю. Колева, Н. Ю. Гаврилова, М. В. Комгорт, А. И. Тимошенко. – Тюмень: «Вектор Бук», 2011. – 260 с.

127. Карягин И. Д. Оптимальное планирование комплексного развития народного хозяйства Тюменской области / И. Д. Карягин // Социально-экономические проблемы освоения Севера Тюменской области. – Тюмень: Тюменский индустриальный институт, 1973. – С. 5-16.

128. Карягин И. Д. Экономические проблемы развития нефтяной промышленности Западной Сибири / И. Д. Карягин. – М.: «Недра», 1975. – 144 с.

129. Клевакин А. Н. Сибирский город в эпоху перемен / А. Н. Клевакин. – Новосибирск: Наука, 2008. – 116 с.

130. Коган Л. Б. Урбанизация и городские процессы: сущность и задачи исследования / Л.Б. Коган // Социологические исследования проблем города и жилища (1970–1980 гг.). – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 5-18.

131. Колева Г. Ю. Добывающие отрасли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1977 – 1989 гг.) / Г. Ю. Колева. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2006. – 184 с.

132. Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления: В 2-х ч. Ч. 1. / Г. Ю. Колева. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. – 152 с.

133. Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления: В 2-х ч. Ч. 2. / Г. Ю. Колева. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. – 160 с.

134. Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.) / Г. Ю. Колева. – Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2010. – 258 с.

135. Колева Г. Ю. Индустриальное развитие территорий будущей Тюменской области в первой половине XX . (1900 – 1944 гг.) / Г. Ю. Колева // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Тюменской области (21-23 мая 2009 г.). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2009. – С. 36-42.

136. Колева Г. Ю. История отраслей специализации Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1960–1980-е гг.) / Г. Ю. Колева. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 292 с.

137. Колева Г. Ю. Нефтегазовое освоение Тюменского региона и рост населения / Г. Ю. Колева // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: материалы Всероссийской научной конференции. – Тюмень, ТюмГНГУ, 2010. – С. 39-44.

138. Колева Г. Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960–1980-е годы / Г. Ю. Колева // Вестник Тюменского государственного университета. № 1, 2007. – С. 237-244.

139. Колпакова М. Р. Планировка и застройка базовых городов на севере Сибири: автореф. дис. … канд. арх.: 18.00.04. – М., 1973. – 31 с.

140. Колпакова М. Р. Стратегия градостроительного развития сибирского города / М. Р. Колпакова. – Новосибирск: НИПКиПРО, 2000. – 208 с.

141. Колпакова М. Р. Формирование планировочной структуры Нижневартовска / М. Р. Колпакова, Е. С. Нестеренок // Планировка и застройка Нижневартовска. Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП №7. – Новосибирск, 1974. – С. 19-36.

142. Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия / М. В. Комгорт. – Тюмень: «Вектор Бук», 2008. – 190 с.

143. Комогорцев И. И. Индустриальное развитие Сибири и задачи его изучения / И. И. Комогорцев // Социально-экономическое развитие советской Сибири: исторический опыт и современность. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 5-19.

144. Константинов О. А. Некоторые черты урбанизации в СССР / О. А. Константинов // Урбанизация мира. Вопросы географии. Сборник № 96. – М.: Мысль, 1974. – С. 69-84.

145. Копека М. А. Научно-техническая революция и социальное становление личности в условиях освоения Тюменского региона / М. А. Копека

// Социально-экономические проблемы освоения и развития Тюменского территориально-производственного комплекса. Тезисы докладов научно-практической конференции (июнь 1979 г.). – Тюмень, 1979. – С. 66-70.

146. Корель Л. В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации / Л. В. Корель. – Новосибирск: Наука, 1982. – 192 с.

147. Корепанов Г. С. Территориальное поведение социального объекта (Тюменская область) / Г. С. Корепанов. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2007. – 140 с.

148. Корнев И. Н. Урбанизация и образ жизни населения: социально-географический аспект / И. Н. Корнев // Проблемы территориальной организации производства и расселения в урбанизированных районах: Сб. научн. тр. – Свердловск: Свердл. пед. ин-т, 1988. – С. 27-37.

149. Корнилов Г. Г. Особенности формирования поселенческой сети ЯНАО в период активного промышленного освоения (1970-е – 1980-е гг.) / Г. Г. Корнилов // Проблемы модернизации сибирского Севера: сборник научных трудов. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – С. 92-100.

150. Король Ж. В. Сургут во второй половине XIX – начале XX вв. / Ж. В. Король // Северный регион: наука, образование, культура. – 2004, № 1. – 77-82.

151. Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири / В И. Кочедамов. – М.: Стройиздат, 1977. – 190 с.

152. Крушлинский В. И. Город и природа Сибири: Архитектурно-планировочные аспекты / В. И. Крушлинский. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 232 с.

153. Крючина Л. И. Монофункциональный северный город как элемент системы расселения и производства региона (на примере Ханты-Мансийского автономного округа): автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. – Екатеринбург, 2006. – 26 с.

154. Кузин Ю. М. Городская застройка Нижневартовска и эксплуатация жилого фонда / Ю. М. Кузин // Эксплуатация жилых и общественных зданий в

условиях Нижневартовска. Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП №25. – Новосибирск: СибЗНИИИЭП, 1981. – С. 9-12.

155. Куксанова Н. В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960–1970 гг. / Н. В. Куксанова. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1994. – 100 с.

156. Куксанова Н. В. Торговое обслуживание трудящихся в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980 гг.) / Н. В. Куксанова // Урбанизация советской Сибири. Отв. ред. В. В. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1987. – С. 176-184.

157. Куксанова Н. В. Формирование личного потребления населения Сибири в 1960–1980-е гг. / Н. В. Куксанова // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2001. – С. 199-221.

158. Курамин В. П. Проблемы планирования и управления развитием Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / В. П. Курамин, С. С. Песоцкий, В. Т. Пермяков, Н. А. Сесин, С. Н. Старовойтов // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 33-46.

159. Курамин В. П. Прогрессивные методы строительства в Западной Сибири / В. П. Курамин. – М.: Недра, 1987. – 112 с.

160. Курамин В. П. Тюменская стройка / В. П. Курамин, М. В. Чижевский, Б. В. Григорьев и тд. – М.: Недра, 1981. – 175 с.

161. Курилов В. Н. О некоторых закономерностях развития сибирского города XVII в. / В. Н. Курилов // Сибирские города XVII–начала XX века. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 109-119.

162. Курятников В. Н. Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30 – 50-е гг. XX века). Ч. II / В. Н. Курятников. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2008. – 365 с.

163. Куцев Г. Ф. Молодежь и молодые города / Г. Ф. Куцев. – М.: «Молодая гвардия», 1977. – 192 с.

164. Куцев Г. Ф. Новые города: (социол. очерк на материалах Сибири) / Г. Ф. Куцев. – М.: Мысль, 1982. – 269 с.

165. Куцев Г. Ф. Человек в северном городе / Г. Ф. Куцев. – Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1987. – 224 с.

166. Куцев Г. Ф. Человек на Севере / Г. Ф. Куцев. – М: Политиздат, 1989. – 219 с.

167. Лагно О. И. Роль градообразующего предприятия в управлении социальной сферой малого северного города: автореф. дис. … канд. соц. наук: 22.00.08. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.

168. Лаппо Г. М. География городов: учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов / Г. М. Лаппо. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 480 с.

169. Лаппо Г. М. Города на пути в будущее / Г. М. Лаппо. – М.: Мысль, 1987. – 236 с.

170. Лебедев В. Б. Некоторые результаты исследования жилищно-бытовых потребностей семей нефтепромысловых городов Среднего Приобья / В. Б. Лебедев, О. П. Пархоць // Тезисы докладов областной научно-технической конференции «Развитие прогрессивных методов градостроительства в сложных природных условиях». – Нижневартовск, 1982. – С. 5-8.

171. Лесков С. Н. Градостроительная политика в нефтегазодобывающих районах в переходный период (на примере Тюменской области): дис. … кан. арх.: 18.00.04. – Москва, 2000. – 189 с.

172. Листенгурт Ф. М. Основные закономерности процесса урбанизации в СССР / Ф. М. Листенгурт // Урбанизация мира. Вопросы географии. Сборник № 96. – М.: Мысль, 1974. – С. 98-105.

173. Листенгурт Ф. М. Понятие урбанизации / Ф. М. Листенгурт // Социально-пространственные структуры в стадиальной характеристике культурно-исторического процесса. Тезисы Межрегиональной конференции. – М.: Институт археологии РАН, 1992 . – С. 51-55.

174. Литвинов С. В. Архитектурно-планировочное развитие городов Среднего Приобья (исторический анализ и оценка): дис. … кан. арх.: 18.00.04. – Новосибирск, 2007. – 268 с.

175. Литвинов С. В. Градостроительная проблемность Северо-Востока в связи с нефтегазовым освоением (от современности к будущему) / С. В. Литвинов, А. Д. Шундрин // Известия вузов. Строительство. – 2005, № 5. – С. 93-99.

176. Литвинов С. В. Градостроительное развитие в условиях Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ближайший исторический опыт и перспектива) / С. В. Литвинов, А. Д. Шундрин // Известия вузов. Строительство. – 2004, № 10. – С. 76-83.

177. Литвинов С. В. Становление и развитие «нефтегазовых» городов Западной Сибири (ретроспекция и перспектива) / С. В. Литвинов, А. Д. Шундрин // Известия вузов. Строительство. – 2003, № 10. – С. 96-102.

178. Литенкова С. П. Опорный каркас расселения Тюменской области как индикатор становления региональной общности / С. П. Литенкова // Северный регион: наука и социокультурная динамика: Сборник тезисов докладов Всероссийской научной конференции. Май 2002, Ханты-Мансийск – Сургут. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2002. – С. 119-120.

179. Литовка О. П. Проблемы пространственного развития урбанизации / О. П. Литовка. – Ленинград: Наука, 1976. – 99 с.

180. Логинов В. Г. Особенности развития новых городов Тюменского Севера (на примере Ноябрьска и Когалыма) / В. Г. Логинов // Молодой город в районах нового освоения Севера: социально-культурные проблемы: Сб. науч. трудов. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 27-32.

181. Логунов Е. В. Роль миграции в формировании кадров Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / Е. В. Логунов // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. II: Социально-демографическое развитие Советской Сибири. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (12-14 декабря 1989 г.). – Новосибирск, 1989. – С. 94-96.

182. Любовный В. Я. Проблемы комплексного экономического и социального развития городов / В. Я. Любовный // Расселение населения и размещение производства. – М.: Издательство «Наука», 1982. – С. 123-132.

183. Малинин Е. Д. Население Сибири / Е. Д. Малинин, А. К. Ушаков. – М.: «Статистика», 1976. – 167 с.

184. Малков И. Ф. Об организационной форме управления жилищным строительством в Приобье / И. Ф. Малков // Научно-техническая конференция по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области. 26 – 28 июня 1968 г. Тезисы докладов. – Тюмень, 1968. – С. 110-113.

185. Мантикова Э. К. Жилищно-гражданское строительство Минэнерго СССР в Тюменской области (1965–1990 гг.) / Проблемы модернизации сибирского Севера: сборник научных трудов. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – С. 51-58.

186. Меерович М. Г. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.) / М. Г. Меерович, Е. В. Конышева, Д. С. Хмельницкий. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 270 с.

187. Мерлен П. Город. Количественные методы изучения / Пер. с фр. О. К. Парчевского; под ред. Ю. В. Медведкова. – М.: Прогресс, 1977. – 262 с.

188. Миленина Э. А. Проблемы реализации градостроительных предложений в проектировании и строительстве городов и вахтовых поселков / Э. А. Миленина, К. И. Морозова, В. И. Смирнов // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири. Сборник научных трудов. – Ленинград: ЛенЗНИИЭП, 1988. – С. 11-22.

189. Миленина Э. А. Программные документы по градостроительному освоению Севера / Э. А. Миленина, В. М. Мякиненков // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири. Сборник научных трудов. – Ленинград: ЛенЗНИИЭП, 1988. – С. 4-11.

190. Миленина Э. А. Сургут – опорный центр Российской Федерации / Э. А. Миленина, К. И. Морозова // Промышленное и гражданское строительство. – 2004, №2. – С. 16-17.

191. Миненко Н. А. Березов и Сургут в XVIII – первой половине XIX в. / Н. А. Миненко // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). – Новосибирск: Издательство «Наука», 1974. – С. 86-109.

192. Миненко Н. А. Сургут в системе российских городов XVI – XIX вв. / Н. А. Миненко // Сургут, Сибирь, Россия. Междунар. науч.-практ. конф. посвящ. 400-летию г. Сургута. – Екатеринбург, 1995. – 88-99.

193. Мисевич К. Н. Географическая среда и условия жизни населения Сибири / К. Н. Мисевич, С. В. Рященко. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 120 с.

194. Мисевич К. Н. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири / К. Н. Мисевич, В. И. Чуднова. – Новосибирск: Издательство «Наука». Сиб. отд-ние, 1973. – 209 с.

195. Митягин С. Д. Ведомственная практика реализации районной планировки в нефтеюганской зоне / С. Д. Митягин // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири. Сборник научных трудов. – Ленинград: ЛенЗНИИЭП, 1988. – С. 23-31.

196. Муравленко В. И. Перспективы развития нефтегазодобывающей провинции Среднего Приобья и проблема человека / В. И. Муравленко, П. А. Чечин // Медико-биологические проблемы вахтенного труда в условиях Тюменского Севера. – Новосибирск, 1977. – С. 15-19.

197. Население Западной Сибири в XX веке / Отв. ред. Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 1997. – 171 с.

198. Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. / Т. 3, кн. 2. 1980 – 1990 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 295 с.

199. Ним Б. А. Изменение численности и состава нефтяников Западной Сибири / Б. А. Ним // Численность и состав рабочих Сибири в условиях развитого социализма (1959 – 1975 гг.). – Новосибирск: Издательство «Наука», Сиб. отд-ние, 1977. – С. 68-77.

200. Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. – Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. – 146 с.

201. Обедков А. П. Эволюция сети городов Российского Севера и особенности северной урбанизации /А. П. Обедков // Федерализм. – 2008, № 4. – С. 105-116.

202. Оглы Б. И. Формирование центров крупных городов Сибири. Градостроительные и социально-культурные аспекты / Оглы Б. И. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – 168 с.

203. Опыт российских модернизаций. XVIII-XX века / Отв. ред. ак. В. В. Алексеев. – М.: Наука, 2000. – 246 с.

204. Орлов Б. П., Харитонова В. И. Формирование пространственной структуры Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / Б. П. Орлов, В. И. Харитонова // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. Вып. 3. – 1983, № 11. – С. 30-39.

205. Оруджиева А. Г. Формирование системы городов Урала в двадцатом столетии / А. Г. Оруджиева. Препринт. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2005. – 33 с.

206. Осипов В. А. К вопросу формирования производственной и социальной инфраструктуры Тюменской области в свете теории пространственных социально-экономических систем / В. А. Осипов // Участие научно-технической общественности в работе по комплексному развитию главной базы страны по добыче нефти и газа в Западной Сибири. Тезисы докладов зональной научно-практической конференции. – Тюмень, 1978. – С. 233-235.

207. Осипов В. А. Особенности формирования и регионального развития системы расселения в таежной зоне Тюменской области / В. А. Осипов, В. В.

Бакулин // Формирование населения и систем расселения в таежных районах страны. Сб. статей. Отв. ред. К. Н. Мисевич. – Иркутск: Ин-т географии СО АН СССР, 1987. – С. 29-35.

208. Особенности градостроительства в нефтедобывающих районах Тюменской области / науч. ред. В. К. Свешников; под общ. ред. В. В. Кадникова, С. И. Крестьяшина. – Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1972. – 127 с.

209. Особенности расселения в северных районах Западной Сибири (обзор) / Сост. В. В. Кадников, Э. А. Миленина, В. М. Фурен. – М.: ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре, 1973. – 46 с.

210. Отраднов А. Н. Экспансия социального пространства или опыт застройки Тюменского Севера / А. Н. Отраднов // Налоги, инвестиции, капитал. – 2000, № 5-6. – С. 58-64.

211. Оценка современных факторов развития городов и урбанизационных изменений в Сибири / отв. ред. Л. М. Корытный, Н. В. Воробьев. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2011. – 213 с.

212. Очерки истории Тюменской области / Отв. ред. В. М. Кружинов. – Тюмень, 1994. – 271 с.

213. Очерки истории Югры / Отв. ред. Д. А. Редин, Н. Б. Патрикеев. – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2000. – 408 с.

214. Панарин С. М. Открытие Сургутской нефти / С. М. Панарин // Очерки истории Сургута. – Сургут: Диорит, 2002. – С. 161-173.

215. Панарин С. М. Создание минеральной базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1961 – 1975 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 1995. – 23 с.

216. Панова С. Г. Культурная политика и образ жизни в районах нового освоения / С. Г. Панова, А. Ф. Шарова // Молодой город в районах нового освоения Севера: социально-культурные проблемы: Сб. науч. трудов. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 3-17.

217. Парк Р. Город как социальная лаборатория [Электронный ресурс] / Пер. с анг. С.П. Баньковской; urban-club.ru [web-сайт]. – Режим доступа: http://www.urban-club.ru/?p=50. Дата обращения: 26. 11. 2011.

218. Патрушев В. Д. Жизнь горожанина (1965–1998) / В. Д. Патрушев. – М.: Academia, 2001. – 160 с.

219. Пашков Н. М. Городское строительство в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири / Н. М. Пашков // Урбанизация советской Сибири. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1987. – С. 162-176.

220. Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. / Н. М. Пашков. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – 240 с.

221. Перельман А. Б. Повышение уровня благоустройства жилья и улучшение его эксплуатации в Нижневартовске / А. Б. Перельман // Эксплуатация жилых и общественных зданий в условиях Нижневартовска. Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП №25. – Новосибирск: СибЗНИИИЭП, 1981. – С. 13-15.

222. Перцик Е. Н. География городов (геоурбанистика): учеб. пособие для геогр. спец. вузов. – М.: Высш. шк., 1991. – 319 с.

223. Перцик Е. Н. Геоурбанистика: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Е. Н. Перцик. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 432 с.

224. Перцик Е. Н. Город в Сибири: (проблемы, опыт, поиск решений) / Е. Н. Перцик. – М.: Мысль, 1980. – 286 с.

225. Петрова Л. В. Сургут / Л. В. Петрова, Ф. Я. Показаньев. – Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1987. – 112 с.

226. Пивкин В. М. Климатологические основы районной планировки и градостроительства в Сибири / В. М. Пивкин. – Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1984. – 260 с.

227. Пивкин В. М. Основные требования к архитектурно-планировочной организации жилой застройки в климатических условиях нефтеносных районов Тюменской области / В. М. Пивкин, Л. Я. Школлер // Медико-биологические

проблемы вахтенного труда в условиях Тюменского Севера. – Новосибирск, 1977. – С. 57-62.

228. Пивоваров Ю. Л. Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. / Ю. Л. Пивоваров. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 232 с.

229. Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация. Основные тенденции расселения / Ю. Л. Пивоваров. – М.: «Статистика», 1976. – 191 с.

230. Пивоваров Ю. Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность / Ю. Л. Пивоваров // Общественные науки и современность. – 2001, №6. – С. 101-113.

231. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / В. И. Побережников. – М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.

232. Показаньев Ф. Я. Город древний. Город славный / Ф. Я. Показаньев. – Сургут: АИИК «Северный дом», 1994. – 160 с.

233. Полуй Б. М. Архитектура и градостроительство в суровом климате (экологические аспекты): Учеб. пособие для вузов / Б. М. Полуй. – Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1986. – 300 с.

234. Попков Ю. С. Системный анализ и проблемы развития городов / Ю. С. Попков, М. В. Посохин, А. Э. Гутнов, Б. Л. Шмульян. – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1983. – 512 с.

235. Попов Н. Н. Обский Север в конце XIX – начале XX вв. (социально-экономическое положение) / Н. Н. Попов // Сургут, Сибирь, Россия. Междунар. науч.-практ. конф. посвящ. 400-летию г. Сургута. – Екатеринбург, 1995. – С. 228-234.

236. Попов Р. А. Динамика и региональные различия урбанизированности России во второй половине XX века: дис. … канд. геог. наук: 25.00.24. – Москва, 2002. – 175 с.

237. Поткина Г. А. Реализация генплана Нижневартовска и регулирование его застройки / Г. А. Поткина // Планировка и застройка

Нижневартовска. Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП №7. – Новосибирск, 1974. – С. 47-51.

238. Приваловская Г. А. Некоторые особенности формирования внутренней территориально-производственной структуры Среднего Приобья / Г. А. Приваловская // Территориально-производственный комплекс. Вопросы географии. Сборник 80. – М, 1970. – С. 231-241.

239. Прищепа А. И. Градостроение в Сургуте во второй половине XX века / А. И. Прищепа // Отечественная история. – 2007, № 2. – С. 95-100.

240. Прищепа А. И. Из истории градостроения в Западной Сибири в 1960-х гг. / А. И. Прищепа // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Тюменской области (21-23 мая 2009 г.). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2009. – С. 21-24.

241. Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века / А. И. Прищепа. – Сургут: Диорит, 2005. – 256 с.

242. Прищепа А. И. Природно-географические и социальные факторы возрождения Сургута во второй половине XX века / А. И. Прищепа // Северные рубежи истории: Материалы межвузовской научной конференции с международным участием, посвященной 10-летию исторического факультета Сургутского государственного университета (1–3 марта 2012 г., Сургут). – Екатеринбург – Сургут: Издательство АМБ, 2012. – С. 133-136.

243. Прищепа А. И. Пять занимательных эпизодов из истории строительства города Сургута / А. И. Прищепа // Северный регион: наука, образование, культура. – 2009, № 1. – С. 12-17.

244. Проблемы перестройки управления урбанизацией и развитием крупных городов (препринт научного доклада). – Ленинград: АН СССР, Ленинградский научный центр, Институт социально-экономических проблем, 1987. – 43 с.

245. Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. / под. общ. ред. Ю. В. Куперта, К. В. Фадеева. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2007. – 210 с.

246. Прогнозы расселения и планировки новых городов Крайнего Севера / Под ред. Л. К. Панова. – Л.: Стройиздат (Ленингр. отд-ние), 1973. – 200 с.

247. Прокопьев В. Города нефтяников на севере Тюменской области / В. Прокопьев, Л. Тимофеев // Архитектура СССР. – 1976, № 11. – С. 28-29.

248. Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.) / В. Д. Пузанов. – СПб.: Алетейя, 2010. – 432 с.

249. Путинцев Э. П. Комплексная концепция северного градостроительства: автореф. дис. … д-ра архитектуры: 18.00.04. – Москва, 2005. – 65 с.

250. Рабцевич В. В. Управление городами в Сибири последней четверти XVIII – первой половины XIX в. / В. В. Рабцевич // Сибирские города XVII–начала XX века. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 155-173.

251. Радыгин Б. Л. Некоторые вопросы анализа изменения социальной инфраструктуры коллектива нефтегазодобывающего управления / Б. Л. Радыгин // Социально-экономические проблемы освоения Севера Тюменской области. – Тюмень: Тюменский индустриальный институт, 1973. – С. 93-96.

252. Разуваев Н. Я. Население г. Сургута и округа в XX столетии / Н. Я. Разуваев // Очерки истории Сургута. – Сургут: Диорит, 2002. – С. 120-131.

253. Резун Д. Я. Летопись сибирских городов / Д. Я. Резун, Р. С. Васильевский. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. – 304 с.

254. Репина Л. П. Город, общество, цивилизация: историческая урбанистика в поисках синтеза / Л. П. Репина // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995. – С. 32-38.

255. Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер, П. Поляна. – М.: ОГИ, 2005 – 816 с.

256. Рудницкий А. М. Управление городской средой / А. М. Рудницкий. – Львов: Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1985. – 108 с.

257. Рянский Ф. Н. Возможные изменения структуры хозяйства и расселения в Ханты-Мансийском автономном округе в связи с вызовами нового века / Ф. Н. Рянский, В. Л. Михайловский // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее: Сб. науч. статей. – Сургут: Диорит, 2004. – С. 277-283.

258. Сенявский А. С. Российский город в 1960-е–80-е годы / А. С. Сенявский. – М.: Институт российской истории РАН, 1995. – 264 с.

259. Сенявский А. С. Социальная основа СССР / А. С. Сенявский. – М.: Мысль, 1987. – 270 с.

260. Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе / А. С. Сенявский; Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 2003. – 286 с.

261. Сенявский С. Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961–1980 гг.) / А. С. Сенявский. – М.: Издательство «Мысль», 1982. – 351 с.

262. Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе / Отв. ред. М. К. Бандман, В. А. Калмык, Б. П. Орлов, З. Р. Цимдина. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. – 336 с.

263. Скубневский В. А. Урбанизационные процессы в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: избранные статьи / В. А. Скубневский; под ред. Ю. М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 296 с.

264. Скульмовская Л. Г. Новые промышленные города в условиях Тюменского Севера: демографический аспект / Л. Г. Скульмовская // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. 1. – Нижневартовск: ЦГБ, 1998. – С. 130-142.

265. Скульмовская Л. Г. О некоторых проблемах организации досуга населения монопрофильного города в условиях Тюменского Севера (На материалах конкретно-социологического исследования) / Л. Г. Скульмовская //

Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. III. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2000. – С. 66-74.

266. Славин С. В. Освоение Севера Советского Союза / С. В. Славин. – М.: Издательство «Наука», 1982. – 207 с.

267. Смирнов В. Проблемы градостроительного освоения Крайнего Севера и нефтегазоносных районов Западной Сибири / В. Смирнов, Э. Миленина, К. Морозова // Архитектура СССР. – 1976, № 11. – С. 9-16.

268. Соловьев В. П. Совершенствование систем «базовый город – вахта» в градостроительном освоении ЗСНГК / В. П. Соловьев, А. А. Зюзин-Зинченко // Проблемы проектирования и строительства в регионе ЗСНГК. – Науч. тр. ЗапСибЗНИИЭП. – Сургут, 1989. – С. 133-140.

269. Соловьев С. А. Развитие социальной инфраструктуры в условиях Крайнего Севера / С. А. Соловьев // Культура народностей Севера: традиции и современность. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 40-49.

270. Солодкин Я. Г. О некоторых дискуссионных вопросах основания Сургута / Я. Г. Солодкин // В. И. Муравленко в истории становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири: мат-лы науч.-практ. конф., 18-19 мая 2007 г. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. – С. 59-68.

271. Солодкин Я. Г. «Сургуцкий город» и присоединение к России сибирских земель в конце XVI – начале XVII вв. / Я. Г. Солодкин // Северный регион: наука, образование, культура. – 2004, № 1. – 31-38.

272. Станкевский В. Д. Особенности архитектурных решений жилых зданий в условиях Северо-Западной Сибири (на примере Тюменской области): автореф. дис. … канд. арх.: 18.840. – М., 1971. – 21 с.

273. Станкевский В. Д. Социально-экономические проблемы жилищного строительства на Севере Тюменской области / В. Д. Станкевский // Социально-экономические проблемы освоения и развития Тюменского территориально-производственного комплекса. Тезисы докладов научно-практической конференции (июнь 1979 г.). – Тюмень, 1979. – С. 109-111.

274. Стафеев О. Н. Мемуары как источник по истории нефтегазового комплекса Западной Сибири: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.09. – Томск, 2007. – 21 с.

275. Стахеев О. В. Совершенствование планировочных структур и застройки селитебных территорий базовых городов Западной Сибири: автореф. дис. … канд. арх.: 18.00.04. – С-Пб.: С-ПбГАСУ, 1995. – 27 с.

276. Степанов В. Д. Народно-хозяйственное значение развития городов и поселков в районах добычи нефти и газа Тюменской области / В. Д. Степанов // Планировка и застройка Нижневартовска. Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП №7. – Новосибирск, 1974. – С. 5-8.

277. Судаков А. В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в кон. 1950-х – сер. 1980-х гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Сургут, 2005. – 25 с.

278. Ташлыкова М. И. Развитие учреждений культуры и искусства Севера Западной Сибири (1965 – 1991 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Сургут, 2006. – 23 с.

279. Тенденция урбанизации и концепция развития крупного города (Препринт научного доклада для обсуждения на III Всесоюзной конференции «Социалистический город как объект исследования и управления») (Часть 1) / АН СССР, Ленинградский научный центр, Институт социально-экономических проблем. – Ленинград, 1988. – 52 с.

280. Терехин В. Проектирование и строительство Нижневартовска – города у Самотлора / В. Терехин // Архитектура СССР. – 1976, № 11. – С. 22-28.

281. Терехин В. Г. Пути повышения качества проектирования и строительства Нижневартовска / В. Г. Терехин // Планировка и застройка Нижневартовска. Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП №7. – Новосибирск, 1974. – С. 9-13.

282. Терещенко О. В. Динамика урбанизации в Западной Сибири (статистический аспект) / Терещенко О. В. // Пространственное развитие

урбанизации: общие закономерности и региональные особенности. Под ред. Ю. Л. Пивоварова. – М.: АН СССР Институт географии, 1991. – С. 176-183.

283. Терещенко О. В. Проблемы количественной оценки урбанизации (на примере Западной Сибири) / О. В. Терещенко // Тезисы докладов III Всесоюзной научно-практической конференции «Социалистический город как объект исследования и управления». Ленинград, 29-31 марта 1988 г. Секция I. Проблемы урбанизации на современном этапе. – Ленинград: АН СССР, 1988. – С. 24-26.

284. Тимофеев Л. А. Генеральный план г. Нефтеюганска Тюменской области / Л. А. Тимофеев, О. Н. Адерихина, И. М. Давыдов, В. В. Прокопьева, Г. С. Шур // Научно-исследовательские и проектные работы ЛенНИИПградостроительства 1969 года. Сб. аннотаций. – М.: 1971. – С. 14-15.

285. Тимошенко А. И. Адаптация населения в новых городах Сибири в 1950 – 1980-е гг. / А. И. Тимошенко // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Вып. 2. – Новосибирск: Параллель, 2007. – С. 150-169.

286. Тимошенко А. И. Особенности решения жилищных проблем в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. / А. И. Тимошенко // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 65-летию Тюменской области (21-23 мая 2009 г.). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2009. – С. 224-228.

287. Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки / А. И. Тимошенко. – Новосибирск: Параллель, 2007. – 287 с.

288. Тосунова М. И. Планировка городов и населенных мест (Основы проектирования) / М. И. Тосунова. Изд. 2-е. – М.: «Высш. школа», 1975. – 184 с.

289. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа / А. И. Трейвиш. – М.: Новый хронограф, 2009. – 372 с.

290. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Е. Г. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.

291. Трушков В. В. Город и культура / В. В. Трушков. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательства, 1976. – 112 с.

292. Трушков В. В. О формировании комплекса учреждений духовной культуры в среднеобском городском суперрегионе / В. В. Трушков // Участие научно-технической общественности в работе по комплексному развитию главной базы страны по добыче нефти и газа в Западной Сибири. Тезисы докладов зональной научно-практической конференции. – Тюмень, 1978. – С. 246-248.

293. Трушков В. В. Социалистическая культура и урбанизация в их взаимосвязи / В. В. Трушков // Марксистко-ленинская философия и интеграционные процессы в науке. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 1981. – С. 10-22.

294. Трушков В. В. Урбанизация и динамизм социалистического образа жизни / В. В. Трушков, С. И. Лысов // Социально-экономическое развитие народов Крайнего Севера. – Тюмень: ТГУ, 1979. – С. 33-50.

295. Тюков А. С. Сургут уездный на рубеже веков (XIX–XX вв.) / А. С. Тюков // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях. Материалы II научно-практ. конференции. – Сургут: Изд.-полиграф. комплекс, 2008. – С. 73-78.

296. Управление развитием новых городов: совм. исследования по соглашению между СССР и США о сотрудничестве в обл. жил. и др. видов стр-ва. – М.: Стройиздат, 1987. – 200 с.

297. Урбанизация в капиталистических странах / Реферативный сборник. – М.: АН СССР, 1991. – 128 с.

298. Урбанизация в условиях капитализма. Социально-экономические противоречия и экологические последствия / Под ред. М. Н. Межевича. – Ленинград: Издательство «Наука», 1988. – 187 с.

299. Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Отв. ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 285 с.

300. Урбанизация и демографические процессы / Под ред. Б. С. Хорева и Г. П. Киселевой. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 231 с.

301. Урбанизация и развитие городов в СССР / Отв. ред. И. И. Сигов. – Ленинград: Наука, 1985. – 256 с.

302. Урбанизация и развитие регионов областного уровня / Под ред. М. Н. Межевича, И. И. Сигова. – Ленинград: Наука. – 1990. – 212 с.

303. Файзуллин Ф. С. Социологические проблемы города / Ф. С. Файзулин; под ред. Н. А. Аитова. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1981. – 207 с.

304. Фейгина Э. Я. Проблемы расселения и планировки населенных пунктов районов Тюменского Севера / Э. Я. Фейгина, В. И. Замерцева // Научно-техническая конференция по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области. 26 – 28 июня 1968 г. Тезисы докладов. – Тюмень, 1968. – С. 19-24.

305. Хайтун А. Д. Экспедиционно-вахтовое строительство в Западной Сибири / А. Д. Хайтун. – Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1982. – 183 с.

306. Харви Д. Городской опыт [Электронный ресурс] / Пер. с анг. В. В. Вагина; urban-club.ru [web-сайт]. – Режим доступа: http://www.urban-club.ru/?p=105. Дата обращения: 26. 11. 2011.

307. Хорев Б. С. Мировой урбанизм на переломе / Б. С. Хорев, В. А. Безденежных, Н. В. Быкова. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 111 с.

308. Хорев Б. С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР) / Б. С. Хорев. – М.: Издательство «Мысль», 1975. – 428 с.

309. Хромов Ю. Б. Озеленение и благоустройство в городах и групповых системах расселения на Севере (Обзор) / Ю. Б. Хромов. – Москва: ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре, 1975. – 66 с.

310. Хромов Ю. Б. Поэтапное формирование северных городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / Ю. Б. Хромов, В. И. Коренев // Вопросы

реализации градостроительных предложений в Западной Сибири. Сборник научных трудов. – Ленинград: ЛенЗНИИЭП, 1988. – С. 31-46.

311. Чистякова Т. Н. Социально-экономическая эффективность реализации генеральных планов городов ЗСНГК / Т. Н. Чистякова // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири. Сборник научных трудов. – Ленинград: ЛенЗНИИЭП, 1988. – С. 55-59.

312. Чистякова Т. Н. Сургут – центр агломерации / Т. Н. Чистякова // Промышленное и гражданское строительство. – 2004, №2. – С. 18-19.

313. Чудинова Е. Ф. Миграционные процессы и формирование населения Тюменского Севера / Е. Ф. Чудинова // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. II: Социально-демографическое развитие Советской Сибири. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (12-14 декабря 1989 г.). – Новосибирск, 1989. – С. 96-97.

314. Шафраник Ю. К. Западно-Сибирский феномен. Тюмень на стыке веков: между прошлым и будущим / Ю. К. Шафраник, В. А. Крюков. – М.: Нефтегазовая Вертикаль, 2000. – 224 с.

315. Шашков А. Т. Строительство русских острогов в Сургутском уезде в конце XVI – начале XVI в. / А. Т. Шашков // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях. – Сургут: Дефис, 2003. – С. 32-35.

316. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.

317. Штубова Е. В. Формирование и развитие системы культурного обслуживания трудящихся в районах нового промышленного освоения Западной Сибири (1964 – 1985 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Свердловск, 1991. – 22 с.

318. Шуберт А. А. Обоснование норм проектирования новых городов Среднего Приобья / А. А. Шуберт // Градостроительные проблемы расселения в

Сибири. Сборник научных трудов. – Новосибирск: СибЗНИИЭП, 1984. – С. 54-78.

319. Шульга В. А. Город и рынок / В. А. Шульга. – М.: Общество «Знание» Российской Федерации, 1992. – 40 с.

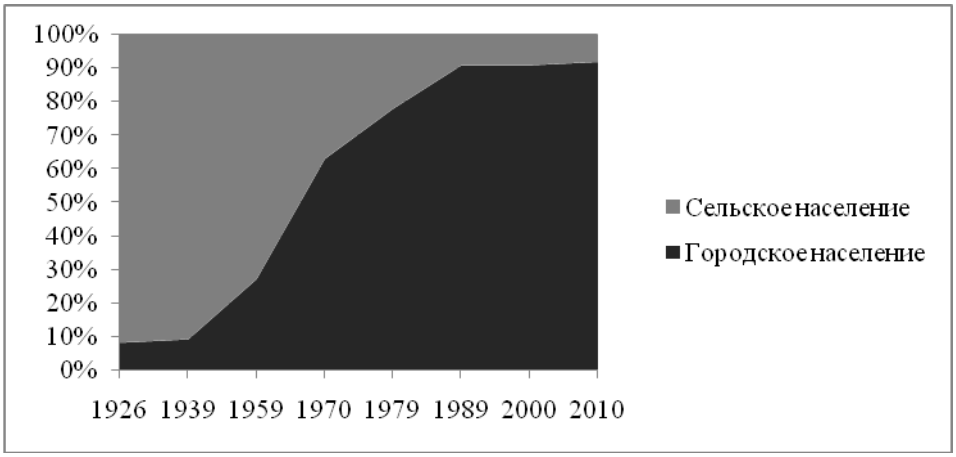
320. Шундрин А. Д. Охрана окружающей среды в градостроительстве районов нового хозяйственного освоения Сибири. Учебное пособие / А. Д. Шундрин. – Новосибирск: НИСИ им. В. В. Куйбышева, 1991. – 88 с.

321. Яницкий О. Н. Урбанизация, город, человек (критика буржуазной социологии) / О. Н. Яницкий. – М.: «Знание», 1974. – 64 с.

322. Яницкий О. Н. Экология города. Зарубежные междисциплинарные концепции / О. Н. Яницкий. – М.: Наука, 1984. – 240 с.

Приложение № 1

Урбанизационный переход в ХМАО



Источник: Демографический ежегодник (1999-2003): Стат. сборник. – Тюмень, 2003. – С. 17, 19, 21; Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. – М.: Госкомитет Российской Федерации по статистике, 1994. – С. 18, 21; Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2010 г. [Электронный ресурс]: Росстат; gks.ru [web-сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_109/Main.htm (Составлено и рассчитано автором).

Приложение № 2

Численность и темпы роста населения Тюменской области (тыс. чел.)

Год	Тюменская область (юг)	ХМАО	ЯНАО	Тюменская область (в целом)
1926	885	39	19	943
1939	850	93	48	991
1950	823	105	52	980
1959	907	124	62	1093
1970	1055	271	80	1406
1979	1160	569	158	1887
1989	1327	1268	486	3081
1997	1353	1336	492	3181
2002	1339	1424	509	3272
2010	1345	1539	546	3430
Темпы роста, 2010 г. к 1926 г.	152%	3946%	2874%	364%
Темпы роста, 2010 г. к 1959 г.	148%	1241%	881%	314%
Темпы роста, 1989 г. к 1959 г.	146%	1023%	784%	282%

Источник: Население России за 100 лет (1897-1997): Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 1998. – С. 52; Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2010 г. [Электронный ресурс]: Росстат; gks.ru [web-сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_109/Main.htm (дата обращения: 27.12.2011 г.); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. – М.: Гомкомстат России, 2002. – С. 20 (Составлено и рассчитано автором).

Приложение № 3

Численность городского населения Тюменской области (в разрезе округов; тыс. чел.)

Год	Тюменская область (Юг)	ХМАО	ЯНАО
1926	97	3	0
1939	155	8	13
1959	292	33	22
1970	486	170	34
1979	624	446	80
1989	811	1153	379
2000	799	1247	409
2010	807	1409	464

Источник: Демографический ежегодник (1999-2003): Стат. сб. – Тюмень, 2003. – С. 17, 19, 21; Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. – М.: Государственный комитет Российской Федерации по статистике, 1994. – С. 18; Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2010 г. [Электронный ресурс]: Росстат; gks.ru [web-сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_109/Main.htm (Составлено автором).

Приложение № 4

Динамика численности городского населения Тюменской области в сравнении с регионами Западно-Сибирского экон. района и Свердловской областью (тыс. чел.)

Регион	Год				Темпы роста			
	1959	1970	1989	1999	1989 г. к 1959 г.	1999 г. к 1959 г.	1999 г. к 1989 г.	1989 г. к 1970 г.
Западно-Сибирский экон. район	5724	7431	10921	10743	191%	188%	98%	147%
Республика Алтай	30	40	52	51	173%	170%	98%	130%
Алтайский край	852	1188	1530	1404	180%	165%	92%	129%
Кемеровская обл.	2149	2401	2776	2611	129%	121%	94%	116%
Новосибирская обл.	1275	1638	2078	2035	163%	160%	98%	127%
Омская обл.	711	1008	1451	1466	204%	206%	101%	144%
Томская обл.	360	466	691	716	192%	199%	104%	148%
Тюменская обл. (в целом)	347	690	2343	2460	675%	709%	105%	340%
Тюменская обл. (юг)	292	486	811	799	278%	274%	99%	167%
ХМАО	33	170	1153	1248	3494%	3782%	108%	678%
ЯНАО	22	34	379	413	1723%	1877%	109%	1115%
Свердловская обл.	3074	3485	4108	4062	133%	132%	99%	118%

Источник: Демографический ежегодник России: Стат. сб. – М.: Госкомстат России, 1999. – С. 26-28 (Составлено и рассчитано автором).

Приложение № 5

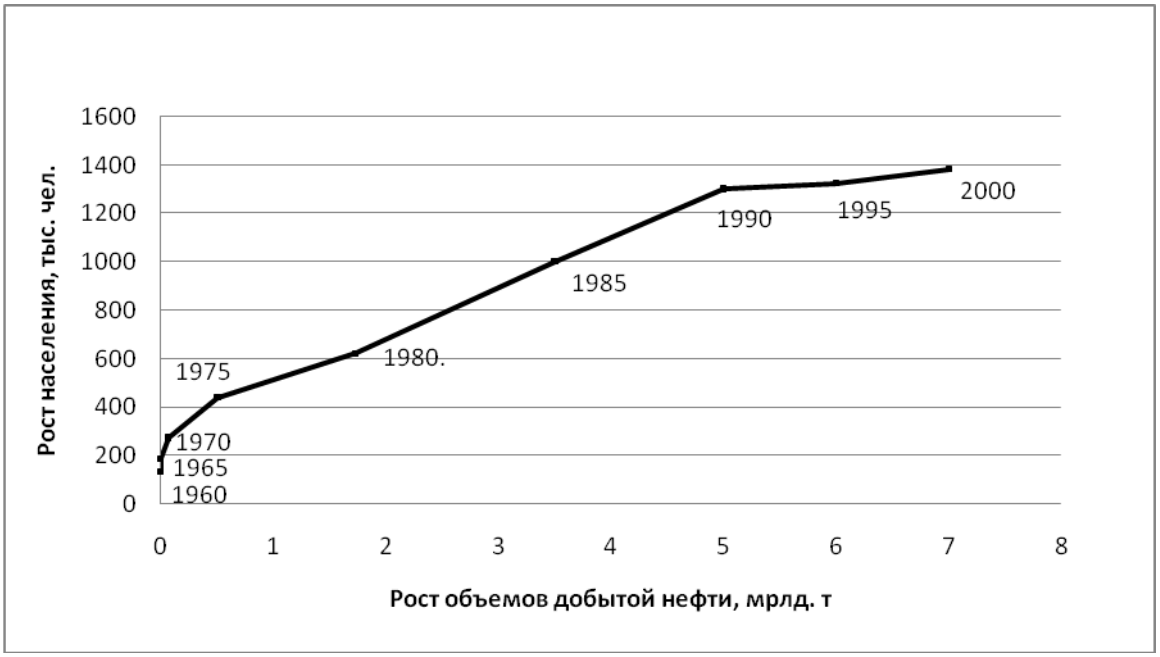
Динамика численности сельского населения в Тюменской области и округах в 1926 – 2010 гг. (тыс. чел.)

Регион	Год							
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2000	2010
Тюменская область	843	815	746	716	737	738	766	751
Тюменская область (юг)	788	695	615	569	536	516	559	540
ХМАО	36	85	91	101	123	115	121	129
ЯНАО	19	35	40	46	78	107	86	82

Источник: Демографический ежегодник (1999-2003): Стат. сб. – Тюмень, 2003. – С. 17, 19, 21; Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. – М.: Государственный комитет Российской Федерации по статистике, 1994. – С. 21; Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2010 г. [Электронный ресурс]: Росстат; gks.ru [web-сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_109/Main.htm (Составлено автором).

Приложение № 6

Корреляция роста населения и объемов добытой нефти всего по ХМАО, 1960 – 2000 гг.



Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). – Сургут: информационно-издательский концерн «Северный дом», 1995 г. – С. 128, 215; . Из истории промышленного развития Тюменской области (1917–1980): Документы и материалы. – Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1988. – С. 362-363; Нефть Югры – стабильность России [Электронный ресурс] / oil2012.admhmao.ru [web-сайт]. – Режим доступа: http://www.oil2012.admhmao.ru/. Дата обращения: 25.01.2013; Статистический ежегодник (1990-2010): Стат. сб. в 4-х частях. Ч. II (I) Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Территориальный орган Федеральный службы государственной статистики по Тюменской области. – Тюмень, 2011. – С. 21 (Составлено и рассчитано автором).

Приложение № 7

Динамика численности городов ХМАО различной величины

Размер города	Год							
	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000
Всего городов	3	4	5	6	10	12	15	16
Из них с числом жителей (тыс.)								
До 50 (Малые города)	3	4	3	3	7	8	10	11
От 50 до 100 (Средние)	-	-	2	1	1	2	3	3
От 100 до 250 (Большие)	-	-	-	2	2	1	1	1
От 250 до 500 (Крупные)	-	-	-	-	-	1	1	1

Источник: Народное хозяйство Тюменской Ордена Ленина области за 25 лет. Стат. сб. – Тюмень, 1969. – С. 66-67; Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966 – 1970 годы). Стат. сб. – Тюмень, 1971. – С. 70-71; Народное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области за шесть лет семилетки (1959 – 1964 гг.). – Тюмень, 1965. – С. 9-10; Народное хозяйство Тюменской области за 1945 – 1980-е гг. – Тюмень, 1981. – С. 14-15; Народное хозяйство Тюменской области за два года 9-й пятилетки (1971 – 1972 гг.) (Стат. сб.). – Тюмень, 1973. – С. 106-107; Экономика и культура Ханты-Мансийского национального округа в годы девятой пятилетки (в цифрах). – Ханты-Мансийск, 1974. – С. 6; ГАХМАО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 367. Л. 1; Тюменская область в цифрах за годы одиннадцатой пятилетки (1981 – 1985 гг.). – Тюмень, 1986. – С. 24-26; Численность населения Тюменской области на начало 1986 – 1988 гг. Стат. сб. – Тюмень, 1988. – С. 14-16; Численность населения Тюменской области. 1989 – 1992 гг. Стат. сб. – Тюмень, 1992. – С. 12-14 (Составлено и рассчитано автором).

Приложение № 8

Численность населения городов ХМАО в 1960-е гг. (оценка органов статистики на начало года и перепись населения 1970 г.; тыс. чел.)

Город	Год										
	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970
Ханты-Мансийск	20,9	21,8	22,5	23,4	24,1	24,0	24,2	24,4	24,6	25,3	24,7
Сургут	6,2	6,3	6,9	7,5	8,0	10,4	15,6	18,6	22,6	27,4	34,0
Урай	-	-	-	2,3	2,7	10,2	18,5	21,8	23,7	24,3	17,4
Нефтеюганск	-	-	-	-	-	6,4	10,4	14,7	19,5	22,2	19,7
Нижневартовск	-	-	-	-	-	3,2	5,7	9,1	10,3	11.9	15,7
Мегион	-	-	-	-	-	3,0	4,0	5,5	3,9	7,0	6,4
Комсомольский (Югорск)	-	-	-	-	-	7,2	7,6	8,3	8,7	9,2	6,6
Советский	-	-	-	-	-	4,5	10,2	11,7	13,8	7,6	5,9

Источник: Народное хозяйство Тюменской Ордена Ленина области за 25 лет. Стат. сб. – Тюмень, 1969. – С. 66-67; Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966 – 1970 годы). Стат. сб. – Тюмень, 1971. – С. 70-71; Народное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области за шесть лет семилетки (1959 – 1964 гг.). – Тюмень, 1965. – С. 9-10 (Составлено автором).

Приложение № 9

Численность населения городов ХМАО в 1970-е гг. (оценка органов статистики на начало года; тыс. чел.)

Город	Год									
	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980
Ханты-Мансийск	24,8	24,6	25,0	25,5	26,6	26,4	27,0	27,3	27,7	28,1
Сургут	37,2	40,2	46,0	53,2	65,9	76,4	84,7	94,3	107,2	120,8
Урай	18,5	18,0	17,6	17,1	18,9	19,0	19,9	20,0	21,9	23,4
Нефтеюганск	20,9	16,3	21,2	23,1	28,5	37,6	41,2	45,7	52,2	51,2
Нижневартовск	19,8	24,2	32,9	44,9	66,0	68,1	81,9	93,6	108,3	122,2
Мегион	7,0	8,0	9,8	12,0	17,1	16,6	19,6	21,1	22,5	24,4
Нях (Нягань)	-	-	-	-	-	-	3,8	3,9	4,5	5,4
Белоярский	-	-	-	-	-	7,1	6,6	6,9	7,8	8,8
Комсомольский (Югорск)	6,9	7,5	7,9	8,7	11,2	10,0	10,9	11,5	12,2	12,8
Советский	6,8	8,0	8,8	9,7	11,4	12,0	10,9	12,9	13,3	13,4

Источник: Народное хозяйство Тюменской области за 1945 – 1980-е гг. – Тюмень, 1981. – С. 14-15; Народное хозяйство Тюменской области за два года 9-й пятилетки (1971 – 1972 гг.) (Стат. сб.). – Тюмень, 1973. – С. 106-107; Экономика и культура Ханты-Мансийского национального округа в годы девятой пятилетки (в цифрах). – Ханты-Мансийск, 1974. – С. 6; ГАХМАО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 367. Л. 1 (Составлено автором).

Приложение № 10

Численность населения городов ХМАО в 1980-е гг. (оценка органов статистики на начало года; тыс. чел.)

Город	Год									
	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Ханты-Мансийск	28,3	28,9	30,1	30,8	31,4	31,9	32,9	33,8	34,4	34,8
Сургут	136,5	156,0	174,7	187,8	203,3	214,7	226,9	235,6	247,4	255,8
Урай	24,7	25,9	27,7	29,8	31,6	33,5	35,5	36,5	37,2	38,0
Нефтеюганск	57,1	63,9	66,7	72,2	77,5	81,5	86,4	89,1	93,9	95,3
Нижневартовск	134,2	150,6	165,8	177,9	189,5	199,9	212,1	220,5	241,2	246,0
Мегион	27,0	30,1	26,7	28,2	29,2	31,1	33,5	35,1	39,8	41,0
Нягань	7,5	11,2	15,5	19,2	24,9	29,3	36,5	41,6	54,0	58,6
Когалым	-	-	-	-	-	27,6	32,9	35,8	44,3	47,2
Радужный	-	-	18,4	20,1	23,2	26,5	32,1	38,2	43,7	46,5
Лангепас	-	3,3	8,1	10,9	13,8	15,7	18,0	19,9	25,6	28,3
Белоярский	9,8	11,1	14,0	16,7	19,3	24,0	26,1	26,6	20,5	19,7
Пыть-Ях	-	-	3,5	6,0	8,2	10,1	12,9	15,5	17,1	32,9
Мамонтово (с 1990 г. – Пыть-Ях)	6,4	8,3	10,3	11,4	12,3	12,6	13,9	13,4	13,9	-
Лянтор	-	-	-	-	9,3	11,3	13,4	15,0	22,1	23,4
Покачи	-	-	-	2,5	3,3	5,0	7,1	8,2	11,5	12,4
Югорск	13,3	14,9	16,8	19,1	20,5	21,1	21,8	22,2	24,9	25,3
Советский	14,0	14,7	15,5	16,2	17,0	18,0	18,9	19,4	21,1	21,1

Источник: Тюменская область в цифрах за годы одиннадцатой пятилетки (1981 – 1985 гг.). – Тюмень, 1986. – С. 24-26; Численность населения Тюменской области на начало 1986 – 1988 гг. Стат. сб. – Тюмень, 1988. – С. 14-16; Численность населения Тюменской области. 1989 – 1992 гг. Стат. сб. – Тюмень, 1992. – С. 12-14 (Составлено автором).

Приложение № 11

Распределение занятого населения ХМАО по отраслям экономики (всего работающих, %)

Отрасли	Год								
	1959	1965	1970	1975	1980	1985	1989	1990	1992
Промышленность	37,3	31,5	26,7	22,9	18,2	18,7	17,2	18,8	20,8
Сельское хозяйство	14,8	5,5	4,2	3,0	1,7	1,4	1,4	1,4	1,4
Лесное хозяйство	0,5	1,1	0,8	0,3	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1
Транспорт	6,3	3,6	8,2	11,7	17,9	18,3	17,7	18,5	18,9
Связь	2,0	1,7	2,4	1,8	1,6	1,4	1,2	1,2	1,3
Строительство	3,9	18,1	26,5	29,3	33,7	33,6	30,6	27,5	23,2
Торговля и общепит	7,6	11,8	10,4	8,8	7,9	7,4	7,2	7,8	6,4
Заготовки	0,2	1,6	0,2	0,6	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1
Материально-техническое снабжение и сбыт	0,07	3,0	3,1	3,2	4,5	4,5	4,6	4,5	4,6
Информационно-вычислительное обслуживание	-	-	-	-	-	-	0,1	0,2	0,2
Геология и разведка недр, геодезич. службы	-	6,8	3,8	4,8	1,5	0,9	0,7	0,5	1,2
Прочие виды деятельности		0,8	0,9	1,0	1,0	1,0		0,9	1,2
Жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание	1,5	1,0	1,6	2,6	3,3	2,8	4,8	4,6	4,6
Здравоохранение и социальное обеспечение	4,0	4,1	4,6	3,8	3,0	3,1	3,5	3,5	4,5
Народное образование	7,1	6,9	5,0	4,5	3,6	4,0	5,3	5,8	7,1
Культура и искусство	0,4	0,7	0,7	0,7	0,6	0,5	0,8	0,8	0,9
Наука и науч. обслуживание	8,7					0,9	1,9	1,8	1,4

Финансирование, кредитование и гос. страхов.	0,4	0,3	0,4	0,4	0,5	0,5	0,5	0,6	0,7
Органы управления	2,0	1,3	0,5	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	1,0
Общественные организации	0,5	0,2					0,2	0,2	0,1
Организации, не отчитывающие по труду								0,5	0,2
Совместные предприятия									0,1

Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). – Сургут: информационно-издательский концерн «Северный дом», 1995 г. – С. 182-183; ГАХМАО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 732. Л. 7; Народное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области за шесть лет семилетки (1959 – 1964 гг.). – Тюмень, 1965. – С. 16 (Составлено автором).

Приложение № 12

Распределение занятого населения ХМАО по отраслям экономики (тыс. чел.).

Наименование показателей	Год				Темпы роста	
	1959	1970	1979	1989	1989 в % к 1959	1989 в % к 1970
Все занятое население	56,9	136,8	356,6	749,7	1317	548
Отрасли материального производства	-	86,9	289,2	-	-	-
В том числе:						
Промышленность	21,1	36,5	84,5	128,6	609	352
Строительство	2,2	28,6	86,7	229,6	10436	803
Сфера сельского хозяйства	8,4	5,7	8,3	9,5	113	166
Лесное хозяйство	0,3	1,1	2,4	0,2	150	-550
Транспорт	3,6	11,2	61,3	132,8	3689	1186
Связь	1,1	3,2	6,7	9,1	827	284
Торговля и общественное питание	4,3	14,2	27,7	53,6	1246	377
Заготовки	0,1	0,2	0,1	1,4	1400	700
Материально-техническое снабжение и сбыт	0,1	-	8,4	34,5	34500	-
Непроизводственные отрасли	-	49,9	66,6	-	-	-
В том числе:						
Жилищное хозяйство	0,2	-	5,1	36,1	4512	-
Коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание	0,6	-	5,9			-
Здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение	2,3	6,3	10,9	25,7	1117	408
Просвещение	4,0	7,1	18,4	39,8	995	560
Наука и научное обслуживание	4,9	-	15,0	14,4	294	-
Культура и искусство	0,2	1,3	2,0	5,6	2800	431
Кредитование и страхование	0,2	-	2,0	4,1	2050	-
Управление	1,1	-	5,7	5,1	464	-
Партийные и общественные организации	0,3	-	1,0	0,9	300	-

Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 135. Л. 3-9, 23-28; ГАХМАО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 732. Л. 7; Народное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области за шесть лет семилетки (1959 – 1964 гг.). – Тюмень, 1965. – С. 16; Экономика и культура Ханты-Мансийского автономного округа за 50 лет за 50 лет (в цифрах). – Ханты-Мансийск, 1980. – С. 8 (Составлено автором).

Приложение № 13

Уровень образованности населения ХМАО (1959 – 1979 гг.)

Образование	1959 г.				1970 г.				1979 г.			
	Все население		Городское		Все население		Городское		Все население		Городское	
	Тыс. ч.	%	Тыс. ч.	%	Тыс. ч.	%	Тыс. ч.	%	Тыс. ч.	%	Тыс. ч.	%
Все население в округе в возрасте 10 лет и старше	91,4	100	26,0	100	210,6	100	135,4	100	455,9	100	356,6	100
Высшее	1,2	1,3	0,6	2,2	6,3	3,0	5,0	3,7	31,0	6,8	27,2	7,6
Незаконченное высшее	0,7	0,8	0,3	1,1	1,4	0,7	1,0	0,8	3,3	0,7	2,8	0,8
Среднее специальное	5,4	5,9	1,9	7,3	19,8	9,4	14,6	10,8	79,8	17,5	66,4	18,6
Среднее общее	2,5	2,7	1,0	3,8	19,5	9,2	15,2	11,2	114,8	25,2	95,5	26,8
Неполное среднее	18,2	19,9	6,5	25,0	63,1	30,0	44,2	32,6	124,8	27,4	94,3	26,4
Начальное	32,1	35,1	8,3	31,9	68,2	32,4	38,8	28,6	82,7	18,1	57,9	16,2
Не имеют начального образования	31,2	34,1	7,4	28,5	31,9	15,1	16,3	12,0	19,5	4,3	12,2	3,4

Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 14. Л. 69об-70об; ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 41. Л. 11; ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 125. Л. 69-70об; Экономика и культура Ханты-Мансийского автономного округа за 50 лет за 50 лет (в цифрах). – Ханты-Мансийск, 1980. – С. 7 (Составлено и рассчитано автором).

Приложение № 14

Национальный состав населения ХМАО (1959 – 1989 гг.)

Национальность	1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Все население	123926	100	271157	100	570763	100	1282396	100
Русские	89813	72,5	208500	76,9	423792	74,2	850297	66,3
Украинцы	4363	3,5	9986	3,7	45484	8,0	148317	11,6
Татары	2938	2,4	14046	5,2	36898	6,5	97689	7,6
Башкиры	91	0,07	1244	0,4	7522	1,3	31151	2,4
Белорусы	1281	1,0	3362	1,2	7555	1,3	27775	2,2
Чуваши	289	0,2	1929	0,7	4739	0,8	14000	1,1
Азербайджанцы			136	0,05	1263	0,2	12846	1,0
Молдаване	564	0,4	579	0,2	1735	0,3	10406	0,8
Немцы	2059	1,7	2069	0,8	3499	0,6	8929	0,7
Мордва	125	0,1	1162	0,4	3155	0,5	7107	0,5
Марийцы			712	0,3	1791	0,3	5801	0,4
Удмурты			1304	0,5	2029	0,3	3956	0,3
Коми	2821	2,3	3150	1,2	3105	0,5	3436	0,3
Коми-пермяки			466	0,2	1335	0,2	2607	0,2
Казахи	102	0,08	179	0,07	563	0,1	3126	0,2
Лезгины			44	0,02	216	0,04	3091	0,2
Кумыки					89	0,01	3077	0,2
Чеченцы			68	0,02	269	0,05	2845	0,2
Армяне			147	0,05	893	0,1	2490	0,2
Евреи	197	0,1	250	0,09	978	0,2	2053	0,2
Другие национальности	1354	1,1	1978	0,7	5475	1,0	21799	1,7
Ханты	17929	14,5	12222	4,5	11219	2,0	11892	0,9
Манси			6684	2,5	6156	1,1	6562	0,5
Ненцы			940	0,3	1003	0,2	1144	0,1

Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). – Сургут: информационно-издательский концерн «Северный дом», 1995 г. – С. 130; Народное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области за шесть лет семилетки (1959 – 1964 гг.). – Тюмень, 1965. – С. 12 (Составлено и рассчитано автором).

Приложение № 15

Национальный состав городского населения ХМАО (1959 – 1989 гг.)

Национальность	1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.	
	Число лиц	%	Число лиц	%	Число лиц	%	Число лиц	%
Все население	33464	100	170,6	100	446034	100	1166339	100
Народности севера (ханты, манси, ненцы)	1185	3,5	3,4	2,0	4424	1,0	6788	0,6
Русские	28147	84,1	138,7	81,3	336104	75,3	773468	66,3
Украинцы	962	2,9	6,8	4,0	37612	8,4	139087	11,9
Белорусы	187	0,5	2,1	1,2	5899	1,3	25474	2,2
Татары	1143	3,4	10,7	6,3	31910	7,1	92822	7,9
Башкиры	9	0,03			6511	1,4	29916	2,6
Чуваши	41	0,1			3841	0,9	13086	1,1
Коми и коми-пермяки	442	1,3	1,0	0,6	1906	0,4	3625	0,3
Мордва	24	0,07			2707	0,6	6649	0,6
Молдаване	172	0,5			1291	0,3	9739	0,8
Евреи	100	0,3			910	0,2	1985	0,2
Немцы	679	2,0			2803	0,6	8137	0,7
Азербайджанцы					1114	0,2	12435	1,1
Удмурты					1554	0,3	3540	0,3
Марийцы					1366	0,3	5313	0,4
Другие национальности	373	1,1	7,9	4,6	6082	1,4	34275	2,9

Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 14. Л. 66-66об.; Народное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области за шесть лет семилетки (1959 – 1964 гг.). – Тюмень, 1965. – С. 12; Национальный состав населения Тюменской области. Всесоюзная перепись 1989 г. – Тюмень, 1990. – С. 93-94 (Составлено и рассчитано автором).

Приложение № 16

Группировка городского населения ХМАО по возрасту (тыс. чел.)

Возраст	Год							
	1959	%	1970	%	1979	%	1989	%
Все население	33,5	100	170,6	100	446,0	100	1152,8	100
Моложе трудоспособного возраста	11,1	33,1	56,0	32,8	127,3	28,5	381,2	33,1
В трудоспособном возрасте	19,7	58,8	106,6	62,5	305,2	68,4	730,7	63,4
Старше трудоспособного возраста	2,7	8,1	8,0	4,7	13,4	3,0	40,8	3,5
Из них по возрастным группам:								
До 1 года	0,9	2,7	3,3	1,9				
0-4	4,1	12,2	16,3	9,5	48,1	10,8	139,5	12,1
5-6	1,7	5,1	7,1	4,2	41,3	9,2	127,4	11,0
7-9	2,3	6,9	11,9	7,0				
10-14					31,8	7,1	99,3	8,6
10-15	3,0	8,9	20,7	12,1				
15-19					27,2	6,1	55,0	4,8
16-19	2,7	8,1	10,9	6,4				
20-24	3,4	10,1	16,0	9,4	57,3	12,8	86,7	7,5
25-29	3,4	10,1	16,8	9,8	71,3	16,0	161,8	14,0
30-34	3,3	9,8	24,0	14,1	43,2	9.7	155,7	13,5
35-39	1,8	5,4	14,5	8,5	37,1	8,3	120,8	10,5
40-44	1,7	5,1	12,9	7,6	35,8	8,0	62,9	5,4
45-49	1,8	5,4	6,1	3,6	20,6	4,6	49,4	4,3
50-54	1,4	4,2	3,9	2,3	16,3	3,6	43,4	3,8
55-59	1,1	3,3	3,8	2,2	6,0	1,3	21,2	1,8
60-69	1,2	3,6	3,9	2,3	6,2	1,4	20,4	1,8
70-79	0,5	1,5	1,4	0,8	3,1	0,7	6,9	0,6
80-89	0,1	0,3	0,4	0,2	0,6	0,1	2,0	0,2
90-99	0,015	0,1	0,024	0,1	0,1	0,02	0,1	0,01
100 лет и старше	0,001	0,001	0,001	0,001	0,04	0,001	0,02	0,0002

Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 14. Л. 56об.; ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 125. Л. 5об-7об.; ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 184. Л. 5-8 (Составлено и рассчитано автором).

Приложение № 17

Половой состав населения ХМАО (1959 – 1989 гг.)

Год	Все население				Городское население			
	Чел.		%		Чел.		%	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
1959	58154	65772	46,9	53,1	15025	18439	44,9	55,1
1970	136784	134373	50,4	49,6	86167	84458	50,5	49,5
1979	297208	271931	52,2	47,8	231316	214359	51,9	48,1
1989	649073	619366	51,2	48,8	588642	564143	51,1	48,9

Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 41. Л. 1-4; ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 184. Л. 1, 5; ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 125. Л. 3, 5об (Составлено и рассчитано автором).

Приложение № 18

Число семей и группировка их по размеру среди городского населения ХМАО (1970 – 1989 гг.)

Год	Число семей	В т. ч. численность семей				Средний размер семьи
		2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 чел. и более	
1970	41934	9609	12804	11246	8275	3,6
	100%	23,0%	30,5%	26,8%	19,7%	
1979	116640	27840	43705	32835	12260	3,3
	100%	23,9%	37,5%	28,1%	10,5%	
1989	306174	63584	96998	107471	38121	3,4
	100%	20,8	31,7	35,1	12,4	

Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 50. Л. 18-19; ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 82. Л. 17-20; Население Тюменской области. Всесоюзная перепись населения 1989 г. – Тюмень, 1991. – С. 21-23 (Составлено и рассчитано автором).

Приложение № 19

Миграция населения в ХМАО в 1945 – 1994 гг.

(включая внутриобластную миграцию; человек)

Год	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост
1945	3100	2594	506
1960	15609	13338	2271
1965	47147	25491	21656
1970	59177	44257	14920
1975	82658	53582	29076
1980	153979	98080	55899
1985	154593	102926	51667
1990	84849	82571	2278
1991	68800	87248	-18448
1992	64109	74041	-9932
1993	66149	60810	5339
1994	68047	64668	3379

Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). – Сургут: информационно-издательский концерн «Северный дом», 1995 г. – С. 129.

Приложение № 20

Доля механического и естественного прироста в общем приросте населения городов ХМАО (1969 – 1994 гг.)

Наименование административного образования	Прирост	Годы					
		1969-1971	1972-1976	1976-1980	1981-1984	1988-1990	1991-1994
ХМАО	Механ.	80%	81%	81%	80,5%	46%	0%
	Естест.	20%	19%	19%	19,5%	54%	100%
Ханты-Мансийск	Механ.	-100%	30%	41%	59%	2%	-25%
	Естест.	0%	70%	59%	41%	98%	-75%
Сургут	Механ.	84%	83%	86%	82%	53%	0%
	Естест.	16%	17%	14%	18%	47%	100%
Урай	Механ.	55%	0%	44%	71%	36%	-100%
	Естест.	45%	100%	56%	29%	64%	0
Нефтеюганск	Механ.	74%	82%	82%	72%	0%	0%
	Естест.	26%	18%	18%	28%	100%	100%
Нижневартовск	Механ.	-	-	85%	77%	74%	-100%
	Естест.	-	-	15%	23%	26%	0%
Мегион	Механ.	-	-	95%	63%	44%	-100%
	Естест.	-	-	5%	37%	56%	0%
Нягань	Механ.	-	-	-	92%	78%	0%
	Естест.	-	-	-	8%	22%	-100%
Когалым	Механ.	-	-	-	-	74%	28%
	Естест.	-	-	-	-	26%	72%
Лангепас	Механ.	-	-	-	95%	80%	77%
	Естест.	-	-	-	5%	20%	23%
Радужный	Механ.	-	-	-	89%	72%	0%
	Естест.	-	-	-	11%	28%	100%
Белоярский	Механ.	-	-	-	89%	-100%	-100%
	Естест.	-	-	-	11%	0%	0%
Пыть-Ях-Мамонтово	Механ.	-	-	-	86,5%	72%	56%
	Естест.	-	-	-	13,5%	28%	44%
Югорск	Механ.	-	-	-	81%	13%	68%
	Естест.	-	-	-	19%	87%	32%
Советский	Механ.	-	-	-	63%	0%	-100%
	Естест.	-	-	-	37%	100%	0%

Таблица составлена и рассчитана автором по данным из фонда 1112 ГАТО и статистических сборников.

Приложение № 21

Естественный прирост населения по городам ХМАО в 1966 – 1977 гг. (чел.)

Административное образование	Годы								
	1966	1968	1970	1971	1972	1973	1975	1976	1977
ХМАО	3043	3529	3934	4383	5202	5180	6878	7478	8046
Ханты-Мансийск	218	181	266	236	234	221	295	229	310
Сургут	233	399	594	645	826	887	1275	1251	1612
Урай	257	401	394	370	389	306	316	352	350
Нефтеюганск	175	396	405	449	697	579	618	789	869
Нижневартовск	-	-	-	414	730	943	1403	1641	1662

Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 109. Л. 119, 320; Экономика и культура Ханты-Мансийского национального округа в годы девятой пятилетки (в цифрах). – Ханты-Мансийск, 1974. – С. 9 (Составлено автором).

Приложение № 22

Число родившихся по городам ХМАО (чел.)

Административное образование	Годы								
	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1975	1976	1977
ХМАО	4692	5010	5374	5479	5959	6410	9450	10197	11147
Ханты-Мансийск	393	375	407	407	473	456	544	504	559
Сургут	381	449	548	644	811	853	1560	1629	1988
Урай	316	398	478	399	462	451	392	429	427
Нефтеюганск	235	315	486	510	524	562	791	931	1055
Нижневартовск	-	-	-	-	-	-	1773	2005	2152

Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 109. Л. 116, 318 (Составлено автором).

Приложение № 23

Число умерших по городам ХМАО (чел.)

Административное образование	Годы								
	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1975	1976	1977
ХМАО	1649	1804	1845	1926	2025	2027	2572	2719	3101
Ханты-Мансийск	180	210	226	206	207	220	249	275	249
Сургут	148	125	149	162	217	208	285	378	376
Урай	59	78	77	53	68	81	76	77	77
Нефтеюганск	60	64	90	103	119	113	173	142	186
Нижневартовск	-	-	-	-	-	-	370	364	490

Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 4. Д. 109. Л. 116, 319 (Составлено автором).

Приложение № 24

Поселковая планировочная структура города Сургута, 1968 г.

Источник: Город Сургут. Генеральный план. Пояснительная записка. – М.: Гипрогор, 1968. – С. 34.

Приложение № 25

Неблагоустроенное временное жилье

Балки на берегу реки Сайма в центре города Сургута (конец 1970-х гг.). Источник: Генеральный план города Сургута. Том 1. Архитектурно-планировочная структура города и технико-экономическое обоснование. Ленинград: ЛенНИИПградостроительства, 1979. Л. 49.

Бараки в г. Сургуте (1970-е гг.). Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 8026.

Вагон-городок в Нефтеюганске в 1960-х гг. Источник: ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 634. Л. 18.

Современные трущобы Нефтеюганска. Источник: фотография автора (июнь 2013 г.).

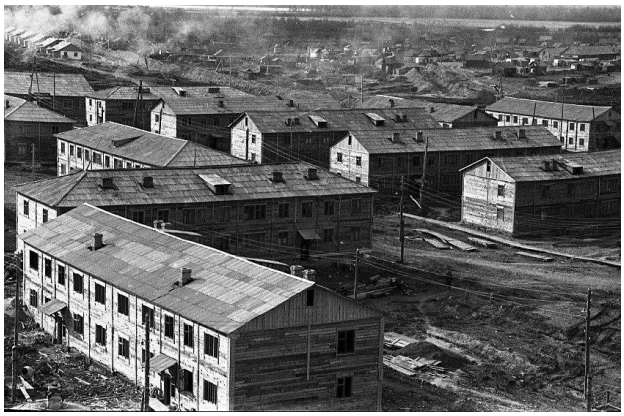
Панорама рабочего поселка Нижневартовский (1966 г.). Источник: АОАГС. Фотофонд. Оп. 1. Д. 665.

Палаточный городок в г. Сургуте (1960-е гг.). Источник: ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 634. Л. 22.

Приложение № 26

Брусчатые двухэтажные дома

Город Урай в 1967 г. Источник: ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 424/1



Шестой микрорайон г. Нефтеюганска (1960-е гг.) Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 8400.

Дом в поселке геологов в городе Сургуте. Источник: Фотография автора (май 2013 г.)

Приложение № 27

Типовые пятиэтажные капитальные дома («хрущёвки) – конец 1960-х гг. – начало 1980-х гг.

Новые дома в поселке Радужный. Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 2454.

Первые капитальные дома г. Сургута (вторая половина 1960-х гг.). Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 8024.

Город Нефтеюганск в 1970-х гг. Источник: ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 366.

Приложение № 28

Многоэтажная застройка и ансамбли из блок-секционных домов (1980-е гг).

«Московские» дома Нижневартовска. Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 2287.

Новая центральная улица (Ленина) г. Сургута. Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 3226.

Новые «трилистники» в г. Сургуте. Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 4138.

Новые дома улучшенных серий в г. Сургуте. Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 2767.

Шестнадцатиэтажки в Нижневартовске. Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 3818.

Центральная улица г. Сургута. Источник: АОАГС. Фотофонд. Оп. 1. Д. 411.

Приложение № 29

Жилищный фонд базовых городов нефтяников на 1 января 1968 г.

Показатели	Город			
	Сургут	Урай	Нефтеюганск	Нижневартовск
Всего жилья, кв. м.	118542	87790	61919	67750
Обеспеченность жильем кв. м. на 1 чел.	5,2	3,7	3,8	6,5
Жилищный фонд Главтюменнефтегаза	32110	43543	40685	33263
Жилищный фонд Главтюменнефтегазстроя, кв. м.	18162	18012	17267	10290
Жилищный фонд Главтюменгеологии, кв. м.	31030	*	*	*
Жилищный фонд других ведомств, кв. м.	17290	23248	2166	15037
Индивидуальное жилье, кв. м.	19950	2987	1801	9160
Количество балков, шт.	1000	700	1400	400

Источник: ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4917. Л. 31.
* - данные не найдены.

Приложение № 30

Задания по жилищному строительству в 1978-1980 гг., предусмотренные постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 февраля 1978 г. (тыс. кв. м)

Министерство	Всего	Город		
		Сургут	Нижневартовск	Нефтеюганск
Миннефтегазстрой	1000	180	80	70
Миннефтепром	1427	330	680	205
Минпромстрой	100	-	-	-
Минтрансстрой	61	20	17	-
Мингазпром	330	55	-	-
Минэнерго	60	46	8	-
Мингео	210	60	-	-

Источник: ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 855. Л. 168-172.

Приложение № 31

Задания по возведению жилых домов для министерств в 1981 – 1983 гг. в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1980 г. (тыс. кв. м.)

Министерство	1981 г.	1982 г.	1983 г.
Мингазпром СССР	220	260	280
Мингео СССР	192	217	247
Миннефтегазстрой СССР	435	485	535
Минпромстрой СССР	50	50	50
Минэнерго СССР	60	100	111
Миннефтепром СССР	820	940	980
В том числе силами министерств:			
Минпромстрой	310	365	370
Миннефтегазстрой	270	320	340
Минэнерго	20	20	20
Минстрой	50	55	60
Миннефтепром	170	180	190

Источник: ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1673. Л. 210.

Задание по строительству и вводу в эксплуатацию жилых домов для работников предприятий Миннефтепрома в городах и поселках ХМАО на 1986 – 1990 гг. в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1985 г. (тыс. кв. м.)

Распределение заданий			
Миннефтегазстрой СССР		Минпромстрой СССР	
Всего по ЗСНГК:			
2090		2010	
Всего по ХМАО:			
1405		1535	
По городам и поселкам ХМАО:			
Сургут	275	Нижневартовск	390
Нефтеюганск	165	Мегион	165
Урай	25	Радужный	300
Нягань	225	Покачевский	195
Лянторский	115	Белозерный	70
Федоровский	80	Бахиловский	40
Айпинский	40	Тимченко	85
Мамонтово	95	Хохряковский	45
Пойковский	60	Лангепас	245
Талинский	25		
Когалымский	300		

Источник: ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1799. Л. 29.

Приложение № 32

Жилищный фонд городов на 1986 г

Город	Показатели				
	Общая (полезная) площадь – тыс. кв. м.	В том числе жилая площадь	Из общей площади обобществленный жилфонд, тыс. кв. м. (удельный вес в процентах)	Средняя обеспеченность населения жильем в расчете на одного жителя – кв. м.	
				Общая	Жилая
Сургут	2629,5	1576,3	2599,1 (98,8%)	11,7	7,0
Нижневартовск	2656,7	1679,4	2643,9 (99,5%)	12,4	7,9
Нефтеюганск	1173,8	742,7	1160,2 (98,8%)	13,6	8,6
Урай	496,2	327,4	490,6 (98,9%)	13,7	9,1
Ханты-Мансийск	409,8	262,6	339,7 (82,9%)	12,6	8,1
Мегион	404,5	247,7	397,2 (98,2%)	10,1	6,2
Лангепас	341,1	200,8	341,1 (100%)	13,6	8,0

Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1748. Л. 7.

Приложение № 33

Общежития коечного типа и численность проживающих в них на конец 1986 г. в городах ХМАО

Город	Показатели				
	Число общежитий (единиц/коек)	Общая/жилая площадь в общежитиях – тыс. кв. м.	Число проживаю-щих – человек	Средняя обеспеченность проживающих в общежитиях коечного типа жильем в расчете на одного жителя – кв. м. площади	
				Общая	Жилая
Сургут	115/32737	321,9/179,7	32584	9,9	5,5
Нижневартовск	91/24265	238,0/150,3	23698	10,0	6,3
Нефтеюганск	45/13066	122,0/69,0	12801	9,5	5,4
Урай	12/1686	17,4/11,9	1651	10,5	7,2
Ханты-Мансийск	28/2603	24,6/14,2	2403	10,2	5,9
Мегион	53/3102	29,4/20,5	3115	9,4	6,6
Лангепас	58/5421	51,0/32,4	5361	9,5	6,0

Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1748. Л. 16-17 (Составлено автором).

Приложение № 34

Обеспеченность жильем в городах ХМАО в 1981 – 1988 г. (% к нормативу)

Город	Год		
	1981	1986	1988
Сургут	63,8	72,5	83,3
Нижневартовск	70,0	80,8	83,5
Нефтеюганск	78,0	87,4	90,9
Нягань	-	58,3	62,4
Урай	87,8	94,9	93,2
Радужный	27,1	50,4	55,2
Когалым	82,2	55,6	61,6
Мегион	50,7	74,9	92,2
Лангепас	52,7	78,4	126,3

Источник: Гирштель А. Б., Ратманская М. М. Анализ обеспеченности населения городов региона ЗСНГК жильем и объектами общественного назначения // Проблемы проектирования и строительства в регионе ЗСНГК. – Науч. тр. ЗапСибЗНИИЭП. – Сургут, 1989. – С. 86-87.

Приложение № 35

Распределение населения ХМАО по уровню благоустройства и периоду постройки домов, в которых оно проживает

Дома	Проживают в помещениях оборудованных, %							
	Электри-чество	Центр. отопле-ние	Водо-провод	Кана-лизация	Горячая вода	Газ	Электро-плита	Ванна
Всего	99,5	86,5	82,8	79,6	65,9	85,9	58,2	71,2
В домах 1951 – 1960 гг.	98,6	11,4	8,0	4,0	0,7	51,1	2,6	1,0
В домах 1961 – 1970 гг.	99,0	57,7	52,4	47,5	19,3	76,2	5,6	24,5
В домах 1971 – 1980 гг.	99,5	89,3	84,9	80,8	65,4	86,9	47,0	72,6
В домах 1981 – 1988 гг.	99,5	94,9	92,0	89,4	78,8	89,7	76,5	83,4
В капитальных домах	99,6	99,2	99,8	97,8	95,7	97,7	82,2	96,1
В домах из дерева	99,2	67,9	60,5	54,8	26,0	71,8	25,8	38,0

Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 325. Л. 2, 4, 6, 8, 10 (Составлено автором).

Приложение № 36

Жилой фонд городов ХМАО (тыс. кв. м. общей площади; 1965 – 1995 гг.)

Город	Год						
	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995
Ханты-Мансийск	172	213	234	317	386	520	567
Сургут	86	287	610	1307	2333	3538	4310
Урай	62	164	210	325	477	590	672
Нефтеюганск	30	170	385	692	1069	1428	1542
Нижневартовск	-	165	621	1389	2424	3274	3713
Мегион	-	60	-	248	349	638	886
Когалым	-	-	-	-	230	700	843
Радужный	-	-	-	-	200	609	652
Лангепас	-	-	-	-	185	653	547
Нягань	-	-	-	-	256	672	803
Белоярский	-	-	-	-	-	270	285
Пыть-Ях	-	-	-	-	-	-	506
Покачи	-	-	-	-	-	-	242
Лянтор	-	-	-	-	-	-	435
Югорск	-	-	-	-	-	-	487

Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). – Сургут: информационно-издательский концерн «Северный дом», 1995 г. – С. 265; Города Тюменской области. – Тюмень, 1996. – С. 38; Тюменская область в цифрах (к 60-летию со дня образования СССР). – Тюмень, 1982. – С. 143; Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966 – 1970 годы). Статистический сборник. – Омск: Издательство «Статистика», 1971. – С. 241 (Составлено автором).

Приложение № 37

Ввод в действие общей площади в жилых домах в ХМАО (тыс. кв. м.)

Годы					Темпы роста (1986-1989 гг. к 1966-1970 гг.)
1966-1970	1971-1975	1976-1980	1981-1985	1986-1989	
800	1484,3	2734,4	5432,9	5840,2	730%

Источник: Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 г.г.). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – С. 264; Тюменская область в цифрах. 1971 – 1975 годы. – Свердловск, 1976. – С. 92; Тюменская область в цифрах. 1976 – 1980 годы. – Свердловск, 1981. – С. 110; Тюменская область в цифрах в разрезе городов и районов за 1986 – 1989 гг. 1 том. – Тюмень, 1990. – С. 42 (Составлено автором).

Городской жилищный фонд ХМАО 1965-1990 гг. (включая поселки городского типа; на конец года; тыс. кв. м.)

Год							Темпы роста (1990 г. к 1965 г.)
1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	
696	1495	2655	6152	11082	17683	20592	2541%

Источник: Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 г.г.). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – С. 264; Ханты-Мансийский автономный округ в цифрах 1990 – 1995 гг. – Ханты-Мансийск, 1996. – С. 28; Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966 – 1970 годы). Статистический сборник. – Омск: Издательство «Статистика», 1971. – С. 241 (Составлено автором).

Приложение № 38

Количество культурно-просветительских учреждений в ХМАО (1960 – 1992 гг.; включая общественные и ведомственные учреждения)

Показатели	Год							
	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1992
Массовые библиотеки	160	223	172	186	212	245	319	302
Число книг, журналов и тд. в библиотеках, тыс. экз.	540,0	855,0	1171,0	1939,0	2541,0	3382,0	4332,2	4297,5
Клубные учреждения	178	190	219	223	251	295	353	301
Киноустановки	130	187	249	264	270	357	375	208
Число посещений киносеансов, млн	-	-	-	12,1	10,2	12,8	9,6	2,2
Музеи	-	-	-	1	2	3	6	6
Театры	-	-	-	-	-	-	1	1

Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). – Сургут: информационно-издательский концерн «Северный дом», 1995 г. – С. 165-167.

Приложение № 39

Наличие социокультурных учреждений в городах нефтяников на момент получения статуса города в 1960-х гг.

Показатели	Город		
	Сургут	Урай	Нефтеюганск
Среднее и начальные школы-интернаты	6	1	3
Детсад и детясли	9	7	5
Интернат для коренных национальностей	1	-	-
Больница или больничный корпус	1	1	1
Поликлиника или здравпункт	1	-	-
Аптека	1	-	1
Дом культуры, клубы	2	4	1
Библиотека	2	1	2
Кинотеатр	1	3 киноустановки	2 киноустановки, 1 кинопередвижка
Комбинат бытового обслуживания	1	1	1
Магазинов	28	17	14 магазинов, 18 ларьков
Столовая	4		10
Хлебопекарня	2	-	3

Источник: ГАТО. Ф. 814. О.п 1. Д. 4213. Л. 122-124; ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4493. Л. 118; ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4525. Л. 106-107.; ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4525. Л. 106-108 (Составлено автором).

Приложение № 40

Основные показатели развития торговли и общественного питания в ХМАО (1960 – 1992 гг.)

Показатели	Год							
	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1992
Розничный товарооборот гос. и кооп. торговли, включая общ. питание, млн. руб.	61,1	131,2	298,8	602,1	1058,8	1743,2	2832,9	40923,9
В том числе: оборот общ. питания, млн. руб	2,9	8,8	25,4	57,3	120,4	190,1	278,9	3494,3
Число предприятий розничной торговли	684	939	1089	1398	1525	2046	2411	2493
Число магазинов	593	769	853	724	1245	1591	1994	2032
Торг. площадь на 10000 чел., кв. м.			1505,0	1689,0	1467,0	1467,0	1610,0	1710,0
Число предприятий общественного питания	109	235	418	800	1412	1559	2318	2631
Число мест предприятий общест. питания на 10000 чел.	143,1	259,5	403,8	595,7	767,2	726,9	940,0	960,0

Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). – Сургут: информационно-издательский концерн «Северный дом», 1995 г. – С. 196-197.

Приложение № 41

Объем реализации бытовых услуг
(в ценах соответствующих лет, млн. руб.)

Административное образование	Год		
	1970	1980	1990
ХМАО	2,99	16,2	73,6
Нефтеюганск	0,31	2,1	6,9
Сургут	0,53	3,6	22,4
Нижневартовск		4,0	18,6
Урай	0,3	1,1	2,0
Мегион		0,5	2,0
Ханты-Мансийск	0,57	1,5	1,9

Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). – Сургут: информационно-издательский концерн «Северный дом», 1995 г. – С. 199.

Приложение № 42

Показатели развития здравоохранения в ХМАО (1960 – 1992 гг.)

Показатели	Год								Темпы роста
	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1992	
Больничные учреждения, ед.	43	52	60	58	66	76	79	82	191%
Ввод в действие объектов здравоохранения (больниц, коек)	40	211	265	200	430	52	83	60	150%
Число больничных коек	930	1890	3790	5255	7085	11170	14158	13520	1454%
Число больничных коек на 10000 чел.	69,4	84,0	132,6	123,9	105,4	106,9	106,6	102,8	148%
Численность врачей всех специальностей, чел	155	241	517	1029	1824	3214	4166	4172	2692%
Численность врачей на 10000 чел.	11,6	10,7	17,9	23,5	27,0	30,7	31,4	31,7	273%
Амбулаторно-поликлинические учреждения	49	60	68	94	95	127	149	147	300%
Число фельдшерско-акушерских пунктов	264	229	173	138	157	178	160	148	-56%
Женские консультации, детские поликлиники, амбулатории	14	18	39	57	84	104	122	126	900%

Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). – Сургут: информационно-издательский концерн «Северный дом», 1995 г. – С. 168-169, 178 (Составлено автором).

Приложение № 43

Школьное и дошкольное строительство в ХМАО (1960 – 1992 гг.)

Показатели	Год							
	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1992
Общеобразовательные школы, ед.	268	264	245	239	246	302	369	395
Ввод в действие общеобразовательных школ (ученических мест)	1030	2300	1035	5376	2702	12112	10114	1686
Дошкольные учреждения, ед.	185	160	258	285	331	476	698	728
Ввод в действие дошкольных учреждений (мест)	194	325	585	1590	4200	8325	7025	745

Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). – Сургут: информационно-издательский концерн «Северный дом», 1995 г. – С. 161, 164, 175, 176 (Составлено автором).

Приложение № 44

Наличие социокультурных учреждений в городах нефтяников на момент получения статуса города в 1980-х гг.

Показатели	Город				
	Нягань	Радужный	Когалым	Лангепас	Лянтор
Школа	3	1	2	1	6
Детсад	10	1	5	3	15
Музыкальная школа	1	1	-	-	1
Интернат для коренного населения	-	-	-	-	1
Больница	1	1	2	1	1
Поликлиника	1	1	1	1	1
Аптека	-	-	1	1	1
Дом культуры	2	1	1	2	2
Музей	-	-	-	-	2
Гостиница	-	-	-	1	1
Библиотека	2	-	1	1	3
Кинотеатр	-	-	-	-	-
Видеосалон	-	-	-	-	5
Спорткомплекс, спортивная школа, лыжная база	-	-	-	1	2
Дом быта	1	1	1	1	1
Баня	-	1	Несколько – на 245 мест	1	13
Прачечная	-	1	-	1	1
Магазин	36	6	24	5	20
Общественная столовая	10	5	54	3	56
Хлебопекарни и кондитерские цехи	5	1	3	-	5

Источник: ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6860. Л. 16-19; ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7004. Л. 50; ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7887. Л. 1-2; ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7844. Л. 94-96 (Составлено автором).

Приложение № 45

Обеспеченность объектами общественного назначения в 1981 – 1988 г., % к нормативу

Город	Год		
	1981	1986	1988
Сургут	43,8	46,7	52,0
Нижневартовск	29,0	49,0	48,4
Нефтеюганск	53,7	57,1	60,1
Нягань	-	34,6	45,8
Урай	73,7	75,7	68,8
Радужный	19,2	45,8	40,9
Когалым	38,1	38,9	39,0
Мегион	38,6	72,8	80,1
Лангепас	34,8	51,1	57,5

Источник: Гирштель А. Б., Ратманская М. М. Анализ обеспеченности населения городов региона ЗСНГК жильем и объектами общественного назначения // Проблемы проектирования и строительства в регионе ЗСНГК. – Науч. тр. ЗапСибЗНИИЭП. – Сургут, 1989. – С. 86-87.

Приложение № 46

Уровень благоустройства городов ХМАО на 1990 г.

Город	Показатели				
	Количество жилищного фонда обустроенного водопроводом, %	Количество жилищного фонда обустроенного канализацией, %	Количество жилищного фонда обустроенного центральным отоплением, %	Общая протяженность улиц, км	Протяженность освещаемых частей улиц
Ханты-Мансийск	77,7	70,8	79,4	95,3	57,4
Белоярский	100,0	100,0	100,0	33,1	3,9
Когалым	96,9	93,7	100,0	64,8	27,5
Лангепас	100,0	100,0	100,0	44,2	44,2
Мегион	96,9	94,2	100,0	30,4	23,7
Нефтеюганск	99,5	99,5	99,9	98,2	52,0
Нижневартовск	98,3	97,2	99,0	125,0	49,0
Нягань	88,9	86,7	90,7	50,8	39,8
Радужный	100,0	99,6	100,0	52,0	6,3
Сургут	99,4	98,8	99,3	196,0	83,3
Урай	97,3	96,7	99,2	52,6	31,4

Источник: Города Тюменской области. – Тюмень, 1996. – С. 43, 44, 49 (Составлено автором).